

История древней церкви. Том 1

Луи Дюшен

Глава I. Римская империя, как родина христианства

Средиземное море и древний мир. – Римская империя и ее соседи. – Евреи и их религия. – Римские провинции и городское управление. – Нравы, идеи, религия: мистерии, восточные культы. – Подготовка евангельской проповеди.

В дни появления христианства Римская империя мирно господствовала на всем побережье Средиземного моря. В общем мировом строе она занимала то же место, что Европа в наши дни, но она была более обособлена. Не говоря уже об Америке, существования которой тогда еще не подозревали, многолюдное население Китая, Индии и внутренней Африки не знало Средиземного моря и в свою очередь было неизвестно его народам. С этими почти сказочными в то время странами можно было бы, правда, сноситься по Нилу и по двум заливам, окаймляющим Аравийский полуостров и ведущим к Индийскому океану: как раз вдоль этих великих мировых путей возникли с самых древних времен цветущие государства, – Египет, Ассирия, Халдея, Сузиана⁶. Но несмотря на свое географическое положение, столь удобное для сношений с отдаленными странами, эти государства, по-видимому, почти всегда оставались замкнутыми со стороны востока и распространяли свои завоевания и свою цивилизацию к Средиземному морю: именно в этом направлении столкнулись они наконец с более молодыми народами, которым предназначено было остановить их распространение, положить конец их истории и сменить их в политическом владычестве над западной Азией.

В IV веке до Рождества Христова страны Нила и Евфрата объединились под властью персов, предприимчивого народа, завоевания которого достигли с одной стороны Эгейского моря и Дуная, с другой берегов Инда. Двести лет спустя Александр разрушил это непрочное царство и подчинил Восток грекам. Политическая организация, которой он пытался закончить свои блестящие подвиги, была на самом деле очень недолговечна,

но значение македонского завоевания состояло в том, что оно положило начало эллинизму⁷ на Востоке. В этих странах, имевших уже собственную древнюю и мощную цивилизацию, Александр ввел порядки, которые ожидала совсем иная участь, чем какая постигла его монархию. Правда Иран скоро вернул себе независимость, зажил обособленной от греческих государств жизнью и увлек за собой своих старых вассалов по Тигру и Евфрату. Но ни парфянским царям, ни их преемникам Сассанидам⁸, уже не удалось занять по отношению к Западу позицию Ассурбанипала и Дария. Всякому их распространению в этом направлении была поставлена преграда. Хотя они были свидетелями падения греческих государств, но место последних заступили римские легионы; и на долгие века граница была поставлена под их охрану. Став хозяином Италии, победив Карфаген и Грецию, Рим в 64 г. до Р. Х. разрушил царство Селевкидов; тридцать лет спустя он же захватил наследство Птолемеев⁹. Вся область Средиземного моря от Антиохии до Испании признала его власть. Цезарь присоединил сюда Галлию, Август раздвинул границы до Дуная, Клавдий – до Шотландии. На севере Рим имел перед собой лишь варварские племена, на западе его границей был Атлантический океан, на юге – пустыня. Лишь на востоке, со стороны реки Тигра и Армении, граничил он с другим государством, но столкновения римлян с парфянами ослаблялись целым рядом вдвинутых между ними мелких зависимых государств от Черного моря до Красного.

В одном из этих-то мелких государств, в Иудее, возникло христианство. Иудейство, которое ему предшествовало и его, подготовило, было первоначально религией небольшого народа, жившего в южном углу Сирии; народ этот составил из разных племен, объединившихся сначала в одно, а потом в два царства, которые просуществовали недолго и пали под ударами ассириян и халдеев. В момент гибели последнего царства (590 до Р. Х.), иудейская религия, постепенно очищенная под влиянием вдохновения пророков, сосредоточивалась вокруг национального святилища в Иерусалим. Здесь воздавали поклонение Божеству, как единому истинному Богу и Господу,

пред которым все прочие мнимые божества были лишь идолами и демонами. Израиль познал Его, как Творца и Зиждителя мира, он помнил, что связан с Ним особым древним договором, заветом. Творец мира Иегова был его Богом, как он в свою очередь был народом Иеговы. Отсюда очень высокое мнение его о своем достоинстве, о своем племени и призвании; отсюда его несокрушимая вера в свое предназначение и в Того, Кто ему предначертал его.

Храм был разрушен, династия истреблена, сам народ рассеян изгнанником по отдаленным странам. Израиль продолжал надеяться, не взирая ни на что, и надежда его не была обманута. Персы разрушили царство Халдейское, завоевали и разграбили ненавистный Вавилон и дозволили иудеям восстановить свое святилище, сплотиться вокруг него и даже укрепить Иерусалим. С национальной независимостью пришлось проститься, но евреи нашли утешение в том, что теснее скрепили узы, соединявшие сынов израильских с Иеговой и их самих в Иегове. Монархи, царствовавшие в Сузах, даровали им широкую местную автономию, которая была впоследствии сохранена и Птоломеями, и Селевкидами до тех пор, пока Антиох Епифан не возымел безумной мысли эллинизировать народ Божий. Защищая свою веру, народ поднял восстание, которое, увенчавшись успехом, привело к образованию самостоятельного государства, управлявшегося первосвященниками из рода Асмонеев, потомками героев борьбы за независимость. Постепенно эти первосвященники превратились в иудейских царей. Этот государственный порядок продержался около ста лет, вплоть до появления римлян. Помпей, покончив с царством Селевкидов и овладев Иерусалимом (63 г. до Р. Х.), в общем не изменил этого порядка. Антоний посадил на место последних Асмонеев авантюриста из местных уроженцев – Ирода, получившего прозвание Великого (40 г. до Р. Х.). С него начинается евангельское повествование. После его смерти (в 750 г. по основании Рима и в 4 г. до Р. Х.) его довольно обширное царство было разделено на три части: та часть, в которой находился Иерусалим, досталась его сыну Архелаю, владевшему ею до 6 г. по Р. Х., после чего он был

смещен и заменен прокураторами, которые непрерывно управляли Иудеей вплоть до великого восстания 66 года, за исключением трехлетнего промежутка царствования Ирода Агриппы (42–44 гг.).

Когда вспыхнуло восстание, христианство уже существовало, и проповедь Евангелия начала прокладывать ему пути. Но вначале она шла не на восток: лишь позднее христианство укрепляется в парфянском государстве; на первых же порах все его внимание было направлено на греческий мир и Римскую империю.

Несмотря на безобразия, разыгрывавшиеся в Риме, Римская империя обеспечивала мир, безопасность и даже свободу в том смысле, что она охотно поощряла развитие городских самоуправлений. Провинции, управлявшиеся одни по назначению сената ежегодно менявшимися проконсулами, другие от имени императора легатами-пропреторами, составлялись из группы округов, управлявшихся каждый выборными властями города, служившего метрополией округа. В тех странах, где городское устройство не было введено, самоуправление было организовано иначе. Чиновников было немного, если не считать заведующих сбором податей; суд, за исключением уголовных преступлений, – да и это исключение наблюдалось не везде, – оставался в ведении городских властей. Однако лица, пользовавшиеся правом римского гражданства, подлежали только римским судам. Одни лишь пограничные провинции содержали в своих пределах императорские войска; охрана внутреннего мира была отнесена к области местных дел и поручена городским властям. Эта либеральная организация не причиняла существенного беспорядка: были приняты меры предосторожности, чтобы власть над городами не выходила из рук обеспеченных классов; народная масса не имела никакого влияния на местное управление.

Мир процветал при таком порядке, греко-римская цивилизация быстро покоряла себе страны, где дотоле господствовали либо иной строй жизни, либо варварство. В деревне сохранялся еще прежний местный язык, – кельтский,

пунический, иберийский, иллирийский, сирийский, египетский, но в городах редко говорили на каком-нибудь языке, кроме греческого и латинского. Обширная сеть дорог связывала все части империи; по ним ходила императорская почта, ими же пользовались и частные лица. Само Средиземное море было широкой дорогой, безопасным и скорым путем сообщения. Так как сношения стали легче, они сделались более часты.

Однако в этом громадном теле было больше материальной жизни, чем умственной деятельности. Век Августа миновал; блеск поэзии и красноречия угас, ученые грамматик заступили место великих писателей. Сама философия была в упадке. Модные школы, эпикурейская и стоическая, почти не занимались метафизикой; те редкие умы, которые еще работали, как Сенека, отдавались вопросам нравственности. В Риме несколько благородных характеров, вроде Тразеи или Гельвидия Приска, служили живым протестом человеческой совести против тирании Цезарей и Флавиев и отголоском погибшей свободы. Но ни эта самоотверженная оппозиция, ни умозрительная философия не имели сколько-нибудь значительного влияния на римскую чернь или на массу населения в провинциях.

В деле религии высшие классы были настроены вообще скептически. От старинных култов Греции и Рима осталась лишь официальная обрядность. Старинная римская религия не заключала в себе почти ничего, кроме обрядов; отвлеченные боги ее были лишены образов, поэзии, иногда даже имени. Фантазия греков, напротив, сумела облечь в блестящие образы отвлеченные идеи первобытного натурализма, сделав из них сверхъестественных по силе, уму и красоте людей. Поэты воспевали подвиги и приключения этих обаятельных бессмертных существ, но из их пантеона не создалось никакой серьезной теологии, никакого вероучения. Правда, философия ухитрялась найти космогонический смысл¹⁰ в религиозных мифах, но таким путем она не столько объясняла их, сколько подрывала к ним доверие. Отвратившись от Олимпа предков, религиозное чувство ушло в мистерии, сулившие раскрыть вековые тайны, освободить плененную душу и обеспечить ей

счастье в будущей жизни. Но греческие таинства вовсе не привлекали простонародья; некоторые из них, чересчур угрожавшие нравственности, были уже запрещены или подвергнуты строгому надзору.

Завоевание Востока и Египта внесло новые религиозные элементы: со всех сторон вторгались культы шумные, опьяняющие, безнравственные, допускавшие на свои празднества без разбора мужчин и женщин, богатых и бедных, рабов и свободных. Из Египта перенесен был культ Изиды и Сераписа, из Сирии – Адониса и Астарты, из Персии культ Митры, из Фригии – Кибелы и Сабазия. Всюду возникли бесчисленные братства в честь этих новых богов, и поклонение им дало религиозному чувству пищу, которой оно не находило более в официальных церемониях.

Последние тоже потерпели видоизменение. В старинных национальных святилищах продолжалось разумеется отправление богослужения, но рядом со старыми богами появилось новое, более близкое и могущественное божество, которое стало для них опасным соперником. Я разумею культ Рима и Августа¹¹. Этот культ впервые появился в провинции при императоре Августе и распространился с необычайной быстротой. В каждой провинции уполномоченные от городов собирались ежегодно к храму, посвященному Риму и императору. Эти уполномоченные избирали из своей среды жреца, на которого в течение следующего года возлагалось отправление культа от имени провинции; он носил титул *flamen* (фламина), *sacerdos* (священник), *ἀρχιερεὺς* (первосвященник). Здесь с большой торжественностью приносились жертвы и справлялись общественные игры, затем, после поверки деятельности жреца, отслужившего свой срок, делегаты расходились. Кроме этих торжеств, справлявшихся целой провинцией, Рим и Август имели в большинстве городов своих муниципальных жрецов и храмы, а сверх того еще религиозные братства. Связанный с организацией городских муниципий и провинций, которые он соединял с верховной властью империи своего рода религиозными узами, этот культ вскоре стал важнейшей частью официальной религии.

Все эти религии, столь различного происхождения и содержания, существовали рядом, не исключая друг друга. Каждый делал свой выбор между ними по своему вкусу и удобству; допускалось служение всем культам, смотря по обстоятельствам. Перед христианством открылось не пустое пространство: ему приходилось искоренять в обращавшихся к нему душах не только привязанность к тому или иному особому культу, но и вообще известную склонность к языческим религиям, которые постепенно наслоились и переплелись в обыденном религиозном сознании человека.

Из всего сказанного можно заключить, что проповедь христианства встретила в современном ему состоянии Римской империи как благоприятные условия, так и препятствия. Среди благоприятных условий на первом месте надо поставить всеобщий мир, единообразие языка и состояния мысли, быстроту и безопасность сообщений. На философию христианство тоже могло смотреть, как на полезного союзника, в виду тех ударов, которые она нанесла старым преданиям, и ее неспособности взамен их создать нечто свое: о язычестве отцы церкви говорят языком Лукиана¹². Наконец, восточные религии, давшие кое-какую пищу религиозному чувству, не позволили ему умереть и помогли дожидаться возрождения чрез Евангелие. Но наряду с этими благоприятными обстоятельствами, сколько было препятствий! Рим скоро вступил на путь гонений; несколько раз предпринимал он борьбу не на живот, а на смерть с христианством. Рационалистический дух греческой философии с течением времени овладел догматической частью христианского учения и породил сотни разнообразных ересей. Что же касается народных культов, то хотя они и поддерживали до известной степени религиозное чувство, но не от них можно было ждать какого-либо содействия в борьбе с себялюбивыми и постыдными страстями, которые в народах, как и в отдельных людях, служат всегда главным препятствием делу спасения.

Глава II. Первобытная церковь в Иерусалиме

Иудейство в Римской Империи и в Палестине. – Ученики Иисусовы: их проповедь, их организация. – Савл Тарсянин. – Первые обращения язычников, склонных к иудейству.

«Спасение от иудеев», сказал Иисус самарянке. Эти слова дают внешнюю характеристику евангельской проповеди: ее исходная точка – в Иерусалиме; она дошла до язычников чрез посредство еврейских колоний, рассеянных по всей империи.

С тех пор, как миру были открыты пути сообщения, благодаря Александру и римлянам, иудейство стало выделять из себя колонии. Со времени пленения оно уже имело, вне своей колыбели – Палестины – важный центр в Вавилоне; однако последний почти не заслуживает внимания историка первобытного христианства. Совсем иное дело еврейская колония в Александрии, составлявшая около двух пятых населения этого большого города. Она дала миру, кроме филоновских¹³ толкований, каноническую книгу Премудрости и несколько важных апокрифических¹⁴ произведений. Впрочем, обращение в христианство Египта окутано глубоким мраком, и потому на этой колонии останавливаться тоже не приходится. В остальных частях империи главные города заключали в себе более или менее многочисленное еврейское население, занятое мелкой торговлей и стоявшее под охраной привилегий, несколько раз подтвержденных со времен первых преемников Александра. Сыны израильские собирались в синагогах слушать чтение и толкование Священного Писания, совершать общие молитвы и обсуждать духовные и светские дела местной общины. Эта религиозная организация основывалась, во-первых, на возможно полном обособлении от язычников, во-вторых, на вере в Бога Израилева, на мессианских чаяниях и на соблюдении Закона, которое, однако, было смягчено под влиянием окружающих условий и освободилось от узкого формализма, царившего в Иерусалиме.

В Палестине храм, как единое святилище религии Иеговы, сохранял могущественное обаяние. Священники, во главе которых стояла аристократическая партия саддукеев, отстаивали строгое соблюдение обрядовых предписаний, но роскошь, безнравственность и религиозный индифферентизм, которым кичились вожди духовного сословия, их угодливость по отношению к римским властям, их пренебрежение к мессианским чаяниям и к учению о воскресении мертвых, оттолкнули от них народ, а в некоторых даже подрывали до известной степени уважение к самому храму: из отвращения к ним люди уходили от официального святилища и его служителей, чтобы посвятить себя вдали от мира служению Богу и точному соблюдению Закона. Это движение воплощалось в секте ессеев, живших маленькими общинами по берегам Мертвого моря в окрестностях Энгадди.

Гонителями Иисуса Христа и его учеников были саддукеи-священники; что же касается ессеев, они продолжали существовать рядом с нарождающимся христианством, и если присоединились к нему, то лишь позднее. Фарисеи, столь часто обличаемые в Евангелии за их лицемерие, ложную набожность и своеобразные правила, не составляли отдельной секты: их именем вообще обозначали людей, тщательно соблюдавших Закон и не только Закон, но еще тысячи обычаев, которые они нагромодили на него, придавая им такое же значение, как и основным нравственным заповедям. Но за то они крепко держались надежды на пришествие Мессии и веры в воскресение мертвых; за их чрезмерной и самодовольной преданностью мелочным обрядам таились задатки глубокой веры и благочестия, давшие христианству многочисленных и верных последователей.

Как и при каких обстоятельствах возникло в религиозной атмосфере Палестины движение, которое привело к основанию церкви? Все сведения согласно указывают нам, как на исходный пункт, на группу лиц, живших в Иерусалиме в последние годы царствования императора Тиберия (30–37). Эти первые верующие исповедовали имя и учение Иисуса из Назарета, только что перед тем распятого, при прокураторе Пилате, по

наущению иудейских властей. Многие из них знали Его при жизни, все знали, что Он умер на кресте, все одинаково верили, что Он воскрес, хотя лишь часть их удостоилась Его явлений после воскресения. Они считали Его обещанным и ожидавшимся Мессией, Сыном Божиим, посланником свыше, который должен был восстановить в этом мире царство справедливости и обеспечить добру торжество над злом. Он обещал основать царство, царствие Божие, откуда злые будут изгнаны и куда будет обеспечен доступ всем, кто последует за Ним. Его смерть на кресте, правда, замедляла исполнение обещания, но оно должно было сбыться в недалеком будущем. Залогом этого была победа над смертью, одержанная воскресшим Учителем: Он воссел теперь одесную Бога, своего Отца, и должен придти снова, чтобы явить славу свою и основать свое царство.

В ожидании этого Его последователи занимались распространением благой вести, Евангелия, и умножали таким образом ряды избранных. Они жили в духовном единении: одна вера, одно ожидание тесно связывали их друг с другом. Во главе их стояли двенадцать человек, окружавших Иисуса в прежние годы и живших в постоянном близком общении с Ним; они восприняли от Него учение, которое распространяли во имя Его, и могли засвидетельствовать Его чудеса. Близость к Учителю не помешала им, правда, покинуть Его в критическую минуту, и не без колебания поверили они в Его воскресение, но теперь их убеждение стало выше всякого сомнения и всякого испытания, что не замедлило обнаружиться.

Эта первая кучка верующих оставалась глубоко проникнутой духом иудаизма. Между ними и набожными евреями не могло произойти раскола. Все, во что верили, на что надеялись, все обряды, какие выполняли искренно набожные люди их народа, – все это составляло равным образом предмет их веры, надежды и благочестивых упражнений: те, как и другие, посещали храм и подчинялись общим предписаниям Моисеева закона. Одно отличало христиан: для них Мессия не терялся в туманном будущем; они Его нашли, ибо Он уже

пришел и явил себя; они были уверены, что скоро вновь увидят Его.

Хотя в этом не было ничего, выходящего из круга еврейских идей и стремлений, однако нельзя сказать, чтобы такая надежда и та община, которая образовалась под влиянием ее, могли соответствовать желаниям или хотя бы остаться безразличными для еврейского священнического сословия. Объявлять себя последователем Иисуса, и в особенности выдавать Его за надежду Израиля, значило протестовать против казни человека, которого главари нации сочли опасным, виновным, достойным смерти. С другой стороны народное движение, проявления которого так сильно напугали первосвященника, возникало вновь под другим видом. Вместо шумных возгласов шла тайная проповедь; но твердых последователей видимо было уже больше, чем во времена Иисуса, число их прибывало с каждым днем, среди них зарождалась общественная организация; у них были руководители, именно те друзья, которых с самого начала привлек к себе Иисус в Галилее.

При таких условиях ученикам Христа трудно было избежать притеснений со стороны еврейских властей: они и начались, как это видно из книги Деяний¹⁵. Несмотря на арест и угрозы, апостолы смело нарушали запрещение и терпели бичевание и заключение в тюрьме, не давая себя этим застрашать. Впрочем священники не могли делать всего, что им угодно: прокуратор как видно, не обнаруживал готовности к новым казням. Но ученикам Христа пришлось пережить и тяжелую минуту: Стефан, один из первых обращенных, ревностный сотрудник апостолов, был обвинен в хуле на храм и Моисеев закон. Судя по речи его, переданной книгой Деяний, кажется, что его проповедь действительно отличалась особенной горячностью. Как бы то ни было, синедрион, набравшийся смелости, быть может, вследствие слабости прокуратора или же воспользовавшийся той минутой, когда эта должность оставалась еще незамещенной, вынес Стефану смертный приговор и побил его камнями по всем правилам традиции. Вслед за этим событием против верных были приняты суровые

меры, и испуганная община рассеялась на некоторое время. Страх, однако, не был продолжителен, и «церковь», как ее уже начинали называть, не замедлила возродиться.

Ее внутреннее устройство, по-видимому, было не особенно сложно. Вступление в нее совершалось чрез крещение, – символ приобщения к Иисусу, во имя Которого оно совершалось, и в то же время обращения, нравственного возрождения, к которому обязывался верный. Ежедневная общая трапеза служила выражением и скреплением общинной жизни. Здесь совершалось таинство евхаристии, как осязательное и таинственное напоминание о невидимом Учителе. В первое время потребность совместной жизни была так сильна, что верные дошли до общности имуществ. Отсюда развилось церковное управление: апостолы выбрали себе семь помощников, ставших первообразом диаконов. Немного позднее является промежуточный сан, совет старейшин (пресвитеров), которые помогают апостолам в общем управлении церковью и совещаются с ними.

Хотя эта первая христианская община быстро приобрела значительные размеры, но ей рано пришлось отказаться от надежды привлечь к себе всех палестинских иудеев. Ее проповедь натолкнулась не только на вражду духовных властей, но и на противодействие общественного мнения. Встретив отпор в Иерусалиме, учение стало распространяться вне его, как кажется, не столько по обдуманному плану, сколько под давлением обстоятельств. Бегство, происшедшее после смерти архидиакона Стефана, рассеяло по дальним странам многих верующих энтузиастов, которые разнесли «благую весть» по всей Палестине и за пределами ее, в Сирии, Финикии и даже на острове Кипре. В Галилее, первой родине Евангелия, вероятно сохранилась группа старых учеников; то же в Дамаске, в Аравийском государстве. При таких-то обстоятельствах и в это самое время нарождающаяся церковь приобрела самого неожиданного нового последователя – Савла из Тарса, ревностного и ученого блюстителя Закона, доселе яростного гонителя учеников Иисусовых. Обратившись в христианство вследствие явления ему Господа на дороге из Иерусалима в

Дамаск, он сперва присоединился к верным в этом последнем городе, а потом начал проповедовать в Аравии.

Как все первообращенные, Савл был кровный еврей, пропитанный, подобно своим соплеменникам, духом гордости и исключительности, руководившим ими во всех сношениях с чужеземцами. В этом тесном мирке само собою разумелось, что царствие Божие предназначено для народа Божия, для той привилегированной нации, на которую Бог излил столько милостей и, которой даровал столько обетований. Но так как народ Божий в общей массе показывал мало склонности вступать в ряды последователей Иисусовых, то у последних обнаружилось желание придать своей общине более широкое основание. Некоторые из тех, кого гонение заставило бежать из Иерусалима, обратились к людям, уже расположенным в пользу еврейской религии и до известной степени соблюдавшим ее, как напр. вельможа царицы Эфиопской или сотник Корнилий. Евангельская проповедь не миновала и самарян. Деяния рассказывают по этому поводу несколько замечательных случаев, хорошо рисующих положение. В этих рассказах чувствуется, даже когда это не выражено прямо, что такие обращения не обходились без затруднений: принятие в лоно церкви сотника Корнилия с его домочадцами вызвало у иерусалимских христиан настолько сильные возражения, что ап. Петр вынужден был защищаться ссылкой на божественное указание.

Описанные события и рост христианской церкви имели место между 30 и 42 гг., – вот все, что можно сказать по части хронологии, которая продолжает оставаться очень неопределенной для отдельных событий за недостатком надежных данных. В 42 г. в Иерусалиме вновь появился Иудейский царь, Ирод Агриппа, внук Ирода Великого, управлявший уже в течение нескольких лет тетрархиями Филиппа и Ирода Антипы (Зайорданская страна и Галилея). Водворенный в святом городе по милости императора Клавдия, он царствовал здесь три года. Это было трудное время для христианской общины. Агриппе был полный расчет подлаживаться к вождям священнической аристократии; он

сделал себя орудием их ненависти к ученикам Иисуса. Некоторые из них пострадали. Один из самых видных апостолов, Иаков, сын Заведеев, был обезглавлен, Петр был арестован; ему угрожала та же участь, от которой он спасся только чудом.

Но вскоре Ирод умер (44 г.), должность прокураторов была восстановлена, и христиане вновь обрели относительное спокойствие.

Древнее предание относит к этому времени рассеяние двенадцати апостолов, пребывавших до тех пор в иерусалимской общине. Оно может быть достаточно объяснено гонениями Ирода, направленными главным образом против них. Однако, несколько лет спустя¹⁶, Петр все еще находился в Иерусалиме.

Глава III. Антиохия и миссионерство апостола Павла

Иудеи-эллинисты. – Образование христианской общины в Антиохии. – Путешествие Савла и Варнавы в горные области Малой Азии. – Положение обращенных язычников: внутренние распри. – Ап. Павел в Македонии, Греции и Ефесе. – Его возвращение в Иерусалим. – Его положение в кругу христиан из евреев. – Его послания; его заключение под стражу.

В среде первобытного христианства самым преданным традиции, самым консервативным с еврейской точки зрения элементом были новообращенные из палестинских иудеев, говорившие на арамейском языке и потому совершенно недоступные внешним влияниям. Но встречались, и даже в самом Иерусалиме, евреи-выходцы из других стран, евреи по происхождению и по вере, но не по языку и месту рождения. Они были родом из еврейских колоний, давно уже осевших в греческих странах. В них сказывалось влияние среды, столь отличной от святого города. Несмотря на их привязанность к национальным преданиям и религиозным обрядам своей первоначальной родины, они слишком близко соприкасались с греческим миром, чтобы не сделаться хоть немного доступными взглядам, отличным от их собственных. С первых же дней часть их, жившая в Иерусалиме, примкнула к апостолам. Когда гонение рассеяло на время Иерусалимскую общину, некоторые из этих обращенных перенесли евангельскую проповедь в города финикийского побережья, на остров Кипр и в Антиохию. Среди уроженцев Кипра и Киренаики¹⁷ нашлись даже такие, которые отваживались проповедовать Евангелие антиохийским «эллинам», т. е. людям, которые, как ни были расположены к Богу Израиля, все-таки не принадлежали к обрезанным. Многие из них обратились, и таким образом возникло ядро антиохийской церкви, которая вскоре сделалась как бы вторым центром развития христианства и особенно евангельской проповеди.

Антиохийская церковь была организована Варнавой: кипрянин родом, он был одним из самых ранних и ревностных учеников первого призыва. Иерусалимская община, встревоженная сперва этим наплывом язычников, послала его в Антиохию с поручением уладить дело. Это был удачный выбор. У Варнавы было достаточно широты ума, чтобы понять положение и предвидеть будущность новой общины. Он привлек себе в сотрудники Савла, новообращенного гонителя, который незадолго пред тем вернулся к себе на родину в Тарс. Благодаря им, число верных возросло очень быстро. Именно в Антиохии ученики Иисуса впервые получили название христиан, т. е. последователей Мессии, или Христа¹⁸.

Отсюда было предпринято первое далекое путешествие с целью проповеди. Это дело тоже было поручено Савлу и Варнаве. Они отправились сперва на остров Кипр и прошли его весь от Саламина до Пафа, где проконсул Серий Павел, пораженный их чудесами, принял христианство. Оттуда они проехали в Малую Азию и провели долгое время в странствованиях по разным местечкам Памфилии, Писидии и Ликаонии. Они останавливались в городах, где были еврейские колонии, являлись в субботу в синагогу и начинали там свою проповедь. Последняя никогда не имела большого успеха у настоящих иудеев, но прозелиты, «люди, боящиеся Бога», т. е. язычники, более или менее признававшие иудейское единобожие, воспринимали ее охотнее. Среди них совершилось много обращений и даже среди язычников в собственном смысле, когда апостольская проповедь, изгнанная из синагоги, обратилась к ним непосредственно. По прошествии четырех или пяти лет проповедники возвратились в Антиохию; во всех городах, где они побывали, были основаны небольшие христианские общины, обособленные от общин еврейских, и отданные под руководство ими же поставленных старейшин, пресвитеров.

Савл, называвшийся теперь уже Павлом, и его спутник Варнава были радушно встречены церковью. Вызванные их проповедью обращения, а главное успехи, достигнутые ими среди язычников, конечно, возбудили величайший интерес.

Однако они остро ставили вопрос, который вероятно уже поднимался, в особенности в антиохийской церкви: на каких условиях следовало принимать этих новообращенных из язычества, или из среды иудейских прозелитов? Нужно ли было требовать от них исполнения всех религиозных обрядов, обязательных для кровных иудеев, и главное подвергать их обрезанию? Были люди, которые не разделяли этого мнения, и в особенности сами проповедники. Но неуклонное соблюдение закона нашло также многочисленных и влиятельных сторонников. Возникла распря, которую решили представить на суд апостолов и «старейшин» в Иерусалим. Из Антиохии была отправлена в святой город депутация, в которой приняли участие Павел и Варнава. Сперва им пришлось бороться с решительным противодействием, что и понятно было в такой среде. Однако лица, стоявшие во главе церкви, в особенности Петр, Иоанн и Иаков, «брат Господень», стали на сторону их мнения и дали ему перевес. По-видимому исходной точкой послужила та мысль, что как в иудействе прозелиты всюду встречались рядом с кровными иудеями, причем и те, и другие допускались в синагоги, так же точно и христианские церкви могли состоять из двух разрядов верных, равно принятых в лоно христианства, но неодинаково стоящих к иудейству. Об этом решении было сообщено антиохийской церкви в письме, которое отвезли ей два члена иерусалимской церкви: Иуда Варсава и Сила.

Казалось, все было улажено, но на деле было далеко не так. Потерпев поражение в принципиальном споре, иудейские ревнители строгого соблюдения закона обратились к второстепенному. Им не удалось помешать проповеди среди язычников и принять их в общину, – тогда они попытались отвести им в ней особое место. Одним из пунктов, на котором проявлялась во всей сил еврейская щепетильность, был вопрос о трапезе. Израильтянам старого закала претило вкушать пищу с необрезанными язычниками. Это было чрезвычайно важно для дела, так как главное, в чем выражалась религиозная жизнь христианской общины, была как раз общая трапеза. Раз верные одной общины не могли есть вместе, исчезало общение,

разрушалось единство. При таких взглядах образовалось бы не христианское братство, а религиозное общество, размежеванное на два слоя, как это было впоследствии в манихейской секте.

В Иерусалиме, где среда вся была еврейская, не чувствовали опасности. Дальновидный Павел приходил в отчаяние от того, что даже в Антиохии обрезанные обособлялись от необрезанных. Когда Петр прибыл в сирийскую столицу, Павел вначале склонил его на свою сторону и убедил принять участие в трапезе с необрезанными христианами. Но иудейская партия следила за главой апостолов. Из Иерусалима явились посланцы от Иакова, или выдававшие себя за таковых, и заставили его переменить свой образ действия. Его пример побудил многих изменить свое поведение: сам Варнава разошелся с товарищем своих апостольских трудов. Но Павел не сдался. Он открыто выступил против великого столпа церкви и в довольно резких выражениях упрекал его в непоследовательности.

Трудно сказать, каков был непосредственный местный исход этого столкновения. Несомненно одно, что взгляды Павла одержали в конце концов победу в строе христианского общества. Это было неизбежно. Обращенные из иудеев всюду, кроме Палестины, были и все больше оказывались в меньшинстве. Распространение христианства, получившее первый толчок от них, шло помимо них.

Павел посвятил остаток своей жизни на то, чтобы добиться этого результата. Он вскоре вновь отправился в Малую Азию уже не в сопровождении Варнавы, с которым был в несколько натянутых отношениях по случаю недавнего столкновения и по другим причинам¹⁹, а Силы, видного Иерусалимского христианина, проникшегося, очевидно, его воззрениями. Проходя Ликаонию, он привлек драгоценного сотрудника, Тимофея, у которого отец был «эллин», а мать еврейка. Он обрезал его, так как умел подчиняться требованиям обстоятельств и не хотел создавать себе ненужных затруднений. Фригией и Галатией он добрался до порта Троады в Мизии и оттуда переехал в Македонию; затем он пробыл

некоторое время в Филиппах, Фессалониках и других местах, морем достиг Афин, где пробыл недолго, и остановился наконец в Коринфе, где прожил 18 месяцев (53–54 г.). Таково было его так называемое второе миссионерское путешествие. Оттуда он направился морем в Ефес, где пробыл очень недолго, и через Кесарию Палестинскую возвратился в Антиохию.

Он недолго здесь оставался и вскоре предпринял свое третье путешествие. Пересекая Малую Азию с востока на запад, он прибыл в Ефес, где и поселился на три года (55–57 г.). Там он встретил двух старых римских христиан, Акилу и Прискиллу, у которых он уже останавливался в Коринфе во время своего предыдущего путешествия. По-видимому, Акила с женой не занимались проповедью. Однако, еще до прибытия Павла им случилось беседовать с одним александрийским иудеем, Аполлосом, который проповедовал Евангелие, но не знал другого крещения, кроме Иоаннова. У него были ученики, которые под влиянием Павла образовали первоначальное ядро ефесской церкви. Эта последняя стала развиваться, благодаря проповеди сперва в синагоге, а затем и в других местах. В это время не только Ефес, но и многие другие местности провинции Азии²⁰ слышали проповедь Евангелия. Наконец, апостол решил еще раз вернуться в Сирию, но предварительно хотел повидать свои христианские общины в Македонии и Ахайе²¹. Он перезимовал (57–58 г.) в Коринфе и следующей весной, проехав еще раз по Македонии и по побережью Азии, он наконец отплыл в Финикию и Палестину. К празднику Пятидесятницы (58 г.) он прибыл в Иерусалим²².

Павел возвращался в колыбель христианства после многих лет, потраченных на евангельскую проповедь в отдаленных странах, куда никто не проникал раньше его. Он усеял прочными и живучими общинами большую часть Малой Азии, Македонии и Ахайи. Благодаря ему в больших городах – Ефесе, Фессалониках, Коринфе и многих других – возникли свои церкви, исполненные веры, любви и одушевления. Легко догадаться, чего ему стоил такой результат; и сам он упоминает об этом в одном из своих посланий²³, где он перечисляет наряду с тягостями путешествия – голодом, жаждой,

нападением разбойников и кораблекрушением, – последствия своих столкновений с различными властями: бичевание, побивание камнями, избиение палками. В лице его апостол уже соединялся с мучеником. Никто столько не поработал, не перенес таких страданий за общую веру. Он нес матери церквей в Иерусалиме выражение преданности новых общин и большую милостыню, как знак их почтительной любви. Однако он вовсе не был уверен в том приеме, какой он встретит, и опасения, как оказалось вскоре, были вполне основательны.

Дух исключительности, на который десять лет тому назад натолкнулись вселенские стремления Павла, мог быть побежден в Антиохии; в Иерусалиме дело обстояло совершенно иначе. Апостолы давно покинули святой город. Все люди, сколько-нибудь способные здесь к восприятию более широких идей, по-видимому, последовали за ними, перебрались в Антиохию или занялись проповедью, стали миссионерами. Оставшись одни, старые консерваторы могли только еще больше укрепиться в своем направлении. Во главе их стоял Иаков «брат Господень», который еще во время пребывания апостолов пользовался большим уважением и управлял вместе с ними местной церковью. Это был человек общепризнанной святости, глубоко верующий, но очень привязанный к иудейским обычаям и нерасположенный делать уступки насчет их обязательности. В кругу его единомышленников смелые новшества Павла были скорее терпимы, чем признаны. Отсюда шли те влияния, которые на минуту разъединили антиохийскую общину и вызвали столкновение между Петром и Павлом. Отсюда же отправлялись по следам Павла в Малую Азию и Грецию разные агенты, которые пытались вернуть к чистому иудейству язычников или прозелитов, обращенных Павлом, и принудить их к обрезанию; а чтобы достигнуть этого, они старались подорвать личный авторитета апостола язычников.

В силу своих примирительных тенденций автор книги Деяний очень бегло упоминает об этих столкновениях и кризисах. Но к тому времени, о котором идет теперь речь, шесть посланий ап. Павла были уже в обращении. Они точнее передают события. В двух посланиях к фессалоникийцам,

писанных из Коринфа во время первого пребывания апостола в этом городе, еще ничего не говорится о противодействии со стороны ревнителей иудейства. Павел изливает свою душу перед излюбленными учениками; он напоминает им об испытаниях, которые им пришлось перенести со стороны евреев во дни первой проповеди Евангелия. Эти испытания не кончились: нужно уметь переносить их с кротостью. Он с радостью приветствует поведение и настроение фессалоникийцев, он гордится ими. Они охвачены ожиданием скорого пришествия Господа: апостол отвечает на их вопросы и старается их успокоить.

За этой идиллической перепиской следуют послания к коринфянам. Оба они свидетельствуют о каком-то несогласии, происшедшем между апостолом и его новообращенными. Последние подали ему своим поведением не один повод к жалобе, но что его еще больше огорчает, так это то, что среди них образовалось несколько школ, и что его авторитет подвергается сомнению. После него иные проповедники побывали в Коринфе. Они обнаружили более совершенное знание, чем он, но ведь он должен был ограничиваться начатками. Другие представили верительные письма, в которых выхвалялись имена и авторитет великих апостолов, в сравнении с которыми Павел был, по их словам, лишь второразрядный миссионер. Из всего этого возникло разделение коринфской церкви: есть в ней партии апостола, партия Павла; иные ссылаются на Петра, а другие на самого Христа.

Однако в этих посланиях нет еще ничего такого, откуда можно бы было заключить, что соперники апостола распространили в Коринфе юдаистические тенденции. Тон, которым он говорит об обрезании и об идоложертвенном²⁴, скорее заставляет думать, что Павел с этой стороны чувствовал себя совершенно спокойным.

Не то в Галатии. В этой стране, где Павел проповедовал уже в свое первое путешествие и где был с тех пор два раза, было несколько христианских общин, которые имели полное основание считать его своим руководителем по преимуществу.

Туда явились проповедники от иудействующих христиан; они объявили им, что Павел – апостол сомнительный, и что их спасение может быть обеспечено только обрезанием. Добродушные галаты дали себя убедить и обрезать. При этом известии Павел поспешил написать им пламенное послание, где его негодование на неосмысленность учеников боролось в нем с отеческой нежностью, которую он продолжал к ним питать. Павел не отличался терпеливым характером: иудействующим сильно достается в Послании к галатам.

Мысли, которые он изливает здесь довольно возбужденно в виду этих обстоятельств, повторяются в спокойном рассуждении Послания к римлянам²⁵. Оно было написано в Коринфе зимой, предшествовавшей возвращению Павла в Иерусалим.

Язычники и иудеи, все – грешники, одни под законом, другие вне закона. Иудеи не имеют иных преимуществ перед язычниками, как то, что состоят хранителями слова Божия. Спасение, оправдание, т. е. примирение с Богом, дается только верой. Это завет, положенный со времен Авраама.

Грех царствует от Адама, а грехом смерть. Таким же образом чрез Иисуса Христа, нового Адама, дается благодать, которая живет. Закон Моисеев, издревле бессильный, скорее созданный на то, чтобы вводить людей в грех, чем оправдывать их, теперь отменен и заменен законом Христовым, законом свободы, который состоит единственно только в обязанности следовать Христу.

Это богословское учение устраняет сразу все моисеево законодательство, отрицает не только его обязательность, но даже пользу. Закон ни к чему не служит, нет пользы быть иудеем. Здесь ап. Павел наталкивается сразу на существенный вопрос, каково теперь положение Израиля? Вопреки своему национальному чувству, еще очень сильному, апостол, но колеблясь, объявляет, что роль Израиля кончена или скорей прервана. Бог, разгневанный его неверием, отвратился от него; ныне обетование дается язычникам. Израиль подобен отломленной масличной ветви, на место ее привито язычество.

Впрочем, придет время, когда остатки народа Божия получать свою долю наследства.

Это воззвание, обращенное к римским христианам и сейчас же переданное в другие христианские церкви, вероятно, попало в Иерусалим до прибытия туда Павла. С точки зрения его врагов оно было вероотступничеством²⁶; он отвергал все: Закон, обрезание, иудейский образ жизни, достоинство народа Божия. Легко представить себе, какой прием ждал его в святом городе. Национальное чувство было в эту минуту очень возбуждено. Управление жадных и грубых прокураторов все более восстанавливало против империи этот непокорный народ. Священническое сословие, бывшее не в силах справиться с фанатизмом zelотов, чувствовало, что его авторитет падает; с трудом сдерживаемое возмущение бурлило непрерывно вокруг храма, восстание назревало. Разумеется, ученики Христовы, поглощенные своими собственными чаяниями, не увлекались в эти крайности; но как могли они сохранить сдержанность в этой яростно бушующей среде?

Встреченный друзьями, Павел посетил Иакова на другой день по приезде. Он нашел там совет старейшин в сборе, рассказал им о своих апостольских путешествиях, об основанных им церквях, и несомненно передал при этом деньги, собранные в пользу родоначальной церкви. Когда он кончил, его сперва поздравили, затем обратили его внимание на большое число обращенных иудеев²⁷, на их необыкновенную преданность Закону и на дурную славу, какой он сам пользовался среди них. Чтобы рассеять эти слухи, было только одно средство, именно – дать разительное доказательство, что его оклеветали и что он остался верным исполнителем Закона.

Павел, который ставил себе за правило быть всем ради всех, решился на такой исход. Вместе с четырьмя верными, давшими обет назарейства, он обрил себе голову, подвергся вместе с ними очищению по всем правилам обряда и совершил с ними в самом храме ряд особых благочестивых упражнений; последние должны были продолжаться семь дней и закончиться жертвоприношением. Автор Послания к римлянам, так решительно распроставшийся с моисеевым

законом, опять почувствовал всю тяжесть его на своих непокорных плечах.

Испытание близилось к концу, и Бог весть, что произошло бы, когда Павел вновь очутился бы перед теми, по требованию которых он подвергся ему, как вдруг события приняли неожиданный оборот. Если на Павла косо смотрели zeloty-христиане, то легко представить себе, какие чувства питали к нему zeloty, оставшиеся иудеями. Эти последние, увидев его в храме, подняли бурю. Ему угрожала смерть, но начальник римского гарнизона взял его под стражу, оградил от ярости фанатиков и для большей безопасности отправил его в Кесарию к прокуратору Феликсу. Там на него принесли формальную жалобу главари иудейского священнического сословия, но безуспешно. В конце концов, по его заявлению о своем римском гражданстве и о праве предстать перед судом самого императора, его отправили в Рим, продержав два года в Кесарии.

Таким образом Павел избежал внутренних смут и стал в положение защитника общей веры. Как Иисус, он был обвинен перед римскими властями своими же соотечественниками-евреями.

Эти последние, впрочем, пылали равной ненавистью ко всем христианам. Сам Иаков, иудействующий Иаков, глава иудействующей церкви, почувствовал на себе ее силу. В 62 г. первосвященник Анна-младший, воспользовавшись смертью прокуратора Феста, привлек его вместе с несколькими другими христианами на суд синедриона, как нарушителя Закона, и приговорил его к казни – побиению камнями, что и было приведено в исполнение.

Воспользуемся этой минутой вынужденного перерыва внутренних несогласий, чтобы дать себе отчет, каковы были с точки зрения христиан отношения между древней еврейской религией и новым элементом, внесенным в нее Евангелием.

Глава IV. Христианство апостольских времен

Исконная вера Израиля. – Закон Моисеев и вера в Иисуса Христа. – Влияние Библии. – Конец мира. – Личность Христа: Его божественность. Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель. – Христианская жизнь: отречение от мира, объединение в местные братства. – Религиозные собрания на подобие синагог. – Евхаристия, дары Святого Духа. – Устройство нарождающихся церквей.

Кто бы он ни был – чистый иудей или язычник, – всякий обращенный евангельской проповедью делался членом церкви чрез веру в Иисуса Христа.

Он верил, что Иисус – Мессия, которого ожидал Израиль, что Он умер и воскрес согласно тому, как это было предсказано в священном писании Иудеев²⁸. Его вера во Христа была как бы заключена в более обширном веровании, предметом которого было религиозное предание Израиля, какие бы ограничения или толкования ни вносил в него тот или иной проповедник. Самому горячему ученику апостола Павла, если только он оставался верен главной мысли своего учителя, не могло придти в голову представлять христианство, как совершенно новую религию. Закон Моисея можно было смягчить, но оставался Авраам, и с ним целый ряд фактов, лиц, верований, учреждений, которые устанавливали связь Евангелия с древнейшей историей, с происхождением мира и Богом, Творцом его.

Это многовековое прошлое воплощалось в глазах новообращенного в набожном народе, полном жизненности в своем центре – Палестине – и в своих колониях, разбросанных по греческому миру. Кроме того, оно было заключено в священной литературе, последние произведения которой принадлежали уже современности. Если смотреть на Ветхий Завет, как на хранилище воспоминаний древнего Израиля, то он кончается Иосифом, который описал читателям своего времени, в сущности главным образом христианам, ту катастрофу, в которой погиб иудейский народ. В последующее время евреи

скорее походят на отсталых и отколовшихся христиан; до него, наоборот, христиане были передовыми евреями.

Каковы бы ни были однако эти временные отношения, несомненно, что христианство имеет корни в еврейских преданиях, что первые потрясения в его истории можно сравнить с переломом, который наступает при разлуке ребенка с матерью, что на историю иудеев оно само всегда смотрело, как на предисловие к своей собственной, как на свой подготовительный период, что священные книги Израиля священны и для него, и что даже было время, когда у него других и не было вовсе.

В силу этого на присоединение к христианству должны были смотреть, и в действительности смотрели, как на слияние с Израилем, расширившим свой кругозор, но по существу оставшимся верным себе. Насчет этой верности, однако, мнения стали расходиться уже весьма рано. В I век иудеи главным образом заботились о своем национальном законе, христиане же были заняты своим Учителем и Основателем. Те из иудействующих христиан, которые отдавали предпочтение закону и допускали проповедь язычникам только в виде исключения, вскоре остались в стороне от общего движения; во II веке их причислили к еретикам. Те, которые позволяли язычникам пользоваться евангельской благодатью, но проводили черту некоторого неравенства между ними и иудеями, были вскоре вынуждены пойти дальше, и это не столько под влиянием именно ап. Павла, сколько в силу общего хода вещей. В конце концов необходимо было признать, что христианство по существу не допускает равенства между Моисеем и Иисусом Христом, что в основе его лежит Христос, а не синайский законодатель, что спасение в вере, а не в соблюдении Закона. Такова в общем, за исключением Палестины, была точка зрения, о которой свидетельствуют все послания апостола Павла, когда в них изображаются первые христианские общины в их нормальном состоянии, а не в минуты несогласий.

Что личные взгляды апостола шли дальше, это стоит вне всякого сомнения. Но, по-видимому, некоторые его теории не

нашли последователей, напр. его учение о «вводящей в грех» силе Закона. Не доходя до последних выводов Павла, вообще признавали, что Закон отменен, но что в свое время он мог иметь лишь благое влияние; за ним признавалось значение тени, благодаря которой ярче выступает новый свет Евангелия, или даже значение прообраза, несовершенного подобия, первого опыта.

Представлять себе бывших язычников ярыми врагами Закона, каким является ап. Павел в Послании к галатам, значило бы совершенно неверно понимать характер их христианских убеждений. Большинство первообращенных, которые носили название «христиан из язычников», были люди, сильно зараженные иудейством. Нужно иметь в виду, что и сам ап. Павел в некоторых своих речах конечно не вполне себя передает. Мы можем составить себе более точное понятие об его обычном образ мыслей, считаясь с тем, что церковь восприняла от него, а не останавливаясь исключительно на том, чем она пренебрегла, или что истолковала по своему.

Итак, в общем иудейское религиозное предание, Ветхий Завет, получило признание в христианском мире. Отсюда для новообращенных проистекало очень важное преимущество. В Библии они находили историю и какую историю! Она уходила вглубь времен гораздо дальше греческих сказаний, – я говорю о тех, которые оставались в пределах здравого смысла и не смешивали людей с богами. Переносясь за пределы македонян, персов, самих евреев, по крайней мере за пределы их государств, читатель Библии вступал в древнейшие области египетской или халдейской археологии и, что несравненно важнее, доходил до самого происхождения мира²⁹. Перед взором его из творческих рук Бога Всевышнего рождался мир; зло возникло из злоупотребления свободой; он видел, как род человеческий впервые расселялся по земле, и как возникали его первые учреждения.

Кроме этих величественных сказаний, в Библии было много и других повествований, обаяние и практическая польза которых скоро сделались очевидны. Достаточно бросить взгляд на памятники первобытного христианского искусства, чтобы

убедиться, какое плодотворное впечатление производили такие рассказы, как история Иова, Даниила, Сусанны, трех отроков в печи вавилонской. Пророческие книги свидетельствовали о чаяниях народа Божия; в них находили подробные указания на Мессию и на его царство; они оправдывали отмену жертвоприношений и других обрядов Моисеева закона. Даже из нравоучительных книг, наряду с практическими житейскими правилами, извлекались важные данные о предвечной Мудрости. Что касается книги псалмов, то едва ли нужно о ней распространяться: ее чудные молитвы всегда были на устах у христиан и легли в основу христианского богослужения.

Само собою разумеется, что принимая или скорее сохраняя в своем религиозном обиходе столь древние и разнородные книги, первые христианские общины принимали и сохраняли вместе с тем и способ пользования ими, какой был в обычае до них и вокруг них. Читалось ли Св. Писание публично на религиозных собраниях, служило ли темой для поучений, или материалом для полемики, оно всегда допускало толкование. Приемы этого толкования могли разниться, Смотря по общественной среде и книге, с какой имели дело, но в сущности все толкования сходились на том, что старались давать священным текстам Писания смысл, применимый к настоящему, независимо от того, соответствовал ли он мысли, которую усматривали в них в самый момент их возникновения. Все эти книги божественного происхождения; то, что в них содержится, является учением самого Бога, – этот общий принцип, много раз провозглашенный церковью, составляет самую основу веры в Священное Писание, какую исповедовали первые христиане и раньше их иудеи.

Предание Израиля давало пищу христианской мысли не только относительно прошлого: оно направляло ее к грядущему, в область чаяний. Не следует делать здесь слишком большого различия между Ветхим и Новым Заветом, между каноническими книгами и апокрифами. Все они свидетельствуют об одном настроении: мы близимся к концу мира, Господь грядет для воздаяния, Мессия не замедлит явиться или возвратиться. Несмотря на брошенные кое-где намеки,

свидетельствующие, что ап. Павел минутами освобождался от этой навязчивой идеи, надо однако признать, что она тяготела над умами первых поколений христиан.

Занятая началом иди концом мира, мысль первых последователей Христа постоянно возвращалась к их настоящему религиозному состоянию. Они были христианами благодаря Иисусу Христу потому что человек, называвшийся Иисусом, которого большинство не видало, призвал их к Себе. Этот человек умер и воскрес; воссев ныне одесную Бога, Он должен вскоре явиться вновь во всей Своей славе, и вступить в окончательную борьбу со злом. Кто был Он? Откуда явился этот религиозный вождь, полномочный представитель Бога на земле, судия рода человеческого? В качестве еврейского Мессии Он имел историю в прошлом: Он был предопределен Богом, провиден, предвозвещен, описан пророками. Одним из самых высоких Его наименований было – Сын Божий. Но по этому существенному пункту невозможно было держаться еврейских воззрений. Ап. Павел, Иоанн и автор Послания к евреям в своем учении явно перешли за их пределы, а это учение в свою очередь служило лишь выражением общего верования, еще не нашедшего себе точной формулировки, но глубокого и стойкого. Хотя Иисус в силу действительности Своей человеческой природы принадлежит к области видимого, однако по Своей внутренней сущности Он относится к области божественного, – каким образом, это должно было выясниться постепенно. Но существенная часть этого верования заложена была в душах христиан уже с первого поколения. Новый Завет от первой до последней книги служит его выражением; вслед за Новым Заветом вся остальная христианская литература первых времен, как православная, так и гностическая, предполагает тоже основное верование, признаваемое всеми и твердо опирающееся на предание.

Здесь в особенности нужно принять во внимание иудейское воспитание, через которое прошла христианская мысль. В сознании язычников понятие Бога не было строго определенным. Древние боги Олимпа имели предков, родословная их была известна, некоторые из них были лишь

обоготворенные герои. Македонским, и многим другим царям поклонялись как богам; императорам продолжали воздавать такое же поклонение. Одним богом больше или меньше, – это для язычника не составляло важности.

Совсем иначе дело представлялось уму, воспитанному на еврейских религиозных воззрениях. «Слушай, Израиль! Твой Бог, Бог Израиля – един». Этот догмат как современных, так и древних иудеев заключает в себе все, что есть самого глубокого и в то же время самого несомненного в их религии. Допустить божественность Иисуса Христа и Святого Духа значило допустить, что Они причастны самому существу единого Бога, что Они тождественны Ему, имея впрочем в то же время некоторые особенности.

Таково христианское верование в Троицу – не в том конечно виде, в каком оно было сформулировано впоследствии в противовес преходящим ересям, а в том, в каком оно проникало общее сознание христиан и требовало себе признания с их стороны. Общий уровень христиан первого века даже во времена апостолов находился в этом отношении приблизительно в том же положении, как и в наши дни. Богословы знают или по крайней мере говорят по этому поводу значительно больше, но здесь речь идет о религии, а не о богословских школах.

Однако Иисус не только Мессия и Сын Божий, Он еще Спаситель мира³⁰. Он примет верующих в царствие небесное, ибо они принадлежат Ему, – и они Его не только оттого, что веруют в Него и соединились в церковь, но и потому, что Он искупил их от некоторого духовного рабства. Он их Икупитель, Своей смертью на кресте Он приобрел право на них. Не следует думать, что эта мысль, на которой так часто и усиленно настаивал ап. Павел, была плодом его личных размышлений или – что легче допустить – особого вдохновения. С той минуты, как христианское общество открыло доступ в свою среду язычникам и самарянам, – а это движение началось не с апостола Павла – пришлось допустить, что главное в деле спасения не Закон, а вера, что соблюдение закона Моисея не только не приносило никакой пользы, если человек в то же время

не был учеником Христа, но что без первого можно было свободно обойтись, так как оно давало лишь второстепенное преимущество. Поддерживал ли этот вывод веру в искупление или, наоборот, сам был внушен ею, – ясно, что тут большой разницы нет. С другой стороны ап. Павел свидетельствует³¹, что, прибыв в Иерусалим после своего первого путешествия, он изложил руководителям церкви, Петру, Иакову, Иоанну и другим то благовествование, которое он проповедовал язычникам, «дабы не напрасно подвизаться», как он говорит. Спрашивается, что мог он им излагать, если не касался столь существенного пункта, занимавшего такое видное место в его проповеди? Так как он не встретил возражений, то надо думать, искупительное значение смерти Господа было с тех пор признано апостолами. Наконец, когда Павел пререкается с иудействующими противниками насчет силы Закона, каков его главный довод? «Если законом оправдание, то Христос напрасно умер»³². С какой стати было бы ему приводить такое доказательство, если бы иудействующие христиане не разделяли его веры в искупление?

Таким образом воспитание первых поколений христиан совмещало с значительным количеством заимствованы из иудейского религиозного предания совсем особые верования, которые, развиваясь далее, неизбежно должны были внести значительную разницу между обеими религиями.

То, что можно отметить в учении, столь же ясно обнаруживается и в учреждениях. Бросим беглый взгляд на устройство и жизнь христианских общин, которые возникали по всему эллинизированному миру под влиянием апостольской проповеди. Послания ап. Павла сообщают нам о них ценные сведения.

Переход в христианство был шаг, сопровождавшийся весьма важными последствиями; приходилось во многих отношениях быть отлученным от обычного строя жизни. Например, театры и вообще общественные игры, бывшие школами безнравственности, причислялись прежде всего к «гордыне» диавольской, от которой необходимо было отказаться. С таким же строгим осуждением относились к блуду.

Само собой разумеется, что приходилось порывать с идолопоклонством, но не всегда легко было избежать с ним соприкосновения: частная жизнь древних была так сильно проникнута религией! Брак и рождение, жатва и посев, принятие и отправление общественной должности, семейные праздники, – все давало повод к жертвоприношениям с возлияниями, курением фимиама и трапезой. По отношению к этой последней Павел допускал уступки. Он строго воспрещал всякое участие в торжественных пиршествах, справлявшихся в стенах храмов, но то обстоятельство, что данный кусок мяса взят был от жертвы, не составляло в его глазах решительного препятствия к употреблению его, лишь бы только оно никого не соблазнило. В этом проявлялось, меньше требовательности, чем на соборе 51 г. в Иерусалиме и в синагогах по отношению к прозелитам.

Отрешившись от язычества, христиане должны были жить во взаимном общении. Каждая церковь представляла вполне сложившееся общество, члены которого, конечно, оставались в зависимости податной и юридической от города и государства, но должны были избегать обращаться с своими взаимными спорами к какому-либо иному суду, кроме суда своей общины. Браки заключались только между единоверцами. Брак, заключенный до обращения, если перешел в христианство только один из супругов, расторгался не иначе, как по просьбе стороны, остававшейся в язычестве. За исключением этого случая, развод был строго запрещен. Полное целомудрие пользовалось почетом и даже рекомендовалось в виду близкого конца мира, но не было нисколько обязательными. В обыденной жизни христианин должен был повиноваться властям и господам, если он был рабом; праздность порицалась, требовались честность и услужливость во взаимных отношениях, радостный дух, проистекающий от чистого сердца, милосердие и в особенности гостеприимство.

Религиозная жизнь очень напоминала порядки синагоги. Собирались вместе, чтобы молиться и читать Священное Писание, в котором особенное внимание обращалось на прекрасные примеры праведников. Специально христианскими элементами в этом первоначальном культе была евхаристия и

харизмы, необычайные дары Св. Духа. Таинство евхаристии совершалось по вечерам после скромной трапезы (агапы), которую вкушали вместе; в ней таким образом воспроизводили вечерю Господню накануне Его страданий. Что касается проявлений Св. Духа, они обнаруживались в разнообразных формах: то в исцелениях и иных чудесах, то в видениях (ἁποκαλύψεις), то в «восхищении духа», которое изливалось в проповеди о таинствах веры или о нравственных обязанностях (λόγος γνώσεως, λόγος σοφίας, πίστις). Самыми замечательными были дар пророчества и дарование языков. Пророчеством называлась способность узнавать сокровенное, особенно тайны совести³³. Этот преходящий дар не должно смешивать с пророческим служением, которое несли некоторые лица апостольских времен, напр. Иуда Варсава, Сила, Агав³⁴, и даже позднейшего поколения, как дочери ап. Филиппа, Аммия, Кодрат и другие, о которых речь ниже. Равным образом, дарование языков, благодаря которому апостольскую проповедь в день сошествия Св. Духа могли понять люди разных национальностей не имеет ничего общего с глоссолалией, описанной в I Послании ап. Павла к коринфянам. В последнем случае ни сам говоривший, ни слушатели его не понимали, что он говорит; связь между ними, или скорее между присутствующими и Св. Духом могла быть установлена только чрез посредство вдохновенного толкователя. Однако и помимо всякого толкования, в странных звуках, исходивших с уст говорившего, уже по одному тону можно было различить молитву, хвалу и благодарение.

Эти сверхъестественные явления, конечно, должны были поражать умы и поддерживать воодушевление первых христиан. Но злоупотребление легко вкрадывалось сюда; самое пользование дарами Св. Духа могло повлечь за собой нежелательные последствия, раз оно выходило из разумных границ. Коринфская церковь существовала всего четыре года, и уже Павлу пришлось вмешаться, чтобы подчинить известной дисциплине вдохновение ее членов. Злоупотребления скоро обнаружились даже в совершении таинства евхаристии. Приходилось по возможности упрощать трапезу, которая была

как бы ее первой частью; позднее трапезу отделили от литургии и наконец почти совершенно упразднили. Церковное поучение заступило место первоначальных проявлений «слова мудрости». Видения, пророчества, чудесные исцеления, разумеется, не могли исчезнуть совершенно, но так как они были не совместимы с правильным богослужением, то постепенно исчезли из него.

В посланиях апостолов мы не находим никаких подробностей относительно обрядов при присоединении к церкви, которые однако уже довольно рано приняли вполне определенную форму, с глубоким содержанием. Павел предоставлял выполнять этот обряд своим сотрудникам³⁵. Некоторые обращенные, не довольствуясь собственным крещением, крестились еще за своих умерших друзей и родных³⁶.

Среди даров Св. Духа нужно отметить те, которые имеют отношение к внутренней организации общины³⁷. Апостол Павел говорит о тех членах церкви, которые работают на нее, руководят и поучают, и об обязанностях верных по отношению к ним; упоминает о даре управления, даре вспоможения³⁸; скоро появились служения епископов, диаконов, пресвитеров. Но вначале действительная или высшая власть остается еще в руках проповедников Евангелия, основателей церквей. Они имеют несравненно высшее значение, чем те новообращенные, к услугам которых они прибегают на местах в деле устройства общинной жизни во всех ее подробностях.

Собрания христиан обыкновенно происходили в частных домах, особенно в тех просторных помещениях верхних этажей, которые всегда было в обычае устраивать на Востоке. Люди этих стран умеют устраивать собрания даже в тесноте. Собрания происходили вечером и часто продолжались всю ночь. Наряду с еврейской субботой уже с ранних пор воскресенье посвящалось богослужению.

Нередко ставился вопрос, не были ли первые христианские общины в греческих областях организованы по образцу языческих религиозных обществ. Между ними есть некоторое сходство, напр., в порядке приема членов; подобно

товариществам общих трапез, дионисовым братствам и иным религиозным корпорациям, христианские церкви допускали безразлично иностранцев, рабов, женщин; посвящение сопровождалось выполнением известного обряда, скоро приобретшего внушительный характер; были установлены священные трапезы. Но эта аналогия довольно поверхностна. Даже не обращая внимания на разницу в содержании верований и нравственных предписаний, оставляя без внимания разницу в самых формах поклонения божеству, которые у язычников всегда связаны с храмом, идолом и жертвой, мы видим коренное различие в обосновании и передаче духовной власти. Руководители языческих корпораций всегда пользуются своей властью лишь временно, обыкновенно в течение годового срока, между тем как христианские диаконы и пресвитеры остаются в этом звании пожизненно. Полномочия первых зависят от общины, которая их назначила, и по отношению к которой они являются лишь исполнителями; последние, напротив того, говорят, действуют, управляют во имя Бога и апостолов; они их помощники и представители.

Впрочем, немного нужно исторического чутья, чтобы понять, что первые церкви, состоявшие из бывших членов синагоги, должны были руководиться ее примером, и что апостолы-проповедники Евангелия, жившие более или менее продолжительное время среди иерусалимских и антиохийских христиан, распространяли уже установившиеся обычаи и традиции. Не было никакой надобности перенимать у языческих учреждений форму организации, которая уже была налицо. К тому же глубокое отвращение к язычеству препятствовало каким-либо заимствованиям подобного рода.

В общем христианские общины организовались приблизительно так же, как еврейские синагоги. Как последние, они составляли религиозные общества, основанные на единстве веры и надежды, но веры и надежды, которые не признавали уже никакого различия расы и национальности. Как и синагоги, христианские общины старались оградить себя от всякого опасного соприкосновения с языческими учреждениями и обычаями: общественная жизнь, которую они создали для своих

членов, отличалась напряженностью и в то же время кротостью, а управление, почти законченное во всех частях, имело общую кассу, суд и благотворительные учреждения. Даже в отправлении богослужения сходство было еще очень велико: в синагоге, как и в церкви³⁹, совершали молитвы, читали Библию и толковали ее; церковь прибавила к этому только евхаристию и дары Св. Духа. В это первое время аналогия шла еще дальше. Подобно тому, как евреи всех стран смотрели на себя, как на братьев по Аврааму, Исааку и Иакову, так же и местные общины очень живо чувствовали свою братскую связь в Иисусе Христе. И евреи и христиане одинаково обращали свои взоры к Иерусалиму, который и в тот исторический момент, о котором идет речь, еще оставался сердцем христианства, как и иудейства. Но в то время как взоры евреев обращались к храму, средоточие их воспоминаний и надежд, мысль христиан неслась к месту, где был водружен крест их Учителя, где живы еще были свидетели Его воскресения и откуда явились к ним апостолы, по слову которых повсюду стал нарождаться избранный народ Нового Завета.

Глава V. Происхождение Римской церкви

Еврейская колония в Риме. – Акила и Прискилла. – Послание к римлянам. – Павел в Риме. – Первые христиане римской церкви. – Петр в Риме. – Пожар 64 г. и гонение Нерона.

Еврейские цари из дома Асмонеев рано вступили в сношения с Римом. Несомненно, что благодаря им и возникла еврейская колония в Риме. Взятие Иерусалима Помпеем (63 г. до Р.Х.) вызвало сразу сильный прилив ее населения⁴⁰. Победитель выбросил на римский невольничий рынок огромное количество военнопленных. Проданные сперва в рабство, затем отпущенные на свободу, они уже со времен Августа и даже раньше составляли значительную группу, поселившуюся за Тибром⁴¹. Эта колония не пользовалась, по крайней мере прямо, привилегиями вроде тех, какие прежние македонские цари или римские полководцы даровали стольким еврейским общинам на греческом или эллинизированном Востоке. Тиверий не нарушил никаких обязательств, когда выслал их из Рима в 19 г.⁴²; они уже тогда были так многочисленны, что 4000 чел. из них были посланы на о. Сардинию сражаться с варварами. Эта мера, внушенная Сеяном, была вызвана одним случаем обращения в иудейство, который показался уж чересчур выгодным для еврейской колонии. После падения этого временщика (31 г.) строгости ослабели. Когда Филон приехал в Рим защищать перед Калигулой интересы александрийских евреев (40 г.), римские иудеи уже вернули себе свое прежнее положение. В следующем году (41 г.), или немного позднее, имп. Клавдий особым указом распространил на них веротерпимость⁴³, однако, потом нашел нужным принять против них репрессивные меры.

К этому именно времени относятся первые следы христианства в истории еврейской общины в Риме. Деяния апостольские и историк Светоний единодушно свидетельствуют о том, что евреи были изгнаны из столицы. По рассказу Диона Кассия, полиция, найдя полное изгнание неудобноисполнимым, удовольствовалась тем, что запретила собрания⁴⁴. Но

несомненно, что были и случаи высылки: в 52 г. ап. Павел встретил в Коринфе еврея Акилу и его жену Прискиллу, которые переселились туда вследствие указа Клавдия. Акила был родом из Понта; и он и жена его уже исповедовали христианство. Эта подробность вполне совпадает с тем, что Светоний говорит о причине высылки: «*Judaeos impulsore Chresto assidue tumultuantes Roma expulit*» («изгнал из Рима евреев, упорно производивших беспорядки по подстрекательству Христа»)⁴⁵. Итак, в Риме происходили беспорядки, вызванные евангельской проповедью, беспорядки, сходные с теми, какие по свидетельству книги Деяний происходили; в Иерусалиме, в Малой Азии, в Фессалониках, в Вери, в Коринфе, в Ефесе. По рассказу Деяний, когда Акила и Прискилла принимали в Коринфе ап. Павла, они только что прибыли из Италии; таким образом эдикт о высылке и беспорядки, которые дали повод к нему, относятся к 51 или 52 г.

В истории римской церкви это – первое известное нам событие, первое хронологическое указание, какое можно установить. Насколько позволяют судить аналогии, эта дата должна быть довольно близка ко времени первой проповеди Евангелия в римском обществе: Деяния всегда изображают крупные волнения в еврейских общинах, как немедленное следствие первой апостольской проповеди. Когда ап. Павел писал свое Послание к римлянам, не позднее 58 г., церковь некоторое время уже существовала там, и Павел уже много раз собирался ее посетить⁴⁶.

Чья рука бросила божественное семя в эту почву, где ему суждено было принести такой роскошный плод – этого мы никогда не узнаем. Предположение, что ап. Петр был в Риме уже в первые годы царствования Клавдия (42 г.) или даже при Калигуле (39 г.), слишком слабо обосновано, чтобы историк мог под ним подписаться. Ничто не доказывает, чтобы римские евреи, присутствовавшие на празднике Пятидесятницы во время сошествия Св. Духа, были обращены в христианство, и главное, чтоб они распространяли его; сотник Корнилий, которого Петр обратил в Кесарии, не может считаться непременно уроженцем Рима; нам неизвестно, какие

последствия имело для распространения христианства обращение проконсула о. Кипра Сергия Павла⁴⁷.

Пусть тайна скрывает от нас происхождение римской церкви; ограничимся замечанием, что когда ап. Павел обращал к ней свое послание (58 г.), она не только пережила кризис, сопровождавший ее появление на свет, но уже организовалась, насчитывала множество членов, была известна, даже знаменита своей верой и своими подвигами.

Она уже в то время пользовалась таким значением, что апостол язычников не находил возможным созидать на чужом основании⁴⁸ и взять на себя обращение к истинной вере римского общества, – поприще, самое значительное и самое соблазнительное для его апостольского рвения. Его единственным желанием было насладиться общением с нею на пути в Испанию, когда он отправится туда с своей проповедью, а также несколько пополнить религиозное ведение, уже полученное римской паствой. Идеи, которые он ей излагает и которые, по-видимому, уже были сообщены и другим церквям, способ их изложения, практические увещания, которыми он их сопровождает, дают нам понять, из каких элементов слагалась молодая община. Как и большинство прочих, она возникла вследствие раскола в местном еврействе. Часть настоящих иудеев, вероятно еще большее количество полуобращенных язычников («боящихся Бога – φοβούμενοι τὸν θεόν»), вовлеченные в него, образовали новое общество, в котором они дружно жили, – первые имея мало надежды на то, что за ними последует много соотечественников, последние с видами на будущее евангельской проповеди.

Эта почва была совершенно подобна той, на которой в продолжении 12 лет работал Павел. Положение римской церкви было одинаково с положением антиохийской, если оставить в стороне кратковременное пререкание между Павлом и Петром; таково же было оно и в церквях галатийских, македонских, греческих, азийских, пока иудействующая антипропаганда не внесла в них смуты. Нет возможности в какой-либо определенный момент точно установить пропорции иудейско-христианских и языческо-христианских элементов, входивших в

состав римской церкви. Одно несомненно, что после разрыва с синагогой для проповеди открывалась лучшая, даже гораздо лучшая будущность среди язычников. Однако никакой борьбы еще не возникало. Иерусалимские фанатики здесь еще не появлялись; вопросы, поднятые ими в Галатии и в других местах, не выдвигались еще в Риме.

Каково было течение событий в последующие годы? Павел, заключенный под стражу в Иерусалиме и задержанный в течение двух лет в Палестине, должен был отсрочить предполагаемое путешествие в Испанию. Прибыв под стражей в качестве обвиняемого перед судом императора в Италию (61 г.), он нашел в Путеолах христиан, которые оказали ему хороший прием; римские же христиане вышли ему навстречу на Аппиеву дорогу.

Тотчас по приезде⁴⁹ он устроил себе свидание с знатнейшими из иудеев (τοὺς ὄντας τῶν λουδαίων πρῶτους) Рима и начал им проповедовать Евангелие, как будто они его еще не слыхали. Результат был таков, какого и следовало ожидать: несколько человек приняли христианство, главари же оказали упорное сопротивление⁵⁰.

Заключение Павла продолжалось два года. Одно только из его тогдашних произведений, Послание к филиппийцам, бросает некоторый свет на то, что делалось вокруг него. Выходцы из Иерусалима в свою очередь добрались, наконец, до Рима; Евангелие было возведено не только друзьями, но и врагами апостола. Сам он обращал на себя большое внимание в «претории». В общем его пребывание в Риме было скорее полезно распространению христианства; христиане имели вид скорей бодрый, чем подавленный. Этот успех смягчал для него чувство горечи, внушаемое противодействием иудействующих, которых не обезоруживали даже оковы, влачимые Павлом за общую веру.

Наконец его дело было назначено к слушанию. Как римские прокураторы Феликс и Фест, как сам царь Агриппа II, императорский суд также не признал за Павлом никакого проступка, заслуживающего казни или тюремного заключения.

Выпущенный на свободу, он несомненно воспользовался ею, чтобы отправиться в Испанию, где христианство, по-видимому, обязано своим происхождением его апостольской проповеди⁵¹. Он посетил также свои христианские общины по берегам Эгейского моря; важные указания на это последнее путешествие мы находим в так назыв. Пастырских посланиях к Титу и Тимофею.

Некоторые из членов первобытной римской церкви известны нам по крайней мере по своим именам. Раньше, чем прибыть в Рим, Павел уже имел там много друзей; в конце Послания к римлянам он шлет поименное приветствие двадцати четырем лицам: Акиле и Прискилле, с которыми он встречался уже в Коринфе и в Азии, где они оказали ему крупные услуги, и вокруг которых в Риме собиралась небольшая группа христиан, или домашняя церковь; Епенету, самому первому последователю Христа в Ахайе; Марии, которая в Риме много поработала для веры; Андронику и Юнии, прославившимся между апостолами и обратившимся ко Христу раньше самого Павла; Амплию, Урбану, Стахию, Апеллесу, Иродиону; Трифене, Трифосе и Персиде, трем добрым труженицам о Господе; Руфу и его матери, Асинкриту, Флегонту, Ерму, Патрову и Ермию, которые также составляли с некоторыми другими особую группу; Филологу, Юлии, Нирею и сестре его, Олимпану и другим с ними, наконец двум кружкам, – Аристовула и Нарцисса. Это последнее имя без сомнения принадлежит знаменитому вольноотпущеннику имп. Клавдия, тогда как Аристовул был внук Ирода Великого, живший в Риме в отличных отношениях с тем же императором. Выражения Павла «из домашних Аристовула, Нарцисса» дают основание думать, что дело идет о кружках верующих из среды клиентов или домашней прислуги этих богачей⁵². Обращаясь к филиппийцам с посланием из Рима, Павел между прочим посылает им приветствие от верующих из «кесарева дома». Позднее в заключении II послания к Тимофею упоминаются имена еще четырех римских христиан: Еввула, Пуда, Лина и Клавдии.

Этот Лин должно быть то самое лицо, имя которого стоит во главе списка римских епископов. Имена Пуда и Прискиллы

встречаются в легендах, лишенных достоверности. Однако в Риме уже в IV веке была церковь Пуда и другая Приска или Прискиллы. Это последнее имя было связано с самым древним римским кладбищем, и на этом кладбище сохранялись могилы Пуда и Прискиллы. На Ардейской дороге нашли христианскую усыпальницу, украшенную живописью эпохи Антонинов, если еще не более древней, и носящей имя некоего Амплия⁵³.

Около того времени, когда ап. Павел был освобожден, ап. Петр прибыл в Рим. Может быть он и раньше бывал здесь; это возможно, но доказать этого нельзя. Не уцелело никакого свидетельства об его апостольской деятельности в этой среде. Дошедшие до нас под его именем писания, канонические и иные, не содержат никаких сведений об этом.

Но самый факт его пребывания в Риме имел такие последствия и вызвал столь серьезные споры, что стоит отдать себе отчет в основаниях, которые его подтверждают.

Со второй половины II века мы встречаем точное и общераспространенное предание об этом. Достаточно сослаться на Дионисия Коринфского в Греции, Иринея в Галлии, Климента и Оригена в Александрии, Тертуллиана в Африке. Что касается самого Рима, то около 200 года Кай указывает там могилы апостолов⁵⁴. С III века, отстаивая свой авторитет, папы начинают говорить о себе, как о преемниках ап. Петра; это преемство ни кем не оспаривалось. Когда только речь заходила о преданиях апостольских времен и о правах, которые на них основываются, весь христианский мир признавал, что римская церковь – церковь апостола Петра: там он скончался и оставил после себя свою кафедру. Все препирательства между Востоком и Западом не касаются этого пункта, и это особенно замечательно для обстоятельства, имевшего такие важные последствия.

Но проследить его можно гораздо далее конца или даже середины II века. В своем Послании к римлянам⁵⁵ св. Игнатий Антиохийский имеет в виду римское апостольское предание и доказывает этим, что оно было уже известно и признано в Азии и Сирии. Уговаривая римских христиан не препятствовать его мученичеству, он продолжает: «Я не повелеваю вам, как Петр и

Павел: те были апостолами, а я только осужденный». Эти слова не равносильны утверждению, что Петр был в Риме, но если бы было так в действительности, то Игнатий не мог бы выразиться иначе; если же предположить, что Петр не был в Риме, то весь ход мысли Игнатия лишен основания.

Впрочем нельзя думать, что смерть ап. Петра была событием мало известным и скоро позабытым церковью. Не говоря уже о намеках на него, которые находят в Апокалипсисе и в Послании к евреям, последняя глава четвертого Евангелия⁵⁶ содержит весьма прозрачное указание на мученическую кончину апостола. Чьему бы перу ни принадлежало это место Евангелия, несомненно, что человек, писавший его, жил во времена Траяна или очень недолго спустя.

В Риме воспоминания, естественно, были еще живее. Св. Климент⁵⁷ в своем известном отрывке о гонении Нерона упоминает об апостолах Петре и Павле наряду с Данаидами, Дирками и прочими жертвами, погибшими по случаю римского пожара. Обо всех их он говорит, как об одной замкнутой группе: все вместе они послужили для римлян и среди них (ἐν ἡμῖν = среди нас) великим примером мужества.

Даже сам Петр удостоверяет свое пребывание в Риме. Его послание⁵⁸ к малоазийским христианам заканчивается приветствием, которое он им посылает от имени вавилонской, т. е. римской церкви: это условное обозначение очень известно, хотя бы из Апокалипсиса.

Летом 64 г. страшный пожар истребил главные кварталы Рима. Может быть он не имел иной причины, кроме случайности, но общественное мнение единодушно обвинило Нерона в поджоге или по крайней мере в содействии распространению пламени. Чтобы отвлечь от себя подозрение, император свалил вину на христиан. Они были схвачены в большом количестве, наскоро осуждены и казнены. Нерону вздумалось превратить их казнь в зрелище: он устроил в своих ватиканских садах ночные празднества, во время которых несчастные, облитые смолой и объятые пламенем, бросали зловещий отблеск на ристалища цирка. Тацит, из которого мы почерпнули эти подробности, говорит об «огромном

множестве» (multitudo ingens). Из его слов ясно, что никто не приписывал пожара христианам; однако они все же пользовались дурной славой, их называли «врагами рода человеческого», ходили рассказы об их беспутной жизни; поэтому только вследствие ненависти к Нерону могли решиться проявить сострадание к христианам.

Такова точка зрения Тацита⁵⁹, который распространил здесь на христиан свое пристрастное и презрительное отношение к евреям. Остается незыблемым факт ужасных сцен в Ватикане и мученичества за веру множества христиан обоего пола, так как не щадили и женщин⁶⁰. Апостол Петр кажется действительно пострадал во время этих зловещих казней; могила его находилась на Ватикане, близ цирка Нерона, и предание относительно места его мученической кончины, как бы далеко мы ни восходили, приводит нас к тому же месту. Итак, мученичество его должно отнести к 64 г.⁶¹ Но нельзя сказать того же относительно ап. Павла. Он также в Рим обрел кровавый конец своего призвания, но ничто не доказывает, чтобы он был приговорен к смерти в связи с римским пожаром. Предание, которое вскоре утратило память о множестве мучеников 64 года, сблизило имена обоих апостолов и отнесло их кончину не только к одному и тому же году, но и к одному и тому же дню.

Как бы то ни было, когда остатки римской общины вновь могли собраться и организовать, юная церковь была уже освящена ненавистью Нерона, кровью мучеников и воспоминанием о двух величайших апостолах. Еще при их жизни она была в большой чести у христиан; Павел, столь мало щадивший своих коринфян и осыпавший такими упреками галатов и азийцев, римлянам расточал лишь похвалы; послание, с которым он к ним обратился и которое поставлено во главе его посланий в церковном каноне, было данью уважения апостола к их добродетелям. Что же касается ап. Петра, то факт, что римляне были его последними непосредственными учениками, давал им важное преимущество. Сейчас же вслед за ватиканскими ужасами началась (66 г.) иерусалимская трагедия. Христиане святого

города избежали гибели, постигшей их народ, только тем, что рассеялись. Еще некоторое время продолжали говорить об иерусалимской церкви, но она уже не находилась в Иерусалиме; этим именем обозначали ряд мелких общин, разбросанных по всей Палестине, в особенности на восток от Иордана; отрезанные от остального христианского мира, они все более и более замыкались в себе вследствие того, что говорили на своем семитическом языке и оставались непреклонными приверженцами Закона. Христианство утрачивало свое первоначальное средоточие как раз в тот момент, когда римская церковь достаточно созрела для того, чтобы заступить его место. Столица империи скоро сделалась метрополией для всех христиан.

Глава VI. Первые ереси

Религиозная пытливость и богословие первых христиан. – Послания к ефесянам и колоссянам. – Сеятели лжеучений. – Иудейский трансцендентализм. – Христология ап. Павла. – Ереси по данным Пастырских посланий и Апокалипсиса. – Николаиты и керинфяне. – Ереси по данным посланий св. Игнатия.

По первым посланиям ап. Павла видно, какой свободой пользовалась тогда Евангельская проповедь. Миссионеры шли по внушению Св. Духа то в страны, еще не слышавшие евангельской проповеди, то в города, где уже были христианские общины. Павел воздерживался от последнего: он поставил себе за правило «не созидать на чужом основании»; если он довольно долго пробыл в Риме, то это было против его желания. Но не все были так щепетильны. Отсюда возникали столкновения между лицами, между разными авторитетами, даже между учениями. Доктрина, внедряемая вначале, была разумеется очень проста: как я старался показать, она вмещалась в рамки еврейского религиозного мирозерцания. Но ревность первых христиан была слишком пылка, чтобы оставаться в бездействии. В области мысли она проявила себя в ненасытной жажде познания. Второе пришествие Христа, его время, условия и последствия, образ и продолжительность, чуть не местоположение его царствия, – все это в высшей степени возбуждало любознательность и вызывало то напряжение умственной деятельности, о которой свидетельствуют Послания к фессалоникийцам. Когда покончили со спорами об обязательности Закона и о взаимных отношениях ветхого Израиля и новоявленной церкви, личность ее Основателя в свою очередь заняла умы. Как существовал Он раньше появления в мире? Какое место отвести Ему между небожителями? В каких отношениях находился Он прежде и находится теперь к тем таинственным силам, которые отчасти библейские предания, но особенно умозрения еврейских школ⁶² ставили между миром и бесконечно-совершенным Существом?

Как эти, так и другие вопросы вызывали разъяснения, которые нарастали, наслаивались на первоначальное зерно христианского учения. Это то, что ап. Павел назвал надстройкой (ἐπικοδομή) из которой истекает высшее знание (ἐπίγνωσις). Он допускает это дальнейшее развитие религиозного учения и даже сам усердно работает в этом направлении. Но он не скрывает от себя, что есть разные способы развития первоначального учения и что, под предлогом дополнения, его легко можно исказить⁶³.

Это именно и случилось в азийских церквях, как доказывают послания ап. Павла, обращенные к ним из римского заточения. Я говорю о Посланиях к ефесянам и колоссянам, Первое имело, по-видимому, характер окружного послания, отдельные экземпляры которого были разосланы в разные церкви. Оно не включает в себе никаких местных указаний. Напротив, в Послании к колоссянам точно названы те, кому оно предназначалось. Его сопровождает короткая записка, Послание к Филимону.

Эти послания переносят нас в пограничную область между Фригией и старинными областями Лидии и Карики. Три крупных города – Иераполь, Лаодикия, Колоссы – расположены были здесь на небольшом расстоянии друг от друга по долине Лика. Павел лично не проповедовал в этой части Азии; однако его признавали здесь авторитетом, духовным главой; вероятно он посылал сюда кого-либо из своих сотрудников. Пока он был в узах, его посетил Епафрас, один из главных церковных деятелей этой области, и осведомил его о положении дел внутри этих общин. Павел решил написать те два послания, о которых я уже упоминал; приводимые мной ниже извлечения дают понятие о догматических затруднениях, волновавших умы азийских христиан.

Посл. к колоссян. I, 15–20: (Иисус Христос) есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари; ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано, и Он есть прежде всего и все Им стоит. И Он есть глава тела Церкви; Он начаток, первенец из мертвых,

дабы иметь Ему во всем первенство: ибо благоугодно было Отцу, чтобы в Нем обитала всякая полнота, и чтобы посредством Его примирить с собою все, умиротворив чрез Него, кровью креста Его, и земное и небесное».

Посл. к колоссян. гл. II: «Желаю, чтобы вы знали, какой подвиг имею я ради вас и ради тех, которые в Лаодикии и Иераполе, и ради всех, кто не видел лица моего в плоти. Дабы утешились сердца их, соединенные в любви для всякого богатства совершенного разумения, для познания тайны Бога и Отца и Христа, в котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения. Это говорю я, чтобы кто-нибудь не прельстил вас вкрадчивыми словами, ибо хотя я и отсутствую телом, но духом нахожусь с вами, радуясь и видя ваше благоустройство и твердость веры вашей во Христе. Посему как вы приняли Христа Иисуса Господа, так и ходите в Нем, будучи укоренены и утверждены в Нем и укреплены в вере, как вы научены, преуспевая в ней с благодарением. Смотрите братия, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу, ибо в нем обитает вся полнота Божества телесно, и вы имеете полноту в Нем, который есть глава всякого начальства и власти; в Нем вы и обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым; бывши погребены с Ним в крещении, в Нем вы и совоскресли верою в силу Бога, который воскресил Его из мертвых, и вас, которые были мертвы во грехах и в необрезании плоти вашей, оживил вместе с Ним, простив вам все грехи, истребив рукописание постановлений на нас, которое было против нас и которое Он взял от среды и пригвоздил ко кресту, отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою.

Итак, никто да не осуждает вас за пищу или питание, или за какой-нибудь праздник или новомесячие, или субботу: это есть тень будущего, а тело во Христе. Никто да не обольщает вас самовольным смиренномудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским своим умом и не держась главы, от которой все тело,

составами и связями будучи соединяемо и скрепляемо, растет возрастом Божиим. Итак, если вы со Христом умерли для стихий мира, то для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений: не прикасайся, не вкушай, не дотрагивайся (это все истлевает от употребления), – по заповедям и учению человеческому? – Это имеет только вид мудрости в самовольном служении, смиренномудрии и изнурении тела, в некотором небрежении о насыщении плоти.

Из этих текстов ясно, что люди, против которых ополчался ап. Павел, стремились ввести: 1) соблюдение праздников, новомесечий и суббот, 2) воздержание от известных видов пищи и обряды, выражавшие смирение, 3) поклонение ангелам. Может, быть речь шла еще об обрезании (II, 11), на которое, по-видимому, намекает слово уничтожение. Все это имеет довольно большое сходство с иудейством, но это уже не полемика Послания к галатам. Речь идет не о противоположности между верой и Законом, но об особых обрядах, связанных с определенным учением, которое пытались установить в качестве дальнейшего развития апостольской проповеди.

За этой обрядностью вскрывается особая догматика, преобладающая черта которой – чрезвычайное значение, придаваемое ангелам⁶⁴. Апостол Павел не вдается в подробности, он скорее излагает свое учение, чем разбирает учение противников. Но настойчивость, с какой он утверждает, что все сотворено Иисусом Христом и ради Него, что ему принадлежит первое место в деле творения и искупления, ясно доказывает, что колосские учителя старались умалить значение Спасителя в глазах фригийских христиан. Дальше мы увидим, как еретические учения противопоставляли ангелов Богу, приписывали им создание мира и ответственность за зло как нравственное, так и физическое. Здесь отношение между Богом и ангелами совсем иное. Ангелы не враги Божьи, ибо им воздается поклонение и в них видят завершителей дела спасения, незаконченного Христом. Однако, эти посредники между Богом и миром, это различие, полагаемое в роде пищи, это принижение плоти – все это черты, которые позволяют сблизить лжеучения, которые ап. Павел был вынужден

искоренять в колосской церкви, с идеями иудействующих гностических сект, которые вскоре перед нами предстанут⁶⁵.

Таково высшее знание, ἐπίγνωσις, которому учит апостол. Развитие объективной веры представляет собою развитие понятия о Христе. Нетрудно заметить, что выражения, употребленные в этих посланиях, не имеют в виду отношений между Христом и его небесным Отцом. Выражение «Слово» не было произнесено; Павел в нем не нуждается, потому что его занимает лишь отношение между Христом и тварью: Христа хотят низвести на степень ангела, апостол возвышает Его над всякой тварью и не только отводит Ему первое место, но видит в Нем смысл, цель и виновника творения.

Учение о церкви связано с этим высоким понятием о Христе⁶⁶. Церковь есть совокупность существ, на которых простирается дело спасения. Бог распространяет его в качестве безвозмездного дара на всех людей без различия происхождения: на греков и иудеев, варваров и скифов, рабов и свободных. Сложившаяся таким образом церковь все получила от Иисуса Христа: Он ее оправдание, ее жизненное начало, глава, вождь. Он сошел с неба, чтобы учредить ее, совершив на кресте дело спасения; восшедши на небеса, Он продолжает в ней распространение и завершение Своего дела. Он установил в ее лоне различные степени церковного служения – апостолов, пророков, евангелистов, пастырей, учителей – с тем, чтобы привлечь святых к общему делу, в священное здание, которое есть тело Христа. Действием Христа, чрез посредство этих орудий, мы все возрастаем в единой вере и познании, предмет которых все тот же Сын Божий, осуществляем свое призвание, достигаем в меру возраста мужа совершенна, которая есть обладание Христом во всей Его полноте.

Таким образом в церкви всякое учение истекает от Иисуса Христа, всякий успех в знании происходит от Него и стремится к лучшему познанию Его и Его плеромы, той полноты Божества, какая обитает в Нем. Вся жизнь христианина от Него исходит и к Нему стремится; эта глубокая мысль нашла себе, позднее образное выражение в Альфе и Омеге ев. Иоанна.

Опасность, угрожавшая этому развитию вероучения, заключалась в суетных мудрствованиях лжеучителей; изменчивые как ветер или случайности игры, порожденные человеческой испорченностью, они коварно вводили в заблуждение людей, еще не утвержденных в истинной вере⁶⁷. Павел намекает даже, что эти теории, чуждые преданию, клонились к оправданию плотских грехов.

Дальнейший ход событий более, чем оправдал опасения апостола. Правда, документы, которыми мы располагаем для оценки этих первых стадий в развитии ересей, переносят нас ко времени, довольно далекому от той эпохи, когда Павел писал к колоссянам; к тому же они носят скорее полемический, чем описательный характер. Из них однако ясно вытекает, что задолго до появления знаменитых гностических школ в царствование Адриана, сходные с ними учения проникали понемногу всюду, вызывая разделение между верующими, извращая Евангелие и стремясь превратить его в своего рода оправдание человеческих слабостей.

О таком состоянии церкви свидетельствуют так называемые Пастырские послания, из которых два к Тимофею, кажется, имеют в виду обстоятельства, происходившие в Азии. Личность проповедников ересей не остается уже неизвестной как в Послании к колоссянам; имена их названы. Это – Гименей, Филет, Александр. Они выдают себя за учителей Закона; их учения – басни иудейского происхождения; они обращаются к умам слабым, любопытным, мучимым страстной жаждой познания, в особенности к женщинам, занимают их пустыми и хитрыми вопросами, мифами, бесконечными родословиями. В практической части учения они внушали отвращение к браку и к некоторым родам пищи. Что касается воскресения, они считали его уже совершившимся, т. е. не признавали иного воскресения кроме нравственного. Помимо опасности, какой подвергалась сама вера в беседах с этими мнимыми учителями, здесь скрывался источник споров, ослабляющих узы любви.

Пастырские послания говорят нам об огорчении св. Павла при виде стольких плевел в его апостольской жатве. В других исторических памятниках, свидетельствующих об еreseх и о

заботах, какие они возбуждали в высших руководителях церкви, мы встречаем не только печаль, но и негодование. Сюда относятся: послание ап. Иуды, II послание ап. Петра, Откровение св. Иоанна. Еретиков обличают, как теоретиков безнравственности, которые превращают божественную благодать, Евангелие, в орудие похоти; их ожидают самые страшные наказания от праведного суда Божьего. Здесь опять идет речь об утонченных мифах, искусно составленных; другие подробности тоже вызывают порицание, но оно отличается более энергией, чем ясностью.

В семи посланиях, которыми начинается Откровение, ев. Иоанн также говорит с большим возбуждением. В азийских церквях свирепствует пропаганда, ведущая к безнравственности; она разрешает блуд и употребление в пищу идоложертвенного мяса. Учение, связанное с этой распущенной моралью, не излагается совсем; оно только охарактеризовано сильным выражением: «глубин сатанинских». Лжеучители выдают себя за апостолов, – а они не таковы; почитают себя иудеями, но они – «сборище сатанинское». Дважды⁶⁸ они названы по имени: это – николаиты.

Конечно не по таким сведениям можно составить себе ясное понятие об ересь, распространенных в Азии во времена Апокалипсиса; предание тоже не проливает на это никакого света. Св. Иринеи знает об ереси николаитов⁶⁹ только из текста Апокалипсиса; он подводит итог сказанному о них там словами: *indiscrete vivunt* (живут беспорядочно). Климент Александрийский осведомлен столь же мало. Однако оба автора единогласно связывают секту николаитов с именем диакона Николая, упоминаемого в Деяниях апостолов⁷⁰; но это отнюдь не доказано⁷¹.

Николаиты не единственные еретики, которых встречал автор Откровения. Поликарп рассказывал, что Иоанн, ученик Господа, войдя однажды в Ефес в баню и, увидев там некоего Керинфа, тотчас же вышел, говоря: бежим отсюда, здание может обрушиться, ибо в нем находится Керинф, враг истины⁷². Св. Иринеи, сохранивший нам этот рассказ Поликарпа, сообщает⁷³ некоторые подробности об учении Керинфа, а св.

Ипполит добавляет⁷⁴ несколько черт к его изложению. Из их слов видно, что Керинф был в общем иудейский учитель, преданный соблюдению субботы, обрезанию и другим обрядам. Как и палестинские эвиониты, он учил, что Иисус был сын Иосифа и Марии, что Бог (ἡ ὑπὲρ τὰ ὅλα αὐθεντία) слишком высоко парит над миром, чтобы заниматься им иначе, как чрез посредников. Один ангел сотворил вселенную, другой дал Закон; этот последний есть Бог иудеев. Оба они настолько ниже Верховного Существа, что не имеют о нем никакого понятия. Во время крещения Иисуса божественная сила, исходящая от Верховного Божества, – Христос (по Иринею), Святой Дух (по Ипполиту) – сошел на Него и обитал в Нем до начала Его страданий⁷⁵.

Лет двадцать спустя после появления Апокалипсиса, чрез провинцию Азию спешно проводили Игнатия, еп. Антиохийского, приговоренного к смерти за исповедание христианской веры и осужденного на растерзание дикими зверями в Риме. В посланиях, которые ему удалось написать некоторым церквям этой области, он в свою очередь касается положения догматических вопросов и предостерегает верующих от распространяемых среди них ересей.

Что прежде всего поражает его, – это склонность к партийности и к расколу. В Филадельфии он собственными глазами видел собрания еретиков.

«Некоторые из них⁷⁶ хотели обмануть меня по слабости плоти моей, но Дух не впадает в заблуждение, ибо Он от Бога, Он знает, откуда приходит и куда идет, и разоблачает все тайное. Я вскричал среди их речей, вскричал громким голосом: держитесь епископа, пресвитеров и диаконов. Некоторые из них подумали, что я говорю так потому, что знаю об их разделении, но – свидетель мне Тот, ради Кого я ношу цепи, – не плоть, не человек открыли мне это. Дух гласит и поучает: не делайте ничего без епископа, блюдите вашу плоть, как храм Божий, любите согласие, бегите раздоров, подражайте Иисусу Христу, как и Он Отцу».

Собрания эти созывались по почину странствующих проповедников, которые ходили из города в город, сея плевелы.

Им не всегда это удавалось. Так, по дороге из Филадельфии в Смирну, Игнатий встретил еретических проповедников, возвращавшихся из Ефеса, где они не имели никакого успеха⁷⁷. По всей вероятности, Игнатий знал этих еретиков до своего прибытия в Азию и старался предостеречь здешние церкви против нового для них врага, к которому сам он уже привык.

Учение, которое внушали слушателям на этих собраниях, прежде всего клеймится названием иудейства. Конечно, речь идет уже не о простой иудейской приверженности к Закону, а об умозрениях, в которых сплетаются три элемента: обрядовый закон, Евангелие и фантазии, чуждые тому и другому. Иудейские обряды, которые раньше отстаивались ради их собственной ценности, и как средство спасения, теперь служат указанием, внешней оболочкой для довольно странных религиозных учений. Игнатий часто возвращается к соблюдению субботы, обрезанию и иным обрядам, которые он считает устарелыми. Он настаивает на авторитете Нового Завета и пророков: эти последние связаны с Евангелием и косвенно противоплагаются Закону.

Христология еретиков, – единственная часть их учения, о которой имеются ясные указания, – носит характер докетизма. «Будьте глухи⁷⁸, когда вам рассказывают о чем-либо помимо Христа, потомка Давидова, сына Марии, который действительно родился, который вкушал пищу и питье, был действительно гоним при Понтии Пилате, действительно распят, который действительно умер пред лицом неба, земли и преисподней, который действительно воскрес силою Бога Отца...⁷⁹ Если Он страдал только по видимости, как это утверждают некоторые безбожники, т. е. неверующие, которые сами живут только по видимости, то зачем я в оковах? Почему жажду я бороться с зверями? Напрасно ли я умру?» Эти выражения относятся не только к действительности смерти и воскресения Спасителя; они обнимают всю земную жизнь Его. Они имеют в виду не учение Керинфа, которое можно назвать докетизмом в несобственном смысле, но настоящий докетизм, напр. Сатурнила и Маркиона, для которых Иисус Христос во все время земной жизни имел лишь видимость плоти.

На счет эсхатологии (учения о конце мира) нет указаний, но настойчивость, с какою Игнатий подчеркивает действительность воскресения Христа и надежду на личное воскресение, заставляет думать, что еретики отвергали также веру в воскресение плоти⁸⁰. Это отрицание лишало христианскую мораль самой важной санкции. Слова Послания к филиладельфийцам: «блюдите ваше тело, как храм Божий» – дают повод думать, что новые учения вели к безнравственности, однако этот довод слишком слаб. Новые еретики подвергают церковь опасности не столько своей распущенностью, сколько духом партийности.

Учение, которое св. Игнатий противопоставляет этой незаконной проповеди, слабо развито в его посланиях. Но его мнению Ветхий Завет был истинной, хотя несовершенной религией; теперь он отменен. Мученик Игнатий не превращает его в ряд иносказаний⁸¹, но видит в нем введение к Евангелию. Христология Игнатия представляет несколько замечательных черт. Иисус Христос воистину Бог и воистину человек: «Бог Наш⁸², Иисус Христос, по устройению Божию был зачат во чреве Марии из семени Давида, но от Святого Духа; Он родился и крестился, чтобы Своим страданием очистить и воду». Игнатий решительно настаивает на Его бытии до воплощения: «Один есть только врач⁸³ телесный и духовный, рожденный и нерожденный, Бог во плоти, в смерти истинная жизнь, от Марии и от Бога, сперва подверженный, а потом неподверженный страданию, Господь наш Иисус Христос». Учение о Слове Божием также известно св. Игнатию: «Один есть Бог, явивший себя чрез Иисуса Христа, Сына Своего, Который есть Его Слово, произнесенное после молчания⁸⁴, Который во всем благоугодил Пославшему Его». Это явление во времени не мешает Иисусу Христу быть вне и выше времени, существовать прежде всех век у Бога Отца⁸⁵.

В это отдаленное время ереси вырастали на почве еврейского мозаизма. Все лжеучители – это законники, преданные обрезанию, субботе и иным обрядам. Но они учили не только об обязательности Закона: их не следует смешивать с простодушными иерусалимскими книжниками и их учениками-

фарисеями, поглощенными каноническим правом и толкованиями к нему. Они – настоящие богословы, которые широко пользуются сравнительным равнодушием своих единоверцев ко всему, что не касается соблюдения Закона, чтобы предаваться своим ученым фантазиям. Но они не ограничиваются и этим. К без того уже мелочным Моисеевым обрядам они присоединяют еще резко выраженный аскетизм, девство, питание одной растительной пищей и воздержание от вина. Те из них, которые приняли христианство, связывают с своими «иудейскими баснями» новые данные, внесенные Евангелием, и стараются внушить их новообращенным вместе с своими правилами строгой жизни. В общем то были – иудействующие гностики, которые в первоначальной церкви предшествовали вторжению философского гностицизма.

Глава VII. Епископская власть

Угроза христианскому братству со стороны ереси. – Необходимость иерархии. – Положение ее в Иерусалиме и Антиохии. – Устройство церкви во времена ап. Павла – Совет епископов, диаконы. – Единоличный епископат, его происхождение. – Кажущееся противоречие между епископатом единоличным и коллегиальным.

Большинство исторических памятников, на которые мы до сих пор ссылались, говорят об азийских церквях; но можно думать, что таково же было положение почти всюду. Оно было очень серьезно. Был поставлен вопрос, останется ли христианство верно Евангелию, или первоначальная простая проповедь будет поглощена приливом чуждых ей доктрин. Неужели эта чистая религия, унаследовавшая все, что было лучшего в Израиле, эта здоровая нравственность, это доверчивое, спокойное благочестие, – неужели все это будет отдано без защиты в жертву пропагандистам всяких причудливых учений и безнравственным шарлатанам? Последние были многочисленны и разнообразны; они перебегали от одной церкви к другой под видом пророков или апостолов, ссылаясь на Ветхий Завет, на авторитет Евангелия, преувеличивая значение соображений своей туманной философии, способной сбить с толку простодушных людей.

Как оградиться от них? В эту первую эпоху церковь еще не располагала ни вполне определившимся канонем Священного Писания, ни общепризнанным символом веры, ни даже твердо установленной духовной властью, которая была бы уверена в себе и опиралась на прочную традицию. В христианских собраниях слово также свободно предоставлялось каждому, как и в синагогах; если речи принимали нежелательный оборот, председателю собрания было конечно не трудно остановить оратора, но если бы он стал сопротивляться, если бы затеял спор, что можно было бы возражать людям, которые ссылались на авторитет или великих восточных апостолов, или ученых законников, или даже на Святого Духа и на Него в особенности?

Мы видели, как трудно было ап. Павлу ввести в границы вдохновение своих коринфян. А как помешать проповеди вне собраний общины, образованию кружков, вследствие которого, даже помимо догматических заблуждений, распадался братский союз первых дней?

Оставался лишь один выход, это – усилить в местной общине власть объединяющих и руководящих органов. Поэтому неудивительно, что самые древние памятники, касающиеся ересей, в то же время являются самыми древними свидетельствами о развитии церковной иерархии. Пастырские послания подробно останавливаются на выборе пресвитеров или епископов, на их обязанностях и делах, подлежащих их ведению; эти же вопросы являются почти единственной темой посланий св. Игнатия. Поэтому нам следует теперь поближе ознакомиться с происхождением иерархического управления в христианском обществе.

Мы видели, что первоначальная община в Иерусалиме находилась сперва под руководством двенадцати апостолов с Петром во главе. Совет старейшин, пресвитеров, и коллегия из семи диаконов дополняли эту организацию. Позднее, «брат Господень», Иаков, стоит наряду с апостолами, разделяя с ними высшую власть в церкви. После их рассеяния он один заместил их и стал главой местной церкви. По смерти его (61 г.), ему назначили в преемники тоже родственника Господа, Симеона, который дожил приблизительно до 110 г. Эта иерусалимская иерархия представляет нам точь-в-точь те же степени, которые впоследствии были приняты всюду.

О второй, антиохийской, общине мы менее осведомлены. Во главе ее мы видим сперва круг, в состав которого входят или апостолы, или носители Духа (харизматики). Затем, все покрывается мраком вплоть до царствования Траяна. К этому времени антиохийская церковь управлялась уже так, как и Иерусалимская. Епископ Игнатий занимал такое же положение, как Симеон в Иерусалиме. Иногда он титулуется епископом не антиохийским, а сирийским⁸⁶, откуда можно заключить, что в этих странах тогда существовали только две отдельные церкви: Иерусалимская для христиан из иудеев и Антиохийская для

сирийских эллинистов. При сирийском епископе, как и при иерусалимском, состояли пресвитеры и диаконы. Предание сохранило имя одного из предшественников Игнатия, Эвода. Через его посредство иерархия связывала себя с апостольским веком.

Во время своих благовестнических путешествий ап. Павел не мог не заложить в основанных им общинах начатка церковной организации; автор книги Деяний⁸⁷ именно так и представляет дело, рассказывая как апостол ставил по всем городам пресвитеров. Однако эти местные руководители церкви редко упоминаются в его посланиях. В самых ранних посланиях говорится больше об отдельных служениях власти, чем о твердо установленных должностях⁸⁸, а там, где речь заходит о них, внимание обращено более на странствующее вселенское апостольство, чем на местное управление. Так, Послание к ефесянам⁸⁹ перечисляет одновременно апостолов, пророков, евангелистов, пастырей и учителей; не все эти наименования имеют свой специальный смысл, а три первые не относятся к местной организации церкви. Не следует впрочем думать, чтобы носители церковного сана среди новообращенных могли иметь в глазах апостолов большое значение. Все они были недавно обращены и едва отстали от язычества; истинными главами церкви все еще были непосредственные провозвестники Евангелия.

Однако состав церковного управления уже был налицо, назывался даже теми самыми именами, которые впоследствии остались в употреблении. В надписании своего Послания к филиппийцам, написанного ок. 63 г., ап. Павел обращается к «святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах, с епископами и диаконами». За несколько лет перед этим, по дороге в Иерусалим, он созвал «пресвитеров» Ефеса и поручил их заботам юную церковь, где Св. Дух поставил их «епископами»⁹⁰. Уже отсюда видно, что между пресвитерами и епископами не делали различия и что управление церковью было коллегиальным. Ефесская церковь, как и Филиппийская, находилась под руководством группы лиц, которые были в то же время пресвитерами и епископами.

Этот порядок, или, если угодно, этот способ выражения продержался весьма долго. По посланиям ап. Петра и ап. Иакова⁹¹, местная церковь находилась под руководством «пресвитеров», в Пастырских посланиях, отводящих столько места избранию и обязанностям церковных властей, они именуются то пресвитерами, то епископами. Послание св. Климента (около 97 г.), имеющее здесь весьма важное значение, так как оно было написано по поводу споров о церковной иерархии, рисует нам местную церковь под управлением епископов и диаконов. То же видим мы и в недавно открытом Учении XII апостолов. Терминология здесь та же, что и в Послании к филиппийцам. Около 115 г. Филиппийская церковь получила послание от Поликарпа, еп. Смирнского; в нем речь идет лишь о пресвитерах и диаконах⁹². Ерм⁹³ так же говорит о римской церкви своего времени; то же можно сказать о II послании Климента, римском или коринфском памятнике, современном Ерму. Эти последние произведения доводят нас приблизительно до половины II века.

Много спорили об этих свидетельствах и об их видимом противоречии с преданием, согласно которому единоличная епископская власть восходит к самому возникновению церкви и является в иерархическом строе носительницей апостольского предания. Мне кажется, что верность предания менее затронута в этом вопросе, чем утверждают, лишь бы его ставили просто, без придилок и предвзятости. Что епископ является преемником апостолов, это – мысль, которая в точности соответствует совокупности известных фактов. Первые христианские общины находились сперва под руководством апостолов разных степеней, которым они были обязаны своим основанием, а также и других членов из среды проповедников Евангелия. Так как все эти проповедники согласно своему назначению были людьми странствующими и работающими в разных местах, то основатели церквей вскоре стали поручать специально подготовленным и более почтенным из новообращенных отправлению постоянных обязанностей, необходимых для ежедневной жизни общины: совершение евхаристии, проповедь, подготовка к крещению, председательство на собраниях,

управление имуществом общины. Рано или поздно миссионеры вынуждены были предоставить эти молодые общины самим себе; и управление ими перешло тогда всецело к руководителям, вышедшим из их собственной среды⁹⁴. Стоял ли во главе один или несколько епископов, епископство являлось наследием апостолов. Не менее очевидно и то, что чрез апостолов, учредивших ее, эта иерархия восходила к моменту возникновения церкви и получила свои полномочия от тех, кому Иисус Христос вверил Свое дело.

Но можно пойти еще далее и доказать, что хотя единоличная епископская власть в известных отношениях представляет позднейшую стадию развития церковной иерархии, однако она, насколько можно судить, не чужда первоначальным учреждениям.

Во-первых, лучшим примером последних является устройство родоначальной церкви в Иерусалиме, где тотчас же после того, как апостолы разошлись, было введено единоличное управление. Есть основания думать, что монархический епископат с начала II века стал традиционным и в антиохийской церкви, когда Игнатий сообщил ему такой блеск. В своих посланиях к разным азийским церквям он очень настойчиво советует держаться епископа, главы местной церкви, чтобы устоять против натиска ересей. Именно вследствие этого свидетельства об учреждении епископской власти, подлинность его посланий так долго подвергалась сомнению в известных кругах. Но Игнатий говорит о единоличном епископстве, не как о новом учреждении; если он призывает верных в Азии тесно сомкнуться около епископа, то с неменьшей настойчивостью говорит он и о других степенях иерархии. Его наставления сводятся к следующему: «сплотитесь вокруг ваших духовных начальников». То обстоятельство, что эти начальники представляют собой скорее трехстепенную, чем двухстепенную иерархию, не имеет большого значения в ходе его рассуждений; но он говорит об этом, как о существующем факте, традиционном и никем неоспариваемом; ему не было нужды рекомендовать его⁹⁵.

Таким же точно неоспоримым традиционным учреждением является единоличная епископская власть в половине II века в западных христианских общинах, в Риме, в Лионе, в Коринфе, в Афинах, на острове Крите, как и в более восточных областях. Нигде нет и следа протеста против внезапного и так сказать революционного переворота, который бы превратил общинную власть из коллегиальной в монархическую. Уже в то время была возможность, по крайней мере в некоторых местах, проследить цепь епископов с апостольских времен. Егезипп, совершивший длинное путешествие и побывавший в различных церквях, нашел в некоторых местах списки епископов или сам составил их по местным документам и воспоминаниям. Преемственный ряд римских епископов известен нам чрез св. Иринея, афинских – чрез св. Дионисия Коринфского: первый начинается именами апостолов Петра и Павла, второй именем Дионисия Ареопагита. В Риме последовательность епископов была известна так хорошо и так точно установлена хронологически, что по ней исчислялось время других событий. Говорили об ересь, появившихся в епископство Аникиты, Пия, Игина. В полемике, возникшей по поводу празднования Пасхи, Ириной пользуется теми же хронологическими датами, восходя еще далее – до Телесфора и Сикста I, т. е. до времен Траяна и св. Игнатия⁹⁶.

Что можно заключить из этого, как не то, что единоличная епископская власть существовала уже в странах, расположенных к западу от Азии, в те времена, когда были написаны и «Пастырь» Ерма, и Беседа, известная с именем Климента, и Учение XII апостолов, и послание св. Климента, и что, следовательно, свидетельство этих древних памятников о коллегиальном епископате нисколько не исключает единоличного? В конце II века автор Мураториева фрагмента говорит, что Ерм составил свое произведение весьма недавно, в бытность брата его, Пия, епископом римской церкви: *superrime temporibus nostris, sedente cathetra (sic) urbis Romae ecclesiae Pio episcopo fratre eius*. Итак, Ерм как будто знаком только с коллегиальным епископатом, а между тем он писал во время управления единоличного епископа, которым был его родной брат. Во времена императора Коммода один учитель –

модалист⁹⁷ неоднократно появлялся перед церковными властями в Смирне. Ипполит, рассказывая об этом⁹⁸, употребляет здесь выражение «пресвитеры». Между тем несомненно, что в Смирне в то время был один епископ.

Впрочем, на коллегиальное епископство, с которого вероятно началась во многих местах организация церкви, нельзя было смотреть как на законченное учреждение; оно должно было преобразоваться уже очень скоро. Посредством комиссии можно управлять только в том случае, если она находится под председательством одного начальника, который держит ее в руках, вдохновляет, направляет и действует за нее. Вероятно, в эти древнейшие времена коллегии епископов наряду с своими председателями не имели более значения, чем нынешние каноники (епархиальные советы) наряду с своими епископами. Судя по некоторым довольно смутным воспоминаниям, удержавшимся в предании, они довольно долго сохраняли за собой право посвящения, что теперь составляет отличительную принадлежность епископской власти. Александрийские пресвитеры по смерти своего епископа приступали к замещению его должности, не только избирая ему преемника, но и посвящая его⁹⁹. Такое положение вещей создалось, очевидно, в то время, когда в Египте не было иной церкви, кроме александрийской; не было бы ничего удивительного, если бы одинаковое положение привело к тем же последствиям в Антиохии, Риме, Лионе, – везде, где местные церкви имели в своем ведении очень обширную область.

Можно объяснить себе также обычай называть одним именем и руководителя, и его советников. Мы сами говорим о клире, о священниках, приходе, хотя между настоятелем церкви и младшими священниками есть значительная разница в степени власти. Точно также можно было, говоря о римских пресвитерах или коринфских епископах, обозначать одним именем две высшие степени церковной иерархии. Но естественный ход вещей вел к сосредоточению власти в одних руках; эта перемена, если только в этом была какая-нибудь перемена, принадлежала к числу тех, которые совершаются

сами собой, нечувствительно, без потрясений. Председатель епископского совета в Риме, Александрии, Антиохии и во многих других местах достаточно выдавался среди своих собратьев, чтобы память о нем без особого труда сохранялась отдельно. «Церковь Божия, пребывающая в Риме», могла унаследовать в своей совокупности высшую власть своих основателей-апостолов; эта власть сосредоточивалась в коллегии пресвитеров-епископов; один из них преимущественно воплощал ее и управлял ею. Между этим председателем и единоличным епископом последующих веков нет существенного различия.

Глава VIII. Христианство и государство

Отношение к еврейским властям в Палестине. – Положение религии в греко-римской империи. – Особенность положения иудейства и христианства. – Смещение христиан с евреями и последующее различие их римскими властями. – Запрещение христианского исповедания. – Меры против христиан. – Указ Траяна. – Соображения государственной пользы и евангельская проповедь.

Первая светская власть, с которой пришлось считаться христианству, была власть правителей еврейского народа. По смерти Ирода Великого (за 4 года до Р. Х.) его владения были поделены, как сказано выше, между тремя его сыновьями, Филиппом, Иродом Антипой и Архелаем. Филиппу достались главным образом земли по ту сторону Иордана до границы царства набатейского; Антипа получил север – Галилею, Десятиградие и Перею; Архелай центр и юг – Самарию, Иудею и Идумею. Архелай был скоро (6 г. по Р. Х.) устранен и заменен римским прокуратором. Филипп сохранил свою тетрархию, как тогда говорили, до самой смерти, до 34 г.; Антипа пережил его, но в конце концов был в свою очередь смещен (39 г.). Владения Филиппа, присоединенные одно время (34–37 гг.) к провинции Сирии, были пожалованы Калигулой (37) внуку Ирода Великого Ироду Агриппе, который в 39 г. наследовал тетрархию Антипы и добился в конце концов, что ему передали и область прокуратора с Иерусалимом и окрестными странами. Царство Ирода Великого было таким образом восстановлено. Все эти государи упоминаются на первых страницах истории христианства, но они в общем имели мало отношения к нарождающейся церкви. Ирод Антипа, казнивший Иоанна Крестителя, играл лишь второстепенную роль в страстях Христа. Незаметно, чтобы он или его брат Филипп беспокоили последователей Евангелия, которые могли находиться во владениях каждого из них. Сам Агриппа стал враждебен к ним только по занятии иерусалимского престола. Там было местопребывание главного врага, еврейского священнического

сословия, влияние которого безраздельно господствовало в великом национальном совете или синедрионе, подобном сенатам греческих городов. Эта, до известной степени муниципальная (городская), власть распространялась лишь на провинцию, подчиненную прокуратору. В мелких иудейских государствах и тем более в странах, подчиненных другим правителям, как Дамаск, влияние синедриона могло быть лишь нравственным и религиозным. Но даже в своей собственной области эта власть не была неограничена. Так в Иудее один лишь прокуратор имел *jus gladii* (право приговаривать к смертной казни), и он не всегда был расположен служить орудием ненависти священников. Оттого-то казни были так малочисленны: кроме самого Иисуса, история упоминает только св. Стефана, Иакова Заведеева и Иакова брата Господня, с которыми поступили решительно. Священники наверстывали зато на менее суровых мерах – бичевании и заключении в тюрьму.

После смерти Ирода Агриппы I (44 г.), его царство было вновь подчинено прокураторам. Однако уже с 50 г. сын его, Агриппа II, бывший в большой милости у императора Клавдия, получил вместе с маленьким княжеством Халкидой в Антиливане право надзора над храмом и назначения первосвященника; три года спустя он променял свое княжество на царство, которое было для него образовано по ту сторону Иордана из прежней тетрархии Филиппа и части тетрархии Антипы. Христианам не приходилось жаловаться на него. Во время суда над ап. Павлом, в присутствии римского прокуратора, он скорее выказал расположение к нему; когда ап. Иаков, «брат Господень» был побит камнями по приговору первосвященника Анны-младшего, он сильно разгневался и не замедлил отрешить его от должности. Наконец, во время восстания иерусалимская христианская община удалась именно в его владения. Этот доброжелательный к ней царь прожил до 100 г.

Но положение христиан в Палестине было слишком исключительно, чтобы на нем долго останавливаться. Перенесем свой взор на всю область империи и посмотрим, в

каких условиях внешней безопасности оказались там христианские общины.

В древние времена признавалось основным принципом, что человек имеет обязанности¹⁰⁰ перед Божеством, и что каждый гражданин данного государства обязан исполнить долг перед богами своего отечества. Римлянин обязан был поклоняться богам Рима, афинянин – богам Афин и так далее. С другой стороны он не только был свободен от всяких обязанностей по отношению к богам чужого государства, но ему даже, возбранялось служить им. Религия по существу своему была национальной; присоединиться к чужому культу было бы так же предосудительно, как поступить на службу в иностранную армию или отдать чужому государству часть своей политической деятельности.

Этот принцип не исключал возможности отправления чужеземного культа в пределах государства, лишь бы он отправлялся исключительно иностранцами, проживающими в нем (метеками, incolae), ибо, устраненные от национального культа народа, среди которого жили, они были бы вовсе лишены религии, если бы им не дозволялось исповедовать свою собственную. Но это соседство не влекло за собой слияния религии, не уменьшало разделяющих их преград, не ослабляло обязанностей каждого гражданина по отношению к его собственным богам.

Обособленность религии, соответственная разграничение государств, должна была пошатнуться вследствие слияния последних. Право римского гражданства, распространяясь на жителей и граждан городов, отличавшихся прежде по своим правам от Рима, должно было вести к распространению самой римской религии. Местные культы не могли быть уничтожены; ни Фортуна в Пренесте, ни Диана в Ариции не могли считаться лишенными божественности и права на поклонение потому только, что граждане Арии и Пренесты стали римскими гражданами и в качестве таковых должны были исполнять обязанности по отношению к Весте, Юпитеру Капитолийскому и другим богам царствующего города. Как римские боги стали богами новых граждан Рима, так боги последних сделались

богами для Рима. Это слияние божеств, сделавшееся принципом политики, повлекло скоро важные последствия... Присоединение южной Италии к Римскому государству ввело в его пантеон всех богов разнообразных греческих племен, имевших на италийской территории древние и славные колонии.

Это, по римскому выражению *adlectio in divorum ordinem* (причисление к сонму богов), происходило с соблюдением известных формальностей. До нас дошли сведения о том, как это совершилось по отношению к Аполлону и Асклепию. Во многих случаях это происходило путем отождествления: Арей был признан Марсом, Афродита – Венерой и так далее.

Такими религиозными сближениями можно было удовлетворить потребности, вызванные присоединением греческих земель или колонизацией Запада, и это уже было великое дело. Но как с той, так и с другой стороны оставались национальные религии, не уместившиеся в рамках ни греческого политеизма, ни религий латинской Италии.

Повелители империи не могли иметь намерения отнять богов у своих дальних подданных; можно удостовериться, что они тщательно избегали этого; все, что они позволили себе в этом направлении, было запрещение некоторых обрядов, противных добрым нравам, как человеческие жертвоприношения, оскотление, обрезание. Что же касается кельтской религии, то Август пошел дальше и вовсе запретил ее для римских граждан.

Нельзя однако сказать, чтобы эти чужеземные религии слились когда-нибудь с римской государственной религией. Изиды, Астарта, Митра, так же как Тевтат и Один, пользовались терпимостью, но никогда не достигли официального признания. Кельтская религия почти исчезла, благодаря успехам римской цивилизации, или точнее распространению латинского или римского права гражданства. То же можно сказать о религиях иберийских, мавританских, иллирийских, подвергшихся тем же влияниям. Восточным религиям жилось труднее, но они не только удержались на родной почве, но получили широкое распространение в греческом мире, в Италии и далеко за ее пределами.

Сперва их распространение было встречено довольно неприязненно: грек и в особенности римлянин, преданный своим традициям, не решались принимать участие в этих чужеземных культах; но под конец империя стала такой смешанной, что это отвращение исчезло. Римляне самого высокого общественного положения стали посещать восточные храмы, и не только на Востоке, как пилигримы, а и в самом Риме молились на подворьях этих храмов, находившихся по соседству с Капитолием.

Это фактическое слияние облегчалось отсутствием исключительности со стороны чужеземных религии. Поклоннику Изиды не приходило в голову, что он может быть неугоден Юпитеру Капитолийскому; в IV веке представители самых древних римских родов совмещали в своем лице римское жреческое достоинство с обязанностями жреца восточных культов. Можно было состоять членом коллегии понтификсов или авгуров и в то же время принять посвящение чрез тавроболы по обрядам религии Митры или даже председательствовать на тавроболах¹⁰¹.

Не таково было положение иудейской и христианской религий. Как та, так и другая религия отличались безусловною исключительностью, и эта исключительность основывалась вовсе не на патриотическом чувстве, а была принципиальной. Бог Израиля и христиан не был Богом определенного народа, одним из богов. Это был единый Бог, Бог всех людей, Творец мира, законодатель и судия всего человечества. Остальные боги были лишь ложными богами, обожествленными людьми, демонами, идолами; они не шли в счет. Всякий культ, кроме своего, считался здесь нечестивым; религии городов, народов, империй, были лишь мнимыми религиями, оболъщениями дьявола, против которых каждый человек имел право и обязанность протестовать.

Эти боги, эти разные культы, огульно осуждавшиеся как иудеями, так и христианами, в этом именно осуждении и вызываемой им общей реакции, находили нечто, объединяющее их: язычество стояло лицом к лицу с единобожием; вражда,

какую оно вызывало, возбуждала в нем известную степень самосознания.

Оно не только сознавало, где общий враг, но и где общий друг и покровитель. Им было римское государство. Хотя римский Пантеон подразделялся на несколько этажей, и сирийская богиня напр. помещалась ниже Юпитера или Аполлона, но между разными религиями царило известное общение. Если не все боги были богами отечества, то ни один из них не противопоставлялся резким образом центральной группе римских богов, к которым со времен империи прибавились две новые фигуры, пользовавшиеся всеобщим почитанием, богиня Рима (Roma) и бог Август. Эти последние, представленные и как бы воплощенные на земле во всех носителях верховной власти, придавали другим богам новое обаяние, не мало содействовавшее к уяснению официального понятия о божестве. Люди, не признававшие этого находились очевидно вне национальной религии, поскольку империя имела таковую; они считались безбожниками, атеистами.

Пока евреи пользовались политической самостоятельностью, их колонии за пределами палестинского центра могли считаться зависимыми от него, а их религия могла сойти за чужеземную, дозволенную и даже обязательную для членов еврейского народа, где бы они не поселились. Преемники Александра выказали очень благожелательное отношение к этим еврейским колониям. Они не только их терпели, но им покровительствовали, их поощряли. В эпоху римского завоевания евреи могли предъявить римским проконсулам льготные грамоты, где признавалось их существование и им специально были дарованы разные привилегии относительно празднования субботы, принесения присяги и военной службы. Римляне признали все это за ними. В тех местах, где таких льгот не существовало, и особенно в Риме, победители руководились общим началом своей политики по отношению к чужеземным религиям и оставляли евреев в покое. Однако положение осложнялось и произволу открывался простор в том случае, когда евреи являлись в то же время и римскими гражданами, а это бывало нередко. В первом

столетии по Р. Х. чистокровные евреи достигали в империи довольно высоких должностей; другие же, и в несравненно большем числе, были в царствование Тиберия завербованы в нездоровую сардинскую армию, или изгнаны из Италии¹⁰². Эти последние или родители их были раньше рабами; отпущенные на волю, они стали римскими гражданами. Но можно представить себе и другой случай, а именно когда иудейство находило себе последователей среди языческого мира. Пока дело шло только о признании единобожия, еврейских нравственных правил и даже соблюдения некоторых обычаев, как, напр., празднование субботы или воздержание от свиного мяса, не могло возникать никаких затруднений, в особенности, разумеется, для мелкого люда и лиц, не пользующихся правом римского гражданства. Но в тех случаях, когда прозелитами являлись представители высших классов, аристократических семейств, когда обращение в иудейство было доведено до конца со всеми его последствиями – до обрезания и иных обрядов, подразумевавших полное присоединение обращенного к иудейскому обществу, тогда дело принимало вид известной формы отречения от принадлежности к числу граждан Рима; такой человек становился вероотступником, изменником.

Поэтому прозелиты в собственном смысле слова были, по-видимому, очень редким явлением даже раньше, чем Адриан воспретил обрезание или Север издал весьма суровые законы против совращения в иудейство.

По теории разрушение иерусалимского храма должно было бы повлечь за собой упразднение или запрещение еврейского культа. Но на деле этого не случилось. Веспасиан, как человек практический, убедился, что здесь дело шло не только о национальности, что иудейство переживет еврейское государство и даже храм. Он ограничился тем, что передал Юпитеру Капитолийскому ту дань дидрахмы, которую сыны Израиля некогда платили Иегове и его святилищу. Став невольными данниками великого римского божества, евреи не могли пожаловаться на него или скорее на государство, которое ссылалось на его покровительство. Им предоставили свободу и даже льготы, какими они пользовались раньше. Таким образом

иудейство продолжало быть разрешенной религией (*religio licita*). Христианство, наоборот, очень скоро стало запрещенной религией (*religio illicita*); это произошло, как только выяснилась разница между ним и иудейством.

До этого дошли не сразу. Римские правители провинций были людьми положительными и неохотно вмешивались в сектанские споры. Им было довольно трудно при поверхностном взгляде отличить христиан от евреев и понять, почему последние так недоброжелательно относились к первым. Проконсул Ахайи Галлион встретил те же затруднения, что и Пилат, когда ап. Павел столкнулся с коринфскими евреями; таково же было положение проконсулов Феста и Феликса, когда иерусалимский первосвященник возбудил перед ними обвинение против Павла. Еще раньше этого римская полиция, дознавшись, что евреи слишком волнуются в споре о каком-то Хресте (*Chrestus*), примирила враждующие стороны общим изгнанием, выслав из Рима и тех и других.

Такая неосведомленность не могла длиться долго. Евреи не могли допустить, чтоб ненавистная секта пользовалась их льготами, и – что еще важнее – компрометировала бы их крайностями своей пропаганды. Они не преминули разъяснить дело властям. Уже со времен Траяна было запрещено исповедовать христианство. Плиний¹⁰³ прежде, чем сделаться правителем Вифинии в 112 г., ни разу не присутствовал на суде при допросе христиан, (*cognitiones de christianis*), но знал, что их судили и приговаривали к тяжким наказаниям. Наступил момент, когда высшая власть, заведующая этим, решила, что самый факт принадлежности к христианству является наказуемым деянием. Когда именно наступил этот момент? Это очень трудно решить. До Траяна обыкновенно насчитывают два гонения: Нерона и Домициана, но факты, которые относят к этим гонениям – казни римских христиан, ложно обвиненных в поджоге Рима в 64 г., и смерть нескольких высокопоставленных лиц, которых Домициан устранил под предлогом их безбожия, – являются несколько исключительными, и могли бы быть объяснены без труда и помимо всякого официального воспрещения христианства. Следовательно они могли иметь

место раньше издания запрещения и не имеют большого значения в интересующем нас здесь вопросе.

Послание ап. Петра внушает верным: «только бы не пострадал (πάσχῃτω) кто из вас, как убийца или вор, или злодей, или как посягающий на чужое (ἄλλοτρίεπίσκοπος); а если как христианин, то не стыдись»¹⁰⁴. Страдания, которые имеет в виду апостол, — это наказания, которым можно было подвергнуться со стороны властей, обязанных преследовать воров, убийц и т. п., то есть со стороны законодествующих судов. Естественно предположить, что эти слова были написаны не прежде, чем этот суд начал действовать против христиан, именно как таковых. Если б можно было с точностью и достоверностью установить год, когда написано это послание, нам было бы дано весьма ценное указание для решения, настоящего вопроса.

Высшие власти империи, в рассматриваемое время, не раз имели случай получить сведения об отношении христианских общин к иудейству и действующему законодательству. Трудно напр. предположить, чтобы суд над ап. Павлом не обратил их внимания на эти предметы. Тоже можно сказать относительно пожара Рима и гонения, возбужденного тогда против тех, кого «чернь называла христианами».

По свидетельству, которое дошло до нас, правда в немного позднейшей передаче¹⁰⁵, Тит проводил различие между обеими религиями и решился сжечь храм иерусалимский потому именно, что надеялся уничтожить ту и другую сразу. Домициан задался целью увеличить поступление налога дидрахмы; он стал взыскивать его не только с тех, кто формально числился евреем, но и с тех, кто скрывал свое происхождение, или, не будучи евреем по происхождению, жил по-еврейски и уклонялся от занесения своего имени в списки плательщиков. Это взыскание, которое велось очень строго, естественно потребовало тщательных расследований вероисповедного положения евреев и христиан. Независимо от этих известных нам фактов, можно с уверенностью предположить, что были и многие другие, которые могли привлечь внимание законодателя и побудить его придти к тому или иному решению.

Раз христианство было воспрещено, исповедание его давало повод всякому частному обвинителю вчинять дело в подлежащем судебном учреждении; о нем могли также доводить до сведения полиции и тем вызывать известные меры со стороны администрации, – в Риме префекта, а в провинции правителей провинций и их помощников. Так как это было уголовное дело, то оно почти всегда восходило на суд правителей провинций,¹⁰⁶ во всяком случае они неизменно являются на сцену во всех рассказах о мучениках.

Не раз, вслед за Тертуллианом, пытались доискаться, к какому разряду преступлений отнесен был факт принадлежности к христианству. Я думаю, что это спор о словах. Юридический язык римлян не имел особого термина для обозначена отречения от национальной религии. Выражение *crimen laesae Romanae religionis* (оскорбление римской религии), которое встречается однажды у Тертуллиана, точно выражало бы понятие, о котором идет речь, но оно не было употребительным; напротив, преступление оскорбления величества (*crimen laesae majestatis*) было точно определено законом. В то время, о котором мы говорим и в тех условиях, при которых поднимался вопрос, между обоими выражениями не было большой разницы. Обвинитель, который захотел бы действовать, соблюдая все формальности, может быть мог бы вчинить против христианина дело об оскорблении величества. Я не знаю, был ли такой случай.¹⁰⁷

На практике на христиан доносили, их разыскивали, судили и осуждали, как христиан. Какие бы отвратительные обвинения ни взводило на них общественное мнение, их никогда не осуждали за чародейство, детоубийство, кровосмешение, богохульство или оскорбление величества. Тертуллиан, который, как все апологеты, очень распространялся по поводу этих клевет и их нелепости, решительно утверждает, что они вовсе не служили поводом к обвинительным приговорам: «ваши приговоры имеют в виду лишь сознание в принадлежности к христианству. Ни одно преступление не упоминается в них, единственное преступление заключается в имени, потому что в этом состоит истинная причина всей ненависти к нам»¹⁰⁸. Он

приводит формулу этих приговоров. «Что же, наконец, читаете вы по вашим дощечкам? *Такой-то, христианин*. – Отчего вы не прибавляете: *и человекоубийца*»¹⁰⁹

Плиний, как он сам признается, не знал, должно ли преследовать христианина как такового, или же карать его за те преступления, которые предполагаются самим наименованием: *nomen ipsum si flagitiis careat, an flagitia cohaerentia nomini*. В своем ответе Траян не останавливается собственно на этом сомнении, но ясно показывает, что самое имя подлежало преследованию, и это же заключение вытекает из всех документов, апологий, рассказов о мучениках и т. д. Впрочем, этот ответ императора содержит две подробности, хорошо доказывающие, что принадлежность к христианству считалась преступлением не на ряду с прочими. Судья не должен – так предписывает император – разыскивать христиан, но только карать их (очевидно смертной казнью) в том случае, если на них донесли и они изобличены: «*conquirendi non sunt; si deferantur et arguantur, puniendi sunt*. – Далее, если они заявят, что отрекаются от христианства и докажут это принесением жертвы богам, их следует прощать за раскаяние: *ita tamen ut qui negaverit se christianum esse idque re ipsa manifestum fecerit, id est supplicando diis nostris quamvis suspectus in praeteritum veniam ex poenitentia impetret*. Если бы христиане были тем, чем их представляла клевета, то непонятно, почему содеянные ими преступления не подлежали бы суду и не карались. Уголовный суд постановляет приговор не по настроению обвиняемых во время заседания суда, а по наличности проступков, в которых их обвиняют. Также необычайно и предписание не разыскивать их: *conquirendi non sunt*. Если бы дело шло о преступных и опасных лицах, полиция обязана была бы выслеживать их.

Указ Траяна – ценное доказательство того ложного положения, в котором находилось правительство вследствие успехов христианской проповеди. Мы видели выше, что как принципы, так и традиции обязывали его положить предел ее распространению. Нерон и Домициан были плохими императорами; насилия, от которых терпели в их царствование христиане наравне со многими другими, очевидно падают на их

личную ответственность и стоят в связи с самыми дурными чертами их характера; христианские писатели-полемисты справедливо указывают, что эти изверги начинают собой ряд гонителей. Но тем не менее справедливо, что репрессивные меры против распространения христианства, меры, принятые, по-видимому, в то время в императорском совете, внушены были традиционными принципами и соображениями государственной пользы¹¹⁰.

Вопрос только в том, не превзошли ли меру, предписывая предавать смертной казни за одну принадлежность к христианству? Такие законы легко издавать, но как их применять? Плиний был испуган огромным количеством привлеченных к ответственности христиан всех возрастов и общественных положений; они находились всюду: в городах, местечках, деревнях. Храмы опустели, население перестало справлять языческие праздники, приносить жертвы, так что жертвенные животные не находили больше покупателей. Но важнее самой многочисленности христиан была их невинность: правитель сам проверил ее разными способами, и между прочим, разумеется, пыткой, которой он подверг двух диаконисс. Их собрания, совместные трапезы, оказалось, происходили в границах самой строгой благопристойности; их взаимные обязательства не имели никаких преступных умыслов, и как раз наоборот, они клялись всегда воздерживаться от воровства, разбоя, прелюбодеяния, клятвопреступления и т. д.

При таких условиях, как мудрому императору не быть в затруднительном положении? Ведь нельзя же было отдать палачам все население Италии и провинций и преследовать с такой строгостью людей, добродетели которых удостоверялись самими властями. Отсюда смягчение при практическом применении законов, сдержанность в розысках, прощение всем отступникам.

После Траяна другие императоры, в той же мере, как он, проявляли желание смягчить последствия закона. Адриан писал в этом смысле разным правителям провинций, в частности проконсулу Азии, К. Минуцию Фундану¹¹¹; последний документ

дошел до нас. Апологет Мелитон¹¹² мог ссылаться Марку Аврелию на эти письма, а также и на другие, обращенные Антонином к городам: Лариссе, Фессалоник, Афинам и Ахейскому собранию (κοινόν)¹¹³.

Во всех этих документах, поскольку мы их знаем, выступает забота не о милосердии, но о том, чтобы не перейти границ. Не следует думать, что они доставили христианам завидное спокойствие: сочинения последних показывают, что в царствование этих добрых императоров они постоянно жили в ожидании мученической смерти и свыкались с этой мыслью. Несколько случаев точно известных и вполне достоверных подтверждают это. Мученики, имя и судьба которых по счастливой случайности дошли до нас, несколько не имеют вида исключительных жертв. Дело в том, что борьба шла не только между правительством и христианством; сюда примешивались местные страсти, вспышки общественного мнения, мятежи всякого рода, давления на умы городских властей или даже правителей провинций. Этим именно влияниям от времени до времени противодействовал здравый смысл императора. Но он не всегда выступал против них, и даже в тех случаях, когда он вмешивался, он все-таки принимал во внимание формальную почву закона, который с самого начала опирался и не переставал опираться на соображения государственной необходимости.

В общем, хотя императоры II века и не дали себя увлечь в политику истребления христиан, они все же далеко не обеспечили им безопасного существования. Если они воздерживались от решительных мер Деция или Диоклетиана, то вероятно вследствие пренебрежительного равнодушия к этим распрям между сектами и учениями, а может быть и потому, что они слишком полагались на силу сопротивления других сект или философской мысли. В III веке, когда эти силы обнаружили свою несостоятельность и опасность распространения христианства стала более угрожающей, правительственное давление усиливалось временами, но не отличалось последовательностью. Было слишком поздно:

Церковь была недосыгаема, и правительство оказалось побежденным.

Глава IX. Распадение иудействующего христианства

Смерть Иакова, брата Господня. – Восстание 66 года, выселение иерусалимской церкви. – Мятеж Бар-Кохеба: Элия Капитолина. – Епископы из иудействующих христиан. – Евангелие от евреев. – Отношение к остальным христианам. – Егезипп. – Эвиониты. – Элказайты.

В то время, как дело ап. Павла разбиралось в Риме перед императорским судом, иудействующая церковь в Иерусалиме переживала в свою очередь крайне важный кризис. Когда умер прокуратор Фест, его преемнику, Альбину, потребовалось время, чтобы добраться до Палестины. Вследствие этого наступил промежуток замешательства и анархии. Первосвященником в то время был Анна II, сын Анны, упоминаемого в рассказе о страстях Господних, и родственник Анании, игравшего роль в истории ап. Павла¹¹⁴. Он не меньше их ненавидел «назареев». Поспешив воспользоваться благоприятными обстоятельствами, он направил свой удар на их местного главу, Иакова, брата Господня. По-видимому эта личность пользовалась в Иерусалиме всеобщим уважением не только христиан, но и самих евреев; молва об его подвигах воздержания, об его продолжительных молитвах в храме долгое время передавалась из уст в уста. Народ звал его праведным, защитой народа (obliam). Это не защитило его однако от ненависти высших священников.

Анна собрал синедрин, вызвал на суд Иакова и некоторых других христиан и добился для них смертного приговора. Иаков со своими сподвижниками был побит камнями близ храма. Там же его и погребли; сто лет спустя на этом месте возвышался еще могильный столб¹¹⁵.

Анна поплатился за свою смелость. По этому делу были поданы жалобы прокуратору, который находился на пути из Александрии, и царю Агриппе II, который тотчас же сместил первосвященника.

Дело происходило в 62 году. Четыре года спустя, в прокураторство Гессия Флора, преемника Альбина, в Иерусалиме вспыхнуло давно назревавшее восстание. Осенью 66 года римский гарнизон был перерезан, и мятеж сразу охватил Иудею и соседние области. Попытка сирийского легата, Цестия Галла, вновь овладеть святым городом потерпела неудачу. В следующем году Веспасиан, которому Нерон поручил усмирение мятежа, покорил Галилею, но смерть императора (68 г.) и смуты, последовавшие за нею, остановили дальнейшее усмирение. В это время Иерусалим сделался жертвой партийных раздоров и террора. Первосвященник Анания и все вожди священнической аристократии были перебиты мятежниками; разбойники и фанатики оспаривали друг у друга храм и укрепления; всюду царила анархия, пожары, убийства. Это был уже не святой город, а преддверие ада.

Христиане, получив чрез своих вождей указание свыше¹¹⁶, решились покинуть город. Они переселились в Пеллу в Десятоградии, в царство Агриппы II. Пелла была греческим и языческим городом; однако они устроились там. Долгое время спустя Юлий Африкан (ок. 230 г.) отметил другие группы¹¹⁷ иудействующих христиан в Кохабе, в стране за-иорданской и в Назарете галилейском. В IV столетии оставалась еще одна группа в Берее (Алепо) в северной Сирии¹¹⁸. Нельзя сказать с точностью, когда выделились они из иерусалимской общины или из Пеллы.¹¹⁹

Христиане остались в рассеянии и после войны. Не могло быть и речи о возвращении в Иерусалим, который до такой степени сравнивали с землей, что трудно было догадаться, что здесь жили когда-то. В течение последующих 60 лет там находился лишь лагерь десятого легиона (leg. X Fretensis). Император Адриан решил основать на этом месте новый город, разумеется языческий, с храмом, который должен был возвышаться на месте прежнего святилища. Это осквернение святыни, как и во времена Антиоха Епифана, вызвало восстание среди остатков Израиля. Вождь восстания, Симон Бар-Кохеба, встретивший поддержку со стороны знаменитого раввина Акибы, выдавал себя евреям за вечно ожидаемого ими

Мессию. Иерусалимский легион был изгнан из своего лагеря; некоторое время евреи занимали развалины своего священного города. Но Иерусалим не имел прежнего стратегического значения: решительный бой с повстанцами произошел по соседству с ним, в Бетере. Восстание было подавлено после трехлетней кровопролитной войны (132–135 гг.), из которой Палестина вышла разоренной и обезлюдившей.

Иудействующие христиане не могли признать Бар-Кохебу за Мессию Израиля и отказались принять участие в восстании. Они поплатились за это, потому что повстанцы преследовали их со всем ожесточением, какое можно себе представить в таких случаях.¹²⁰ Победа римлян обеспечила спокойствие их общинам, которые продолжали свое незаметное существование. Замыслы Адриана были осуществлены: на месте Иерусалима была воздвигнута римская колония Элия Капитолина со своими светскими зданиями, театром, языческими капищами. На том холме, где прежде стоял храм, был сооружен Капитолий в честь Юпитера и поставлена статуя императора. Не забыли и мест священных для христиан: на Голгофе был воздвигнут храм Венеры. Пребывание в новом городе было запрещено евреям под страхом смерти. При таких условиях иудействующие христиане должны были держаться от него в отдалении, что они и сделали. В иудейско-христианском мире власть, по-видимому, очень долго оставалась в руках родственников Спасителя: Иаков был «брат Господень»; Симон, который занял его место в качестве главы иерусалимской церкви и дожил до царствования Траяна, также был родственником Христа. Два сына другого «брата Господня», Иуды, были выданы полиции Домициана. Их отправили в Рим, и сам император допрашивал их. Он убедился, что такие ничтожные люди не могли быть ему опасны, и что царствие небесное ничем не грозит римской империи. Сыны Давида были возвращены на родину, где они сделались «предстоятелями церквей»¹²¹. Епископ Симеон не отделался так дешево; мы знаем по Егезиппу, что он претерпел мученичество при Траяне, в то время когда Аттик был правителем Палестины (ок. 107 г.)¹²². Во времена Юлия Африкана в середине III века были еще

Desposyni (люди Господни), которые пользовались большим уважением в кругах христиан из иудеев.¹²³ Евсевий¹²⁴ сообщает список древних епископов иерусалимских, которые по его словам шли в непрерывном порядке до времен иудейского восстания при Адриане (132 г.). Первые два, Иаков и Симеон, доводят нас до 107 г.; таким образом на остальные 25 лет приходится 13 епископов, что уже слишком много. Если принять весь список и хронологическую границу Евсевия, то естественно допустить, что в него вошли епископы не только Пеллы, но и некоторых других колоний первобытной иерусалимской общины.

Евангелие, которым пользовались эти древние христиане, было бы более интересным свидетельством о них, если бы оно дошло до нас в более полном виде. Это было, разумеется, еврейское, т. е. арамейское евангелие; оно довольно рано было переведено на греческий язык и получило тогда название Евангелия от евреев καθ' Ἑβραίου. Бл. Иероним¹²⁵ часто говорит о нем; он знал еще его семитский текст, который он иногда отождествляет с еврейским подлинником Евангелия от Матфея.¹²⁶ Это заставляет предполагать, что между каноническим Евангелием от Матфея и Евангелием «от евреев» было довольно заметное сходство. Однако, поскольку можно судить по дошедшим до нас отрывкам, различия были немаловажные. Евангелие это, по-видимому, не менее древне, чем наши синоптические евангелия¹²⁷, но совершенно независимо от них; оно вероятно было составлено в среде христианской общины в Пелле¹²⁸.

Как раз из Пеллы происходил Аристон, автор утраченного ныне диалога между Паписком и Язоном, написанного с целью распространения христианского вероучения: еврей вступает здесь в спор с иудействующим христианином и убеждается его доводами. Это сочинение появилось вскоре после восстания Бар-Кохебы; Евсевий почерпнул из него несколько сведений об этом событии.¹²⁹

Эту Пелльскую церковь, даже вместе с ее колониями в Сирии и Палестине, нельзя считать представительницей всего иудействующего христианства. «Рассеяние» (Диаспора)¹³⁰ всюду, понемногу и в особенности в крупных центрах, как в

Александрии, насчитывало в своей среде евреев, обращенных в христианство, но не считавших себя свободными от исполнения иудейского Закона. Широкая терпимость¹³¹ ко всему, что касается учения, господствовавшая в среде евреев, позволяла им принимать христианство, но сами они оставались евреями. С другими христианами, существование которых они конечно допускали, их отношения должны были слагаться приблизительно так же, как они установились в Антиохии с одобрения Петра и Варнавы и к великому негодованию Павла. Иустин¹³² знал христиан этого рода; он полагал, что они спасутся, лишь бы они не принуждали верующих иного происхождения вести их образ жизни; он однако знал, что его мнение не разделялось всеми, и что были люди, отказывавшиеся от общения с иудействующими христианами.

Иустин говорит только об отдельных личностях, он не дает сведений о положении общин и об отношениях, последних к представителям великой церкви. Егезипп, в конце II века, более точен. Он изображает «Церковь», т. е. иерусалимскую церковь, сперва верною преданию, затем волнуемой разными ересями, начало которых положил некий Фебутий с досады, что не попал в епископы. По мнению Егезиппа все эти ереси имеют своим источником разные еврейские секты – ессеев, галилеян, гемеробаптистов, масботеев, самарян, саддукеев, фарисеев. Этот перечень включает довольно разнородные имена, но общая мысль верна и подтверждается фактами. Как и иудейство, из которого она возникла, эта иудействующая христианская церковь придавала чрезмерное значение исполнению Закона и недостаточно защищала себя от догматических измышлений.

Егезипп был иудействующим (христианином); таково мнение Евсевия, который был знаком со всеми его творениями, и это, по-видимому, подтверждается его обыкновением ссылаться на Евангелие от евреев, частым употреблением еврейских слов и наконец его близким знакомством с историей иерусалимской церкви.

Видно, что эта последняя представляется ему православной и достойной почитания; однако он не чувствовал

себя оторванным от родной почвы ни в римской, ни в коринфской среде. Он собирал сведения о преемстве епископов и о том, как они хранили первоначальное предание. По его словам, все шло там согласно Закону, пророкам и Господу.

Оптимистический взгляд Иустина и Егезиппа не повлиял на предание; неблагоприятное мнение об иудействующих христианах получило перевес со времен Ириния и Оригена¹³³. В глазах этих писателей иудействующее христианство было сектой, и именно сектой эвионитов (ἐβιωνῆται). Это наименование, из которого не замедлили вывести имя воображаемого основателя секты, Эвиона, означает бедность его носителей. Иудействующие христиане в Сирии с самого начала получили прозвище назареев¹³⁴, которое упоминается уже в Деяниях апостольских¹³⁵; его очевидно произвели от имени Спасителя, – Иисус из Назарета. Возможно, что они себя называли или их прозвали «эвионим» без намерения унижить. Не сказано ли в Евангелии: «блаженны бедные»?¹³⁶ Позднее их противники из среды великой церкви, гордые своим учением о божественной природе Христа, связали с этим именем понятие о бедности учения и сделали его презрительной кличкой. Ориген в противоположность св. Иринею хорошо видел, что в данном случае, мы имеем дело не с ересью в настоящем смысле этого слова, подобной ереси Керинфа или Карпократа, а с запоздалым пережитком иудействующего христианства первых времен. По описанию св. Ириния эвиониты отличались верным соблюдением требований моисеева закона,¹³⁷ обрезания и проч.; они питали великое почтение к Иерусалиму и во время молитвы обращались в его сторону; они учили, что мир создан самим Богом, и в этом их отличие от всякого рода гностиков. Они были особенно преданы Закону, пророков толковали искусственно¹³⁸. Такова их дань иудейству. Что же касается их христианства, то они пользовались только одним Евангелием от Матфея¹³⁹, отвергали послания ап. Павла, считая его отступником, а Спасителя признавали сыном Иосифа. Однако здесь мнения расходились: Ориген

свидетельствует, что одни допускали, другие отвергали чудо Его рождения.

Таким образом, замыкаясь в рамках моисеева закона, иудействующие христиане незаметно дошли до отделения от великой церкви. Несмотря на известные индивидуальные оттенки в их среде и на известные благоприятные отзывы о них, это отделение обнаружилось уже к концу II столетия.

Оно выражалось даже в полемике. К концу II века некий Симмах, эвионит, известный тем, что перевел Ветхий Завет на греческий язык, написал против нападок остальных христиан сочинение в защиту взглядов своих единомыслителей.¹⁴⁰

В крупных еврейских колониях эвиониты были рассеяны всюду понемногу. Греческий перевод их евангелия был уже с весьма ранних пор, со времен Траяна, известен в Египте; название «Евангелие от евреев» было без сомнения дано ему в отличие от другого евангелия, принятого в этой области – «Евангелия от египтян», бывшего в обращении среди христианской общины в Александрии. Гораздо далее, среди народов южной Аравии, где иудейство привлекло уже и не переставало привлекать многочисленных последователей, христианство было проповедано в иудействующей форме. Пантен, посетивши эту страну во времена Марка Аврелия, нашел здесь Евангелие от евреев,¹⁴¹ которое по преданию было принесено ап. Варфоломеем, первым проповедником в этих отдаленных странах.

Однако даже со всеми своими разветвлениями (диаспорой), иудействующая церковь оставалась малолюдной. Она без сомнения потерпела при Траяне и Адриане от тех бедствий, которые обрушились на еврейский народ. Во времена Оригена она занимала не видное положение. Великий толкователь отвергал¹⁴² предположение, будто 144000 избранных Израиля в Апокалипсисе представляют иудействующих христиан; такое число кажется ему для этого слишком преувеличенным. Так как Ориген писал два века спустя после Христа, то его исчисления должны охватывать 5–6 поколений. Следовательно, он не предполагал, чтобы иудействующих было очень много.

В IV веке еще существовали назареи; Евсевий, св. Епифаний, бл. Иероним, в особенности последний, были знакомы с ними. О них заходит речь большей частью по поводу их евангелия; отзывы об их учении неблагоприятны¹⁴³. Hieron. *Ep. ad. August.*, 89. – Св. Епифаний, не колеблясь, причисляет их к еретикам (Haer., XXIX). Там и сям можно подметить у них некоторые следы влияния великой церкви или даже сближения с нею. Слияние совершилось, вероятно, путем единичных присоединений. Ни одна из общин иудействующих христиан не вошла, в качестве таковой, в состав восточных патриархий.

Таков был незаметный и жалкий конец иудействующего христианства. По мере того, как церковь развивалась в греко-римском мир, она покидала свою колыбель; она должна была освободиться от иудействующих так же, как от самого иудейства. Во время своего последнего путешествия в Иерусалим ап. Павел испытал насилие со стороны евреев и недоброжелательное отношение со стороны иудействующих христиан, а защиту и относительное покровительство нашел у римлян. Это положение представляется символическим.

Но ап. Павлу приходилось считаться не только с иудействующими законниками. Он встретил на своем пути утонченное иудейство, которое соединяло с моисеевыми предписаниями еще особые обряды и аскетические упражнения, дополняя в то же время простые верования Израиля мудреными религиозными и философскими измышлениями. Ессеи в Палестине, Филон и ему подобные в иудейском рассеянии в разных видах были одушевлены одним и тем же стремлением к усовершенствованию предания. Оно скоро дало себя почувствовать и в первобытных христианских общинах. На это высшее иудейское учение опирались учителя, против которых боролся ап. Павел в своих посланиях к азийским церквам и с которыми позднее познакомился св. Игнатий. В частности выражением его служит учение Керинфа. Во II веке это движение, по-видимому, немного, улеглось, по крайней мере оно не бросается более в глаза среди шума, поднятого сектами гностиков. Лет сто после Керинфа и Игнатия мы

слышим вновь проповедь иудействующего христианства подобного же типа.¹⁴⁴ Во времена папы Каллиста (217–222 г.), некий Алкимад, прибывший из Апамеи в Сирии, был представителем его в Риме. Он принес с собой мистическую книгу, которая была будто бы ниспослана некоему праведнику, по имени Элкасай, в 3 г. царствования Траяна (100 г.)¹⁴⁵ в баснословной стране Серов. Элкасай получил ее от ангела ростом в двадцать пять схинов или девяносто шесть миль, называвшегося Сыном Божиим; подле него было существо женского пола такой же величины – Святой Дух.¹⁴⁶ Откровение заключается лишь в проповеди покаяния, или скорее очищения чрез крещение, непрестанно возобновляемое. Крещаемый погружался в воду, призывая семь свидетелей, т. е. Небо, Воду, Святых духов, Ангелов молитвы, Елей, Соль и Землю. Этот обряд, по их мнению, не только очищал от греха, но излечивал от бешенства и других болезней. Имелись заклинания, состоявшие из сирийских слов, произносившихся наизусть. Эта секта, по-видимому, не имела большого успеха вне своей родины, где она очевидно раздробилась, ибо св. Епифаний знал несколько ее разновидностей, которые описал под именем оссеев, эвионеев, сампсеев. В его время все они были сосредоточены в области к востоку от Мертвого моря и Иордана. Из семьи Элказая были еще в живых две женщины, которых их единоверцы очень почитали, Марфуза и Марфана.

Эти сектанты соблюдали еврейские обычаи, но держались своих взглядов на канон Св. Писания. Пророков они отвергали, из Моисеева закона устранили все, что касается жертвоприношений; они унижали ап. Павла и отвергали его послания. Новый Завет начинался евангелием, из которого св. Епифаний сохранил нам несколько отрывков. Сектанты считали этот текст написанными ап. Матфеем от имени всех двенадцати апостолов.¹⁴⁷ Среди них обращались также сказания об апостолах, содержащиеся в особых книгах, как «Керигмы (поучения) Петра», из которых образовались Клементины¹⁴⁸, и «Восхождения св. Иакова», на которые ссылается св. Епифаний. В этих разнообразных произведениях усиленно проповедуется аскетизм, особенно растительная пища и

отвращение от вина. Даже для евхаристии вино заменялось водой. Христология имеет сходство с христологией Керинфа и эвионитов: Иисус, сын Марии и Иосифа,¹⁴⁹ возвысился до степени божества в момент своего крещения чрез соединение с эоном Христом; последнего одни отождествляли с Св. Духом, другие с Адамом, третьи, наконец, с высшим ангелом, созданным раньше всей прочей твари, воплощавшегося уже в Адаме и других лицах Ветхого Завета. О том, какое отношение имел этот Христос к ангелу, носившему имя Сына Божия, умалчивалось.

Эти учения и обряды в общем не представляют ничего особенно нового. Это – старые «иудейские басни» времен ап. Павла, которые пытаются подновить, ссылаясь на новое откровение и подкрепляя себя литературными произведениями, составленными с этой целью.

Глава X. Произведения христианской литературы

Послания ап. Павла. Евангелия. Ученики, переселившиеся в Азию: Филипп, Аристион, Иоанн. – Предание об ап. Иоанне. Произведения Иоанна. Устное предание и синоптические евангелия. Другие канонические книги. Разные произведения: Дидахе, послание Варнавы, книги, приписываемые ап. Петру. – Климент, Ерм и прочие «мужи апостольские».

С того момента, как прерывается рассказ Деяний, и до середины II века, документы по истории христианства становятся очень редки, и их слишком трудно подобрать в известном порядке или даже истолковать, чтобы по ним можно было составить последовательный исторический рассказ. Главные черты уже указаны выше; возрастающей успех евангельской проповеди, использование ею результатов, добытых или подготовленных иудейской пропагандой, упрочение универсального характера новой религии, взаимное обособление христианских и иудействующих общин, первые проявления смелых мнений, предвещавших будущие ереси, устойчивость предания, всюду находившего себе опору в местной иерархии, окрепшей и уяснившей круг своих полномочий, внешние опасности вследствие нелегального существования.

Таковы общие черты положения; они естественно вытекали из условий, при которых распространялось и утверждалось христианство. Другой факт общего характера и весьма важный по последствиям подлежит теперь нашему рассмотрению: это появление христианской литературы.

Мы говорили уже о посланиях ап. Павла, которые в общем являются древнейшими памятниками христианской письменности. Если оставить в стороне *Пастырские послания* которые, по крайней мере в том виде, в каком дошли до нас, принадлежат к несколько позднему времени, все прочие группируются между 53 и 62 годами. Хотя они были сперва написаны для христианских общин иногда отдаленных друг от

друга, однако из них довольно рано составилась сборник. Климент и Поликарп, по-видимому, имели его в руках.

Сложнее и вместе с тем темнее история евангелий. Постараюсь вкратце передать то немногое, что о ней известно.

Как мы видели выше, не все из первых последователей Христа остались в Иерусалиме но еще задолго до осады Иерусалима началось рассеяние вследствие ли местных гонений или в интересах проповеди. Апостолы разошлись по разным местам, а с ними много других крупных личностей, как напр., Сила, сопутствовавший Павлу в его втором путешествии. Иудейская война должна была еще более ускорить этот исход и занести в далекие края очевидцев самого зарождения христианства. Переселенцы эти естественно принадлежали к разряду людей с более широким кругозором, не боявшихся жить вдали от Палестины, среди язычников. Азия приняла к себе некоторых из них. В числе их находился евангелист Филипп, один из семи иерусалимских диаконов. Во время своего последнего путешествия (58 г.) ап. Павел встретил его в Кесарии, где он поселился, и пользовался здесь его гостеприимством. У Филиппа было в то время четыре дочери девственницы и пророчицы.¹⁵⁰ Семья эта переселилась потом во Фригию, в Иераполь, город, как уже видно это по названию, славившийся своими языческими святилищами. Папий, епископ Иерапольский (в первой половине II века), знал этих пророчиц и записал их рассказы¹⁵¹. Поликрат, бывший в конце того же века епископом в Ефесе, рассказывает, что две из них, хранившие девство и умершие в преклонных летах, были похоронены с отцом в Иераполе, а третья в Ефесе¹⁵². Из его слов видно, что в областях Азии Филиппа Иерапольского смешивали уже с одноименным ему апостолом, одним из двенадцати. Это смешение получило распространение. Кроме Филиппа и его дочерей, предание запомнило еще имя некоего Аристиона, которому недавно описанная рукопись приписывает второканоническое окончание Евангелия от Марка¹⁵³, и какого-то Иоанна, прозванного по противоположности Старцем (πρεσβύτερος). Оба они были «учениками Господа». Они жили

до глубокой старости, так что Папию довелось еще при их жизни записать некоторые их поучения.

Над этими немного уже неясными воспоминаниями парит образ ап. Иоанна, сына Зеведеева, которому предание приписывает Апокалипсис, четвертое Евангелие и три послания из числа соборных. Вопрос, он ли действительно автор всех этих произведений, является в настоящее время весьма спорным. Оспаривают даже самый факт его пребывания в Азии.

Не вдаваясь во все подробности этих проблем, необходимо отметить здесь их главные основания.

Апокалипсис несомненно есть произведение какого-то пророка Иоанна, который является в нем облеченным высоким авторитетом в глазах азийских и фригийских церквей. Книга его была написана на небольшом острове Патмос, куда автор ее был сослан за веру. Он именует себя различным образом, но никогда не называет апостолом. Напротив, самый тон, каким он говорит о «двенадцати апостолах Агнца» (XXI, 14), производить такое впечатление, что он выделяет себя из их высокочтимой среды.

Однако самый древний автор, упоминающий об Апокалипсисе, св. Иустин, не колеблясь, приписывает его ап. Иоанну¹⁵⁴; также и позднейшие писатели, за немногими лишь исключениями, которые, по-видимому, внушены скорее догматическими соображениями, чем данными противоположного предания. Св. Иустин около 135 года долго жил в Ефес, т. е. лет сорок спустя после того времени, к какому обыкновенно относят появление Апокалипсиса.

Если принять предание, самым древним представителем которого является Иустин, пребывание ап. Иоанна в Азии не подлежит сомнению, но остается еще под вопросом, можно ли приписать ему Евангелие, и в настоящем положении спора немногие критики склоняются к этому.

Здесь не только молчание Апокалипсиса противопоставляется преданию, но и молчание Папия, который упоминает о св. Иоанне, как об обыкновенном апостоле, и как будто вовсе не знает, что он имел особенные отношения к азийской области. Наконец, еще знаменательнее молчание св. Игнатия: он не

только ни одним словом не обмолвился об ап. Иоанне в своих посланиях к азийским церквам, но, поставляя на вид ефесянам их связь с апостолами, он упоминает исключительно об ап. Павле. Поликарп в послании к филиппийцам хранит такое же молчание.

В Риме апостольское предание обосновано совсем иначе. Оно имеет за себя Первое послание Петра и послание Климента – два документа первого века. Игнатий, который не думает ссылаться на ап. Иоанна перед ефесскими христианами, с живостью напоминает римским об их особой близости к апп. Петру и Павлу.

Однако, оставляя в стороне Апокалипсис, я не думаю, чтобы следовало придавать слишком большое значение молчанию Игнатия и Поликарпа. Можно удивляться, что их послания умалчивают об ап. Иоанне, но упоминается ли в них об Апокалипсисе и его авторе? Однако, во всяком случае, последний, – отождествляли его или нет с сыном Зеведея, – был первостепенным религиозным авторитетом для азийских церквей. Можно было бы рассчитывать встретить какие-нибудь намеки на его личность, видения, послания в увещаниях, обращенных Игнатием несколько лет спустя после его смерти, к верующим в Ефесе, Смирне и других азийских городах, однако, на деле Игнатий ничего о них не упоминает. Более того, в самой середине IV века, когда пребывание в Азии ап. Иоанна было общепризнанным фактом, биограф св. Поликарпа, рассказывая первоначальную историю азийских церквей от Павла до Поликарпа, подробно описывая возведение в сан знаменитого смирнского епископа, ни разу при этом не называет ап. Иоанна, и это в книге, героя которой св. Ириней и Евсевий, уже с давних пор изображали учеником сына Зеведеева. Не удивительно ли такое молчание? Можно ли заключить отсюда, что жители Смирны в IV веке не знали еще, что ап. Иоанн был в Азии?

Итак, не следует слишком много извлекать из факта молчания Игнатия и Поликарпа; что же касается Папия, то и его молчание не является более убедительным¹⁵⁵, ибо от него уцелело лишь несколько фраз, и никто не может утверждать,

чтобы он имел другое мнение об авторе Апокалипсиса, чем его современник Иустин.

Остается молчание самого Апокалипсиса. Но можно ли считать себя в праве, что-нибудь решительно доказывать на основании качеств, какие себе приписывает или не приписывает автор такой необычайной книги? Он говорит не в качестве апостола или свидетеля евангельских событий и благовестника, а как пророк прославленного Христа, пребывающего на небесах, руководящего оттуда верующими в Него и напоминающего им о Своем близком пришествии. Можно спросить, какая ему была нужда называть себя именем, не относящимся к тому служению, которое он исполнял, оглашая свои видения?

Итак, кажется, что между возможными толкованиями этих различных форм умолчания можно найти такие, которые не стоят в противоречии с весьма рано засвидетельствованным преданием. А в таком случае лучше еще держаться последнего, не скрывая от себя, однако, что имеются другие предания, более обоснованные.

Поступающиеся этим преданием должны признать автором Апокалипсиса «пресвитера Иоанна», о котором упоминает Папий. Довольно естественно приписать ему и два небольшие послания св. Иоанна, автор которых именует себя старцем и даже старцем по преимуществу (ὁ πρεσβύτερος), что вполне соответствует свидетельству Папия.

Что касается Евангелия и первого послания ап. Иоанна, двух очень родственных друг другу памятников, то они не имеют никаких точек соприкосновения с Азией. Ап. Иоанн мог, и не вступая в пределы Азии, написать их. Но я не намерен касаться здесь поднятых по этому поводу вопросов. Достаточно напомнить, что можно проследить следы этого Евангелия до сочинений Иустина, Папия, Поликарпа и Игнатия, и что Папий и Поликарп были знакомы также и с первым посланием Иоанна. Поэтому можно сказать, что вся совокупность этих произведений – Апокалипсис, Евангелие, Послания были известны в Азии с первых годов II века. Однако эти древние свидетельства все еще умалчивают об авторе. Предание в этом

отношении начинается лишь с Татиана и св. Иринея. Нужно сказать, что с этих пор оно становится очень ясным и определенным.

Я не хочу этим сказать, чтобы против этого не восставали. Евангелие от Иоанна, так же как и его Апокалипсис, пришлось защищать¹⁵⁶ против возражений и притом соображениями, в которые современные споры не внесли ничего существенно нового. Еще долго будут рассуждать о том, что оно не похоже на прочие Евангелия, и о том, возможно ли человеку, близкому ко Христу, представлять себе в таком вид своего Учителя, приписывать Ему те или иные речи, о неправдоподобии философского развития у палестинского рыбака, которое предполагается его знакомством с философской идеей Логоса.

Но Логос встречается также и в Апокалипсисе, т. е. в самой не александрийской книге, какую только можно себе представить. То развитие, которое вызывает сомнения, когда речь идет об апостоле Иоанне, необходимо допустить, приписывая Апокалипсис Пресвитеру Иоанну, вышедшему из той же среды. Что же касается возможного и невозможного в области евангельской истории, то полезно вспомнить, что и синоптические Евангелия разнятся между собой, и сгладить эти различия не всегда легко. Впрочем, нам весьма трудно начертать независимо от частных фактов (a priori) правила, какими должен бы был руководствоваться столь исключительный вид литературных произведений. Несомненно одно, что для публики этих первых времен совпадение рассказов и точность подробностей не имели того же значения, что для нас. Мы не в праве приравнивать наши современные требования к тем, с какими должны были считаться священные писатели.¹⁵⁷

Каковы бы ни были результаты этого спора, если даже будут приняты некоторые заключения еще нуждающиеся в доказательствах, несомненным останется один важный факт: какой-то Иоанн, «ученик Господень», пришелец из Палестины, долго жил в Азии, и церкви этой страны почитали его первостепенным авторитетом, принимали его руководство и даже предостережения,¹⁵⁸ чтили, в нем преклонный возраст,

добродетели и самовидца первых дней христианства. Он жил так долго, что стали говорить, будто он никогда не умрет; однако, он умер, но о нем сохранилось весьма живое воспоминание. Знавшие его считали это для себя честью и любили повторять его слова. Св. Иринея со слов Папия рассказывает о пресвитерах, живших с Иоанном, учеником Господним; он с большим благоговением собирал все сказанное ими. Поликарп, которого еп. лионский знал в своем детстве, был из числа этих пресвитеров (presbyteri). Могила Иоанна в Ефесе была известна и почитаема. Легенда, разумеется, не замедлила украсить это воспоминание. В конце II века Поликрат, епископ ефесский, называет Иоанна священником, носящим золотую дощечку (на головной повязке), т. е. он видит в нем иудейского первосвященника. Климент Александрийский сохранил нам трогательный рассказ о том, как престарелый апостол бежал, чтобы спасти заблудшегося юношу.¹⁵⁹ Тертуллиану уже известно, что в Риме Иоанн был брошен в котел с кипящим маслом: его жизнь, чудеса и кончина, или скорее таинственное успение, прославлялись в одном из древнейших сказаний об апостолах.¹⁶⁰

Престарелые азийские учителя, изречения которых дошли до нас благодаря Папию и Иринею, являются последними представителями устного предания. Очевидно, что в начале, когда Новый Завет еще не сложился, а Евангелия в частности или не были написаны, или не пользовались широкой известностью, жили только этим преданием. Такое положение было не безопасно, ибо известно, с какой легкостью искажается предание, не закрепленное в письменности.

То, что вверено памяти человека, легко поддается искажению со стороны его воображения или увлечены его красноречия. В той среде, где жил Папий, ходили рассказы о том, что Христос дожил до преклонного возраста (aetas senior)¹⁶¹, что Иуда не повесился, как сказано в Евангелии, а распух до такой степени, что не мог больше проходить даже по улицам, по которым свободно проезжали колесницы; глаза его исчезли под вздувшимися веками... наконец, умирая, он издавал такое зловоние, что жители принуждены были покинуть

место, где он жил, и что оно смердило еще во время жизни рассказчика.¹⁶² Апокалипсис предвещал тысячелетнее царство праведников до всеобщего воскресения. Тема эта была довольно богато разработана. В тысячелетнем царстве будут произрастать лозы в десять тысяч ветвей; на каждой ветви будет десять тысяч отростков и на каждом отростке десять тысяч кистей с десятью тысячами ягод каждая; и каждая ягода будет давать двадцать пять метрет вина. С пшеницей дело будет обстоять также.¹⁶³ И эти предсказания выдавались за изречения самого Христа. Иуда, неверующий еще прежде своего предательства, позволял себе возражения и спросил, каким образом Бог может произвести такое плодородие. «Узнают это те, ответил Христос, которые войдут в это царство».

Настало время принять писанные Евангелия и придерживаться их повествований. Мы очень слабо осведомлены относительно редакции и первого появления этих авторитетных текстов, а так же и о том, как они были сначала приняты. Сверх того общего факта, что Евангелия были даны церкви апостолами или их непосредственными учениками, результаты, к которым приводит нас самая осведомленная, проницательная и даже самая смелая критика, всегда имеют нечто неясное и гадательное, что можно принимать лишь с сомнением и в виде предварительной гипотезы. В занимающем нас вопросе самым древним внешним свидетельством, на которое можно опереться, служат переданные Папием слова пресвитера Иоанна об Евангелиях Марка и Матфея. «Марк, истолкователь Петра, говорит Папий старательно, но не держась порядка, записывал свои воспоминания о словах и деяниях Христа. Он сам не слушал Господа и не сопутствовал Ему, но впоследствии был с Петром, который рассказывал сообразно с требованиями своей проповеди, а не с тем, чтобы беседы Господа передать по порядку. Поэтому Марк не заслуживает упреков за то, что писал, как запомнил. Он заботился лишь об одном: ничего не опустить из слышанного и передать только правду». Черпая по-видимому, из того же источника, Папий продолжает: «Матфей записал беседы Господа (Logia) по-еврейски; а всякий толковал их как мог». К

сожалению, нам неизвестно, что говорил пресвитер Иоанн о третьем Евангелии. Его апологетическая оценка Евангелия Марка, по-видимому, предполагает возражения, выдвинутые кем-то против этого Евангелия. Иоанн отстраняет их, но он держался того мнения, что Марк не представляет собой совершенства, что повествование, записанное не слушателем апостола, а непосредственным свидетелем, повествование полное и, главное, более последовательное, имело бы некоторое преимущество перед вторым Евангелием. Идеал этот не мог быть найден им в Евангелии от Матфея, в котором дана та же последовательность события, что и у Марка, и греческий текст которого не казался ему достаточно установившимся. Лука тоже подлежит исключению, ибо он, как и Марк, не был непосредственным учеником Христа. Остается Иоанн. Не выражается ли в этом косвенное предпочтение четвертого Евангелия?

Эти соображения довольно соответствуют мысли, которая всплывает двумя, тремя поколениями позднее и согласно с которой четвертый евангелиста более или менее подтверждает тексты остальных трех евангелистов, стараясь в то же время пополнить их иначе задуманным изложением.

Восходя за пределы беседы пресвитера Иоанна, мы вступаем в область гаданий.

Христианская проповедь немыслима без некоторого повествования о жизни ее Основателя. Апостолы с самых первых дней должны были рассказывать о своем Учителе, напоминать о Нем тем, которые знали Его, и возвещать о Нем никогда не видавшим Его.

Из этого устного и естественно неодинакового евангелия должны были с ранних пор произойти различные и, в свою очередь, неполные редакции, которые, комбинируясь между собой и передаваясь через более или менее многочисленные посредства, образовали в конце концов три текста, которые мы называем синоптическими, равно как и несколько других, непринятых церковью, но тоже весьма древних. Здесь я намерен в особенности остановиться на Евангелии от евреев и Евангелии от египтян. Первое было составлено на арамейском

языке и принято иудействующей церковью в Палестине, а затем переведенное на греческий язык (καθ' Ἑβραίου)? оно распространилось по ее колониям, особенно в Египте. Здесь оно очутилось в соперничестве с другой редакцией, бывшей в употреблении у христиан из язычников, Евангелием от египтян (κατ' Αἰγυπτίου). Таковы, по крайней мере, самые вероятные предположения, высказанные до сих пор о происхождении и назначении этих Евангелий.

Возможно, что наши синоптические Евангелия первоначально были предназначены для местного употребления, как Евангелие евреев и Египтян. Но имена, которыми они украшались, всюду завоевывали им доверие. Может быть, Евангелия от Марка и Луки читались сначала в Риме и Коринфе, Матфея – где-нибудь в другом месте, но все они скоро распространились за пределами своей первоначальной среды. Рано они стали известны в Азии, где, по-видимому, было написано четвертое Евангелие. Раз евангельские тексты были собраны, их стали сличать между собой. Написанный с весьма относительным стремлением к точности в подробностях и к строгости в хронологии, непосредственно вдохновленные не всегда одинаковыми задачами, они представляли различия, на которых внимание не могло не остановиться. Отсюда попытки пополнить, или исправить одно на основании другого, или даже слить их рассказы в одно связное повествование. Дошедшие до нас рукописи, а также выдержки из Евангелий у древних авторов носят следы этой работы; некоторые из них восходят к весьма глубокой древности. Другие же, не имея за собой такого свидетельства, навязываются нам своим правдоподобием. Здесь, впрочем, опасно утверждать что-либо определенное. Надежнее не слишком углубляться в потемки, где можно испортить глаза, не достигнув сколько-нибудь ценных результатов.

К тому же, для истории христианского развития имеет важность не то, что можно было бы назвать доисторическим периодом существования Евангелий, а последствия их влияния на религиозную жизнь церкви.

К тем далеким временам, когда появились Евангелия, и к последующему поколению восходит известное количество произведений, которые, будучи приписаны самим апостолам или другим видным деятелям, стяжали себе большое уважение. Большая часть из них составлены в виде писем; все вообще они отличаются религиозно-поучительным или назидательным характером. Может быть некоторые из них первоначально были проповедями, произнесенными на собрании христиан. Их читали при богослужении после или вместе с Священным Писанием. Когда признали нужным установить христианскую Библию, Новый Завет, некоторые из этих произведений нашли там себе место.

Таким образом, Послание к евреям, сперва анонимное, затем приписанное одним Варнаве, другими Павлу, в конце концов было приложено в виде дополнения к сборнику посланий ап. Павла. Составился и другой сборник – соборных посланий, т. е. обращенных ко всей церкви в ее совокупности; он долго оставался в незавершенном виде и, смотря по месту, в него включали большее или меньшее количество посланий. Со временем число семь возобладало. Эти семь посланий составляют три вышеупомянутые послания Иоанна, два послания Петра, одно Иуды и, наконец, одно ап. Иакова.

Кроме этих произведений, за которыми церковь признала божественное вдохновение и сочла их достойными занять место между каноническими писаниями, имеются другие, свидетельствующие нам об убеждениях наших предков по вере. Апостолы, по мере того, как число их убывало, и особенно после того, как все они умерли, приобретали в глазах верующих все большее и большее значение.

Казалось, будто одни апостолы имели право говорить к Церкви. Даже после своей смерти они продолжали поучать и назидать. Небольшое, весьма древнее сочинение, составленное не позднее времен Траяна – Учение XII апостолов (Διδαχή) – якобы написанное ими, содержит вкратце предписания общенравственного свойства и советы насчет организации общин и отправления богослужения. Это – достойный внимания прототип всех сборников апостольских уставов или канонов,

положивших начало восточному и западному церковному праву. Долгое время в обращении было послание, сперва анонимное, а затем приписанное Варнаве; в своей назидательной части оно очень близко «Учению XII апостолов». Это последнее и послание Варнавы, по-видимому, имеют в своей основе более раннее произведение, в котором нравственные правила излагались в виде описания двух путей – добра и зла. Но Псевдо-Варнава не ограничивается изложением нравственных правил; его послание содержит еще учение или скорее полемику против иудействующих. Последняя увлекает автора в настоящие крайности. По его мнению Ветхий Завет был написан для христиан, а не для Израиля, который, будучи обольщен сатаной, никогда не понимал его. Это странное положение доказывается из самого Писания, которое подвергается самому неумеренному аллегорическому толкованию.

Кроме своих двух канонических посланий, Петр является патроном еще других произведений: Проповеди Петра (Κήρυγμα), Апокалипсиса Петра, Евангелия Петра; от них уцелели лишь отрывки. Первая из этих книг – самая древняя. То, что от нее уцелело, дает понятие об увещаниях в духе среднего направления в христианстве, без уклонения вправо или влево; с трудом можно найти здесь несколько характерных черт, подтверждающих древность памятника, о которой нам известно из других источников. Апокалипсис, пользуясь рассказом о сошествии Христа в ад, описывает в назидание живущим муки, ожидающие грешников в другом мире. Что же касается Евангелия, очевидно, более позднего происхождения, чем все четыре канонические, но тем не менее весьма древнего (приблизительно около 110–130 гг.), то оно имеет смелые особенности. В среде, в которой оно возникло, евангельская история начала улетучиваться под влиянием докетизма. Повествование в общем не уклонялось от традиционных рамок, но пополнялось рассказами, искаженными фантазией или даже некоторыми богословскими тенденциями.

Все упомянутые до сих пор произведения считались, по крайней мер в некоторых церквах, священными; они

пользовались честью публичного чтения в собраниях христиан.

Такое же значение имело послание римской церкви, обращенное около 97 года к коринфской и составленное епископом Климентом. Другой памятник, проповедь, а не послание, и проповедь, неизвестно где произнесенная – в Риме, Коринфе или даже в другом месте – была присоединена в рукописях к посланию и пользовалась авторитетом имени Климента.

Таким образом, получилось два послания св. Климента. Климента не без основания считали учеником апостолов и мужем апостольским. Обаяние, которым пользовались апостолы, распространялось и на него.

Другое римское произведение, Пастырь Ерма, тоже удостоилось чести публичного чтения во многих церквях. Оно несомненно выдавало себя за боговдохновенное. Даже роман, посвященный личности св. Павла (*Acta Pauli*), довольно позднее произведение II века, в иных местах причислялся к «священным книгам».

Другие не менее и даже, быть может, более древние произведения, чем только что названные, не пользовались таким уважением. Я особенно имею в виду семь посланий св. Игнатия и послание св. Поликарпа, которые восходят до времени Траяна и приписываются высоко чтимым лицам. То же можно сказать об утраченной книге Папия Иерапольского «Объяснения Господних изречений».

Каковы бы ни были их известность и авторитета, все эти книги имеют то общее, что были написаны для церкви, и что она признала в них то вдохновение, которое одушевляет и ее. Это – книги эсотерические, обращенные к членам церкви и предназначенные для утверждения веры и оживления христианского чувства. Неудивительно, что, благодаря их общему характеру, сначала не старались установить между ними тех точных разграничений, из которых позднее возникли разные каноны Нового Завета, и, наконец, канон, ныне принятый всем христианским миром. Христианство с ранних пор, с самого конца первого века, обладало известным количеством книг, принадлежавших собственно ему, а не унаследованных им от

Синагоги. Они содержали, в главных чертах и основных данных его собственное предание, в котором уже намечались существенные черты его развития в области учения и учреждений. Это – факт весьма важного значения, и не взирая на некоторые спорные подробности, факт неопровержимый.

Глава XI. Гносис ¹⁶⁴ и маркионизм

Первые ереси и иудейские спекуляции. Враждебное отношение к Богу Израиля: Симон Волхв и ему подобные. – Сатурнил Антиохийский. – Сирийский гносис. – Гностические школы александрийского происхождения: Валентин, Василид, Карпократ. – Сущность гносиса – Гностическая экзегетика. – Демиург и Ветхий Завет. – Евангелие и предание. – Гностические братства. – Пропаганда в Риме. – Маркион. – Его принципы, учение, основанный им церкви. – Устойчивость православия. – Еретическая литература. – Православная полемика.

Мы видели, что ересь возникла одновременно с Евангелием. Поле отчее едва лишь было засеяно, как плевелы уже показываются рядом с добрыми ростками. Отсюда постоянная тревога у руководителей первоначальных общин, сказывающаяся в посланиях ап. Павла, в Пастырских посланиях, в Апокалипсисе, в посланиях ап. Петра, ап. Иуды и св. Игнатия. Насколько эти писания позволяют судить об оспариваемых учениях, последние можно, по-видимому, свести к следующим положениям.

1. Природа и закон, будет ли то естественный закон или закон Моисеев,¹⁶⁵ суть произведения духов, стоящих ниже Бога Отца, Вышнего и Истинного Бога.

2. Этот Вышний Бог явил себя в Иисусе Христе.

3. Истинный христианин может и должен освободиться из-под власти сил, сотворивших мир и давших закон, дабы приблизиться к Богу Отцу.

Эти положения нельзя рассматривать как простое искажение апостольского учения. Очевидно, сюда вошли христианские начала, но за исключением места, отведенного Иисусу Христу и Его делу, остальное стоит отдельно и легко объясняется эволюцией еврейской мысли, получающей возбуждение со стороны философской любознательности греков. Чтоб дать себе в том отчет, достаточно вспомнить существенные пункты учения Филона.¹⁶⁶ Бог, по его мнению,

существо бесконечное; Он не только выше всякого несовершенства, но и всякого совершенства, даже всякого определения. Вне Его и независимо от Него существует материя, на которую Он воздействует через посредство многообразных сил. Между ними первое место принадлежит Слову. Эти силы и самое Слово изображаются то как имманентный Богу, то как отличные от Него ипостаси; они сближаются то с идеями Платона, то с действующими причинами стоиков, то с ангелами Библии и демонами язычников. Мир создан ими из предвечного материального начала. Некоторые из них заключены в человеческие тела,¹⁶⁷ и от несоответствия их божественной природы с чувственной оболочкой происходит нравственный конфликт между долгом и хотением. Цель нравственной жизни – победа духа над плотскими влечениями. Главное средство к тому – аскетизм; с Божией помощью полезно также знание и хорошо направленная деятельность. Этим путем душа приближается к Богу и в будущей жизни соединится с Ним, даже в этой жизни, в состоянии экстаза ей может быть дано временное обладание Им.

Итак, Бог далеко отстоит от мира и соприкасается с ним лишь через исходящих от Него посредников; некоторые божественные начала существуют в человечестве, как бы заключенные в узы материи, от которой они стремятся освободиться.

Вот самая сущность гностицизма. Остается только ввести сюда личность Христа и Его искупительную деятельность, цель которой возвратить к Богу затерянные на земле частицы божества. С этим добавлением мы получаем как раз те самые учения, которые оспаривались древнейшими христианскими писателями. Однако, чтобы дойти до чистого гносиса, нужно сделать еще один шаг: антагонизм, допускаемый между Богом и материей, нужно перенести в среду небожителей; творца нужно представить себе более или менее явным врагом Вышнего Бога, а в деле спасения противником искупления.

Чтобы придти к этому, надо было открыто порвать с религиозными представлениями Израиля. Ни Филону, столь

почитавшему свою религию, ни учителям закона, «иудейские басни» которых оспаривались апостолами, не могло придти в голову причислить Бога Авраама, Исаака и Иакова к разряду злых духов.

1. Симон и простонародный гносис

Но можно представить себе среду, где знание Библии имело достаточное распространение, чтобы служить опорой для богословских умозрений, и где, однако, не чувствовалось стесняющей почтительности по отношению к Иерусалимскому Богу. Эта среда не есть плод воображения, она действительно существовала среди самарян. Поэтому предание отцов церкви в изложении истории ересей согласно указывает на Самарию, как на их исходную точку, и на Симона Гиттонского,¹⁶⁸ прозванного Волхвом, как на их первого родоначальника. Это, разумеется, следует принять с некоторыми оговорками: ни Эвиона, ни Керинфа нельзя считать духовными потомками Симона.

Итак, в истории христианства гносис в собственном смысле впервые появляется в Самарии, старой сопернице Иерусалима. Симон поучал уже в стране, которая была его родиной, когда Филипп явился туда с проповедью Евангелия. Он «перед тем волхвовал и совращал народ самарийский, выдавая себя за кого-то великого. За ним следовали все от малого до большого, говоря: сей есть сила Божия, великая сила» (Деян. VIII). Положение, занятое им, является как бы самарянским слепком с положения Христа в Галилее и Иуде. По свидетельству Деяний, он присоединился к христианству, которое проповедовал сначала Филипп, а затем апостолы Петр и Иоанн, и принял крещение. Пораженный действиями Духа среди новообращенных, он сделал попытку получить за деньги от апостолов силу совершать такие же чудеса. Притязание это было отвергнуто. Тем не менее в Самарии Симон был у себя дома, и ему было дано одержать верх над Духом Святым. Св. Иустин, который был родом из той же страны, передает,¹⁶⁹ что в его время почти все самаряне почитали Симона за бога, за бога высшего и господствующего над всеми силами. Одновременно поклонялись и его Мысли (Ἐννοια), которая, подобно ему, воплотилась в женщине по имени Елена. Св. Иринея сообщает больше подробностей об учении Симона. «Существует, по

учению Симона, Высшая Сила, *sublimissima Virtus*, имеющая соответствующее женское начало, свою Мысль. Исходя от Отца, Мысль создала ангелов, а они в свою очередь создали мир. Но так как ангелы не хотели казаться тем, чем были в действительности, т. е. творением Енноиа, то они удержали ее, поработили, заключили в женское тело, и затем заставили переселяться из одной женщины в другую. Она воплощалась в Елене, супруге Менелая и, наконец, сделалась проституткой в Тире. Вышняя Сила явила себя иудеям в виде Сына – в Иисусе; в Самарии в виде Отца – в Симоне; в других странах в виде Духа Святого». Вмешательство Бога в дела мира было вызвано, во-первых, необходимостью освободить Енноиа, а затем дурным управлением ангелов. Пророки были вдохновлены ими, поэтому они не заслуживают внимания. Верующие в Симона могут, посредством волхвования, побеждать господствующих в мире духов. Что же касается дел, то они не имеют значения, потому что спасает благодать Божия; закон – дело ангелов и служит лишь орудием порабощения. Ириней прибавляет, что Симон и Елена служили среди членов секты предметом божеского поклонения, что им воздвигали статуи, изображавшая их в виде Юпитера и Минервы.

Что же касается христологии, то Симон учил, что Вышняя Сила, дабы не быть узнанной во время своего нисхождения в мир, последовательно принимала вид различных ангелов и, наконец, в Иисусе облеклась в человеческий образ; таким образом среди людей Христос казался человеком, хотя не был им в действительности; в Иуде Он предал Себя на видимые страдания, не испытывая их в действительности.

Быть может, в этом изложении есть черты, которые относятся к позднему развитию учения, следовавшему за первоначальным основанием секты. Но в общем он вполне соответствует тому, что говорит Иустин, и что мы читаем в Деяниях. Это постоянное внимание к Библии, даже когда авторитет ее не признается, эта смесь дуалистических идей и греческих обрядов, эта магия, – все это вполне соответствуют самарийской среде, этой благословенной стране религиозного синкретизма. Гносис, получивший более полное развитие в

другом месте, намечает уже здесь свои характерные особенности: абстрактный Бог, мир, созданный низшими небесными существами, божество, отчасти умалившее себя в человечестве, и освобождение его посредством искупления. Здесь, в Вышней Силе и первой Мысли (Симон, Елена), можно даже видеть как бы первый намек на брачные пары сизигий валентиновой системы.

Черта достойная замечания, что инициатор этого религиозного движения выдает себя за воплощение божества: это очевидное подражание Евангелию.

Древние авторы сближают с сектой Симона секту другого самарянина, Менандра Каппаретейского; упоминается также о некоем Досифее, предшественнике самого Симона, а быть может даже и христианства, и о каком-то Клеовии.¹⁷⁰ Менандр учил в Антиохии. Все эти главари сект действовали, по-видимому, как Симон, и приписывали себе божественное происхождение. Последователи их были скромнее.

Одним из первых, на кого обращается наше внимание, является Сатурнил¹⁷¹ Антиохийский; он заставил говорить о себе не задолго до Траяна.¹⁷² По его учению Бог Отец, которого никто не может ни наименовать, ни познать, сотворил ангелов, архангелов, сил и проч. Чувственный мир создан семью ангелами. Они сотворили человека по лучезарному образу Всевышнего Бога, явившемуся им на мгновение, но произведение их было сначала очень не совершенно. Первобытный человек ползал по земле и не мог подняться. Бог сжалился над ним, так как признал в нем некоторое подобие Себе; Он послал ему искру жизни, которая завершила его строение. Со смертью искра эта освобождается и возвращается к своему божественному началу.

Бог иудеев является одним из ангелов мироздателей. По их внушению говорили пророки, а некоторые даже по внушению их врага, сатаны. Эти ангелы-мироздатели восстали против Бога; Спаситель пришел, чтобы покорить их и иудейского бога в особенности. Спаситель исходит от Всевышнего Бога.¹⁷³ Он не рожден и бесплотен. Кроме торжества над иудейским богом и ему подобными, он имел в виду спасение людей или скорее

только тех, которые в искре жизни имеют божественное начало и доступны спасению.¹⁷⁴

Брак и чадородие считались в секте делом сатаны. Большинство сатурнилийцев воздерживалось от мяса животных и, по-видимому, это воздержание было причиной особенного успеха секты.

Здесь, несмотря на враждебное отношение к иудейству, мы встречаем еще библейское учение об ангелах, но небесные сизигии отсутствуют, основатель секты не претендует на божественное достоинство, наконец, мораль отличается аскетическим характером. Все это – черты, отличающая гносис Сатурнилы от гносиса Симона. Его резко выраженный докетизм, его Спаситель, имеющий лишь одну видимость человека, вполне соответствует тому, что, как мы уже отметили, озабочивало св. Игнатия, который тоже был родом из Антиохии и подобно Сатурнилу принадлежал к современникам Траяна.

Эти первобытные ереси, как кажется, не пользовались большим успехом вне сферы их возникновения. Св. Иустин, от которого мы знаем, что почти все самаряне во времена Антонина Пия были учениками Симона, говорит, что эта секта в других местах имела лишь весьма мало последователей.¹⁷⁵ На основании ложнопонятой надписи,¹⁷⁶ он полагал, что Симон был почтен в Риме статуей, воздвигнутой ему государственными властями. Но мало вероятия, чтобы Симон Волхв распространял свою деятельность так далеко от родины. Все, что передают об его пребывании в Риме и о борьбе, которая будто произошла у него там с Петром, можно отнести теперь в область легенды. Менандр обещал своим ученикам, что они не умрут. Во времена Иустина некоторые из них были еще живы.

Особенный успех, которым Симон пользовался в Сирии, далеко еще не исчерпывает всего успеха гносиса. Вследствие ли развития или подражания, но в этой стране произошло необычайное размножение сект, которые св. Иринеи тесно связывает с симонизмом и сравнивает с грибами. Он называет их общим именем гностиков и описывает несколько их разновидностей.¹⁷⁷ Эту именно категорию сект довольно часто

обозначают под именем офитских (ѡφις, змея); но название это, по-видимому, можно отнести лишь к некоторым из них – к тем, у которых библейский змей играл особенную роль. Имена небесных эонов и соотношение, установленное между метафизическими измышлениями и библейской историей, разнятся более или менее, смотря по системе. Но на самой вершине мироздания мы всегда находим Неизреченное Существо и высшую Мысль (Енноиа, Барбело и др.), от которых происходят огдоады и гебдомады; везде также фигурирует эон (Пруникос, София и т. п.), подвергающийся несчастью, вследствие которого часть божественных искр попадает в низшие сферы. С этой божественной катастрофой связано происхождение Демиурга, часто называемого Иалдабаотом. Демиург находится в полном неведении относительно мира, который выше его; он считает себя единым истинным Богом и любит говорить об этом в Библии, написанной по его вдохновению. Но божественные искры должны освободиться от оков низшего мира; для этого эон Христос, один из первых в Плероме, соединяется с человеком Иисусом и начинает в нем дело спасения.

2. Валентин, Василид, Карпократ

Вслед за первым порывом возбуждения в сирийских странах, самарийский гностицизм не замедлил найти дорогу в Египет. Некоторые из его различных сект пустили здесь корни и продержались почти до IV в. Цельсу известны были эти разновидности «гностиков», и он даже читал их произведения.¹⁷⁸ В детстве Ориген проживал некоторое время вместе с одним учителем, родом из Антиохии, по имени Павлом, который был в большом почете у александрийских еретиков.¹⁷⁹ Отрывки их литературы находят теперь в коптских рукописях и папирусах. Но наибольший успех был приобретен ими не прямо, а через посредство гораздо более известных гностических систем, с которыми связаны имена александрийцев: Василида, Валентина и Карпократа.

Появление этих ересей относится древними авторами ко времени импер. Адриана (117–138 г.).¹⁸⁰ Изложенная подробно и подвергнутая критик св. Иринеем, система Валентина из всех трех наиболее известна и, очевидно, получила наибольшее распространение. Отметим ее главные черты.

Во главе невидимого и неизреченного мира находится Первосущий Отец, Глубина нерожденная, со своей супругой, Сиге (Молчанием). Когда он «восхотел сотворить», он оплодотворил Сиге, которая родила подобное ему существо, Ум (Noûs),¹⁸¹ и одновременно женское начало, относящееся к Уму, как Сиге к Глубине. Эта подруга Ума есть Истина. Глубина и Сиге, Ум и Истина – первые четыре зона – образуют первую четверицу (tetrada). От Ума и Истины рождаются Слово и Жизнь, а от них Человек и Церковь. Таким образом из восьми высших эонов составляется восмерица (огдоада).

Но размножение эонов не остановилось на этом. От первой из двух последних брачных пар рождаются пять, а от второй шесть новых брачных пар, что составляет в общей совокупности тридцать эонов: пятнадцать мужского и пятнадцать женского пола, распределенных на три группы: огдоада (восмерица), декада (десятерица) и додекада (двоенадесятица). Эти три

группы образуют вместе Плерому: совершенное царство неизреченных духов.

До сих пор мы еще находимся в области отвлечений; чтобы перенестись отсюда в чувственный мир, требовался переход, и этим переходом служит нарушение гармонии эонов, беспорядок, нечто в роде первородного греха.

На последней ступени Додекады и всей Плеромы находится брачная пара: Вожденный и Премудрость (Θελητός καὶ Ζοφία).¹⁸² София, Премудрость, внезапно исполняется желанием познать таинственного Отца, Глубину. Но это первоначально всех вещей доступно познанию лишь первородного Сына, Ума. Желание Премудрости является таким образом незаконным желанием, страстью. Эта неудовлетворенная страсть есть гибель для возымевшего ее существа. Премудрости грозит полное уничтожение и рассеяние в бесконечном, но она встречает Предел всего (ὅρος), положенный Отцом в виде, грани вокруг Плеромы. Остановленная им, она приходит в себя и возвращается к прежнему состоянию. Но обуреваемая неудовлетворенной страстью, она зачинает, а так как эон, супруг ее, был непричастен этому зачатию, то оно было неестественным, а отсюда и плодом от него было нечто несовершенное по существу. Это существо, называемое на язык валентиниан Ахамот (Nachamoth), похоть Премудрости, было извергнуто из Плеромы.

Чтобы в среде последней не возникло снова беспорядка, подобного внесенному туда Премудростью в минуту увлечения страстью, вторая брачная пара эонов, Ум и Истина, рожают шестнадцатую пару – Христа и Св. Духа, который в сизигии является существом женского рода.¹⁸³ Эти два новые зона научили других уважать границы своей природы и не стремиться познать непостижимое. Эоны проникаются этой проповедью; таким образом единство Плеромы восстанавливается и гармония ее достигает совершенства. И тут, в порыве благодарности к Всевышнему Отцу, соединяя свои силы и совершенства, все они вместе рожают тридцать третьего зона, Иисуса Спасителя.

Однако Ахамот, страсть премудрости, оставалась вне божественной Плеромы. Последняя посылает к ней одного за другим двух визитаторов. Один из них, Христос, дает этому подобно аристотелевской материи некоторого рода субстанциальную форму с зародышем сознания. Вследствие этого Ахамот приходит к сознанию своего собственного несовершенства и испытывает ряд страстей: печаль, страх, отчаяние, неведение. Второй визитатор, эон Иисус, отделяет от нее эти страсти. Под влиянием этого второго воздействия рождается неодушевленная (ὕλική) и одушевленная субстанция (ψυχική); первая образовалась из страстей Ахамот, вторая от ее обращения к более совершенному состоянию после удаления страстей. В этом улучшенном состоянии она становится способна к зачатию. Один взгляд на ангелов, сопровождавших Спасителя, уже оплодотворяет ее, и она зачинает таким образом третью субстанцию, духовную (πνευματική).

До сих пор мы находимся еще в предворении низшего мира, Кеномы, который противостоит Плероме. Видимый мир еще предстоит создать; а пока вызваны к бытию только три субстанции, из которых он должен образоваться: материальная, психическая, и пневматическая. Должен, наконец, сначала произойти Творец. Он не будет им в собственном смысле слова, ибо элементы для его творческой деятельности существовали до него. Ахамот не может извлечь его из духовной (пневматической) субстанции, над которой она не имеет никакой власти; поэтому она производит его из душевной (психической) субстанции. Созданный таким образом, Творец, или Демиург, в свою очередь облекает в форму всякое одушевленное (психическое) или материальное (гилическое) бытие. Он – отец первого, творец второго, создатель и царь того и другого. Между сотворенными таким образом существами нужно различать семь небес, они же – семь ангелов, но не семь чистых духов (πνεύματα). Демиург действует, как слепой; сам того не сознавая, он старается воспроизвести Плерому в той низшей сфере, в которой он действует. Ахамот в Кеноме соответствует Глубине, Демиург – перворожденному Уму, ангелы или небеса другим зонам. В неведении всего, что выше и совершеннее его,

Демииург считает себя единственным творцом и владыкой вселенной. Это он и возвестил чрез пророков: «Я – Бог, и нет другого Бога кроме меня». Ему обязан существованием человек со стороны своей материальной и животной природы (илики и психики). Но известное количество людей выше других; это – пневматики или люди духовной природы. Они не всецело произошли от Демииурга; в них проникла духовная субстанция, родившаяся от Ахамот; благодаря этому высшему элементу, они представляют собою избранных рода человеческого.¹⁸⁴ Посмотрим теперь, в чем состоит дело спасения. Из трех категорий людей, первые, материальные (илики), не могут спастись. Они неминуемо погибнуть вместе с материей, из которой они созданы. Духовные (пневматики) не нуждаются в спасении; они – избранные по природе. Сердину между теми и другими занимают психики; для них спасение возможно, но они не могут достичь этого без помощи свыше. – Искупление совершается собственно для них. Искупитель состоял из четырех элементов: первый, не будучи материальным, имеет видимость материи, но достаточно и этой видимости, так как материя не подлежит спасению, второй элемент – психический, третий – пневматический, четвертый – божественный. Божественным элементом в лице Искупителя был Иисус, последний эон. Итак, три последние элемента произошли от Демииурга, Ахамот и Плеромы. Однако, эон Иисус вселился в Искупителя лишь в момент крещения, а когда Спаситель предстал перед Пилатом, то вновь вознесся в Плерому, взяв с собой пневматический элемент и оставив на страдания психический, облеченный в его материальную видимость.

Конец человечества наступить, когда истощится творческая сила Демииурга. Ахамот, преобразившись, наконец, в небесного эона, получит место в Плероме, и сделается супругой Иисуса-Спасителя. Вместе с ней войдут туда и духовные (пневматики) люди; они сочетаются браком с ангелами, которые образуют сонм вокруг Спасителя. Демииург займет место Ахамот и поднимется таким образом на одну ступень в лестнице существ. За ним последуют те из «психиков», которые достигли своего

назначения; прочие вместе с материальными людьми погибнут в общем пламени, которое уничтожить всю материю.

На языке обыденной жизни эти три категории людей соответствуют: валентинианам, обыкновенным христианам и нехристианам. Первые и последние бесповоротно предназначены – одни к жизни вечной, другие к уничтожению. Валентинианин может жить, как ему угодно, и каковы бы ни были его поступки, они не отражаются на духовной природе его существа: дух не зависит от плоти и неответственен за нее. Можно себе представить отсюда, каковы были нравственные последствия этого учения.

Валентин был довольно снисходительный еретик. Разумеется, он предоставлял своим последователям много льгот на этом свете, а на том – все преимущества вечного прославления, но он допускал, что люди, принадлежащие к великой церкви, обыкновенные христиане, могут добродетельной жизнью достичь известного благополучия. Самому Демиургу, ответственному создателю, творения которого так сильно критиковались в других сектах, предназначался здесь весьма почетный удел.

Валентиновский гносис с начала до конца построен на идее брака. Начиная с самых отвлеченных начал бытия и до их конечного завершения, мы видим лишь сизигии, браки и произрождение. В этом, как и в нравственных выводах, он скорее напоминает Симоновскую, нежели Сатурниловскую систему. Василид¹⁸⁵, наоборот, скорее приближается к Сатурнилу; символом длинной эволюции от отвлеченного к конкретному он берет не половые отношения, а нечто другое. Его зоны так же, как ангелы у Сатурнилы, безбрачны. Но сложность его системы столь же велика, как и у Валентина.

От Нерожденного Отца происходит Нус, от Нуса Логос, от Логоса Фронесис, от Фронесис София и Динамис, производящие другие существа: силы, власти, ангелов. – Ими заселяется первое небо. Но существует не менее 365 небес; то, которое мы видим, есть последнее. На нем живут ангелы мироздатели; во главе их стоит Бог иудеев. Он вознамерился подчинить все народы покровительствуемой им нации. Отсюда произошло

столкновение между ним и другими ангелами. Чтобы восстановить мир и освободить человека от тирании демиургов, Всевышний Отец посылает на землю Нус, который в Иисусе принимает человеческий образ. В момент страстей, Искупитель обменивается видимостью с Симоном Киренейским, который и был распят вместо него. Поэтому нет никакого основания поклоняться распятому и в особенности терпеть во имя его мученичество. Спасение заключается в знании истинного положения вещей, каким его представляют василидиане.

Ветхий Завет был отвергнут, как написанный по внушению мироздателей. Магия, дающая власть над этими злыми духами, была в большом почете у василидиан. Они пользовались заклинательными формулами. Самой известной между ними было слово *Abrahas* или *Abrasax*, буквы которого, сложенные по их цифровому значению (по-гречески), дают число 365, соответствующее количеству высших миров. Мораль была построена на началах детерминизма¹⁸⁶, как и в системе Валентина. Вера есть дело природы, а не воли. Страсти имеют некоторый род субстанциальности. Их называли придатками; это – качества животных, связанные с разумным началом, которое оказывается таким образом снабженным причудливыми инстинктами волка, обезьяны, льва, козла и т. д.¹⁸⁷ Не затронутая сама по себе прегрешениями, в которые ее вовлекли страсти, духовная душа тем не менее несет их последствия: всякий грех должен быть искуплен и действительно искупается страданиями в этой или иной жизни, ибо допускалось переселение душ.

Кажется, что в нравственной жизни василидиане сначала руководились правилами общей морали. Климент Александрийский¹⁸⁸ утверждает, что Василид и его сын Исидор допускали брак и отвергали безнравственность; но последователи Василида, современные Клименту, не остались верны в этом отношении предписаниям своего учителя. В конце III в. секта имела прочно установленную репутацию безнравственности.

Как и валентиновская секта, она была преимущественно школой.

Тоже можно сказать и о гносисе Карпократ¹⁸⁹. Карпократ был александриец, как Валентин и Василид. Жена его, Александра, была родом с о. Кефаллени; у него был от нее необычайно одаренный сын, Епифан; он умер 17 лет, написав книгу «О справедливости». Епифана стали почитать за бога в Кефаллени, как Симона в Самарии. Островитяне воздвигли ему в г. Самах храм и музей, где в его честь совершались жертвоприношения и литературные празднества.

Карпократ был философ-платоник, более или менее зараженный христианским гностицизмом. Он признавал единого Бога, от которого происходит целая иерархия ангелов. Чувственный мир создан ими.¹⁹⁰ Человеческие души сперва окружали Бога Отца; затем упали в материю и должны быть освобождены из нее, чтобы вернуться к своему первоначальному состоянию. Иисус, сын Иосифа, родившийся в тех же условиях, как и прочие люди, и подверженный на ряду с ними закону переселения душ, мог, припомнив все, виденное им во время своего первого существования, и получив помощь свыше, восторжествовать над миродержцами и вознестись к Отцу. Все могут, как он, по его примеру и теми же средствами, дойти до презрения к мироздателям и спастись от них. В этом они могут иметь такой же и даже больший успех, чем он. Порядок этого освобождения сопряжен с переходом во всякие условия жизни и с исполнением всякого рода дела. Если мера их не завершена в настоящей жизни, как это обыкновенно бывает, то она восполняется последовательным переселением душ, пока не будет совершено положенного числа их. Впрочем, по существу поступки безразличны, лишь мнение делит их на хорошие и дурные. Справедливость, которой учил Епифан, есть в сущности равенство в распределении имуществ. Эти последние, и женщины в том числе, должны принадлежать всем совершенно так же, как дневной свет.

По некоторым из этих черт можно распознать влияние Платона. Миф Федра является прививкой к Евангелию.

Магия пользовалась большим почетом у последователей Карпократа. Их культ имел весьма определенные языческие формы. Мы уже видели, как они почитали своих основателей.

Они имели также скульптурные и живописные изображения Иисуса Христа, будто бы воспроизведенные с портрета, написанного по приказанию Пилата; они украшали их цветами, вместе с изображениями Пифагора, Платона, Аристотеля и прочих мудрецов.

Св. Ириней не хочет верить, чтоб эти сектанты простирали свои нравственные принципы до их крайних выводов и предавались всем мерзостям, которые ими оправдывались. Но он свидетельствует об испорченности их нравов и о соблазнах, производимом ею. Он упрекает карпократиан в том, что они порочат христианство, и спрашивает их, как они могут ссылаться на Иисуса, Который в своей Евангелии учит совсем другой морали.

Карпократиане имели на это готовый ответ. Они уверяли, что Иисус имел тайное учение, которое ученики его доверили лишь надежным людям.

3. Гностическое учение

Бесполезно углубляться дальше в описание гностических сект. В их разнообразии легко уловить несколько общих и основных идей.

1. Бог, творец мира и законодатель Ветхого Завета, не есть истинный Бог. Над ним, на недостижимой высоте, существует Бог-Отец, высшее начало всех существ.

2. Бог Ветхого Завета не ведает истинного Бога, и мир вместе с ним не знал о Нем до явления Иисуса Христа, Который произошел от истинного Бога.

3. Между истинным Богом и тварью существует весьма сложная система посредствующих существ божественного происхождения; в их рядах так или иначе обнаруживается расстройство, нарушающее гармонию. Чувственный мир, а часто также и создатель его, происходят вследствие этого первородного греха.

4. Часть человечества, так или иначе происшедшая от небесного мира, стоящего выше Демиурга, доступна искуплению. Иисус Христос сошел на землю, чтобы освободить ее.

5. Так как воплощение не могло привести к тесному единению между божеством и проклятой материей, то евангельская история истолковывается или в смысле нравственного и преходящего соединения божественного зона с конкретной личностью Иисуса, или же в смысле простой человеческой видимости.

6. Итак, не было ни страданий, ни действительного воскресения Христа; будущее predetermined ко спасению не связано с воскресением тела.

7. Затерявшаяся в человеке частица божества, т. е. predetermined ко спасению, душа, не солидарна с угнетающей ее плотью. Нужно стараться умертвить плоть аскетизмом (ригористическая тенденция), или по крайней мере не верить, что дух ответствен за ее слабости (либертинистическая тенденция)¹⁹¹.

Такие идеи, очевидно, не могли найти себе оправдания в Ветхом Завете, который к тому же был повсеместно отвергнут как написанный по внушению Демиурга. Великая церковь крепко держалась за Библию Израиля и находила способ для примирения Иеговы с Отцом Небесным. Гностикам это не удавалось. Из письма Птоломея к Флоре¹⁹² можно видеть, какая экзегетика практиковалась в среде валентиниан. При помощи ссылок на некоторые евангельские тексты Моисеев закон сводится здесь к трем различным авторитетам: Моисею, старейшинам Израильским и Богу. В том, что дано от Бога, различаются истинные заповеди – десятословие и предписания естественной нравственности, которые Христос пришел исполнить, а не упразднить, – ложные заповеди, как заповедь возмездия, которая была отринута Христом, наконец заповеди, имеющие значение лишь тени, образа, как обрядовые законы. Но ясно, что этот божественный закон, состоящий из хороших и дурных предписаний, не может быть приписан бесконечно-совершенному Существу, так же, впрочем, как и противнику всякого добра. Таким образом он есть произведение посредствующего Бога, творца мира. Флора, говорит учитель, в заключение, не должна смущаться, слыша рассуждения, что злой дух и посредствующий дух (Демиург) произошли от всесовершенного Существа: «с Божией помощью узнаешь это и ты, получив апостольское предание, которое и мы приняли по преемству, вместе с обычаем проверять всякое учение учением Спасителя».

Эту экзегетическую постановку, в сущности, легко понять. – Для религиозных мыслителей II в., так же как и для нас, оценка природы и закона есть непрерывное искушение. Человек в праве жаловаться на грубость сил природы и не за себя только, но и за всех живых существ; другими словами, с своей весьма ограниченной точки зрения, он естественно находит, что мир дурно создан. Также и закон, установленный для общих случаев, пренебрегает и не может не пренебрегать тысячами частных обстоятельств, что нередко представляет его в нелепом и несправедливом свете. Над этим миром и его скорбями человеческое сердце чувствует бесконечное милосердие,

обнаруживающееся в любви, а не в простой справедливости. Представьте себе грека, воспитанного в таком духе, и поставьте его в отношение к Библии. Ветхий Завет представит ему образ страшного бога, который несомненно творит, но тотчас карает весь род людской за грех первой человеческой четы и, раскаявшись в том, что позволил ему размножиться, за исключением одной семьи уничтожает его вместе с большей частью животных, очевидно, неповинных во вменяемых людям грехах; этот бог вступает в союз с племенем авантюристов, защищает его от других народов, толкает его на завоевательные и хищнические экспедиции, требует своей части в добыче и руководит избиением побежденных, награждает его законодательством, где рядом с справедливыми встречаются странные и неудобноисполнимые предписания. Просвещенные евреи и вместе с ними христиане объясняли эти досадные черты искусными аллегориями. Мы не можем в этом следовать за ними, но тем не менее мы выходим из затруднения, объясняя все более и более утончающееся в хронологической последовательности священных текстов появление этих несообразностей постепенным одухотворением идеи Бога у древних. Но такое объяснение было недоступно древности. Гностические мыслители не искали в аллегориях того, что черпали в них православные. Так как им нужно было, чтоб кто-нибудь нес ответственность за природу и закон, они возложили ее на Бога Израиля. Наоборот, Евангелие, где по их признанию звучало совершенно иное настроение, казалось им откровением высшего милосердия и полного совершенства.

Это распределение ролей могло казаться остроумным, но в сущности оно лишь отодвигало решение вопроса о происхождении зла. Демиург объяснял природу и закон. Но как объяснить самого Демиурга? Как увидим, Маркион вовсе не искал разрешения этой загадки. Другие выходили из затруднения, вводя между всевышним Богом и Демиургом целый ряд эонов, совершенство которых убывало по мере их удаления от Существа Первоначального, и вследствие этого могло произойти нарушение порядка, которое и произошло в

действительности. Это произвольное и неполное разрешение вопроса не преминуло однако возбудить живейшую критику.

Ясно, почему в этих системах Евангелие Христа являлось главным и, по правде сказать, единственным аргументом. Оно было получено в писанных текстах, в числе которых с ранних пор находились наши четыре канонические Евангелия¹⁹³, а также и в специальных преданиях – записанных или устных. Эти предания имели претензии воспроизводить не только всем известную евангельскую историю, но и тайные беседы, чаще всего относимый ко времени поели воскресения. Спаситель объясняет здесь апостолам, Марии Магдалине и другим приближенным к Нему женщинам глубочайшие тайны гносиса. Отсюда произошли евангелия Фомы, Филиппа, Иуды, Малые и Великие вопросы Марии, Евангелие Совершенства и проч. Другие книги приписывались древним праведникам: Илии, Моисею, Аврааму, Адаму, Еве и особенно Сифу, который в известных кругах играл весьма важную роль. В сектах так же, как и в великой церкви, имелись вдохновенные пророки, речи которых собирались, и из них составлялись новые категории священных книг: так было с пророками Мартиадом и Марсианом у «архонтиков».

Василидиане опирались на предание, полученное от некоего Главкия, который был будто бы истолкователем ап. Петра. Существовало еще евангелие Василида, содержание которого было заимствовано из ев. Матвея и Луки, а также пророки Варкавва и Варкоф (Пархор), на книги которых были составлены комментарии Исидором, сыном Василида. Сам глава секты написал на свое евангелие двадцать четыре книги «Эгзегетик». Валентин, в свою очередь ссылаясь на ученика апостолов, Февду, учителем которого был будто бы ап. Павел, секта же его пользовалась Евангелием Истины.

Таковы были авторитеты. Учение мало-помалу распространялось и возникали небольшие кружки посвященных, которые вообще стремились вначале совместить свои тайные учения с обычной религиозной жизнью христианских общин. Но их скоро разоблачали, и тогда они составляли из себя независимые общины; здесь они свободно развивали свои системы, проводили новообращенных чрез целый ряд

последовательных посвящений и совершали обряды, имевшие в их глазах глубокий мистический смысл. Внешний культ всегда имел для них большое значение. Говорить чувству, возбуждать воображение – это было у них одним из главных средств религиозного воздействия. Они не отказывали себе в употреблении странных выражений, повторений или произнесений наоборот еврейских слов и всех приемах колдовства. Посредством этого они действовали на слабые и беспокойные умы, жаждавшие тайных знаний, посвящений, мистерий, на последователей орфизма и восточных культов.

Три школы – Валентина, Василида и Карпократ, – особенно первые две, имели, по-видимому, большой успех у себя на родине. Климент Александрийский очень часто говорит о Василиде и Валентине; он много изучал их книги. – Вне Египта василидовская секта не имела такого успеха, как валентиновская. Валентин рано переселился в Рим, где проживал долгое время при папах Гигине, Пие и Аниките.¹⁹⁴ По словам Тертуллиана, Валентин жил здесь сначала в среде верующих, пока его опасная пытливость и проповедь не вынудили отлучить его сперва временно, а потом и окончательно от христианской общины.¹⁹⁵

Событие это не помешало секте Валентина понемногу распространяться всюду. Во времена Тертуллиана между еретическими сообществами наибольшим успехом пользовалась «коллегия» валентиниан. Система учителя принималась здесь, но с некоторыми изменениями, породившими разные школы. Самыми известными учителями были Гераклеон, Птоломей, Марк, Феодот, известные нам по св. Иринею и Клименту александрийскому.

Карпократ, или по крайней мере его ересь, также заявили о себе в Риме. Во времена папы Аникиты (около 155 года), одна женщина, принадлежавшая к этой секте, Маркеллина, прибыла в Рим и на вербовала себе здесь много последователей.

4. Маркион

Когда сирийские шарлатаны распространяли восточный гносис с его магией, зонами странных названий и семитической мишурой, когда изысканные учителя украшали философским стилем эти причудливые измышления, применяя их ко вкусу александрийцев, когда те и другие могли добиться лишь учреждения высшего или низшего разряда лож для посвященных, – нашелся человек, который задумал извлечь из всего этого хлама несколько простых мыслей, отвечавших на запросы души обыкновенных людей, и на этом основании построить религию, религию христианскую, но новую, антииудейскую и дуалистическую, и дать ей форму уже не тайного братства, а церкви. Человек этот был Маркион.

Маркион был родом из Синопа, широко известного порта на Понте Евксинском. Отец его был епископом, а сам он разбогател от мореплавания. Маркион прибыл в Рим¹⁹⁶ около 140 г. и сначала вмешался в среду церковной паствы. Он даже пожертвовал общине довольно крупную сумму в 200.000 сестерций (приблизительно 16,000 руб.).

Эта щедрость была, быть может, рассчитана на то, чтобы расположить в свою пользу общественное мнение, которое начинало смущаться его речами. Дело в том, что лица, стоявшие во главе церкви, затребовали от Маркиона объяснений относительно его веры; он дал их в форм письма. Впоследствии православные полемисты часто ссылались на этот документ.

Маркион был последователем ап. Павла. Указанная апостолом противоположность между верой и законом, благодатью и праведностью, Ветхим и Новым Заветами составляла для него самую основу религии. Павел с грустью покорился необходимости разойтись со своими братьями во Израиль. У Маркиона этот разрыв превратился в решительную враждебность. По его мнению откровение Иисуса Христа и Ветхий Завет безусловно несовместимы.

Нужно выбирать между бесконечной любовью и высшим милосердием, вестником которых был Иисус, и жестокой справедливостью, ссылающейся на Бога Израиля. Не следует, убеждал он римских пресвитеров, вливать молодое вино в старые мехи, или пришивать новой заплаты к слишком ветхой одежде. В целом ряде антитез суть его мыслей вскрывалась яснее. Иудейский Бог, Бог твари и закона, не может быть тождествен Отцу милосердия, а в таком случае его нужно признать существом низшим сравнительно с последним.

Таким образом Маркион, подобно гностикам, приходит к дуализму, но исходя при этом совсем из иных оснований. Его не интересует ни метафизика, ни космология; он не старается ни заполнить расстояние между конечным и бесконечным целым сонмом эонов, ни исследовать, вследствие какой катастрофы в области сверхчувственного можно себе объяснить беспорядок в чувственном мире. В его глазах Искупитель есть явление истинного и благого Бога. Он спасает людей откровением Того, от Кого Он произошел, и делом креста. Но так как Он ничем не может быть обязан Творцу, то он имел лишь вид человека.

В 15 год царствования Тиверия, он внезапно явил себя в Капернаумской синагоги. Даже призрачно Христос не рождался и не возрастал. Видимость его началась лишь с проповеди и длилась во все время евангельской истории, не исключая и страстей.

Не все люди, а только часть их будет спасена. Они обязаны жить в самом строгом воздержании, как относительно пищи и питья, так и половых потребностей; брак воспрещается. Крещение может быть разрешено состоящим в браке только в том случае, если они разойдутся.

Эти основные мысли Маркиона не слагаются в стройную систему. Не вполне ясно, как он объясняет происхождение своего справедливого бога, и каким образом жертва на кресте могла иметь для него такую цену, раз она совершилась призрачно.

Маркион не считал себя обязанным объяснять все и особенно предлагать полную систему пытливости резонеров. Его религиозная душа вполне примирялась с тайной. Но легче

отрицать богословие, чем обходиться без него. Маркион имел личные отношения к гностикам, и это оказало влияние на его образ мыслей. Предание поставляет его, в самом Риме, в связь с одним сирийцем, Кердоном, который прибыл туда ранее его. Не легко разобраться по дошедшим до нас сведениям об этой личности, в какой мере он мог повлиять на Маркиона, и в какой момент школа его слилась с сектой великого новатора. Быть может, он-то и убедил Маркиона предать проклятию не только закон, но и самое творение, и последовательно свести евангельскую историю к абсолютному докетизму.

Как бы то ни было, и к какому бы времени мы не приурочили его отношение к Кердону, Маркион в конце концов убедился, что римская церковь не последует за ним в его, доведенном до крайности, павлинизме. Разрыв произошел в 144 г.¹⁹⁷ Маркиону вернули сумму, пожертвованную им в общественную кассу, но удержали изложение его вероисповедания. В Риме тотчас возникла маркионитская община и не замедлила достигнуть процветания. Это положило начало широкому движению, которое, благодаря деятельной пропаганде, в весьма короткое время распространилось по всему христианскому миру.

Учение Маркиона не опиралось ни на тайные предания, ни на пророческое вдохновение. Оно нисколько не стремилось согласовать себя с Ветхим Заветом, способ толкования которого был буквальный, без малейшего аллегоризма. Отсюда следовало полное отречение от Ветхого Завета. Из Нового Завета, или скорее из совокупности апостольских писаний, были оставлены лишь послания ап. Павла и третье Евангелие; далее, самое собрание посланий ап. Павла не заключало в себе Пастырских посланий, а в десяти принятых посланиях, как и в тексте ев. Луки, были сделаны сокращения. Маркион полагал, что галилейские апостолы лишь очень несовершенно поняли Евангелие, что они ошибочно почитали Христа за посланника Творца. Поэтому Господь воздвиг Павла, чтобы исправить их учение. Но и в посланиях Павла были места, благоприятные Творцу. Маркион признал их позднейшими вставками.

К этому сокращенному Новому Завету вскоре присоединилась книга Антитез (противопоставлений), написанная основателем секты. То было лишь собрание текстов, доказывающих противоположность между Ветхим Заветом и Евангелием, между всеблагим Богом и Творцом. Эти священные книги, равно как почитание Маркиона и соблюдение его ригористической морали, были общим достоянием всех маркионитских церковных общин.

5. Церковь и гносис

Церковные общины не могли благоприятно отнестись ко всем этим учениям. Согласие обоих заветов, действительность евангельской истории, ценность обычной нравственности слишком прочно укоренились в предании и религиозном воспитании, чтобы их легко было расшатать. Нет свидетельств, чтобы какая-нибудь церковь в полном составе поддавалась соращению. Но из этого не следует, чтоб вожаки секты не старались об этом. В Риме в особенности, как исключительно важном пункте, были, говорят, сделаны различные попытки Валентином, Кердоном и Маркионом с целью захватить руководство над церковью.

В конце II в. между отправляющими свои обязанности римскими пресвитерами¹⁹⁸ мы еще встречаем гностика Флорина. Очень интересно положение занятое Ермом. Он энергично настаивал на божественности Творца. Вот первая заповедь Пастыря: «прежде всего веруй, что Бог един, что Он все создал и устроил, все вызвал от небытия к бытию и все содержит». Столь же настойчиво он провозглашал ответственность души в делах плоти: «смотри никогда не приходи к мысли, что эта плоть погибнет, и не злоупотребляй ею в какой-либо нечистоте. Если ты оскверняешь плоть свою, то оскверняешь и Духа Святого; если же осквернишь Духа Святого, ты не будешь жить».¹⁹⁹ Двумя этими наставлениями Ерм предостерегал свою общину от опасности, угрожавшей вере и нравственности – от дуализма и либертинизма. В других местах он набрасывает портреты как проповедников ересей, так и их слушателей.

«Вот, говорит он, сеятели чуждых учений, соращающие с пути истинного служителей божьих, грешников в особенности, не давая им обратиться и внушая безумные учения. Есть, однако, основание надеяться, что они в свою очередь обратятся. Ты видишь, что уже многие из них вернулись с тех пор, как ты сообщил им мои предписания, другие еще обратятся».

Вслед за учителями описываются ученики: «это верующие, они веруют, но их трудно просветить; они дерзки, самодовольны, хотят все знать и ничего не знают. Дерзость довела их до помрачения разума; нелепая опрометчивость обуяла их; они хвалятся великой проницательностью; и охотно и произвольно превращаются в учительствующих, но у них нет здравого смысла... Великое зло дерзость и пустое самомнение: многие погибли от них. Есть такие, которые, сознавая свое заблуждение, обратились к искренней вере и подчинились тем, кто имеет действительное разумение. Другие тоже могут обратиться, ибо они не злые люди, а скорее глупцы».

Это было написано в то время, когда Валентин и другие известные учителя распространяли свои доктрины в римском христианском обществе. Если речь идет о них, то Ерм проявил большой оптимизм.²⁰⁰

Но имел ли он в виду утонченные фантазии Валентина, или, что весьма вероятно, более вульгарный гносис, вывезенный из Сирии и Азии, надо сознаться, что высшее богословие гностиков с их плеромами, огдоадами, архонтами и всем персоналом небесных эонов, невидимому, не произвело на него большого впечатления, и что он даже не усматривал в нем особенно серьезной опасности. Простоту ума и прямооту сердца он считает в этом случае неодолимой защитой.

Он был прав относительно людей обыкновенного уровня; но как выше сказано, философские мечтания имели все-таки своих последователей, а покаяние, проповедуемое Ермом, было менее заманчиво, чем гностическое оправдание²⁰¹. Поэтому не следует удивляться, что речи церковных властей обнаруживают вообще больше опасений и негодования, чем проповедь смелого пророка. Последний, впрочем, по-видимому, не знал Маркиона; по крайней мере можно утвердительно сказать, что он не знал о великой пропаганде маркионитской церкви, гораздо более опасной соперницы католического христианства, чем школы сирийских авантюристов и александрийских учителей.

Впечатления св. Поликарпа и св. Иустина были менее оптимистичны. Престарелый смирнский епископ, жизнь которого была очень продолжительна, был знаком с Маркионом до его

поездки в Рим. Затем он встретил его после разрыва с церковью, и на вопрос Маркиона, узнает ли он его, отвечал: «узнаю первенца Сатаны»²⁰². Иустин не только включил Маркиона в число еретиков, опровергаемых в его Syntagma²⁰³, направленной против всех ересей, но посвятил ему еще другую Syntagma – специальный трактат²⁰⁴. Первая из этих двух работ была уже издана, когда он писал свою первую Апологию (около 152 г.), где дважды возвращается к еретику. «Некий Маркион из Понта, пишет он, проповедует еще в настоящее время другого Бога, более великого, чем Создатель. Благодаря, содействию демонов, он убедил многих и во всех странах (κατὰ πᾶν γένος ἀνθρώπων) поносить и отречься от Бога, создавшего эту вселенную... Многие слушают его, как будто он один обладает истиной, и смеются над нами. Однако у них нет никакого доказательства тому, что они утверждают. Как овцы, умыкаемые волками, они глупейшим образом предают себя на съедение этих атеистических учений и демонов».

Тон этих речей показывает, насколько рана была чувствительна, и каков был на первых порах успех Маркиона.

Гностики много написали. Это было естественно, раз они считали себя призванными посвящать избранную интеллигенцию в тайны высшего знания. Не менее естественно, что поражение этой религиозной партии повлекло за собой исчезновение ее литературы; поэтому до последнего времени гностические сочинения были известны лишь постольку, поскольку о таких сообщали православные писатели. Указания заглавий, разрозненные ссылки, изложение различных систем, очевидно извлеченное из произведений сектантов, – вот все, что до нас дошло этим путем²⁰⁵. Следует, однако, отметить одно исключение: это изложенное выше письмо Птолемея к Флор, сохраненное Епифанием; из него видно, что гностическое учение обосновывало себя ссылками на библейские и христианские данные.

С некоторых пор египетские рукописи начинают открывать нам в коптских переводах подлинные сочинения древних еретиков. То, что до сих пор найдено, исходит не от александрийских школ Василида, Валентина и Карпократа, а от

сект сирийского происхождения, которые св. Иринея описывает²⁰⁶ под общим названием гностиков. Не подлежит сомнению, что у него перед глазами было одно из этих произведений: глава, которую он посвящает гностикам типа варвелиотов (I, 29), представляет собой лишь довольно неполное извлечение из него²⁰⁷.

Другие менее древние²⁰⁸ сочинения, относящиеся приблизительно к середине III в., свидетельствуют о любопытных изменениях, происшедших в тех же сектах. Известно, что в этом странном мире рано обнаружились две нравственные тенденции: одна аскетическая, другая потворствовавшая самым отвратительным извращениям. Найденные книги защищают первую и очень определенно нападают на вторую.

Одновременно с этой еретической литературой развивается полемика против гносиса православных писателей. Одни опровергали преимущественно отдельные секты: Валентин и Маркион, последний в особенности, подали повод к многочисленным опровержениям. Другие предприняли составление списков сект и любили подчеркивать их странности, противопоставляя им трезвое, вселенское и традиционное учение истинной церкви. Эта тема обрабатывалась с ранних пор. Св. Иустин уже писал против всех ересей, когда он издавал свою Апологию²⁰⁹. Егезипп тоже обсуждал этот предмет, но не в специальной книге, а в своих «Воспоминаниях». Все это более или менее утрачено, но зато мы имеем произведение св. Иринея, книгу обстоятельную, которая хотя и направлена специально против валентиновской секты, но содержит изложение главных ересей, доведенное до современной ему эпохи. За ним следует Ипполит, который в двух разных формах и в два разные момента своей литературной деятельности составлял список сект. Его первое произведение, «Syntagma против всех ересей», теперь утрачено, но его можно восстановить, благодаря свидетельству Фотия²¹⁰ и сохранившимся извлечениям²¹¹ из него. Впрочем, Ипполит, подобно Иринею, не ограничивался гностическими системами, но касался и других ересей: 32-ой и последней была

модалистическая ересь Ноэта. Во втором своем труде «Опровержение всех ересей», более известном под заглавием Философумена, он пошел несколько далее.

В литературе последующих времен нужно отвести первое место обширному труду св. Епифания, Панарию. Эта – компиляция, которую легко подвергать критике с некоторых точек зрения, но ее составные элементы извлечены из весьма ценных источников: Синтагмы Ипполита, сочинения св. Иринея и многочисленных еретических книг. Эти памятники известны автору; он ссылается на них, приводит из них выписки. Сюда нужно также отнести и непосредственно им самим сделанные наблюдения над уцелевшими сектами. Произведения Филастрия из Брешии, бл. Августина, Феодорита имеют рядом с Панарием второстепенную ценность²¹².

Глава XII. Распространение и апология христианства во II веке

Притягательная сила христианства, его верований и чаяний. – Зрелище христианского мученичества и братской любви. – Нерасположение к христианам. – Враждебность философов. – Цельс и его «Истинное слово». – Апология христианства. – Защита его перед императорами: Кодрат, Аристид, Иустин, Мелитон, Аполлинарий, Мильтиад, Афинагор. – Марк Аврелий и христиане. – Апологии, предназначенные для широкого круга читателей: Тациан.

Христианство продолжало распространяться, несмотря на направленные против него законы. К концу царствования Марка Аврелия, то есть полтора века спустя после своего появления, оно существовало уже в самых отдаленных провинциях. Христианские общины имелись в Испании, Галлии, Германии, Африке, Египте, даже за Евфратом и за пределами римской империи. Евангельская проповедь началась с еврейских общин и с их прозелитов, но не замедлила обратиться и непосредственно к язычникам. Эта проповедь, соперничавшая с еврейской, которую она впрочем скоро вытеснила совсем, удерживая все преимущества еврейской религии, отличалась еще большей способностью приспособления. Греческому, римскому, египетскому многобожию она противопоставляла учение об едином и верховном Боге, идолопоклонству – поклонение в духе, кровавым жертвам, шумным официальным празднествам – весьма простые религиозные упражнения, молитвы, чтение, проповедь, общие трапезы; разнузданности нравов, которой вовсе не могли сдерживать древние религии, – строгую нравственность, поддерживаемую контролем общинной жизни. Общечеловеческие вопросы о происхождении мира и о назначении человека находили удовлетворение в учениях, извлеченных из священных книг, древних, почтенных и гораздо более авторитетных, чем вымыслы поэтов. Учение об ангелах и демонах, в особенности последнее, помогало решить многие вопросы относительно происхождения и могущества

религиозных заблуждений. Понятие о сатане и его воинстве служило достаточным объяснением зла вообще и всех бед в частности, и это учение являлось оплотом против конкурирующей пропаганды дуалистического культа Митры.

На все это еще до христианства опирались евреи. Но христиане придали этим идеям более определенное выражение, выставив предметом любви, благодарности и поклонения для человеческого рода основателя своей религии Иисуса, Сына Божия, принесшего откровение и спасение, вочеловечившегося, сидящего ныне одесную Бога-Отца, чтоб вновь явиться вскоре в качестве верховного Судьи и Царя избранных. Вся духовная жизнь христиан была устремлена к Нему, к истории Его, жизни, как ее передавало новое Священное Писание, к Его грядущему явлению, предмету твердого упования. Более того: в известном смысле Иисус присутствовал между ними; через евхаристию Он жил посреди и внутри верующих. Христианам дано было еще иного рода соприкосновение с невидимым божеством: в чудесных дарах Св. Духа, пророчествах, видениях, экстазах, чудесных исцелениях. Вследствие всего этого в христианских общинах и отдельных личностях создавалось религиозное напряжение, энтузиазм, который следует признать одним из могущественнейших факторов распространения христианства: души покорялись притягательной силе божественного.

И эта притягательная сила должно быть была очень велика, ибо в те времена кандидат в христиане тем самым становился кандидатом в мученики. Никто не мог скрывать от себя, что, переходя в христианство, человек становился как бы вне закона. Стоило только полиции обратить на него внимание, или ему иметь зложелательных соседей, – и он подвергался тяжким карам, чаще всего смертной казни. Но само мученичество имело для некоторых притягательную силу; для огромного большинства оно несомненно было очень сильным средством убеждения. Твердость исповедника, ясность духа, с какой он переносил пытку и шел на казнь, уверенность его взора, обращенного к небесам – все это было ново, поразительно и заражало других²¹³.

Другим, может быть более обыкновенным, но не менее сильным средством привлечения служило братство, теплая и глубокая любовь, которая связывала членов христианской общины. Между ними не давали себя чувствовать различия в общественном положении, класс, племени и родине. Общие усилия были направлены к тому, чтобы стереть их. Что Иисусу было до того, был ли Его последователь патриций или пролетарий, раб или свободный, грек или египтянин? Все они были и называли друг друга братьями; собрания часто назывались агапами (вечери любви); христиане помогали друг другу просто, без шума и высокомерия. Общины непрерывно обменивались между собой советами, сведениями, материальной помощью. Почитая за счастье принадлежать к «Церкви Божией» у себя на родине, верующие не менее счастливы были чувствовать себя членами великого народа Божия, Церкви в ее целом, Церкви вселенской и считали себя предназначенными стать вскоре гражданами царствия Божия. Живительное согревающее влияние всего этого не идет ни в какое сравнение с языческими братствами, похоронными и религиозными корпорациями, единственными обществами, которые можно еще сравнивать с христианскими. Сколь многие должны были говорить о них: как их религия проста и чиста! Какую веру они имеют в своего Бога и Его обетования! Как они любят друг друга! Как они счастливы в своем кругу!²¹⁴

Однако общая масса оставалась нечувствительной к этим привлекательным сторонам. Многие едва замечали христианство, или даже вовсе не замечали его, ибо оно далеко еще не всюду было распространено. Другие проявляли к нему величайшее отвращение. Не говоря уже о том, что дело шло о новом культе, или, лучше сказать, о новом образе жизни, занесенном из варварской страны и распространявшемся сначала представителями презренного племени, насчет христианства и особенно христианских собраний носились самые ужасные и очень упорные слухи. Христиане считались безбожниками, нечестивыми; у них не было Бога или, скорее, они поклонялись богу с ослиной головой; когда на своих собраниях они оставались в тесном кругу, они будто бы

предавались постыдному разврату и принимали участие в людоедских пиршествах. Этот вздор рассказывали всюду, и есть основание думать, что он был пущен в обращение в самую раннюю пору. Народ верил ему, светские люди повторяли его, и он находил себе отклик даже среди серьезных и умных людей. Последние, впрочем, имели свои причины быть недовольными христианством. Они упрекали христиан в их равнодушии к общественным делам, в их обособленности, бездействии и как бы измене не только римской религии, но и обыденной жизни и обычным общественным обязанностям. Все это проскальзывает в суждениях Тацита и Светония. В глазах Тацита христианство – отвратительное суеверие, христиане – люди ненавистные, преступные, достойные высших кар. Светоний²¹⁵ тоже говорит о пагубном суеверии.

Что касается риторов и философов, то трудно себе представить, до какой степени христианство их раздражало. Они видели в нем соперника: руководство душами, к которому они во времена мудрых императоров искренно считали себя призванными, переходило на их глазах к неизвестным проповедникам без дипломов, без официального положения, даже без научного образования. Это новое учение, которое неизвестные, ничтожные люди внушали женщинам и детям, беспокойным и робким умам, привлекало несравненно больше последователей, чем самые прекрасные лекции присяжных ораторов. Зато не скупилась она на проклятие ему, или изустные, как циник Кресцент²¹⁶, с которым имел дело св. Иустин, или письменные, как Фронтон, учитель Марка Аврелия, и в особенности философ Цельс. Фронтон верил фиестским пиршествам и укорял за них христиан²¹⁷. Мы весьма недостаточно знаем другие его возражения. Напротив того, книга Цельса, под заглавием «Истинное слово», может быть восстановлена почти целиком по цитатам Оригена, который подверг ее разбору долго спустя после ее появления в свет²¹⁸.

В этом произведении Цельс обращается к христианам, вышучивая их за их верования. Он по крайней мере дал себе труд изучить предмет, о котором писал. Он не повторяет ходячих сплетен; он прочел Библию и много книг христианских

писателей. Он знаком с их разногласиями и прекрасно различает между гностическими сектами и «великой Церковью». Христианство у него сперва опровергается с точки зрения иудейства от лица некоего еврея, приводящего доводы против Иисуса Христа. Затем Цельс выступает от своего имени и сразу нападает на обе религии иудейскую и христианскую, отстаивая безусловное превосходство греческих религиозных и философских идей, критикуя библейскую историю и факт воскресения Христова, утверждая, что апостолы и их преемники прибавили к первоначальным нелепостям еще новые. Однако он не всегда проявляет слепую нетерпимость; некоторые черты в христианстве ему нравятся, именно нравственное учение Евангелия и учение о Логосе. Он кончает даже тем, что призывает христиан отказаться от своего религиозного и политического обособления, присоединиться к общей религии ради блага государства, римского отечества, которое ослаблялось этими раздорами. В сущности последнее обстоятельство именно и было тем, что его беспокоило. Цельс был светский человек, очень образованный, но практического направления. Философия интересовала его вообще, как всякого благовоспитанного человека, но он не был поборником ни одной из существующих сект. Он защищал установленную религию не по глубокому убеждению, но потому, что порядочный человек должен иметь религию, само собою разумеется, общепринятую, государственную религию.

«Истинное слово», появившееся к концу царствования Марка Аврелия, по-видимому, не произвело большого впечатления на тех, к кому оно было обращено. Христианские писатели II века нигде не говорят о нем. Лишь случайно около 246 г. оно попало в руки Оригена, который никогда не слышал раньше ни о книге, ни об авторе.

А между тем Цельс не был неизвестностью. Он был в числе друзей Лукиана, посвятившего ему свою книгу о «Лжепророке». Лукиан тоже писал о христианах, но со свойственным ему легкомыслием, мимоходом. Христиане послужили ему материалом для нескольких штрихов его знаменитой карикатуры, озаглавленной «Смерть Перегрин». Но нельзя

сказать, чтобы он именно боролся против них. Скорее он оказал им услугу своими бесконечными насмешками над богами и современными ему верованиями. В своем «Лжепророке» он без горечи свидетельствует, что христиане были не менее его строги к религиозным самозванцам.

С своей стороны христиане чрезвычайно дорожили доброй славой своей религии. Они не могли терпеть, чтобы клеветали на их собрания. Правда, что от такой клеветы защита невозможна; глупость человеческая, которая их питает, непреодолима. Разве в наши дни мы не видим постоянно, как возрождается и воздвигается нелепое обвинение евреев в ритуальных убийствах? Однако, все же надо было протестовать. Помимо того, при хороших императорах естественны были попытки объясниться с властями, дать им понять, что ученики Христовы не заслуживают преследований. А так как ненависть к христианам находила себе под пером философов и риторов литературное выражение, то не следовало ли тем «братьям», которых Бог одарил надлежащими талантами, употребить их в дело для общей защиты?

Так возникли апологии, одни из которых дошли до нас, а другие оставили более или менее заметные следы.

Сперва надлежит отметить те, которые предназначались для императоров. Начало им было положено со времен Адриана (117–138). Именно этому государю была представлена апология Кодрата. По-видимому этот Кодрат – тождественен с тем Кодратом, который около этого времени жил в Азии и пользовался большой славой миссионера и пророка. Его сочинение, читавшееся еще во времена Евсевия²¹⁹, не дошло до нас. По словам Евсевия, Кодрата побудило написать его то обстоятельство, что «некоторые злые люди старались обижать наших». Указание немного туманное, но оно довольно хорошо соответствует тому положению вещей, которое по отношению к Азийской провинции вскрывается в указе на имя Фундана. Кодрат говорил в своей апологии о людях, исцеленных или воскрешенных Спасителем, которые жили: еще в его время.²²⁰

Императору Антонину (138–161) были предназначены апологии Аристиды и Иустина²²¹. Первый был афинским философом. Его защитительная речь была найдена лишь в последнее время²²². Она очень проста. Это – сравнение понятии о Божестве у варваров, греков, евреев и христиан, отдающее, разумеется, полное преимущество последним и восхваляющее их нравы и благотворительность. Есть намеки на то, что они подвергаются клеветам, но автор не входит в подробности. Равным образом здесь нет никакого протеста против законодательных притеснений. Апология начинается с рассказа государю о впечатлении, произведенном на автора созерцанием мира, о выводах, сделанных им на этом основании о природе Божества, о почитании, какое следует воздавать Ему, и какое Ему действительно воздается в разных группах человечества. Эти подразделения человечества напоминают «Проповедь Петра»²²³. Впрочем Аристид не преминул указать императору для более подробного ознакомления на «христианские книги».

Иустин известен нам гораздо более, чем Аристид, однако до нас не дошли все его труды, даже и апологетические. Но мы имеем его апологии, или скорей апологию, с которой он около 152 г. обратился к императору Антонину Пию. Как и Аристид, Иустин был философ, т. е. жил гражданином мира, странствуя из города в город в своем коротком плаще и разнося всюду свое свободное слово. Родом из Неаполя Палестинского²²⁴, в Самарийской стране, он прошел разные школы. Некоторое время привлекали его платоники, но он не нашел у них полного удовлетворения для своей души. Ему довелось присутствовать при сценах мученичества, которые глубоко потрясли его и заставили призадуматься над ценностью верований, обладавших силой сообщать такую стойкость. Находясь в таком душевном настроении, он имел беседу с каким-то таинственным старцем и не замедлил обратиться. Став христианином, он ничего не изменил ни в своей наружности философа, ни в образе жизни: это облегчало ему возможность беседовать с народом и излагать ему евангельское учение, распространителем и защитником которого он сейчас же

сделался. Он обратился в христианство около 133 г., без сомнения в Ефесе, где недолго спустя (ок. 135 г.) он имел собеседование с ученым евреем, по имени Трифоном. Затем он прибыл в Рим, где пробыл долгое время. Он писал очень много и не только против внешних врагов²²⁵, но и против еретических школ, достигших в ту пору полного процветания²²⁶.

Его апология обращена к императору²²⁷ Антонину Августу, к его соправителям Марку Аврелию и Люцию Веру, к сенату и римскому народу: «в защиту тех, которых ненавидит и преследует весь род человеческий, один из среды их Иустин, сын Приска, внук Вакхия, из Флавии – Неаполя, что в Сирии Палестинской, представляет это обращение и ходатайство». Прежде всего он (4–12) заявляет протест о том, что христиан не должно преследовать за одно имя, которое они носят, но лишь за преступления, если они их совершают. Он опровергает затем (13–67) клеветы, взводимые на них, и, показав, их несостоятельность, объясняет, каковы христиане на самом деле. Здесь он излагает христианское учение о нравственности, описывает христианские собрания и столь оклеветанные таинства, – крещение и причащение. Откуда, – обращается он с неоднократным вопросом, – столько ненависти, клеветы, преследований? В этом виновны, по его мнению, демоны. Их влиянием он объясняет не только враждебное настроение общественного мнения и правительства, но также и разделение, внесенное в христианскую среду еретиками, Симонами, Менандрами, Маркионами. Еще до пришествия Христа злые демоны преследовали вдохновенных Словом Божиим (λόγος ὁθερρατικός) древних мудрецов, которые тоже были, в известном смысле, христианами, как Гераклит и особенно Сократ. Этот последний, подобно Христу и христианам, был приговорен к смерти по обвинению в безбожии и вражде к официально признанным богам²²⁸.

Все это высказано довольно беспорядочно, резко, неправильным языком. Так говорили философы того времени. Критическая часть тоже оставляет желать многого. Говоря о легенде LXX толковников, Иустин превращает Ирода в современника Птолемея Филадельфа, ошибаясь на двести лет.

На острове среди Тибра он прочел посвящение богу Семону-Санку и отсюда вывел, будто Симон Волхв, которому он много уделяет внимания, был в Риме, и будто правительство оказало ему божеские почести.

К своей апологии Иустин присоединил рескрипт Адриана к Минуцию Фундану²²⁹, копию которого он может быть достал во время своего пребывания в Ефесе. Вскоре затем он вновь взялся за перо под впечатлением трех смертных приговоров, постановленных префектом Урбиком над христианами. Это то, что принято называть его второй апологией²³⁰. Здесь он прямо обращается к общественному мнению римлян, вновь протестуя против ничем не оправдываемых строгостей и отзываясь на разные нарекания.

Иустин не ограничивался писательством; он любил говорить в публичных местах. Служа мишенью ненависти философов, он не стеснялся с ними, обзывая их обжорами, и лжецами. Одному цинику, по имени Кресценту²³¹, который любил изрыгать хулу на христиан, пришлось особенно с ним посчитаться. Между ними произошел публичный спор, который был занесен в протокол. Победа осталась не за Кресцентом. Иустин по великой наивности хотел, чтобы императоры прочли отчет об этом споре, но у Кресцента было другое оружие, и Иустин вскоре заметил, что тот старается подвести его под смертный приговор, что было вовсе нетрудно.

После апологии Иустин написал свой Разговор с Трифоном²³², где он восстановил, несомненно с дополнениями, тот свой спор с еврейским совопросником, который он имел в Ефесе двадцать лет тому назад. Этот труд имеет чрезвычайную ценность для истории споров между христианами и евреями и первоначального христианского богословия²³³.

Несколько лет спустя, когда Марк Аврелий царствовал единодержавно (169–177), ему были представлены две апологии азийскими епископами, Мелитом Сардийским и Аполлинарием Иерапольским. В то время гонения возобновились с новой силой в их провинции; администрация получила, по-видимому, новые и строгие распоряжения. Из апологии Мелитона мы имеем лишь отрывки, сохраненные у

Евсевия²³⁴. В них епископ развивает ту мысль, что христианство, родившееся в царствование Августа, так же старо, как империя и римский мир, и что гонителями его были лишь дурные государи, как Нерон и Домициан, враги общественного блага. В общем новая религия приносит счастье империи, и Мелитон почти намекает о возможности соглашения между ними. Это было слишком оптимистично для того времени, когда он писал, но его идее суждено было восторжествовать.

Из апологии Аполлинария до нас не дошло ничего, если только не из нее взят отрывок этого автора, где Евсевий²³⁵ нашел упоминание о Молниеносном Легионе. Третья апология, также принадлежащая перу азийца, Мильтиада, по-видимому, относится к тому же времени²³⁶.

За то мы имеем полный текст четвертого сочинения в этом роде, апологии Афинагора²³⁷, предназначенной императорам Марку Аврелию и Коммоду (177–180). Афинагор был, как и Аристид, афинским философом. Он развивает хорошим слогом и стройнее, чем Иустин, обычные мысли апологетов. Христиане не таковы, какими их воображают. Они, конечно, отвергают идолопоклонство и многобожие, но не то же ли делают лучшие философы? Согласно с доводами разума, они провозглашают, что Бог един, и их монотеизм прекрасно совмещается с учением о Слове и Духе Святом. Отвратительные преступления, в которых их обвиняют, – гнусные клеветы, их нравственность, напротив того, очень чиста, даже строга... Как можно посылать на казнь людей, которые так мыслят, так живут?

Для христиан действительно наступали тяжелые времена. Недаром апологии размножились в царствование Марка Аврелия. Мудрый император ничего не понял в христианстве. Он не допускал, чтобы стоило изучать такие секты, или ослаблять ради них строгость законодательства в империи. Христиане тщетно пытались заставить философа выслушать их; им пришлось иметь дело лишь с правителем тем более суровым, чем более он был добросовестен в исполнении своих обязанностей. Следует добавить, что бедствия, которые омрачили это царствование, много содействовали взрыву

народной ненависти, давно раздуваемой непрерывными успехами христианства. Мелитон говорит о новых указах, (καὶνὰ δόματα), которые повлекли за собой много жертв в Азии; в Греции тоже, по свидетельству Афинагора, гонения сделались нестерпимыми. Как раз в это время, в последние годы Марка Аврелия, произошли знаменитые события в Лионе и Карфагене (мученики в Сцилли), отмечающие для нас начало истории христианства в Галлии и Африке.

После Марка Аврелия снова водворилось спокойствие. Сын его, Коммод, один из самых негодных императоров, каких только видел Рим, имел по крайней мере благую мысль не притеснять христиан.

Однако это не заставило их прекратить составление своих апологий. Общественное мнение было к ним беспощаднее, чем государь; нужно было его просветить, чтобы оно изменилось; христиане чувствовали это. Апологии, предназначенные для императоров Адриана, Антонина и Марка Аврелия, далеко не исчерпывают всего того, что написано христианами в свою защиту. В текстах или в библиографических перечнях до нас дошла целая литература трактатов «К грекам» (πρὸς Ἑλληνας). В этом роде писательства, независимо от своих апологий, выделяется Иустин²³⁸. Один из его учеников, Тациан, любивший странствовать, как и он, оставил нам «Олово к эллинам». После Антиохийского епископа Феофила остались три книги в том же направлении, предназначенные для некоего Автолика. Трактат Афинагора о воскресении плоти является лишь приложением к его апологии. Мелитон, Мильтиад, Аполлинарий также упражнялись в этого рода литературе²³⁹. Другие книги такого же содержания дошли до нас без имени их авторов или с подложными именами; таковы: Послание к Диогнету и три сочинения: «Речь к эллинам», «Увещательное слово к эллинам» (λόγος παραινετικός πρὸς Ἑλληνας), «О монархии», обращавшиеся с именем св. Иустина.²⁴⁰

Из всей, этой литературы мы остановимся лишь на Послании к Диогнету, как образце хорошего слога, изящество и примирительный тон которого несколько не ослабляют горячности убеждения, и на речи Тациана, обладающей

совершенно противоположными свойствами. Вместо того, чтобы озаглавить свой труд «Словом к грекам», Тациан мог бы его назвать «Обвинением против греков». Это – произведение, полное презрения и гнева.

Родившись за пределами империй, в стране сирийского языка, Тациан прошел греческую школу и воспринял западную цивилизацию. Но этот чуждый ему мир не внушает ему ни уважения, ни любви. Вовсе несклонный относиться, подобно Иустину, с почтением к древним мудрецам и находить в их творениях, некоторое сходство с пророческими книгами, Тациан бичует целиком всю эллинскую культуру – обряды и учения, поэтов и философов. Это – родоначальник язвительной апологетики, которая, желая обратить людей, начинает с того, что осыпает их бранью. Предшественник Тертуллиана, он, как и тот, в конце концов откололся от церкви, но это произошло с ним позднее. В то время, когда написано было Слово, Иустин еще был жив, и незаметно, чтобы разница во взглядах привела к разрыву между ними.

Очень трудно отдать себе отчет, какое впечатление произвела вся эта апологетическая литература. Незаметно, чтобы она приостановила применение репрессивных законов. Возможно, что апологеты кое-где, изменили настроение образованных людей. Но не следует преувеличивать их влияния. В сущности, что дало возможность Церкви жить под действием преследовавших ее законов и восторжествовать над равнодушием, презрением и клеветой, это не доводы и речи, а внутренняя сила, которая так ярко проявила себя в добродетели, любви, в пламенной вере христиан героической эпохи. Вот что привлекало ко Христу, вот что пленило самих апологетов, что привело римлян к обоготворению Распятого Иудея и заставило греческие умы воспринять такие догматы, как учение о воскресении мертвых.

Глава XIII. Римская церковь от Нерона до Коммода

Еврейская знать и еврейские нравы. – Обращения в иудейство среди римской аристократии. – Христиане из династии Флавиев. – Климент и послание к Коринфской церкви. – Игнатий в Риме. – Пастырь Ерма. – Покаяние. – Христология Ерма. – Первые папы. – Римские еретики. – Посещения Рима Поликарпом и Егезиппом. – Мученики. – Епископ Сотир. – Гностические школы во времена Марка Аврелия. – Эволюция маркионизма: Апеллес. – Молниеносный легион. – Мученическая кончина Аполлония.

Римская община быстро возродилась после тяжкого испытания 64 года. Те из верующих, которые избежали гибели, вскоре дождались падения изверга-гонителя Нерона (68 г.). Два года спустя, восставший против империи Иерусалим пал после долгой осады; храм был сожжен, а награбленные из него сокровища несли по улицам Рима за триумфальной колесницей победителей – Веспасиана и Тита.

Крушение еврейского царства привело в Рим огромное количество еврейских пленников. Конечно, не среди этих фанатиков могла найтись почва для христианской проповеди. Но среди евреев существовала целая группа, сложившаяся еще до конца войны. Представители этой группы, люди богатые и влиятельные, старались держаться в непосредственной близости к царствующему дому. Уцелели отпрыски дома Ирода; Вероника долго пользовалась благосклонностью Тита. Иосиф жил среди этого избранного общества, написал здесь историю своего народа, стараясь обойти в ней то, что могло бы не понравиться победителям. Все это содействовало некоторому расцвету иудейства, разумеется, не иудейства, как политической единицы, роль которого была окончательно сыграна, а иудейской философии и религии. Несмотря на недавнее восстание иудеев и его подавление, о котором наглядно напоминала триумфальная арка Тита, не считалось неприличным выказывать известные симпатии к евреям,

хорошо принятым при императорском дворе, почитать их религию и даже отчасти следовать ей. Покоренная Иудея, как раньше, непосредственно после завоевания ее Помпеем, все еще внушала победителям почтение к себе. Правда, это продолжалось недолго. После прекращения династии Флавиев и уже после смерти Тита, еврейская родовая и умственная аристократия утратила свое влияние при дворе. Однако эта мимолетная мода на иудейство не могла не усилить того давнишнего воздействия, какое восточный монотеизм оказывал на традиционные верования римского высшего общества. Уже в ту эпоху, о которой мы теперь говорим, – как показывают некоторые несомненные факты – христианская проповедь делала завоевания даже в среде римской аристократии. Теперь уж не одни иностранцы, мелкий люд, рабы или наемники императорского двора исповедовали христианство: в эту раннюю пору христианство проникает в фамилии Помпониев, Ацилиев, даже Флавиев, менее родовой, но за то царствующей фамилии. Уже при Нероне знатная матрона Помпония Грецина²⁴¹ привлекла внимание своим скромным и уединенным образом жизни. Ее обвинили в приверженности к восточным суевериям, но муж ее А. Плавций заявил о своем праве, как главы дома, судить ее, и объявил ее невиновной. Она еще была в живых при Домициане. Очень вероятно, что она была христианкой. М. Ацилий Глабрий, бывший консулом в 91 г., и двоюродный брат Домициана Флавий Климент, консул 95 г., были также, последний наверное, а первый весьма вероятно, членами римской церкви. Самое древнее кладбище, находившееся в исключительном и общем пользовании у римских христиан – кладбище Присциллы, было устроено на вилле Ацилиев на Саларийской дороге²⁴². На Ардеатинской дороге кладбище Домициллы было расположено на земле, принадлежавшей Флавии Домицилле, жене консула Климента²⁴³. Таким образом мы видим здесь не просто платоническое сочувствие христианству: эти знатные последователи Христа входили в жизненные интересы общины и удовлетворяли ее нуждам.

Вскоре они дали ей также и мучеников. Домициан, мрачный и подозрительный тиран, не ограничился в своих преследованиях философами и политическими деятелями, у которых могло оставаться какое-нибудь сожаление о свободе прежних времен или какое-нибудь чувство собственного достоинства. Будучи строгим блюстителем нравов, бдительным стражем старых преданий римской жизни, он пришел к убеждению, что иудейские и христианские нравы подрывают их. Климент и жена его Домицилла «были обвинены в безбожии, – обвинение, жертвой которого становились многие лица, державшиеся иудейства. Одни из них были казнены, другие лишились своего имущества»²⁴⁴. Консул был казнен в самый год своего консульства (95 г.); Флавия Домицилла была сослана на остров Пандатарю, другая Флавия Домицилла, их племянница, была заточена на о. Понтии²⁴⁵. Однако двое из сыновей Климента получили от Домициана права наследников. Он дал им имена Веспасиана и Домициана и поручил их воспитание известному ритору Квинтилиану, но затем сам был убит (96 г.). Это событие положило конец владычеству дома Флавиев, хотя он продолжал еще существовать, и некоторые члены этой фамилии исправляли еще общественные должности. Христианство удержалось между потомками консула-мученика. Христианином был сын старшего брата Веспасиана, Флавий Сабин, погибший в 69 г. во время борьбы приверженцев его брата со сторонниками Вителлия. Будучи префектом Рима во времена Нерона, он должен был быть свидетелем в 64 г. пожара столицы и избиения христиан. Может быть некоторое впечатление от этого не пропало даром. В последние годы его жизни в нем замечалась особенная кротость, умеренность, отвращение к кровавым расправам, за что горячие головы называли его трусом²⁴⁶.

Христиане из дома Флавиев имели свою усыпальницу на Ардеатинской дороге. Впоследствии был открыт монументальный портик, который вел в эту усыпальницу, равно как и обширная галерея, украшенная очень древней живописью. Несомненно, что здесь и были погребены останки консула-мученика и самых старинных членов его фамилий. Несколько

далее была найдена греческая надгробная надпись никоего Флавия Сабина и сестры его Тицианы, затем обломок надписи, которая могла служить указанием на семейную усыпальницу Флавиев sepulc RUM flavi ORUM²⁴⁷.

Все, что мы знаем об этих знатных последователях христианства, дошло до нас чрез языческих писателей, сообщения которых поясняются нам надписями и другими памятниками катакомб²⁴⁸. Письменных данных христианского происхождения у нас вовсе не имеется. В эти древние времена христианская община в Риме должна была насчитывать многих членов, бывших свидетелями самого зарождения ее; авторитет этих спутников или учеников первоначальных апостолов был здесь очевидно так же велик, как в Азии авторитет пресвитеров. Они служили опорой для предания, под их покровительством зарождалась церковная иерархия. Можно предполагать также, что некоторые книги Нового Завета, как, напр. евангелия Марка и Луки, Деяния апостолов, первое послание ап. Петра, Послание к евреям, сложились среди римской общины раньше или позже взятия Иерусалима и что там же были собраны во едино послания ап. Павла. Но обо всем этом у нас нет надежного свидетельства²⁴⁹.

Послание св. Климента выводит нас из области мрака. К концу царствования Домициана в Коринфской церкви возникли раздоры. Образовалась партия молодых против старейшин общины, устранены были из пресвитерского совета несколько членов, «поставленных апостолами или после них другими славными людьми (ἐλλόγιμοι) с одобрения всей церкви». Раздор этот огласился и был во вред доброй славе христианского имени²⁵⁰. Узнав о происшедшем, римская церковь сочла своей обязанностью вмешаться. В это время она была угнетена неожиданными и чередовавшимися одно за другим бедствиями. Но как только открылась возможность, римские христиане отправили в Коринф трех уполномоченных, Клавдия Эфеба, Валерия Бито и Фортуната, которые с молодости и до преклонных лет, каких к тому времени уже достигли, были деятельными членами римской церкви. Несомненно люди, столь давно обратившиеся в христианство, были знакомы с

апостолами. Им поручено было засвидетельствовать коринфской общине чувства и пожелания римлян; последние к тому же вручили им послание, написанное от имени всей римской церкви²⁵¹. Нам известно, что послание это было отредактировано епископом Климентом, который в самых достоверных списках римских пап стоит на третьем месте после апостолов.

Климент, которого Ориген отождествляет с одноименным ему²⁵² сподвижником ап. Павла, помогавшим его проповеди в Филиппах,²⁵³ был во всяком случае в таком возрасте, что мог, как это передает св. Ириней, лично знать апостолов и беседовать с ними²⁵⁴. Он никак не мог быть родственником консула Флавия Климента. Правда, он очень уважает римский строй вещей; он говорит о «наших» государях, о воинах, подчиненных «нашим» военачальникам; к военной дисциплине он относится с восхищением, однако его близкое знакомство со священным писанием, Ветхим и даже Новым Заветом (послания ап. Павла, ап. Петра, ап. Иакова, Послание к евреям), скорее заставляет думать, что личность его сложилась под иудейским влиянием. Быть может, он был вольноотпущенником фамилии Флавиев. Как бы то ни было, его Послание представляет собой прекрасное свидетельство того, каким мудрым и практическим характером уже в те давние времена было проникнуто римское благочестие. Он говорит здесь сперва о неудобствах, какие влечет за собой раздор (3–6), затем призывает к повиновению воле Божией (7–12), изображает величие наград, обещанных Богом простым и праведным душам (13–26), и доказывает необходимость порядка в церкви примерами дисциплины римских армий и священнической иерархии в Ветхом Завете (37–42). Переходя затем к Новому Завету, автор выясняет, что священство ведет свое начало от апостолов и Иисуса Христа, что оно имеет законный авторитет и ему должно повиноваться (42–47). Он призывает коринфян к раскаянию и советует им возвратиться к миру и порядку и понести спасительное наказание; если миру препятствует присутствие некоторых лиц, пусть они отправятся в добровольное изгнание. Что же касается церкви, то она должна молиться за непокорных (48–58);

довольно резким переходом автор тут же сам подает пример: Климент помещает в послании пространную молитву (59–61), которая имеет лишь отдаленное отношение к коринфским распрям. Она, без сомнения, представляет собою не установленный текст римской литургии конца I века, но образец того, как содержание евхаристической молитвы раскрывалось предстоятелями христианских богослужебных собраний.

Послание заканчивается повторением данного увещания и приветствиями. От начала до конца оно проникнуто глубоким чувством бесхитростной веры и разумного благочестия. В нем нет ни одной из тех своеобразных черт, которые иной раз поражают нас в произведениях древних авторов. В нем нет ничего, кроме обычных христианских мыслей, выраженных самым естественным образом. Не заметно также какого-либо беспокойства относительно еретических разногласий. Римская церковь наслаждалась в это время полнейшим внутренним миром.

Можно думать, что представители римской церкви достигли большого успеха в Коринфе, ибо послание Климента было отнесено там к числу книг, которые читались одновременно со священным писанием на воскресных собраниях: такое место занимало оно 70 лет спустя во времена епископа Дионисия²⁵⁵. Впрочем, оно и стало известно нам первоначально по одному из древнейших списков греческой Библии²⁵⁶. Немного лет спустя после. Того, как оно было составлено, св. Поликарп имел его перед собой и пользовался им, наравне с апостольскими посланиями.

Лет через двадцать после коринфской смуты и послания св. Климента, римляне имели случай назидаться беседами и зрелищем мученичества св. Игнатия Анത്യхийского. Об этом событии мы имеем сведения из послания самого мученика, написанного из Азии к римлянам²⁵⁷. Содержание послания чрезвычайно своеобразно. Исповедник веры, присужденный на съедение зверям и отправленный из Сирии на казнь в Рим, имеет основание опасаться, что римские его единоверцы помещают цели его путешествия. Он самым настоятельным образом убеждает их не препятствовать его мученической

кончине. По-видимому, они могли спасти его, хотя не совсем ясно, каким именно образом²⁵⁸. «Оставьте меня в добычу зверям, чрез них я приближусь к Богу. Я пшеница Господня, пусть я буду размолот зубами зверей, чтобы стать чистым хлебом Христовым. Поощряйте их лучше, чтобы они стали моей могилой, чтобы ничего не оставили от моего тела; тогда мое погребение никому не доставит заботы... Я не повелеваю вам, как Петр и Павел, ибо те были апостолами, а я – узник приговоренный (к смерти), они были свободными, а я до сего часа – раб; но если я умру, то стану отпущенником Иисуса Христа, в Нем я воскресну к свободе».

Это столь трогательное послание не только показывает, какая жажда мученичества томила Игнатия, но и то высокое уважение, которое антиохийский епископ питал к великой римской церкви. Оно начинается длинным и красноречивым приветствием, где он больше, чем в посланиях к другим церквям, расточает хвалебные обращения: «Первенствующая церковь в столице римского народа... Церковь, первенствующая в любви (или в делах милосердия)».²⁵⁹ Очевидно Игнатий представляет себе римскую церковь, как первенствующую между другими церквями и в христианском братолюбии.

Он добился, чего желал, – свободы пострадать за Христа. Без сомнения, «пшеница Господня» была перемолота дикими зверями в Колизей, тогда только что отстроенном²⁶⁰. Но не звери только участвовали в его погребении. Несколько верующих из числа его паствы прибыли в Рим²⁶¹, чтобы присутствовать при его последних минутах; они собрали его останки и перевезли их в Сирию²⁶².

Римляне имели еще епископа мученика, Телесфора, погибшего при Адриане, (ок. 135 г.) сданной смертью, как передает св. Иринея²⁶³; но он не сообщает о том никаких подробностей. Современники Климента, Игнатия и Телесфора имели также случай знать и слышать пророка Ерма, поведавшего церкви свои видения и наставления, которые он потом собрал в своей знаменитой книг «Пастырь».

Столь странная по форм книга Ерма сохранила нам драгоценный образец того, что можно бы назвать пророческой

литературой Нового Завета, т. е. литературой, которая могла произойти от новозаветных пророков. В том виде, в каком она до нас дошла, она была закончена в то время, когда брат автора, епископ Пий, занимал кафедру в Риме²⁶⁴, т. е. около 140 г. Но она имела уже целый ряд редакций. Самый древний текст ее²⁶⁵ должен быть отнесен к царствованию Траяна и епископству Климента.

Ерм был римским христианином, по общественному положению вольноотпущенником, сельским землевладельцем, женатым и отцом семейства, которое не доставляло ему никакого утешения. Его сельскохозяйственные работы и семейные неприятности, однако, не мешали ему постоянно витать духом в сфере христианских упований, и непрестанно думать как о своем спасении, так и других людей. Это был простой и весьма малообразованный человек. Как и все верующие того времени, он до известной степени был знаком с Ветхим и некоторыми произведениями Нового Завета. Однако единственная книга, на которую он прямо ссылается, относится к апокрифам²⁶⁶. Чувствуя внутреннее побуждение поведать миру свои воззрения на нравственное обновление, он облек их в форму откровений. В первой древнейшей части своей книги, «Введениях», он беседует с женщиной, олицетворяющей Церковь. В двух других частях, «Заповедях» (Mandata) и «Притчах» (Similitudines) откровение исходит от другого воображаемого лица, Пастыря, откуда произошло окончательно установившееся заглавие книги.

Идет ли речь от имени Церкви или Пастыря, выражена ли мысль прямо или облекается в символическую форму, всюду проглядывает одна и та же тенденция. Верующие, и из них прежде всего сам автор, – далеко не таковы, какими они должны бы быть, какими обещались сделаться. Есть однако средство исправления – покаяние. Ерм получил поручение свыше внушить христианской общине, что Бог простит тех, кто покается. Поэтому он проповедует о необходимости покаяния для крещеных уже христиан, как апостолы проповедовали покаяние при крещении во освящение верного. Это – второе

покаяние, другая милость, дарованная Богом перед временем окончательного сведения счетов с землею.

Главный интерес книги заключается не столько в этой основной мысли, сколько в подробностях ее развития. Из перечисления у Ерма отдельных грехов и описания различных условий, в которых живут грешники, мы можем составить себе понятие о внутренней жизни римской церкви в первой половине II века²⁶⁷.

В те времена, в царствование Траяна и Адриана, христианские общины не пользовались вполне прочным спокойствием. Несмотря на мягкие указы, исходившие от этих императоров, христиан постоянно тревожили, привлекали к суду, требовали от них отречения от своей веры. Если они соглашались, их сейчас же отпускали, если нет, то предавали смерти.

Перед такой альтернативой многие обнаруживали слабость, и случаи такие повторялись ежедневно. Отречение стало уже довольно обычным грехом. Степень преступления была различна. Некоторые ограничивались простым отречением ради временных выгод, другие прибавляли к нему еще надругательство над святыней: они не стыдились открыто произносить хулу на своего Бога и братьев по вере. Находились даже такие, которые изменяли братьям и доносили на них. Но с другой стороны, Церковь гордилась многочисленными мучениками. Не все были равны, по заслугам. Некоторые трепетали перед пытками и нерешительно исповедовали свою веру, хотя в последнюю минуту слушались голоса совести и проливали свою кровь за веру. Ерма проводит различие между ними и более мужественными мучениками, у которых не было ни минуты колебания. Впрочем, все они входят в состав мистического здания, представляемого Церковью Господнею; впереди них стоят лишь апостолы. Кроме мучеников в тесном смысле слова, он говорит об исповедниках, которые хотя понесли известные лишения за веру, но, которым не пришлось пролить за нее своей крови.

В общем жизнь христианской общины шла довольно правильным путем. Однако было не мало недостатков и даже

пороков, которые требовали исправления. Дух партийности порождал распри, злословие, вражду. Иные слишком дорожили мирскими благами. Деловые сношения, общественные обязанности заставляли многих входить в очень близкие связи с языческим обществом, что влекло за собой серьезные опасности. Начинали забывать об евангельском братолюбии, сторонились общих собраний, избегали стоять на равной ноге с мелким людом, который, разумеется, составлял главную часть христианской общины. Вера страдала от этого, в конце концов люди становились христианами только по имени. При постоянном общении с язычниками некоторые мало по малу утрачивали даже память о своем крещении; их охладевшие верования поддавались малейшему искушению, и они отрекались от них по ничтожным поводам. Люди меняли свою веру без всякого гонения, просто прельщенные обаятельными философскими учениями, к которым слишком охотно стали прислушиваться.

Даже среди более твердых в вере обнаруживались слабости, весьма плачевные в нравственном отношении. Плоть была немощна. Однако, эти временные слабости были еще исправимы: их можно было искупить покаянием. Большой опасностью в глазах Ерма было колебание в вере (διψυχία); он часто возвращается к этому состоянию души, когда она как будто двоятся, колеблясь между признанием и отрицанием.

Само духовенство было небезупречно: диаконы изменяли своему назначению заботиться о материальных нуждах общины, обращали в свою пользу деньги, предназначенные для вдов и сирот; встречались пресвитеры неправосудные, надменные, небрежные к своим обязанностям, одержимые честолюбием.

Книга Ерма – подробная исповедь римской церкви. Не следует удивляться, что она разоблачает столько прискорбных явлений: по самому характеру своему ей приходится больше говорить о дурных сторонах, чем о светлых, об исключениях чаще, чем о норме. Несмотря на это невыгодное (для характеристики церкви) обстоятельство, легко заметить, что, по мнению Ерма, число добродетельных христиан превосходило число грешников всех видов. Например, в Притче VIII

нравственное состояние христиан выражено символически в образе ивовой ветви, которую каждый христианин получил от ангела Господня и обязан возвратить после известного промежутка времени: одни возвращают ее иссохшую, расщепленной, сгнившей, другие – наполовину сухой, наполовину зеленою, третьи – на две трети зеленою и так далее. Эти различные состояния свежести соответствуют различным степеням нравственного падения. Большинство христиан, однако, возвращает ее столь же цветущею, какою они получили ее, что означает, что они остались верны обетам, данным при крещении.

Равным образом, хотя Ерм неоднократно говорит о распрях между пресвитерами и других слабостях клира, он все же знает и таких, которые достойны всякой похвалы; он хвалит их благотворительность, гостеприимство; он отводит им место среди апостолов, в самом основании своей мистической башни.

В общем от этой картины получается впечатление, что хотя церковь и в те весьма отдаленные времена не состояла исключительно из святых, но она имела их в большом числе и даже их было большинство.

Ерм никогда не говорит о евреях, редко о язычниках. Книга его предназначена исключительно для верующих: ему нет дела до того, что происходит вне церкви. Мы выше уже говорили об его отношении к зарождающимся ересям. Они не представляются ему в виде законченных учений, ни тем более организованными сектами, соперничающими с главной общиной. Ему известны только отдельные проповедники, которые приходят и уходят, сея чуждые учения, вечно стремятся к познанию и в сущности ничего не знают. Ерм, который во всем дорожит прежде всего нравственной стороной дела, упрекает их в том, что они отвлекают грешников от покаяния. Он также спрашивает себя, что выйдет из этих заблудших учителей. Он не отчаивается в их спасении: иные уже вернулись на путь истинный и даже прославились своими добродетелями; и другие также вернутся, по крайней мере можно на это надеяться.

Покаяние, проповедуемое Ермом, представляет средство искупить грехи, совершенные после крещения. Иные учат, что после крещения уже нет возможности получить отпущение грехов. Не таково его убеждение: и после крещения можно получить прощение и даже самых тяжких грехов, но само собою разумеется, что это вторичное обращение должно быть решительным; нельзя проводить свою жизнь в бесконечных колебаниях между грехом и раскаянием²⁶⁸. Ерм не упоминает ни о каких внешних видах покаяния, какие мы встречаем вскоре после него. Он не говорит ни об исповеди, ни об отпущении; что же касается дел умилоствления, то он их, разумеется, допускает, но решительно настаивает на их бесполезности в тех случаях, когда они не сопровождаются внутренним и искренним обращением.

Он упоминает о практике общественных постов, установленных всею общиной, о так называемых стояниях, и критикует не самое установление и не идею поста вообще, а неосновательную веру, какую питали некоторые в спасительность этих упражнений. Пост должен прежде и более всего состоять в нравственном исправлении, в строгом соблюдении закона Божия, затем в делах милосердия. В дни поста нужно питаться лишь хлебом и водой; сбереженное из обычных расходов должно быть обращено в пользу бедных.

Человек простого склада ума, озабоченный исключительно нравственным возрождением, Ерм не был склонен к богословским умозрениям. Однако и в «Пастыре» встречаются в этом отношении места, возбуждающие недоумение.

В его V-й Притче нам обрисовывается характер его воззрений на домостроительство искупления, Троицы и воплощения. Эти воззрения высказываются им по оригинальному поводу: Ерм хочет внушить убеждение в пользе сверхдолжных добрых дел. Подобная тема не дает, по-видимому, почвы для метафизических рассуждений, но как раз именно здесь они и выступают на сцену.

Пастырь начинает с притчи. У одного человека есть поместье и многочисленные слуги; от отделяет часть этого поместья и разводит виноградник, затем одному из своих слуг

дает поручение подвязать лозы, но тот не только подвязывает их, но еще и очищает виноградник от плевел. Господин очень доволен им; посоветовавшись с сыном и друзьями, он объявляет, что добрый слуга разделит наследство с сыном. Последний устраивает пир и посылает доброму слуге часть приготовленных яств, слуга же делится с товарищами по службе и получает за это новую похвалу.

Таково содержание притчи. Объяснение же ее следующее: поместье – мир, хозяин его – Бог, создатель всего; виноградник – Церковь, общество верующих всех времен; сын хозяина – Святой Дух²⁶⁹; слуга – Иисус Христос; друзья и советники – шесть высших ангелов. Дело, совершенное Христом, символизируется в трех действиях: подвязки лоз, искоренении плевел и разделе присланных яств. Колья, к которым подвязывается лоза, – низине ангелы, которым Спаситель поручил хранение Церкви; истребление плевел есть искупление, искоренившее грех; раздел пищи – евангельская проповедь.

Как видно из этого объяснения, до воплощения существуют только два божественных Лица – Бог и Святой Дух, взаимное отношение которых определяется, как отношение отца к сыну. Стало быть здесь Святой Дух отождествляется со Словом²⁷⁰, предвечным Христом. Эта мысль впрочем выступает и несколько ниже. «Духа Святого, который существовал предвечно и создал все, Бог вселил в избранную Им плоть. Эта плоть, в которой обитал Дух Святой, служила Духу во всей святости и чистоте, не омрачая Его ни единым пятном. За эту святую жизнь, за помощь Духу и непрестанное сотрудничество с Ним, всегда бодрое и мужественное, Бог допустил плоть приобщиться Духу Святому... Он имел совещание с сыном Своим и славными ангелами, чтобы плоть эта, безупречно служившая Духу, получила местопребывание и награду за труды свои. Будет награда всякой плоти, которая, получив в себя Духа Святого, сохранит себя незапятнанной».

В общем Троица Ерма состоять, и по-видимому, из Бога Отца, из второго божественного Лица (Сын Божий, Дух Святой) и наконец из Спасителя, ставшего Богом за свои заслуги. Эта

черта в богословском умозрении Ерма представляется точной параллелью тем своеобразным рассказам, которые мы встречаем у древних азийских носителей христианской традиции. Если можно удивляться, что люди, вроде пресвитера Иоанна и его родичей, могли рассказывать такие фантастичные истории, то не менее трудно понять, каким образом римский пророк в своих богословских умозрениях допускает подобные же странности.

Однако то, что в его воззрениях заслуживает критики, не бросается в глаза с первого взгляда. А что прежде всего обращает на себя внимание, – это мысли о пользе добрых дел и нравственной чистоты. Эти мысли опираются на всегда уместный пример Спасителя. Только на третьем плане в изложении проступают черты, которые не легко удовлетворительным образом примирить с нашими воззрениями. Древние, по-видимому, не заметили их. «Пастырь» был принят во всем христианском мире II-го века, как книга высокого авторитета в вопросах веры; ее читали на собраниях одновременно со священным писанием, не ставя ее однако наравне с ним. Понемногу ее авторитет стал падать: ригористы в роде Тертуллиана ставили ей в упрек ее снисходительность к грешникам; образованные люди смущались ее своеобразным слогом и странностию формы видений²⁷¹. Ариане ссылались на нее в виду ее знаменитого учения о божественном единстве²⁷². Но и это не поколебало ее авторитета, и после Климента Александрийского и Оригена еще св. Афанасий продолжал высоко чтить ее и употреблять, как пособие для нравственного наставления оглашенных. Как и послание Климента, «Пастырь» Ерма удостоился чести быть вписанным в одни рукописи с текстом Библии. Так, его нашли в конце известного *Синайского кодекса*.

Как уже было сказано выше, «Пастырь» был закончен и окончательно вышел в свет в то время, когда брат Ерма еп. Пий занимал епископскую кафедру в Риме. Пий был девятым преемником апостолов. Из его восьми предшественников, список которых дошел до нас чрез св. Иринея, один только Климент приобрел известность своими посланиями, а Телесфор

своим мученичеством. О Лине и Анаклете, первых по списку, сказать ничего нельзя, за исключением лишь того, что Лин, быть может, то самое лицо, которое под этим именем упоминается во втором Послании к Тимофею. Также неизвестны остались преемники Климента – Еварест, Александр, Сикст. После Телесфора епископствовал предшественник Пия, Гигин. Для определения хронологического порядка, в каком чередовались епископы, мы не имеем иного источника, как список, первая редакция которого может быть восходит до времени императора Коммода и папы Елевтерия, а может быть и несколько выше. Там после каждого имени поставлены числа. Их общая сумма дает 125 лет. Отсчитывая от 189 г., – года смерти папы Елевтерия, назад, мы подходим к 64 г., как раз к году предполагаемой мученической кончины апостола Петра. Таким образом хронология первых пап должна бы быть установлена в следующем виде:

Лин 12 лет приблизительно от 65 г. до 76 года
Анаклет 12 лет приблизительно от 77 до 88
Климент 9 лет приблизительно от 89 до 97
Еварест 8 лет приблизительно от 98 до 105
Александр 10 лет приблизительно от 106 до 115
Сикст 10 лет приблизительно от 116 до 125
Телесфор 11 лет приблизительно от 126 до 136
Гигин 4 лет приблизительно от 137 до 140
Пий 15 лет приблизительно от 141 до 155
Аникита 11 лет приблизительно от 156 до 166
Сотир 8 лет приблизительно от 167 до 174
Елевтерий 15 лет приблизительно от 175 до 189

Но эти указания годов, даже если предположить, что они нам переданы точно, должны быть рассматриваемы лишь как приблизительные, при определении которых откидывались или округлялись доли года. Поэтому не следует строго держаться летосчисления, которое отсюда вытекает. В единственном случае, где мы имеем возможность подвергнуть эти цифры точной проверке, вышеприведенная таблица оказывается неверной. Св. Поликарп прибыл в Рим самое позднее в 154 г. и был здесь принят папой Аникитой.

Какова бы ни была ценность этой хронологии, последовательный список римских пап представляет драгоценный документ. Очевидно следует думать, что апостольским преемникам в управлении церковью содействовала коллегия пресвитеров, которая вместе с ними руководила христианской общиной, председательствовала на ее собраниях, разбирала споры, привлекала новых последователей и обучала их. Здесь, как и в других местах, диаконы и диакониссы²⁷³ особо заведовали хозяйственной стороной и делами благотворительности. В разговорном языке епископ не всегда ясно выделялся над коллегией своих помощников, а духовенство не обособлялось резко от общей массы христиан. Так как общинная жизнь была очень высоко развита, то все происходившее касалось скорее всей общины, чем ее руководителей.

О ересях, завезенных в Рим, впервые заговорили к концу царствования Адриана, во времена епископа Гигина. Сюда переселились Валентин Александрийский, Кердон и Маркион и старались не только распространить свои учения среди верующих, но, по некоторым сведениям, даже овладеть управлением церкви. Трудно предположить, чтобы еще ранее этого времени Рим не видал какого-нибудь пришельца с Востока из тех лжеучителей, какими с давних пор кипела Сирия и Азия. По-видимому, Ерм знавал подобных; судя по тому, что он говорит, они не имели в Риме большого успеха. Валентин со своей стройной философской системой, со своей экзегетикой и примирительными наклонностями добился большого внимания и успел основать школу. Он прожил в Риме долгое время при преемниках Гигина Пие и Аниките. Прибывший около того же времени Маркион несколько лет держался в общении с Церковью, хотя и не без труда, так как однажды он был вынужден представить письменное оправдание своей веры. Но подобные отношения не могли продолжаться долго; в 144 г. произошел разрыв и, соперничая с великой церковью, возникла отдельная маркионитская община. На первых порах она имела большой успех. Иустин Философ, живший тогда в Риме и боровшийся пером и словом против различных модных ересей,

вел специальную полемику против Маркиона. Однако этот последний выдержал удар. Он еще находился в Риме во времена Аникиты, когда сюда прибыл в 154 г. почтенный Поликарп, епископ смирнский, предпринявший это путешествие с целью уладить с римской церковью несколько спорных пунктов и главное вопрос о праздновании Пасхи, насчет которого между азийцами и римлянами существовало разногласие. Можно себе представить, какой благоговейный интерес в христианах вызвало появление этого знаменитого старца, знавшего очевидцев евангельских событий и принявшего учение от азийских апостолов. Аникита принял его радушно и добровольно предоставил ему свое председательское место на литургийных собраниях. Уже самой своей личностью Поликарп был чрезвычайно мощным выражением христианского предания. Поэтому его присутствие произвело сильное впечатление в среде отщепенцев: многие ушли из своих сект и вернулись в лоно великой церкви. Однажды он встретился с Маркионом, которого еще раньше видал в Азии. – «Узнаешь ли меня?» спросил еретик. – «Да, ответил Поликарп: узнаю первенца сатаны». Аникита не мог согласиться с воззрениями Поликарпа на празднование Пасхи, но и ему равным образом не удалось склонить Поликарпа на сторону римских обычаев. Впрочем они не разошлись из-за этого, и азийцы, жившие в Риме, продолжали, не озирая на это легкое разногласие, принимать участие в евхаристии, наравне с членами местной общины. Такое положение вещей длилось уже давно, со времени епископства Сикста²⁷⁴. Наконец Поликарп дружески распростился с римлянами и их епископом, которые немного месяцев спустя узнали, что он запечатлел свою долголетнюю и достойную жизнь мученической кончиной.

Народ стекался в Рим со всех сторон. Школа карпократов из Александрии прислала сюда проповедницу Маркеллину, которая приобрела много последователей. Среди окружавших Маркиона тогда уже выделялся один ученик, Апеллес, под влиянием которого впоследствии маркионитское учение приняло новый вид. Иустин, всегда ревностный в защите веры, получил подкрепление от другого философа, прибывшего из

дальней Ассирии -Тациана, который некоторое время помогал ему вести полемику против циников. Из Палестины прибыл Егезипп, странствующий исследователь учений и преданий. Он мог рассказать римлянам много интересного о древних христианах своей страны, а с своей стороны собрал от римлян сведения не только о современном состоянии их церкви, но и о прошедших временах, так как он, по-видимому, вывез из Рима список римских епископов, закончившийся Аникитой²⁷⁵. Он сам продолжил его до Елевтерия, во время епископства которого издал свои путевые воспоминания. Он был знаком с ним в Риме, где тот был диаконом Аникиты.

Таков был характер христианской жизни в Риме к концу царствования Антонина. Весь христианский мир, как будто сговорившись, посылал сюда самых выдающихся своих представителей: патриарха Азии Поликарпа, сурового понтийского сектанта Маркиона, великого учителя александрийского гносиса Валентина, проповедницу Маркеллину, сирийского иудействующего христианина Егезиппа, философов и апологетов Иустина и Тациана. Это был как бы микрокосм, отражение в миниатюре всего тогдашнего христианства. Тот факт, что христиане свободно путешествуют, ведут споры, распри, проповедуют, молятся, по-видимому исключает возможность думать, что – все это люди, преследуемые законом. А между тем это было именно так. Все они живут с мыслью о мученической смерти. Ерм и Иустин говорят о ней на каждом шагу, Маркион также, Поликарп и Иустин были осуждены за веру на смерть. Правда, на престоле сидит Антонин, а Римская империя никогда не имела лучшего повелителя. Но христианство продолжает быть запрещенной религией, и судьи в Риме, как и в провинции, продолжают преследовать его на основании закона. Прекрасный храм, воздвигнутый добродетельным императором внизу Священной дороги в честь его покойной супруги Фаустины, блистал тогда всей свежестью своего мрамора; он видал не одну партию христиан, ведомых от судейских мест на форуме к месту казни. Однако единственные имена римских мучеников, которые дошли до нас от той эпохи, – те о которых говорит Иустин в

своей апологии²⁷⁶: Птоломей, Люций и третий, имени которого он не называет, – казненные по приговору префекта Урбика.

Иустин сам подвергался большой опасности: цинический философ Кресцент, которому так доставалось от Иустина, не терял его из вида. Быть может именно из-за него Иустин покинул Рим. Вернувшись сюда в начале царствования Марка Аврелия, он на этот раз, кажется уже без содействия Кресцента, пал жертвой своей религиозной ревности. Он был арестован с другими христианами, из коих некоторые были неофиты, им же обращенные. Они предстали на суд префекта Рустика (163–167), который, удостоверившись в том, что они христиане, велел их бить плетями и обезглавить. Сотоварищи Иустина были довольно разнообразны. Среди них была одна женщина по имени Харито, и пять мужчин: каппадокиец Евельпист, раб императора, некий Иеракс из Иконии и еще трое, Харитон, Пеон и Либериян²⁷⁷.

От всех этих древних поколений римской церкви нам остался монументальный и весьма ценный памятник – верхний и первоначальный ярус кладбища Присциллы. До сих пор еще можно разобрать надгробные надписи: они кратки, одни лишь имена, сопровождаемый иногда пожеланием *Мир тебе*. Кое-где древняя живопись украшает комнаты, в которых могли поместиться для похоронных собраний небольшие группы лиц. Другие усыпальницы того же века встречаются на юг от Рима; позднее они были включены в кладбища, известные под именами Претекстата, Домициллы и Каллиста, но ни одно из них не имеет размеров и правильности присциллианских галерей. Очевидно, последние представляют древнейшее общее кладбище римской церкви.

Около того времени, когда св. Иустин пострадал за веру, которую так долго защищал, управление римской церковью перешло из рук Аникиты к Сотиру. О нем мы знаем лишь одно: что он, подобно своему предшественнику Клименту, написал послание к коринфской церкви. Повод к нему был однако совсем иной: письмо Сотира препровождено было с приложением суммы, предназначенной на помощь бедным и исповедникам, осужденным на каторгу. Римская церковь,

отличавшаяся богатством и благотворительностью, охотно уделяла часть своих средств менее достаточным христианским общинам. Это уже обратилось в обычай, удержавшийся до последних гонений. Письмо Сотира до нас не дошло; мы знаем о нем только из того ответа, который был дан на него епископом коринфским Дионисием и от которого сохранил нам несколько отрывков Евсевий²⁷⁸.

Рядом с великой церковью еретики продолжали свою пропаганду. Секта валентиниан организовалась. В Риме, у нее было два известных учителя, прямых ученика Валентина, Гераклеон и Птоломей. Первый внес некоторое изменение в учение о происхождении эонов. В первоначальной системе они всегда распределялись попарно. Гераклеон внес в Плерому монархический принцип, поставив во главе всего единое существо, не имевшее соответственного товарища женского пола; от него произошла первая пара супружеских эонов, а следовательно также и все остальные. Это был очень плодовитый писатель Климента Александрийский и Ориген часто на него ссылаются. Самым замечательным из его произведений был комментарий на Евангелие от Иоанна²⁷⁹. Что касается Птолемея, то он и его последователи были предметом полемики св. Иринея; гностическое учение Валентина более всего известно в той форме, какую ему придал или сохранил Птоломей. Во времена Марка Аврелия на Западе появился еще некий Марк, с которым церковь давно уже боролась в Азии. У св. Иринея, св. Ипполита и Тертуллиана встречаются еще другие имена: Секунд, Александр, Коларбаз, Феотим; нам неизвестно, какие оттенки они внесли в гностическую систему, да, по правде сказать, это и не важно.

Разделения среди гностиков происходили не только на почве вероучения; обрядность тоже давала повод к разногласиям. Обычный порядок крещения годился лишь для «психиков»; для посвящения же «пневматиков» требовалось нечто иное. Наиболее здравомыслящие оспаривали это, говоря, что раз гносис вещь духовная, то возрождение посвященного должно происходить единственно путем знания тайны. Другие, однако, придумали торжественно вводить принимаемого

новичка в брачную комнату; этот обряд вполне соответствовал гностическому представлению о небесной плероме. Но большинство предпочитало обряд, представлявший сколок с церковного. Посвящаемого крестили водой, произнося формулы, в роде следующей: «во имя непознаваемого Отца всех вещей; – Истины, матери всего; – Того, кто сшел в лице Иисуса с небес, (зон Христа)». Пользовались также и еврейскими словами²⁸⁰: «во имя Ахамот» и т. д. Посвящаемый отвечал: «Я укреплен и искуплен; я искупил свою душу и т. д.» Присутствующее восклицали: «Мир всем, на ком почиет это имя». Затем совершали помазание благовонным маслом. Иногда смешивали елей с водой и таким образом объединяли два сакраментальные акта. Этот обряд носил название аполитрозы или искупления. Для умирающих или покойников был другой обряд: им сообщали формулы, при помощи которых они могли одолеть на том свете низших духов и Демиурга, и, отдав первым свои материальные частицы, а второму свою животную душу (ψυχή), – подняться до высших областей, предназначенных для чисто-духовной души (πνεῦμα)²⁸¹.

Маркион умер вероятно почти в одно время с Поликарпом и Иустином. «Святейший учитель», как называли его сектанты²⁸², продолжал пользоваться среди них большим почитанием. Они представляли его пребывающим на небесах с Христом и ап. Павлом: Павел восседает по правую, а Маркион по левую сторону Спасителя²⁸³.

Единодушно воздавая почитание памяти своего основателя, они однако далеко не были согласны в толковании его учения. Как мы видели, в последнем были некоторые несообразности, о которых учитель ни мало не беспокоился. После него пытались их распутать²⁸⁴. Исходной точкой маркионизма была противоположность Бога благого и Бога справедливого. Когда в это учение проникла метафизика, ей нетрудно было вывести из него два основных и существенно противоположных начала. В этом заключалось учение двух маркионитских знаменитостей времен Марка Аврелия, – Потита и Василика. Была еще школа Синероса и Лукана²⁸⁵, которая, раздвояя низшее божество на доброго и злого бога, приходила

таким путем к признанию трех божественных начал. Эта форма маркионитской Троицы имела такой успех, что совершенно затмила первоначальное двоебожие. В III и IV веках маркионитов часто представляли людьми, исповедующими трех богов²⁸⁶.

Но в ту эпоху, о которой мы говорим теперь, наиболее видным учителем секты был некий Апеллес, который попытался устранить явный или скрытый дуализм и вернуться к единому принципу. Он сперва жил в Риме подле главы секты, затем переехал в Александрию²⁸⁷, откуда вернулся в столицу, долго спустя. Родон, знавший его лично, рисует очень любопытный портрет его: это был почтенный старец строгого образа жизни; его сопровождала ясновидящая, по имени Филомена, галлюцинации которой он записал в книге *Откровений* ²⁸⁸. Родон, улучив повод для спора с ним, желал дознаться, как примиряет он свое учение с маркионитством. Но Апеллес, быстро утомившись от прений, в которых перевес был не на его стороне, сказал, «что бесполезно стараться разрешить все эти вопросы, – что лучше было бы каждому оставаться при своих верованиях, – что все верующие в Распятого будут спасены, лишь бы вели добродетельную жизнь. Что касается доказательства что существует именно единое начало, то он, Апеллес, охотно отказывается от этой задачи; с него довольно, что он лично убежден в этом. Затем, на пророков опираться нельзя: они противоречат друг другу и лгут наперебой»²⁸⁹.

Эволюция мысли Апеллеса возбудила в Родоне живой интерес. Апеллес признает – говорит он – единый принцип вполне согласно с нашим учением». Однако было и различие. Благодаря св. Епифанию, мы имеем нечто в роде изложения апеллесовой системы, которое, по-видимому, принадлежит его перу. «Существует единый благой Бог, единый принцип, одна несказанная невыразимая сила. Этот единый Бог, единый принцип вовсе не заботится о том, что происходит в нашем мире. Он сотворил (ἐποίησε) другого бога, который затем создал все, – небо, землю и все, что на ней. Но этот второй бог не был благим (ἀπὲβη δὲ οὐκ ἀγαθός), и все его создания вышли из его рук крайне несовершенными»²⁹⁰. В метафизическом отношении

это очень похоже на арианство, но с присоединением маркионитской идеи о благодати, как о существенном и непередаваемом атрибуте Бога.

Апеллес смягчил также резкий докетизм Маркиона. Иисус Христос у него уже не призрак; Он имел тело, происшедшее не от матери из человеческого рода, а непосредственно составленное из четырех элементов. С этим телом Он был в действительности распят и являлся своим ученикам после воскресения. Восходя на небо, Он возвратил его элементы природе.

В остальном Апеллес следовал преданию своего учителя. Обходясь без докетизма, он устранял одно из самых главных возражений. Что же касается его идеи сделать творца мира в свою очередь творением высшего Бога, то ясно, что ему надо было или придти к этому именно воззрению, или откровенно допустить с Потитом и Василиком два одинаково вечных божественных начала. Внутри маркионизма это создало положение однородное с тем, какое обнаружилось в православной церкви при столкновении арианства с учением о единосущии²⁹¹. Апеллес такой же еретик в отношении к Маркиону, как Арий – в отношении к католической церкви.

Противник Апеллеса, Родон, был родом азиат, давно переселившийся в Рим. Он познакомился там с Тацианом и стал его учеником, но он не последовал за ним ни в его дальнейших путешествиях, ни в его богословских странностях. Евсевий имел пред своими глазами несколько его сочинений. Важнейшее из них, посвященное некоему Каллистиону, было направлено против маркионитов и в нем-то ему и довелось очертить личность Апеллеса. Он написал также сочинение о шестодневье.

В эпоху епископства Сотира в Риме пришло удивительное известие, что римское войско под начальством самого императора было спасено молитвами кучки солдат-христиан. По крайней мере таков был рассказ, ходивший по христианскому миру. Верно то, что войско подвергалось опасности. Известно также, что в минуту крайности римляне обратились ко всем богам, которым только могли молиться солдаты,

принадлежавшие к разным религиям. Но когда на Марсовом поле воздвигли колонну в память побед Марка Аврелия в Германии, честь совершившегося чуда приписали государственным богам. На знаменитых барельефах этой колонны и теперь еще можно видеть Юпитера Дожденика (pluvius), изливающего из своих волос, рук, всей своей фигуры благодетельные потоки дождя, спасшего легионы от жажды и поражения.

Колонна Антонина была еще недостроена, когда, около 175 г., место папы Сотира занял Елевтерий, старший диакон Аникиты. Несмотря на услуги, оказанные Молниеносным легионом, гонения всюду усилились. Мы скоро увидим, как Елевтерий вступил в сношения с лионскими мучениками и их посланцем, св. Иринеем. В те времена в Риме и в Галлии было много толков о появившихся во Фригии новых пророках. Римской церкви пришлось в этом деле занять определенное положение; мы ниже увидим, к какой стороне она примкнула.

После смерти Марка Аврелия сын его Коммод, уже более 3-х лет бывший его соправителем, остался один во главе империи. Известно, что его сердце ничуть не было расположено к моральным правилам его отца. Может быть поэтому он и оставил христиан в покое. Впрочем последние имели поддержку среди его приближенных; его возлюбленная, Мария, была христианкой. В той среде, где она жила, ее поведение не могло соответствовать евангельскому идеалу, но она по крайней мере старалась по возможности смягчать императорской милостью суровость запретительных законов против христиан. Ее прежний опекун, евнух Гиацинт, заседавший тогда в совет пресвитеров, поддерживал в ней эти ее добрые чувства²⁹².

Но и Марции не всегда удавалось ее заступничество²⁹³. Как раз в царствование Коммода был казнен ученый философ Аполлоний. К нему, правда, отнеслись с некоторой особенной благожелательностью²⁹⁴. Его судил не префекта Рима, а преторский префект Перенний (180–185 г.) от имени самого императора. Дошедшие до нас отрывки допроса показывают, что Перенний употребил всяческие усилия, чтобы спасти обвиняемого.

Несколько лет спустя, когда Елевтерия уже сменил папа Виктор (190 г.), Марция добилась помилования всем исповедникам, работавшим по приговору суда в рудниках о. Сардинии. Виктор передал ей список их, а она вручила указы о помиловании пресвитеру Гиацинту, который съездил в Сардинию и вернулся оттуда с освобожденными исповедниками.

Глава XIV. Местные церкви во II веке

Христианство в Италии и Галлии. – Лионские мученики. – Ириней. – Евангельская проповедь в Африка: сциллийские мученики. – Афинская церковь. – Дионисий Коринфский и его послания. – Азийская, Фригийская, Вифинская и Фракийская церкви. – Мученичество Поликарпа. – Азийские епископы: Мелитон и Аполлинарий.

Римская церковь, жившая в это первое столетие своего существования такой напряженной жизнью, не могла не сделаться центром, откуда распространялся свет христианства. Далеко известная с самого своего зарождения своим авторитетом, учительными трудами, ревностью и благотворительностью, она не могла не иметь влияния, а порой и прямого воздействия в распространении Евангелия на близлежащие страны. Однако мы не знаем относительно этого воздействия никаких подробностей: нет ни одного свидетельства об образовании или существовании какой-либо иной группы христиан в Италии в течение всего второго столетия²⁹⁵. Древнейшие северные церкви, Равеннская, Миланская, Аквилейская, возраст которых может быть определен лишь приблизительно, не восходят далее эпохи Северов. Можно думать, что на юге, напр., в Кампании или окрестностях Рима, церкви могли быть основаны и ранее, но это – лишь предположение. При том нужно было бы еще знать, в какой степени эти группы верующих достигли правильной организации и в какой мере они обособлялись от того, что называлось римской церковью. У древних авторов, писавших в это время, или позднее, но об том же периоде, речь идет только о римской церкви.

В Галлии, равно как и в Африке, первые шаги христианства покрыты мраком неизвестности. Есть предположения, но только предположения, о существовании во втором веке христианской колонии в Марселе. При Марке Аврелии была церковь в Лионе и другая в Виенне. Немного позднее св. Ириней говорит о церквях, находящихся в германских провинциях и в странах

кельтов. Можно следовательно предполагать уже в те отдаленные времена некоторое распространение христианства в древней Галлии. Лионская церковь была центром распространена его, церковью-матерью. Она имела членов из азийцев и фригийцев, но также и из местных жителей; среди них были лица, пользовавшиеся общественным уважением, как Веттий Эпагат и врач Александр. 90-летний старец епископ Пофин и пресвитер Ириней руководили маленькой общиной. Великое испытание постигло ее в 177 году. На христиан, тогда еще очень малочисленных, смотрели весьма недоброжелательно; верили или притворялись, что верят, возмутительным клеветам, которые всюду связывались с собраниями верующих. Им отказывали в помещениях, запрещали им посещать бани или изгоняли их с рынка; они терпели брань, побои и тысячи притеснений. В конце концов враждебные толки усилились до того, что вмешались власти. Городские власти и трибун когорты, стоявшей гарнизоном в Лионе, арестовали нескольких христиан и подвергли их пытке с их рабами, из коих иные были язычниками. Большинство христиан держались стойко, хотя палачи, подстрекаемые толпой, довели пытку до крайних пределов жестокости. Однако нашлись и отступники, около десятка. Но особенно тяжело было то, что рабы-язычники не поколебались удостоверить действительность фактов убийства детей и сцен разврата.

Эти расследования не были завершены никаким приговором, так как легат Лионской провинции был в отсутствии. Исповедников, снятых с дыбы в окровавленном виде, бросили в отвратительные темницы, оставив без пищи и ухода. Оставшиеся на свободе братья старались помочь им, преодолевая тысячи опасностей. Несколько человек умерло в тюрьме, между ними епископ Пофин. Отступников не отделили от остальных. Тронутые состраданием к ним исповедников и укрепленные их примером, они почти все раскаялись в своей слабости и вновь исповедали веру.

По возвращении легата было вынесено несколько смертных приговоров. Диакон виеннский Санкт²⁹⁶, новообращенный Матур, обнаруживший необычайное мужество, раба Бландина,

довольно слабого телосложения, азиат Аттал Пергамский, один из столпов лионской церкви, были присуждены на съедение зверям и отправлены в цирк. Санкт и Матур, которых сперва жгли на раскаленном стуле, затем бросили на растерзание хищным зверям, первые получили венец мученичества. В этот день звери не тронули Бландины; ее отвели обратно в тюрьму с Атталом, который оказался римским гражданином.

После этого легат счел нужным спросить мнение императора. Марк Аврелий, как и следовало ожидать, ответил, что нужно отпустить отрекшихся от христианства и казнить остальных. Было устроено последнее заседание суда. К великому удивлению судьи и присутствующих, отступники превратились в исповедников; едва несколько человек из них воспользовались возможностью выйти на свободу.

Это было как раз в то время, когда со всех частей Галлии народ стекался в Лион на праздники, справлявшиеся в храм Рима и Августа у слияния Соны и Роны. Цирковые игры были обязательной частью увеселений. Легат велел обезглавить христиан, имевших звание римских граждан. Для хищных зверей их осталось достаточно. Аттал был отдан им, несмотря на свое звание. Он пострадал на первом же представлении вместе с врачом фригийцем Александром, арестованным непосредственно перед самой казнью. Другие последовали за ними; в заключение были казнены 15-летний отрок Понтик и достойная удивления Бландина, которая до последней минуты поддерживала своим примером и словом мужество своих товарищей. Останки мучеников были сожжены палачами, а пепел брошен в Рону. Когда все было кончено, все эти мрачные и славные события были изложены в послании, адресованном к азийским и фригийским братьям от имени «рабов Христовых, живущих в Виенне и Лионе»²⁹⁷.

В этом же послании лионская церковь высказывала свой взгляд по вопросу о монтанизме. Сюда было присоединено несколько посланий по тому же предмету, писанных исповедниками. Многие из них были также обращены к азийским и фригийским братьям; другое послание, предназначенное для римского папы Елевтерия, было отвезено ему пресвитером

Иринеем. Заключительное приветствие гласило так: «Привет тебе, в Боге, папа Елевтерий, ныне и всегда. Мы просили нашего брата и сообщника Ириней²⁹⁸ отвезти вам эти письма и представляем его вам, как человека, ревнующего о деле Христовом. Если бы мы полагали, что сан что-нибудь прибавляет достоинству человека, мы бы представили его вам прежде всего, как пресвитера церкви»²⁹⁹.

Это поручение на время удалило Ириней из Галлии. После катастрофы ему, как епископу, выпала на долю обязанность собрать остатки лионской общины. В течение мира, последовавшего за гонением Марка Аврелия, ему пришлось посвятить себя сперва своим обязанностям пастыря и миссионера. Исполнение этих обязанностей усложнялось в Галлии различием языков. В Лионе, городе преимущественно с латинским населением, не достаточно было греческого языка, а за пределами города надо было говорить по-кельтски. С другой стороны гностические учения распространялись в Галлии так же, как и всюду. Птоломей личной проповедью и своими сочинениями привлекал новых сторонников; азиец Марк, на родине встретивший сильное противодействие, возмещал свои неудачи, овладевая простыми и набожными душами христиан Ронской долины. Ириней в обличение этих еретиков, равно как и многих других (ибо в такого рода труде материал для работы усложняется), написал большое сочинение, от которого до нас дошли значительные отрывки по-гречески и полный латинский перевод. Его «Опровержение лжеименного знания»³⁰⁰ появилось в свет около 185 г. В последующие годы мы видим его участником в делах римской церкви, которыми он всегда очень интересовался.

Таким же образом и в Африки завеса, закрывающая первоначальную историю христианской церкви, приподнимается над сценами мученичества. Можно естественно предположить, что христианская вера рано появилась в крупном центра, Карфагене, и оттуда распространилась внутрь страны. Об этом распространении свидетельствует тот факт, что при проконсуле Вигиллии Сатурнин (180 г.), первом, который обнаружил некоторую энергию в преследовании христиан, таковые

оказались в маленьком городке Сцилли, очень удаленном от метрополии. Двенадцать человек из них, семь мужчин и пять женщин, предстали пред проконсулом в Карфагене 17 июля 180 г., и вследствие отказа «возвратиться к римским обычаям» все были приговорены к смерти и казнены. Это был уже не первый случай пролитая христианской крови в Африке. Наименование первомученика в IV столетии усвояли никому Намфамо из Мадавра в Нумидии. Из сочинений Тертуллиана выводят заключение, что к концу II века христиане были уже очень многочисленны как в Карфагене, так и во всей провинции; но он не сообщает никаких подробностей; он называет только четыре города: Утину, Адрумет, Тисдру и Ламбезу. О современных ему карфагенских епископах он не говорит ни одного слова.

По ту сторону Адриатического моря евангельская проповедь уже во времена апостольские затронула некоторые пункты побережья в Далмации³⁰¹ и Эпире: Никополь упоминается в посланиях ап. Павла³⁰². Сын ересиарха Василида Епифан был родом с острова Кефалонии³⁰³. На греческом материке коринфская церковь, основанная ап. Павлом и уже упоминавшаяся у нас выше в связи с именем св. Климента, сохраняла весьма влиятельное положение. Егезипп на пути в Рим виделся и беседовал в Коринфе с местным епископом Примом.

Царствование Антонина было тяжелым для христиан в этих странах. Как всегда и везде, их больше преследовала вражда местных властей, чем императорских чиновников. Рвение последних умиралось Антонином: в царствование Марка Аврелия Мелитон мог ссылаться на указы предшествовавшего императора адресованные то Ахайскому собранию³⁰⁴, то городским властям в Афинах, Лариссе и Фессалониках.

Дионисий, занявший коринфскую кафедру после Прима, пользовался большим уважением. К нему отовсюду обращались за советом, и послания его быстро распространялись в христианском мире³⁰⁵. Из них, может быть еще при его жизни, был составлен сборник; он попал в руки Евсевию, который извлек из него много интересного для своей Истории. Кроме послания, полученного римлянами³⁰⁶, одно послание Дионисия

было обращено к лакедемонской церкви, которую он призывал к истинному учению, к сохранению мира и единства, а другое послание – к афинской церкви, которая переживала кризис, чуть не сделавшийся роковым: афиняне, потеряв во время одного из гонений своего епископа Публия, пресытились и верой и жизнью христианской и почти возвратились к язычеству. К счастью рвание их нового епископа, Кодрата, вернуло их на истинный путь. В этом послании Дионисий говорил афинянам об их первом епископе, Дионисии Ареопагите, обращенном в христианство апостолом Павлом.

На Крите тогда уже было не менее двух церквей, в Гортине и в Кноссе. Дионисий обратился к гортинской церкви, с ее епископом Филиппом во главе, с приветствиями по поводу проявленного ею мужества, очевидно во время какого-нибудь гонения; в то же время он предостерегал ее против еретиков. Быть может, по настоянию Дионисия Филипп написал сочинение против маркионитов³⁰⁷. В послании к кноссианам Дионисий советует их епископу Пиниту не преувеличивать требований воздержания и считаться со слабостью человеческой природы. В своем ответе Пинит благодарил коринфского епископа, но просил его начать преподавание критянам и более твердой пищи, не боясь подниматься выше элементарных наставлений. Дионисий писал также и к более отдаленным церквям – никомидийской, амастрийской, а равно и одной знатной женщине по имени Хрисофор.

Этот сборник посланий бросает лишь скудный свет на состояние греческих христианских общин на исходе II века. О странах севернее Греции мы не имеем никаких сведений³⁰⁸.

По ту сторону Эгейского моря христианство имело, как и в Греции, старые и глубокие корни. Вокруг главной из основанных ап. Павлом ефесской церкви очень скоро стали образовываться группы других; александрийско-троадская, лаодикийская, колосская, иерапольская упомянуты в его посланиях, кроме того в Апокалипсисе названы смирнская, пергамская, сардийская, филладельфийская и фиатирская. О церквях в Магнезии (Меандрской) и в Траллах говорится в посланиях св. Игнатия. Нет сомнения, что с начала второго века существовало еще

много других церквей, первые известия о которых относятся к более позднему времени.

За Азией (в тесном значении этого имени) на фригийском плоскогорье было тоже много христианских общин. Чисто земледельческая Фригия была населена народом простым и миролюбивым; туземные культы, начало которых восходило к баснословной древности, не испытали глубокого еллинского влияния. Здесь около известных святилищ происходили многолюдные религиозные собрания, культовый церемониал которых отличался крайне возбужденным и бурным характером. Экзальтированные жрецы, руководившие этими собраниями, галлы и корибанты, – по всему свету славились своими религиозными неистовствами.

Во время первого своего миссионерского путешествия ап. Павел остановился в Антиохии Писидийской и Икони на юго-восточной границе Фригии. Немного позднее он дважды проезжал через нее, отправляясь из Сирии в Македонию и Азию. Сам ли он основал там новые общины, или христианство распространилось из соседних церквей Икони, Антиохии Писидийской и Иераполя, но факт тот, что к концу II века эта страна была уже почти наполовину христианской.

В Вифинии и по берегам Черного моря христианство распространилось также очень рано. Правитель Плиний жаловался Траяну на эту заразу суеверия, «которая овладевала не только городами, но селениями и полями, оставляла храмы пустыми и торговцам жертвенными животными причиняла разорение». Около этого времени или немного спустя отец Маркиона был епископом синопским. При Марке Аврелии речь идет об амастрийской и никомидийской церквях; Дионисий Коринфский в послании к никомидийским христианам убеждал их противиться маркионовой проповеди; амастрийцам, имевшим епископом некоего Пальма, он изъяснял некоторые тексты св. Писания, излагал им истинное учение о браке и воздержании и советовал быть снисходительными к покаявшимся грешникам и к еретикам, которых коснулась благодать Божия. Из этого вифинского очага христианство проникло во Фракию, где мы около того же времени находим

две церкви в близком соседстве друг с другом, в Дебелте и Анхиале³⁰⁹, упоминающихся в истории монтанизма.

После ап. Павла, своего первого апостола, христиане азийской провинции не имели недостатка в знаменитых вождях. Тимофей, по-видимому, некоторое время руководил этими церквами. Как мы видели выше, он оказал гостеприимство многим свидетелям евангельских событий, изгнанным из своей страны иудейской войной или выселившимся по каким-нибудь иным причинам. Таким путем сюда были принесены предания первобытной иерусалимской церкви. Диакон Филипп с своими дочерьми поселился в Иераполе, на пороге Фригии; ап. Иоанн, по-видимому, жил преимущественно в Ефесе. В царствование Домициана он был сослан на остров Патмосе, откуда написал послание к семи церквам и сообщил им книгу своих видений. Семь посланий, заключенных в Апокалипсисе, и два маленьких послания Иоаннова сборника свидетельствуют об его авторитете в азийских церквах и рисуют его одновременно грозным и кротким, каким его образ является и в предании³¹⁰.

Гонение, пережить которое пришлось престарелому апостолу, кажется, пощадило его последние годы. Но в Азии мученики появились очень рано. Апокалипсис упоминает Антипу Пергамского, замученного близ жилища сатаны, т. е. знаменитого храма Зевса-Асклепия.

Ереси терзали азийских христиан еще во времена ап. Павла; мы видели отзвуки их и в Апокалипсисе, и в посланиях св. Игнатия. Мы говорили уже о том, что каждая церковь в этих странах уже во времена Траяна находилась под управлением трехсоставной иерархии – епископа, пресвитеров и диаконов. Один из этих епископов, Поликарп Смирнский, нам уже известен. Около того же времени епископ иерапольский Папий собрал в одной книге, к великому сожалению ныне утраченной, церковные предания и опыты изъяснения Писания. В общении с епископами и в большом почете у верных здесь долго жили старые христиане первых времен церкви, передававшие много личных воспоминаний, а также пророки и пророчицы, к вдохновению которых относились с большим уважением, как

например дочери Филиппа, Аммония филиладельфийская, апологет Кодрат.

Из того факта, что этот последний был писателем и притом таким, который не боялся обращаться прямо к императору, видно, что дар пророчества не исключал обычной литературной деятельности. Вскоре, как на пророка, стали ссылаться на ученого епископа Сардийского Мелитона.

Поликарп увенчал свое долгое и плодотворное епископское служение мученичеством. Вскоре после его возвращения из Рима в Смирне вспыхнул дух фанатизма. На улицах раздались крики: «долой безбожников!» Требовали смерти Поликарпа. Тот не показывался в Смирне, ездил из города в город, ободряя верных и предсказывая о своей близкой мученической кончине. В это время человек двенадцать христиан, среди которых был некий Германик, были осуждены и отданы на растерзание зверям. Преследование возбудило дух гонимых; некоторые, между ними фригиец Квинт, сами выдали себя властям. Квинт слишком понадеялся на свои силы: в последнюю минуту он пал духом. Тем временем Поликарп был захвачен неподалеку от Смирны и доставлен в цирк, где проконсул велел привести его в свою ложу. Когда от него потребовали, чтобы он прокричал: «долой безбожников!» он подчинился и произнес эти слова очевидно совсем в ином смысле, чем языческая толпа; но когда ему приказали проклясть Христа, он ответил: «вот уже 86 лет, как я служу Ему; Он никогда не делал мне зла, это мой Царь и Спаситель, как же мне проклипать Его?..» Он был сожжен живым.³¹¹

После него наибольшую известность в христианской Азии приобрел Мелитон. Нам остались мелкие отрывки из его произведений, список которых приводит Евсевий. Этот список заслуживает внимания. Кроме апологетических сочинений, о которых шла речь выше³¹², Мелитон писал на разнообразные философские и религиозные темы: – о природе человека, о чувствах, о душе, теле и уме, о создании (человека) и рождении Спасителя, о диаволе, об Апокалипсисе Иоанна, о вере, о крещении, о воскресном дне, о Церкви, о гостеприимстве, о Пасхе, о пророках, вероятно, в связи с нарождавшимся

монтанизмом³¹³. Мы имеем от него еще адресованное к некоему Онисиму предисловие к своего рода «цветнику» из текстов Ветхого Завета (Ἑκλογαί), которые автор считал относящимися к Спасителю. Прежде чем предпринять этот труд, он счел нужным съездить в Палестину и проверить на месте истинность содержания древней Библии. Оттуда он вывез список, заключавший все книги Ветхого Завета, сохранившиеся на еврейском языке, за исключением книги Эсфирь. Он заимствовал свои выдержки исключительно из этих книг и распределил их на шесть частей. Последнее сочинение Мелитона носило заглавие «Ключ»; но неизвестно, в чем заключалось его содержание³¹⁴.

Кроме этих литературных трудов Мелитон оставил после себя славу великого святого³¹⁵. Азийские епископы насчитывали тогда в своей среде много и других знаменитостей: Папирия, заступившего место Поликарпа во главе смирнской церкви, Сагария, епископа лаодикийского, претерпевшего мученичество при проконсуле Сергии Павле (ок. 167 г.), Фразея, епископа Евмении во Фригии, пострадавшего в Смирне, Аполлинария, епископа Иерапольского, ученого и апологета, подобно его сотоварищу в Сардах³¹⁶. Св. Ириней, уроженец Азии, знавший и слышавший в детстве Поликарпа, припоминает старых «пресвитеров», предания которых он любил противопоставлять гностическим новшествами. Один из них написал против Марка, ученика Валентина, сатиру в ямбических стихах, от которой до нас дошел отрывок³¹⁷.

По этим немногим памятникам и обломкам, уцелевшим от целого ряда исторических невзгод, можно видеть, насколько христианство в Азии было уже живым и деятельным. Рим и Азия – вот два главных христианских центра во II веке; вне их не происходит ничего важного. В Азии не случается ни одного события, которое не встретило бы немедленного отклика в Риме, и наоборот. Сообщение по морю, всем доступное, облегчало сношения. Поликарп, Маркион, Иустин, Тациан, Родон, Ириней, Аттал Пергамский, Александр Фригиец, (из них три последние, – переселенцы в Лион), показывают нам примеры этого. Сюда можно присоединить Аверкия, епископа

Иерапольского, который из глубины Фригии прибыл в Рим, где он мог лицезреть великолепие столицы и жить посреди народа, «отмеченного славной печатью», как он называет христианский народ³¹⁸. Впрочем споры о монтанистских пророчествах, о Пасхе и о модализме еще яснее выставят на вид этот постоянный обмен сношений между почитаемыми азийскими церквами и великой столицей Запада.

Глава XV. Монтанизм

Монтан и его сопровороочицы. – Небесный Иерусалим. – Осуждение экстатического пророчества. – Пепузские святые. – Осуждение монтанизма в Лионе и Риме. – Тертуллиан и Прокл. – Пережитки монтанизма во Фригии.

Монтанистское движение³¹⁹ началось во фригийской Мизии во время проконсульства Грата, в местечке по имени Ардава³²⁰. Монтан, который согласно некоторым преданиям был сначала жрецом Кибелы, будучи христианским неопитом, обратил на себя внимание экстазами и иступлениями, во время которых он держал странные речи. В эти минуты он словно отрешался от своей личности; его устами говорил не он, а какой-то божественный вдохновитель. Вскоре впали в такое же состояние и присоединились к Монтану две женщины – Приска (или Прискилла) и Максимилла. Это вызвало большую молву не только в глухой провинции, где находилась деревушка Ардава, но во всей Фригии и Азии и вплоть до Фракии. По мнению сторонников новых пророков, то было – откровение миру Параклета; другие же отказывались признать это и утверждали, что эти пророки – одержимы демонами.

Параклет настойчиво возвещал о новом пришествии Христа и явлении горного Иерусалима, который должен был снизойти с небес и, явившись в облаках, утвердиться на земле. Указывалось и определенное место, где он должен появиться, а именно: на равнине, расположенной на другом краю Фригии, между двумя городками Пепузой и Тимионом. Когда и по какому поводу прибыл сюда Монтан и его спутницы – с точностью неизвестно; за ними следовало бесчисленное множество народа. В некоторых местностях, совершенно охваченных движением, христианское население покидало свое местожительство³²¹. В лихорадочном ожидании последнего дня не могло быть речи об отчизне, семье, земных удобствах. Браки расторгались, соблюдалось общее пользование имуществом и строжайший аскетизм. Напряжение умов поддерживалось

речами экстатиков: в них присутствовал Параклет, ему внимали и подкреплялись его увещаниями.

Однако, дни, месяцы, годы проходили, а небесный Иерусалим все не появлялся. Вслед за первой эпохой увлечения слышались многочисленные протесты со стороны земной церкви. Конечно, ничего нельзя было возразить относительно православия пророков; они находили себе даже опору в обстоятельствах и среде того времени. Евангелие от Иоанна, в полной силе своей зарождавшейся славы, обращало мысль к Параклету; Апокалипсис давал неотразимые по изобразительности описания небесного Иерусалима и тысячелетнего царствования. Притом немногие из христиан в Азии, да и в других странах, не связывали с мыслью о кончине мира ожидании небесного Иерусалима и тысячелетнего царства. Что же касается до права пророков обращаться к христианскому народу во имя Божье, – оно освящалось преданием и обычаем. Из «Учения 12 апостолов» и Нового Завета видно, какое место пророчество занимало в жизни первобытных общин. Епископ сардийский Мелитон слыл за пророка; до него Кодрат, Аммия и дочери Филиппа обладали тем же даром. Великая слава утвердилась за ними. Аскетизм, практиковавшийся монтанистами, не переходил границ дозволенного, хотя и выражался в формах, не бывших обязательными в других христианских кругах. Он не вдохновлялся какой-нибудь дуалистической идеей, как аскетизм гностиков и маркионитов; все, что в нем могло быть крайнего, имело себе оправдание в мысли о близкой кончине мира.

Однако, эти внезапные экзальтации, переселения, указания на время и место пришествия Христа, вызывали глубокое смущение в христианских общинах, из коих многие в течение уже векового периода слишком свыклись с этим миром, чтобы жить эсхатологическими ожиданиями. Пророкам не замедлили поставить на вид необычайный характер их выступлений. В Ветхом Завете, равно как и в Новом, пророки вещали не в состоянии исступления. Общение, которое устанавливалось через пророческое откровение между Богом и людьми, не исключало действия личности пророков. Они провозвещали во

имя Божие, но, провозвещая, оставались самими собой. Слушая же Монтана и его пророчиц, внимали непосредственно самому Параклету, совсем наподобие того, как в некоторых языческих святилищах боги непосредственно вещали устами пифий. «Человек есть лира, – вещал вдохновенный голос в Монтане, – а я – смычек, вызывающий звуковое колебание.... Я не ангел, и не посланник, а Господь Вседержитель». Это поражало необычайностью, крайностью и вызывало порицание.

Возможно, что уже Мелитон занялся этим вопросом в своих книгах о пророчестве, из которых до нас дошли лишь заглавие³²². Аполлинарий, еп. иерапольский, решительно выступил против новых пророков³²³. Другой, весьма видный деятель в азийском христианском мире, Мильтиад, написал сочинение, где доказывал, «что пророк не должен пророчествовать, находясь в исступлении». Ему возражали те из монтанистов, которые были не чужды писательской деятельности³²⁴. Впрочем, кафолики не ограничивались письменной полемикой; они прибегали и к совершенно другим средствам. Сотас, еп. анхильский, во Фракии, пытался прибегнуть к заклинаниям против Прискиллы; два фригийских епископа Зотик Команский и Юлиан Апамейский отправились в Пепузу и пытались обличить духа, пребывавшего в Максимилле. Но попытки эти не удались, благодаря сопротивлению сектантов.

Движение распространялось в Азии, сея всюду смятение в умах. Во многих местах происходили соборы, на которых рассматривался и обсуждался вопрос о пророках. Церковное единение в конце концов нарушилось: противники Параклета предали сектантов отлучению. Некоторые из этих противников, увлеченные рвением, не побоялись усомниться в авторитетности священных книг, на которые ссылались монтанисты: они целиком отвергали все писания Св. Иоанна, Апокалипсис как и Евангелие. Таково происхождение религиозной секты, которую под именем алогов опровергал позднее св. Епифаний³²⁵.

Если Монтану не удалось всецело овладеть азийскими церквами, то он добился все-таки глубокого разделения между

ними. Небесный Иерусалим не явился на земле; но зато движение завершилось основанием земного Иерусалима. Изменили название г. Пепузы: его переименовали в новый Иерусалим. Он сделался святым местом и как бы метрополией Параклета. Необходимость дать средства к существованию масс народа, стекавшей сюда на первых порах, побудило сектантов организовать. Наряду с Монтаном рано встречаются другие деятели, которые были вместе с ним и после него видными авторитетами: некто Алкивиад³²⁶, Феодот, названный в одном из наших документов³²⁷ первым администратором пророчества, наконец Фемизон, написавший для его защиты и распространения нечто в роде окружного послания³²⁸. Последний, как говорили, был исповедником. Монтанисты действительно не уклонялись от мученичества; они охотно ссылались на свои заслуги в этом отношении.

Все это весьма порицалось противниками. Живой критике подвергалась финансовая организация секты, сборщики подаяний, платные проповедники. Уверяли, что пророки и пророчицы вели приятную, даже роскошную жизнь на средства своих поклонников. «Будем судить их по делам их, – говорили в то время. – Намащается ли, подкрашивается ли, наряжается ли когда пророк? Играет ли он в кости? Дает ли займы под проценты?»³²⁹ Возбуждали сомнения относительно девства Прискиллы, которая, как говорили, так же, как и подруга ее Максимилла, бросила мужа, чтобы сойтись с Монтаном. Фемизон был лжеисповедник: он купил свое освобождение. Исповедничество другого, весьма чтимого в секте лица, некоего Александра, будто бы имело еще меньшую ценность. Если он и вызывался когда на суд, то не в качеств христианина, а по обвинению в разбое. Дело это случилось во время проконсульства Емилия Фронтинана³³⁰, в нем можно было удостовериться в ефесских архивах.

Монтан и Прискилла умерли первые. Максимилла осталась одна. Противодействие, оказываемое секте, причиняло ей большое страдание. Параклет стонал в ней: «меня преследуют, как волка. Я не волк, я – Слово, Дух и Сила». Наконец и она умерла, предсказав войны и возмущения. Недоброжелатели

уверяли, что она повесилась; тоже говорили и о Монтане; что же касается Феодота, то рассказывали, что однажды во время экстаза он поднялся к небу и, упавши, убился. Эти сплетни переданы через Анонима³³¹ Евсевием, но он решительно заявляет, что на них нельзя полагаться. Он вполне прав. Не такими рассказами можно уяснить себе столь значительное религиозное движение, каким было монтанистское. Смерть пророков не утишила его. Через 13 лет после кончины Максимиллы, анкирская христианская община раскололась по поводу нового пророчества. Долгое время пришлось еще спорить и писать против монтанистов и не только в Малой Азии, но и в Антиохии, Александрии и в западных церквях. Серапион, еп. антиохийский, опровергал их в послании, адресованном к Карику и Понтию; на нем было несколько епископских подписей с протестами против новаторов³³². Климент Александрийский отмечает книгу «о Пророчестве» в своих Строматах³³³, в которых он сам намеревался обсуждать тот же вопрос. Но особенно важно проследить историю монтанизма на запад.

С 177 г., со времен лионских мучеников, новое пророчество возбуждало страсти в Галлии и Риме. Юная лионская церковь, насчитывавшая между своими членами азийцев и фригийцев, могла быть осведомлена о том, что творилось в Азии. В Риме этот вопрос тоже был поднят рано, и как во многих других местах, вызвал сначала великую тревогу. Лионские исповедники из недр тюрьмы писали по этому поводу «братии в Азии и Фригии, а также Елевтерию, епископу римскому». Эти послания были занесены в знаменитый документ о лионских мучениках, вместе с суждениями «галльских братий» о пророческом духе, открывшемся через Монтана, Алкивиада и Феодота. Евсевий, имевший этот документ перед глазами, отзывается о нем как о мудром и весьма православном, – однако, читая его, чувствуешь, что он не вполне отрицательно относится к фригийскому движению. Св. Ириней, доставивший эти послания в Рим, не может быть причислен к противникам монтанизма. Можно думать, что лионские христиане скорее рекомендовали терпимость и поддержание церковного мира. Мы не можем судить ни о том, какое впечатление это вмешательство могло

произвести на Елевтерия, ни о том, сколько прошло времени, пока римская церковь приняла определенное решение. Кажется, что и в Риме также находили, что не было причины предавать друг друга отлучению. Тертуллиан рассказывает, что решение не было неблагоприятным для пророков, и что папа отправил уже в этом смысле примирительные послания, как вдруг из Азии прибыл исповедник, по имени Праксей, который привез ему новые сведения и сумел отклонить его от первоначально принятого решения³³⁴.

Таким образом монтанистическому вдохновению не удалось достигнуть признания в Риме. Возможно, что там в продолжение некоторого времени ограничились лишь известной осторожностью³³⁵.

Споры по поводу празднования Пасхи были мало пригодны, чтоб поддержать авторитет азийского епископата в глазах римской церкви. Однако, в конце концов была занята более решительная позиция. С первых годов III в., как то видно из мученических актов Перепетуи и сочинений Тертуллиана, надо было выбирать между общением с церковью или привязанностью к новым пророчествам.

Итак, движение было задержано на Западе так же, как и в Азии, но пропаганда тем не менее продолжалась. За смертью пророков, возражения, поднимавшиеся против их экстазов, должны были постепенно исчезнуть. Все, что могло быть крайнего и предосудительного во фригийской организации и пепузских собраниях, было менее на виду за пределами Азии. Что скорее бросалось в глаза на расстоянии, – это большая нравственная строгость монтанистов. Их посты, их особенности в нравственном учении, не имели ничего такого, что православные аскеты не практиковали бы уже с давних пор. Что же касается видений, экстазов, пророчеств, – это также не было необычным явлением. Во многих странах христиане строгой жизни, энтузиасты, люди, жившие ожиданиями второго Христова пришествия, чувствовали расположение к новому пророчеству. – Прожив довольно долгое время в настроении, которое можно, было бы назвать монтанистским, Тертуллиан кончил тем, что открыто примкнул к Монтану, Прискилле и Максимилле (около

205 г.). В то время он уже не мог этого сделать иначе, как порвав связь с католической церковью, но и это соображение его не остановило. Африканские монтанисты поставили его себе главой и даже стали называться тертуллианистами. Здесь не место говорить о произведениях Тертуллиана, изданных до и после его разрыва с церковью. Достаточно будет заметить, что самое значительное из его монтанистических сочинения, трактат «Об экстазе» (De extasi), разделенный на семь книг, не дошел до нас. В седьмой книге он старался опровергнуть Аполлония³³⁶. Тертуллианисты просуществовали до времен бл. Августина, который вернул в лоно католической церкви их последних карфагенских сторонников³³⁷.

Около этого самого времени представителем монтанистов в Риме был некто Прокул или Прокл, к которому Тертуллиан питал глубокое почтение. Св. Ипполит занимается монтанистами, но не очень сильно восстает против них; он полемизирует против их постов и особенно против их доверия к Монтану и его пророчицам. Другой римский писатель Кай написал диалог против Прокла, от которого до нас дошло лишь несколько строк³³⁸. Секта, по-видимому, не пустила глубоких корней на римской почве, так как после св. Ипполита об ней больше не слышно.

Во Фригии она существовала гораздо дольше. Новый Иерусалим продолжал пользоваться почитанием. Он был родоначальной общиной. Массовое переселение сюда скоро сменилось ежегодными паломничествами. Здесь справлялся один большой праздник, Пасха или Пятидесятница, начинавшийся с поста, проводившийся сперва в мрачной обстановке, и завершавшийся затем великим ликованием. Пророков и их первых приспешников, сменила прочная организация. Первое место занимали патриархи, ниже которых стояли кеноны (Κηνοί)³³⁹. Эти две степени представляли, по-видимому, общее управление секты; местная иерархия, епископы, пресвитеры и т. д. находились в подчинении у них. В начале движения женщины играли видную роль; они и навсегда сохранили в секте более значительное положение, чем в церкви. В последней тоже имелись пророчицы, такие же как и у

монтанистов; в ней уже были и в течение еще долгого времени продолжали существовать диакониссы. По словам св. Епифания³⁴⁰ монтанисты допускали женщин к пресвитерскому и епископскому сану. Он сообщает также, что на их церемониях часто появлялись семь дев в белых одеждах, с зажженными светильниками в руках. Он предавались экстатическому воодушевлению, плакали о грехах мира и возбуждали слезы среди присутствовавших. В его время секта была известна под разными наименованиями; прискиллианистов, квинтиллианистов, таскодругитов, артотиритов. Первые два названия произошли от известных монтанистов; название таскодругитов производится от двух фригийских слов, из которых первое означает указательный палец руки, другое – нос. По-видимому, некоторые сектанты во время молитвы вкладывали себе палец в нос. Что же касается артотиритов, их прозвание происходило от того, что в своих мистериях они употребляли хлеб и сыр. Все это не имеет большой достоверности. Еще больше оснований не доверять очевидно клеветническим слухам, будто у них практиковался обряд кровопускания у ребенка посредством уколов³⁴¹.

Гораздо больше удостоверена особенность монтанистов в определении времени Пасхи. В эпоху споров между православными относительно различных способов исчисления дня Пасхи они решились остановиться на определенном числе, 6-го апреля по юлианскому календарю³⁴².

Но все эти подробности о монтанистах последующих времен имеют лишь относительный интерес. Важны происхождение и характер первоначального движения так же, как и положение, занятое церковью относительно его. Несмотря на напряжение, с каким ожидалось еще в ту пору, в конце II в., пришествие Христа, несмотря на глубокое уважение к пророческому дару и его различным проявлениям, церковь не дала Монтану увлечь ее от ее путей: хотя она не отреклась ни от профетизма вообще, ни от эсхатологических чаяний, но она удержала свое предание, противопоставив его религиозным авантюрам, и – авторитет своей иерархии, в противовес

притязаниям частного вдохновения. **Примечания об источниках истории монтанизма и его хронологии.**

1. Источники. – Наибольшее количество сведений об учении монтанистов можно почерпнуть из сочинений Тертуллиана; но Тертуллиан писал приблизительно полвека спустя после возникновения монтанизма, когда естественно предположить уже некоторое дальнейшее его развитие. К тому же, в его лице мы имеем дело с монтанизмом, принесенным издалека и приспособленным к условиям, довольно отличным от тех, при которых он возник сначала. Что же касается до происхождения его во Фригии, то мы располагаем двумя сочинениями, или скорее отрывками двух сочинений, сохраненными Евсевием, Н. Е. V, 16, 17. Они оба антимонтанистические.

Первое – обращенное к некоему Авиркию Маркеллу, который довольно естественно отождествляется с Аверкием еп. иерапольским (около конца II в.), – распадалось на три книги. Автор писал 13 лет спустя после смерти Максимииллы. В этот промежуток времени не пришлось сетовать ни о войне, ни о гонении. Трудно определить, к какому времени относятся тринадцать лет такого мира. Всего вернее, мне кажется, отнести их к царствованию Коммода (17 марта 180 – 31 дек. 192), по необходимости растянув время на несколько месяцев, когда Пертинакс и Дидий Юлиан управляли империей.

Другая работа, произведение некоего Аполлония, явилась 40 лет спустя после первого выступления Монтана. Пользуясь этими документами, не следует забывать, что это – полемические книги, и притом весьма горячего полемического характера.

Св. Епифаний (Haer., XLVIII, 2 и след.) и Дидим в своем трактате о св. Троице пользуются антимонтанистическими произведениями, которые может быть и не тождественны с поименованными.

Из числа монтанистических сочинений мы располагаем лишь несколькими изречениями «Параклета», которые дошли до нас, благодаря Тертуллиану или вышеупомянутым полемическим книгам. Кажется, что секта обладала

официальным сборником, составленным неким Астерием Урбаном (Euseb., H. E. V, 16 § 17). То, что осталось от монтанистских оракулов, собрано Bonwetsch'ем в конце его книги о монтанизме (стр. 197): *Die Geschichte des Montanismus*, Erlangen, 1881, – лучшая монография об этом религиозном движении³⁴³.

2. Хронология. Наши оба фригийские авторы точно знают время первых выступлений монтанизма. Аноним указывает на него с определенностью: «во время проконсульства Грата». К несчастью, нам еще неизвестно, к какому году отнести этого проконсула. Хроника Евсевия относит возникновение монтанизма к 172 г., а св. Епифаний (Haer. XLVIII, 1) к 19 г. царствования Антонина Пия, следов. к 156–7 гг. Выбор между этими двумя датами не легок. В христианском мире на Западе монтанизм стал занимать собой умы лишь в 177 г. Будем ли мы придерживаться св. Епифания, или Евсевия, придется допустить для этого движения более или менее продолжительный подготовительный период. Из вышесказанного относительно даты книги Анонима к Аверкию Маркеллу, этот памятник следует отнести к 193 г., и смерть Максимииллы последовала приблизительно незадолго до смерти Марка Аврелия, около 180 г. Оба другие пророка Монтан и Прискилла умерли раньше ее. Всякий спор был бы решен, если бы какая-нибудь надпись открыла нам точную дату проконсульства Грата. К сожалению эпиграфические открытия, давшие столько определенного насчет хронологии проконсулов, не имеющих значения для истории, до сих пор ничего не хотят дать нам относительно Грата.

Глава XVI. Вопрос о праздновании Пасхи

Пасха у христиан. – Различия в соблюдении праздника. – Столкновение между азийским и римским обычаями. – Папа Виктор и св. Ириней. – Отмена азийского обычая.

Обычай посвящать один из семи дней недели преимущественно на служение Богу был заимствован церковью из еврейской обрядности. Не отменяя для иудействующих христиан соблюдения субботы, церковь с весьма ранних пор ввела почитание воскресного дня, которое ознаменовывалось гораздо более богослужебными собраниями, чем приостановкой ручного труда. Таких собраний было два: всенощное бдение – в ночь с субботы на воскресенье и литургия – утром. В связи с этим явилось соблюдение стояний или постов, весьма рано приуроченных к средам и пятницам³⁴⁴. Что же касается праздников и постов еврейского календаря, то для христиан не было никакого основания соблюдать их и их предали забвению. Однако, один из этих священных дней, праздник Пасхи или опресноков, ежегодно напоминал о страданиях Господа. Можно было не дорожить более воспоминаниями, которые Израиль связывал и поныне еще связывает с пасхальной годовщиной, но нельзя было забыть, что в эти самые дни Господь принял смерть за спасение мира. Таким образом праздник Пасхи сохранился, но в праздновании его отпали обрядовые подробности, соблюдавшиеся у евреев³⁴⁵.

Однако, благодаря тому, что с самого начала не договорились на этот счет, скоро обнаружились различия в праздновании христианской Пасхи. В Азии держались 14-го числа первого еврейского месяца или 14-го нисана³⁴⁶; в Риме и почти всюду не придерживались строго этого числа, ибо дорожили тем, чтобы праздник пришелся в воскресенье, принимая впрочем это число во внимание, чтобы определить, к какому именно воскресенью приурочить пасхальное торжество.

Эта разница в днях естественно находилась в соответствии с различным пониманием праздника. Согласно евангелистам, событие, происшедшее 14-ого нисана или на следующий день,

это – смерть Христа, а в воскресенье было Его восстание из мертвых. Ни то, ни другое великое событие не могло оставаться в забвении. Почитание воскресенья тотчас же вызвало соответственное почитание великой пятницы. Обычный пост соблюдали на этой неделе с особенной строгостью, при чем большую часть продолжали его до утра воскресенья. Таким образом христиане посвящали скорби по своему Учителе все то время, которое Он пребывал во власти смерти.

В Азии, где дорожили совпадением с 14-м нисана, исходной мыслью была, по-видимому, та, что Христос есть истинный пасхальный Агнец. Поэтому, вечером этого дня вместо ритуальной еврейской трапезы совершалась евхаристия. В действительности, по преданиям синоптических евангелий, Господь был распят не 14-ого, а 15-ого числа, но за большой точностью не гнались, и Голгофскую жертву с легкой натяжкой приурочивали к ее символическому прообразу – закланию пасхального Агнца³⁴⁷. Впрочем, четвертое евангелие вскоре сгладило это несоответствие, перенеся страдания Христа с 15-ого на 14-ое число.

Как же азийцы поступали после этого, чтобы праздновать воскресение Христова? – Посвящали ли они ему третий день после 14-ого нисана или ближайшее к нему воскресенье, или выделяли его в особый праздник, – об этом нам ничего неизвестно. Все, что мы знаем относительно этого, заключается лишь в том, что предпасхальный пост – ибо они тоже соблюдали его – оканчивался у них 14-го числа.

Понятно, что из такого неопределенного положения могли возникнуть распри, что действительно и случилось, даже между самими азийцами. Лаодикийская церковь в 167 г. была приведена в волнение значительным спором по поводу празднования Пасхи. Об этом предмете писали Мелитон Сардийский³⁴⁸ и Аполлинарий Иерапольский³⁴⁹. Они оба были приверженцами 14-ого нисана, четырнадцатниками. Мы точно не знаем, в чем заключался лаодикийский спор. Достоверно только то, что Аполлинарий отстаивал 14-ое число, опираясь на евангелие Иоанна и отказываясь допустить, чтобы Господь совершил Пасху накануне Своей смерти³⁵⁰. Расходился ли он с

Мелитоном, и в этом ли пункте состоял предмет их разногласия, об этом нам ничего неизвестно.

Но главный предмет спора, который рано или поздно должен был возникнуть, заключался в разногласии между местным азийским обычаем праздновать Пасху 14-ого нисана и почти общепринятым обычаем праздновать этот день в воскресенье. Разногласие было весьма явное. Оно сознавалось в Риме уже во времена Траяна и Адриана. Азийцы тогда насчитывались там уже в большом количестве; еще папы Сикст и Телесфор ежегодно видели, что они празднуют Пасху в один день с евреями. Азийцы утверждали, что они действуют правильно; их оставляли в покое, продолжая следовать другому обычаю и не затевая с ними распри.

Позднее это разногласие сочли достойным внимания и постарались устранить его. Во время своего путешествия в Рим, Поликарп пытался убедить папу Аникиту, что обычай приверженцев 14-го нисана есть единственно приемлемый. Ему не удалось это, но и Аниките не удалось склонить престарелого учителя принять римскую систему. Расстались они однако в миролюбивом настроении. При преемнике Аникиты, Сотире, отношения стали как будто натянутыми. К этому времени относится лаодикийская смута: вопрос начал возбуждать страсти. Около 190 г. папа Виктор, второй преемник Сотира, решил положить этому разногласию конец. Он изложил свои взгляды азийским епископам и обратился к Поликрату, епископу ефесскому, с просьбой созвать их на собор. Поликрат действительно собрал их, но они настаивали на своем древнем обычае. Ефесский епископ ответил от их имени папе. Виктору очень решительным посланием, где перечислял всех выдающихся христиан Азии, начиная с апостолов Филиппа и Иоанна. Сам он происходил из семьи, издавна посвятившей себя служению церкви, ибо до него семь родственников его были епископами. Все святые, все епископы, которых он перечисляет, соблюдали 14-ый день. Он заявляет свою решимость также соблюдать его, «не страшась угроз, ибо написано: лучше повиноваться Богу, нежели людям».

Оказалось однако, что только азийцы держались этой практики. Состоялись другие епископские соборы по этому поводу. Все соборные послания, сборник которых исследовал Евсевий, склонялись к празднованию воскресного дня. В Палестинском соборе приняли участие епископы: Феофил кесарийский, Нарцис иерусалимский, Кассий тирский, Кларптолемаидский и некоторые другие. Они заявили, что имеют обыкновение вступать в соглашение с александрийской церковью относительно определения дня Пасхи. Осроенские епископы высказались в том же духе. Их обычай не мог расходиться с антиохийской практикой, о которой мы не имеем прямых свидетельств. Понтийские епископы под председательством старейшего епископа амастрийского Пальма, Вакхил епископ коринфский, и Иринея от имени христианских церквей в Галлии, в которых он первенствовал, выразили те же убеждения.

Подкрепленный согласием стольких епископов, Виктор пошел дальше. Он задумал нанести решительный удар сопротивлению азийцев, отлучив их от общения с церковью. Но послания, написанные им в этом смысле, не были так сочувственно приняты, как его ссылки на предание. Иринея, а за ним многие другие епископы, вступились; признавая правоту точки зрения римской церкви, они не допускали, чтобы из-за такого второстепенного вопроса относились к почтенным церквям, основанным апостолами, как к рассадникам ереси, и отторгали их от христианской семьи.

Можно думать, что Виктор отказался от своих суровых мер, но достоверно известно одно, что в общем азийские церкви в конце концов приняли римский обычай. В IV в., а именно на Никейском соборе, не было уже разговора об этом вопросе. Были в то время приверженцы 14-го нисана; но даже в Азии они составляли маленькую секту, совершенно вне общения с католической церковью³⁵¹.

В данное время в Риме обнаружилось некоторое сопротивление, очевидно между проживавшими там азийцами. Некий Власт устроил там что-то вроде раскола. Иринея,

который знал его, писал ему по этому поводу³⁵², но эта оппозиция Власта была непродолжительна³⁵³.

Глава XVII. Распри в Риме. – Ипполит

Императоры Коммод и Север. – Папа Зефирин и диакон Каллист. Ипполит. – Христология адопциан: Феодотиане. – Римские алоги и монтанисты; Кай. – Учение о Логосе. – Школа модалистов: Праксей, Ноэт, Эпигон, Клеомен, Савеллий. – Колебания Зефирина. – Осуждение Савеллия. – Раскол Ипполита: *Philosophumena*. – Учение Каллиста и его правление. – Литературные произведения Ипполита, его кончина, память о нем. – Римская церковь после Ипполита. – Папа Фабиан и пресвитер Новациан.

Со времен Нервы и Траяна императоры наследовали друг другу по праву усыновления и мудро правили государством. Отцовская привязанность Марка Авредия воскресила систему естественного престолонаследия: это было великим бедствием для империи. При сыне его Коммоде воскресла в Риме сумасбродная тирания Калигулы и Нерона. Монарх был поглощен цирком, где чернь рукоплескала его гладиаторским талантам; порядочные люди были придавлены террором, подвергались преследованиям; преторианская гвардия стала главным орудием управления: таков был строй правления, который водворился благодаря тому, что император-философ допустил до престола своего сына. Этот режим длился тринадцать лет.

31 декабря 192 г. морганатическая супруга Коммода, Марция, найдя свое имя в списке обреченных на смерть в ближайшую ночь, упредила мужа и положила конец оргии. Преторианцев склонили объявить императором старого военачальника Пертинакса, строгость которого скоро, однако, так им надоела, что они умертвили его. Тут кандидатами на престол явились два сенатора. Дидий Юлиан был щедрее и потому был избран и навязан гвардией сенату и народу. Эта передача верховной власти по усмотрению римского гарнизона не понравилась пограничным армиям. Их командиры: Север, Нигер, Альбин, были все провозглашены императорами. Север, начальствовавший в Паннонии, первый прибыл в Рим и укрепил

свое положение в нем. Потом, условившись предварительно с Альбином, командовавшим войсками в Британии и уже провозглашенным императором в Галлии, Север предпринял борьбу с Нигером, своим соперником на Востоке, и победил его. Затем, обратившись против Альбина, он отделался и от него и остался единым повелителем империи, – суровым (severus) не только по имени, но и на деле. Порядок восстановился, границы вновь были поставлены под надежную защиту, парфяне опять узнали силу римских армий, которые на этот раз дошли до Персидского залива.

Север отнесся к христианам так же сурово, как и ко всем вообще. Против его жестокостей выступал с протестом Тертуллиан в различных своих произведениях, относящихся к 197 г., *Ad martyres*, *Ad Nationes*, *Apologeticus*. Север даже усугубил стеснительные законы и особым указом запретил совращения в христианскую веру. Но об этом мы будем говорить ниже.

Папа Виктор умер в это царствование в 198 или 195 г. Его место занял Зефирин. Начиная с него, история римской церкви становится несколько более известной нам. Это был простой и необразованный человек. Немедленно по избрании он выписал из Анциума некоего Каллиста, проживавшего там в своеобразном уединении, – сделал его своим соправителем по делам церкви и в частности поручил ему заведовать кладбищем. «Кладбище» до того времени было на вилле Ацилиев на Саларийской дороге. Каллист перенес его на Аппиеву дорогу, близ которой уже находилось несколько весьма древних семейных усыпальниц, обозначенных именами Претекстата, Домициллы и Луцины. С III века эти усыпальницы сделались ядром обширных некрополей, где папам была отведена особая погребальная комната. Хотя продолжали погребать и на кладбище Присциллы, а также устраивать усыпальницы и в других местах, однако новое кладбище стало особенно важным. Его связали с именем Каллиста, хотя из всех пап третьего века именно он не был там погребен.

О Каллисте много говорили при предшествовавших папах. Его заклятый враг Ипполит рассказывает, что он сперва был

рабом некоего Карпофора, христианина из дворца цезаря³⁵⁴; его хозяин доверил ему капиталы для банковской конторы, которую держал в квартале общественного бассейна³⁵⁵. Каллист запутался в неудачных аферах, и, спасаясь от гнева Карпофора, пытался бежать. Он уже садился на корабль в Порто, как вдруг увидал своего хозяина; Каллист бросился в воду, был вытащен, взят под стражу и посажен в тюрьму. Под давлением кредиторов своего раба, среди которых было много христиан, Карпофор выпустил его. Каллист взялся достать денег. У него и на самом деле были должники среди евреев. Он отправился к ним в синагогу; там поднялся по этому поводу страшный шум: евреи стали жаловаться, что он помешал отправлению их богослужения, и потащили своего кредитора к римскому префекту Фусциану, обвиняя его в оскорблениях и обличая в принадлежности к христианству. Несмотря на заступничество Карпофора, его раб за принадлежность к христианству был приговорен к каторге на о. Сардинию.

Это произошло во время епископства Елевтерия³⁵⁶. Несколько времени спустя сардинские исповедники были, как сказано выше, освобождены по просьбе Марции³⁵⁷. Каллист не стоял в списке, данном Марции папой Виктором, тем не менее пресвитер Гиацинт, посланный папою в Сардинию, добился согласия прокуратора на освобождение его вместе с другими. Таким образом он вернулся в Рим, но после всех своих приключений у многих не пользовался доброй славой. Виктор отправил его в Анциум и дал ему ежемесячную пенсию. Состоя в положении исповедника на пенсии, он попал в совет папы Зефирина, без сомнения в звании диакона. Быть может в этом своем 8 – 10-летнем уединении он успел обогатить свой ум, однако, он, кажется, всегда был больше деятелем и администратором, чем опытным богословом.

В Риме не было недостатка в богословах. Среди пресвитеров был первоклассный богослов, Ипполит, ученик Иринейя. Распри, которые он впоследствии имел со своими епископами, а в особенности то обстоятельство, что он всегда писал по-гречески, между тем как вскоре после него язык этот начал выходить из употребления в Риме, содействовали

забвению большинства его произведений. Но исследования новейших ученых мало-помалу открывают их на свет Божий, и теперь уже можно убедиться, что великий римский писатель не имеет повода завидовать литературной славе своего александрийского сотоварища Оригена. Последний был с ним лично знаком; в одно из своих путешествий в Рим во времена Зефирина он однажды присутствовал на проповеди Ипполита, и тот сумел во время речи упомянуть о знаменитом александрийце³⁵⁸.

Вообще Рим не перестал быть излюбленным местом встречи, как христианских мыслителей, так и всяких религиозных авантюристов. Они продолжали сюда стекаться, как во времена Адриана и Антонина, поддерживая постоянное брожение вокруг церкви или даже в самых ее недрах. Отсюда возникли любопытные споры, предвестники тех споров, которые возбудили столь серьезный волнения в IV и последующих столетиях.

Первые христиане, как мы уже не раз говорили, все были согласны в признании божественности Иисуса Христа. Плиний рассказывал, что они поют гимны Христу, воздавая Ему поклонение, как Богу, *quasi Deo*. «Братия, – говорит автор проповеди; известной с именем Климента – мы должны об Иисусе, Христе помышлять, как о Боге»³⁵⁹. Но в каком смысле Он Бог? Как согласовать Его божественность со строгим единобожием, которое христиане исповедовали наравне с Израилем? Здесь начинались разногласия. Если оставить в стороне, гностиков, очень ясно выражавших свое воззрение на божественную природу Спасителя, но расходившихся с остальными христианами в понятии о Боге, все высказывавшиеся по этому поводу воззрения могут быть сведены к двум главным типам: первые гласили, что Иисус Христос есть Бог, ибо Он воплотившийся Сын Божий, другие утверждали, что Иисус – Бог, потому что Бог усыновил Его и возвел в божеское достоинство. Первое понимание основано на ясных выражениях ап. Павла и Иоанна, которые оба прямо учат о предвечном существовании Сына Божия до Его воплощения во времени. Апостол Павел не употреблял термина: «Логос»

для обозначения предвечного Христа. Этот термин появляется у ап. Иоанна, а так как его произведения значительно позднейшего происхождения, по сравнению с посланиями ап. Павла и первоначальной христианской проповедью, и не сразу были признаны, то в первый период следует отличать основное и общепринятое учение о предвечном Христе от той особой формы, какую придал ему специальный термин: «Логос». Апологеты, начиная с Иустина, очень настаивали на этом термине, но это было философское понятие, и выводы, какие можно было из него извлечь, большей частью были недоступны пониманию простых верующих.

Эти последние – за исключением палестинских эвониотов, которые упорно продолжали смотреть на Иисуса, как на великого пророка, и видели в его титуле Сына Божия лишь один из атрибутов его мессианского достоинства, – либо остерегались испытывать умом свои верования в божественность Спасителя (таковых было конечно большинство), или мыслили эту божественность в форме одного из двух указанных понятий, – воплощения или усыновления. Ерм, видимо, держится адопцианской терминологии. Он, правда, имеет представление о существовании божественного лица, известным образом отличного от Бога Отца: таковым лицом у него является Сын Божий или Святой Дух. С этим божественным Лицом Спаситель в течение Своей земной жизни находился в непрерывном общении, однако это общение не соответствует тому, что впоследствии назвали «ипостасным единством». По завершении Своего дела Он был в награду за Свои заслуги удостоен обожествления.

Эти идеи у Ерма не развиты положительным образом. Они проскальзывают в одном месте его книги по поводу других вопросов, всего более способных отвлечь внимание читателя от этих идей. Тем не менее замечателен факт, что человеку, занимавшему положение Ерма, могло прийти в голову подобное воззрение и притом с полной уверенностью в его правильности. Впрочем мы увидим, что этот факт стоит в связи с другими проявлениями адопционистической системы.

В правление папы Виктора в Рим прибыл богатый христианин из Византии по имени Феодот³⁶⁰. Его прозывали Феодотом кожевником, потому что он нажил себе состояние этим родом промышленности. Это был очень образованный человек. Он начал развивать богословское учение, согласно которому Иисус был человек, как и все другие, за исключением, впрочем, своего чудесного рождения; выросший в обычных условиях, он проявлял однако высокую святость; во время крещения на берегах Иордана Христос, иначе говоря Святой Дух, сошел на него в виде голубя: так получил он дар творить чудеса. Но он не стал от этого Богом. В это достоинство он был возведен лишь по своему воскресении. Впрочем не все феодотиане признавали его Богом и в таком смысле.

Виктор не задумался осудить такое учение. Феодот был отлучен от церкви³⁶¹. Он упорствовал и приверженцы его оказались достаточно многочисленными, чтобы составить особую церковь. Другой Феодот, по положению банкир, и некий Асклепидот, оба ученики византийца, отыскиали римского исповедника, по имени Наталиса, согласившегося за жалование взять на себя обязанности епископа новой секты. Однако он не остался верен ей. Ему в видениях являлся Спаситель с суровыми упреками, а так как он не внимал им, то «святые ангелы» однажды ночью подвергли его столь сильному бичеванию, что с рассветом он отправился к папе Зефирину, бросился в ноги ему, духовенству и мирянам и просил о помиловании. Над ним сжалились и вновь приняли в общение. Лишь немного позднее (около 230 г.?) появляется другой учитель этой секты, некий Артемон или Артема, который кажется прожил долго и имел в ней известное значение.

Такова внешняя история секты; в учение же ее нужно вникнуть поближе. По краткому изложению его, дошедшему до нас³⁶², видно, что феодотиане допускали наряду с Богом другую божественную силу, называвшуюся у них Христом, или Святым Духом. То же самое мы встречаем и у Ерма³⁶³. Своеобразная черта, подчеркнутая св. Ипполитом в учении Феодота банкира, – культ Мелхиседека, которого он отождествлял с Сыном Божиим, Святым Духом. Эта мысль, возникшая из

неправильного толкования Послания к Евреям, встречается и вне секты феодотиан и долгое время спустя после нее³⁶⁴. Когда ее связали с учением об адоптивном обожении Христа, она привела к тому, что Христу отвели место ниже Мелхиседека. Действительно, Сын Божий (Мелхиседек) не может не считаться выше доброго слуги (Христа), которым он руководил, и возвышению которого он способствовал. Поэтому и жертва приносилась ему. «Христос был избран ради нас, чтобы призвать нас с наших различных путей к сему (единственному) ведению; он был избран и помазан Богом, ибо отвратил нас от идолов, указав нам истинный путь»³⁶⁵. Это точь-в-точь то же толкование, какое Ерм дает в своей притче делу Спасителя.

Отсюда нет ничего удивительного, что эта школа искала себе предшественников в предыдущих поколениях богословов. Сектанты утверждали, что они верны древнему преданию, сохранявшемуся в Риме до папы Виктора и нарушенному только при Зефирине. Это уже было прежде всего неточно, ибо феодотиан осудил именно Виктор; с другой стороны многие древние писатели, как Иустин, Мильтиад, Тациан, Климент, Ириней, Мелитон, утверждали божественность Христа, признавая его одновременно Богом и человеком. Многие псалмы и гимны, составленные с изначальных времен Церкви верующими, выражали то же верование³⁶⁶. Это все – верно, но отмеченные сейчас писания или свидетельствовали о простой вере в божественность Христа, или изъясняли эту божественность при помощи понятий о Логосе, под влиянием Евангелия от Иоанна. Это не исключает возможности, что там и сям незаметно и без претензиозной настойчивости распространялись и другие воззрения. Не надо забывать, что сколь ни кажется нам неудовлетворительным богословское учение феодотиан, оно имело последователей до конца IV века, и что еще бл. Августин³⁶⁷, накануне своего обращения, вполне искренно думал, что оно является выражением христианской ортодоксии.

Особенная черта этой школы – ее связь с позитивной философией. Аристотель пользовался в ней большим уважением, равно как и Теофраст с Эвклидом и Галлиеном. Там

занимались силлогистическими упражнениями, даже злоупотребляли их применением к Библии. Библейская критика, низкого полета и в корне враждебная всякому аллегоризму, часто приводила к подправкам и искажениям священного текста. Феодотиане держались, по-видимому, того же канона, как и церковь; они не исключали, подобно алогам, произведения ап. Иоанна, как ни трудно было их примирить с феодотианским учением. Но их экземпляры Св. Писания вовсе не походили на принятый в церкви текст; они даже между собою весьма разнились. Были тексты Асклепиада, Феодота, Гермофила, Аполлониды, не отличающиеся взаимной согласованностью.

«Малый лабиринт», откуда мы черпаем эти сведения, – единственное сочинение, где сохранились следы этой библейско-критической работы. Оно было направлено специально против Артемы³⁶⁸ и важные признаки заставляют думать, что оно было написано Ипполитом в последние годы жизни. Не первый раз великий римский учитель нападал на феодотиан; он им уже посвятил особые замечания сперва в своей Синтагме, а затем в Философуменах.

Ипполит имел дело также и с алогами. Мы видели выше, как эта партия образовалась в Азии во время первого проявления монтанистских пророков, когда произведения ап. Иоанна еще настолько недавно вошли в употребление, что не было явным безумием оспаривать их авторитет. Оппозиция алогов, кажется, была направлена преимущественно против употребления, или, вернее, злоупотребления понятием о Параклете у фригийских энтузиастов, – против их видений и пророчеств. Незаметно, чтобы отрицательное отношение алогов отразилось в области христологии. Св. Ириней обошел их молчанием. Борьба с ними считал своим долгом Ипполит в книге под заглавием: «В защиту Евангелия от Иоанна и Апокалипсиса», значительная часть которой, вероятно, вошла в главу, посвященную св. Епифанию алогам³⁶⁹. Эти яростные противники монтанистов, быть может, последовали за ними в Рим, где в это время о последователях Параклета было много толков. У последних было много вождей, которые не во всем

были между собой согласны; между ними некий Эсхин и Прокул или Прокл³⁷⁰, пользовавшийся большим уважением Тертуллиана³⁷¹. Прокл стал писать в защиту новых пророчеств. Ему возражал римский христианин³⁷², по имени Кай, который в опровержение противников сослался на могильные памятники Ватикана и Остиевой дороги, посвященные памяти апостолов Петра и Павла. Книга Кая была изложена в форме диалога и заключала очень горячую критику Апокалипсиса, составлена которого автор приписывал Керинфу, точь в точь как думали и алоги³⁷³. Ипполит не счел себя вправе пройти молчанием такое утверждение и написал против Кая *Capita (Главы)*, некоторые отрывки из которых были недавно найдены³⁷⁴.

Но уже в первые годы епископства Зефирина его энергия обратилась на иного рода полемику. Изгнанные из Церкви феодотиане продолжали производить волнение за ее пределами; в недрах самой христианской общины образованные и даже необразованные люди страстно дебатировали этот вопрос.

Нужно было выяснить, как следует на самом деле понимать божество, воплотившееся в Иисусе Христе. Исходя из слов ап. Иоанна: «Слово плоть бысть», многие писатели, особенно апологеты, развивали филоновскую теорию Логоса. Кроме того, что они хотели таким путем примирить свою собственную веру со своим философским воспитанием, они чрез это приобретали точку опоры у образованных слушателей или читателей, перед которыми им приходилось защищать христианство. Сам Цельз одобряет учение о Логосе. Но что такое в действительности был Логос? В сущности, в какие бы формы ни отливалась мысль апологетов, Логос был для них Богом, который проявил Себя и действовал вне Своего премирного бытия, сделал Себя доступным для познания. Бог невыразим, непредставлем, непознаваем; между Ним и миром нужен посредник. Этот посредник не может быть иным, как божественным Лицом: Слово исходит от Бога. К Нему должно быть отнесено все внешнее действие Божества, и прежде всего творение мира, затем явления Божества в Ветхом Завете (теофании), наконец воплощение.

Итак, каково же отношение между Логосом, доступным человеку Богом, и Отцом, недоступным Богом? В этом заключалась вся трудность вопроса. Слово исходит от Бога, из сущности Отца: ἐκ τῆς τοῦ Πατρὸς οὐσίας, как выразился впоследствии в том же смысле Никейский символ веры. Но Слово уже становится иным по отношению к Отцу, это – другой Бог, говорит без обиняков св. Иустин. Однако ни это резкое выражение, ни все другие, употребленные древними авторами по бедности богословского языка, не должно понимать в таком смысле, который бы выходил за пределы того, что мы подразумеваем под различием Лиц. Слабым пунктом в этой теории является скорее то, что различие между Лицами не понималось как вечное, необходимо вытекающее из внутренней природы Божества. Христианским последователям Платона Слово нужно было лишь для раскрытия вопросов, касающихся внешнего миропорядка. Логически предшествуя творению, Слово предшествует ему и в хронологическом отношении: и только. Греческий термин, Логос, со своим двойным значением: Разум и Слово, благоприятствовал такому порядку идей. Как божественный Разум, Логос всегда существовал в Боге; как Слово, Он исшел от Бога определенным образом и в известное время. Эта мысль иногда яснее выражалась терминами: имманентный Логос и изреченный Логос (Λόγος ἐνδιάθετος и Λόγος προφορικός).

Как и все попытки примирить религию с философией, это учение имело свои слабые стороны. Оно было навеяно главным образом и прежде всего известной космологической теорией, чуждой христианскому преданию, разработанной скорее или чистыми платониками, или мыслителями школы Филона, а также и в особенности гностиками всех видов. Единство божественного начала, Монархия, как тогда выражались, была сохранена лишь благодаря системе распределения (οἰκονομία) божественных Лиц, построенной по типу плеромы, чтобы заполнить пропасть между Бесконечным и конечным. Здесь лицо единого Логоса заступало роль целой серии зонов, архонтов и демиургов. Раз дошли до конечного мира, до творения, трудности кончались. Логос – творец проявлял Себя в

Своих творениях, особенно в человеке, сообщал ему нужную мудрость, открывал Себя в здоровой философии греков и иудейских пророках, наконец, преподавал через Иисуса Свое высшее учение. Дальше этого теория не шла. То, что составляет сущность и своеобразное содержание христианства, спасение через Иисуса Христа, почерпалось единственно из церковного предания.

Эти слабые стороны и пробелы богословского учения о Логосе объясняют, почему оно было принято с столь малым увлечением не только христианской массой, но даже такими лицами, как св. Иринеи, у которых предание имело исключительное значение. Бог Творец и Иисус Сын Божий, Спаситель, – вот два полюса, между которыми вращается мысль великого лионского епископа. Нельзя сказать, чтобы он не был знаком с воззрениями, которые распространялись кругом него, но они не имели руководящего влияния на ход его мысли. Иринеи не был главой школы, но главой церкви. Естественно, что другие пастыри разделяли его образ мыслей, и это возвращает нас к Риму, в момент, когда сторонники учения о Логосе столкнулись с противодействием церковного авторитета.

Это столкновение однако вскрылось не прямо: богословское учение о Логосе сперва встретило оппозицию со стороны другой богословской школы. Издавна в Азии были люди, которые не хотели допустить никакого посредника между миром и Богом, в особенности в деле искупления, и заявляли, что признают лишь одного Бога, – того, который воплотился в Иисусе Христе. Наименования Отца и Сына, по их мнению, соответствовали только различным видам, временным проявлениям Божества³⁷⁵, а вовсе не относились к различным божественным лицам. Это – то направление, которое получило название модализма. Теоретики Логоса, которые столь явно держались Платона, упрекали своих противников в приверженности к Гераклиту и Зенону. В действительности же модалисты преимущественно старались отстоять божественность Спасителя и этим сперва завоевали сочувствие. К несчастью они плохо взялись за дело и им пришлось остаться без поддержки.

Это учение проникло в Рим еще при папе Елевтерии. Именно в его время явился сюда из Азии исповедник Праксей. Римская церковь, всецело занятая вопросом о Монтане и его пророчествах, еще колебалась, предать ли монтанизм осуждению, и скорее была склонна к противоположному, когда Праксей принес такие сведения, что настроение сразу изменилось, и церковь высказалась против фригийцев. Праксей был модалист. Распространением своих идей он дал Тертуллиану повод сказать, что совершил в Риме два дьявольских дела, – изгнал Параклета и распял Бога Отца. Этой последней остротой весьма скоро воспользовались, чтобы осмеять новое учение. Она в самом деле выражала довольно верно один из выводов учения, наиболее противоречащий Св. Писанию. Модалистов прозвали патрипассианами. Учение Праксея распространилось также и в Карфаген, пользуясь, по словам Тертуллиана, людским невежеством. Но оно встретило и противника в лице самого Тертуллиана. Он сделал о нем представление церковным властям, и Праксей вынужден был не только дать обещание исправиться, но и подписать письменное в том обязательство³⁷⁶. Водворилась тишина.

Около того же времени в Смирне Ноэт, имя которого тоже дало повод к остротам³⁷⁷, был привлечен за подобное же учение к суду смирнских «пресвитеров», которые обратились к нему с порицанием. Он осложнил свое положение тем, что называл себя Моисеем, а своего брата Аароном, – странность, под которой, по-видимому, скрывались чрезмерные притязания. В первый раз ему удалось оправдаться. Но так как он продолжал развивать свои догматические учения и собирал около себя кружок последователей, то его вновь призвали к пресвитерскому суду. На этот раз он говорил более откровенно и объявил – характерное признание, – что он во всяком случае не делает ничего вредного, проповедуя учение, которое служит к большему прославлению Иисуса Христа: «Я знаю только одного Бога; никто иной, а только Он, родился, страдал и умер». Ноэт был отлучен от церкви³⁷⁸.

Таким образом модалистические идеи уже дважды подверглись осуждению, в Карфаген и в Смирне, когда они

вторично попытались счастья в Риме. Ученик Ноэта Эпигон поселился в столице и открыл школу, во главе которой он вскоре был заменен неким Клеоменом, а этого сменил немного позднее Савеллий. В Риме была уже школа феодотиан, которая даже преобразовала себя в церковь. Новые учителя оказались в полном противоречии с феодотианами. Можно думать, что после неудач, испытанных в Африке и в Азии, они смягчили то, что в их речах всего более производило невыгодное впечатление на христиан; поэтому их сперва хорошо приняли, как простые верующие, не подозревавшие ничего дурного, так и епископ Зефирин, мало сведущий в тонкостях богословия, заботившийся, как и должно, прежде всего о церковном мире. Он оставил в покое и учителей, и их школу. Последние напирала главным образом на термин *монархия*, который почти соответствовал термину «единосущие», впоследствии вошедшему в употребление, и служил для выражения единобожия во всей его строгости. Только и разговору было, что о монархии. Как мы видели, гностики тоже ввели этот принцип в свою плерому под влиянием Апеллеса маркионизм также изменился в эту сторону. Православный люд охотно присоединялся к этому движению; он всегда готов был защищать божественную монархию. Даже монтанисты стали под это знамя; известная часть их, во главе с Эсхином, приняла модалистское учение. Другие же, с Проклом во главе, держались иных взглядов.

Общим врагом было учение о Логосе³⁷⁹, которое в Риме отстаивал Ипполит, в Африке Тертуллиан. Православные упрекали его главным образом в том, что оно вводит двух богов. Нужно было в самом деле обладать некоторой философской подготовкой и даже сознательно удерживаться от того, чтобы не видеть в Логосе, каким Ипполит и Тертуллиан представляли Его себе, второго Бога, отличного от истинного Бога и подчиненного Ему. Но как избежать этой Харибды, не попадая в Сциллу патрипассианства? Добродушный Зефирин в конце концов сбилсся и не знал, чего держаться. Он любил говорить, совсем как Ноэт и его приверженцы: «Я знаю только одного Бога, Иисуса Христа, и кроме Него нет другого, который

бы пострадал и умер». Но он же прибавлял: «Умер не Отец, а Сын». Это значило просто повторять те самые понятия, которые нужно было примирить, – традиционные положения о единстве Божиим, о воплощении и о различии между Отцом и Сыном. Зефирин не погрешал в отношении к преданию, но он ничуть не разрешал спорных вопросов.

Ипполит, который предлагал известное решение, но никак не мог расположить к нему своего епископа, все более и более приходил в раздражение. За спиной Зефирина он видел его советника Каллиста и обрушивался на него. Поэтому, когда Зефирин умер, а Каллист был избран на его место, он уже не колебался, стал открыто протестовать и отделился от церкви с некоторым числом последователей. Этот важный шаг произвел много шума. Каллист не хотел допустить, чтобы про него говорили, будто раскол произошел от того, что он покровительствует лжеучениям: он осудил Савеллия за ересь³⁸⁰. Но с другой стороны он не допускал, чтобы Ипполит навязывал ему свои взгляды. Ученый богослов остался в печальном положении главы отколовшейся церкви и сохранил его и в течение епископства преемников Каллиста, Урбана и Понтия.

Его нетерпимость вылилась в книгу, которую мы неправильно называем *Philosophumena*. Это – опровержение всех богословских учений, несогласных с православием, понимаемом, разумеется, в духе автора. Все содержание разделено на девять книг, с приложением десятой, заключающей повторение всего сказанного. Первые четыре посвящены философским и мифологическим системам греков и варваров. Затем идут разные гностические секты и иные христианские ереси до Ноэта и Каллиста, после которых остаются лишь элькезаиты³⁸¹ и иудеи. Ипполит уже не впервые вступал в борьбу с ересями. По крайней мере за двадцать лет до того он составил список их, начиная с Досифея³⁸² и кончая ересью Ноэта, тридцать второй по счету. До нас не дошел этот труд, носивший название *Syntagma*, но он вошел почти целиком в компиляцию св. Епифания³⁸³. Ипполит излагал в нем различные еретические учения, а затем опровергал их по

методу св. Иринея, оспаривая их доводы и библейские толкования. Совершенно другого приема он придерживается в *Pilosophumena*: он заключается в приравнены каждой еретической богословской системы к какой-нибудь философской или языческой теории, предварительно опровергнутой или осмеянной, ибо автор владеет злым языком. Ипполит никогда не отличался кротостью, но между временем написания *Синтагмы* и *Лабиринта* характер его стал еще более желчным. В особенности о Каллисте он не может говорить без раздражения. Поэтому-то нельзя полагаться на то, что он о нем говорит. Недостаточно отбросить внушенные ненавистью его толкования идей и поступков Каллиста; даже самые факты нельзя допустить без оговорок так, как он их передает³⁸⁴.

Так например трудно приписать Каллисту то вероизложение, которое Ипполит выдает, как его исповедание. «Есть лишь один божественный дух, называемый различными именами, – Слово, Отец, Сын. Последнее имя имеет отношение к воплощению. Собственно говоря, Сын это – видимое существо, человек. Будучи обожествлен через воплощение, он отождествляется с Отцом; таким образом Отец и Сын – единый Бог, одно лицо, а не два. Отец сострадал Сыну, ибо не следует говорить, что Отец подвергся страданиям».

Тертуллиан также был знаком с этим учением о «сострадании»³⁸⁵, но он не приписывает его Каллисту, и его книга против Праксея по времени составления, быть может, предшествует епископству последнего. По-видимому, здесь мы имеем нечто вроде эволюции учения модалистов: несколько грубое патрипассианство первых времен видело угрозу своему существованию в отношении к себе Зефирина и Каллиста, – и потому вероятно сторонники модализма сочли уместным смягчить его.

Но смягчение было произведено в нем очень поверхностное, и непонятно, как мог бы Каллист принять его под свое покровительство после того, как осудил Савеллия. Полемисты всегда имеют склонность переиначивать те взгляды, против которых они борются, и набрасывать тень на

своих противников, делая невыгодные для них сближения с предосудительными учениями. Возможно, впрочем, что недоверие, какое внушало учение о Логосе, боязнь двоебожия³⁸⁶, преобладавшая забота о сохранении единства Божества, вместе с несовершенством богословской терминологии, иногда приводили борцов за православие к неверным понятиям и в особенности к неудачным выражениям.

Несмотря на страстные утверждения Ипполита, несомненны два факта, основанные на его же свидетельстве: первый, – что Каллист осудил Савеллия, второй, – что он не осудил Ипполита. Последний отделился сам. Какое бы недоверие ни возбуждало его учение, оно избежало официального осуждения. В последующем поколении оно открыто проповедывалось римским пресвитером Новацианом и имело последователей еще в середине IV столетия. Однако ни Новациан, ни позднейшие представители этой теории не принадлежали к истинному традиционному направлению, которое должно было привести к никейской ортодоксии. Последняя выросла не из богословской теории Логоса, разработанной апологетами и после них Ипполитом и Тертуллианом, а из простого благочестивого предания первых веков, нашедшего скорее защиту, чем объяснение, у св. Иринея, изложенного папами Зефирином и Каллистом в том виде, в каком оно обращалось, и получившего позднее, в лице их преемника Дионисия, достойного истолкователя.

Каллист подвергся резким нападкам со стороны Ипполита не за одну только свою доктрину. Антипапа напал с неменьшей желчностью на его управление церковью. Если верить ему, Каллист объявлял прощение всем грешникам, охотно принимал тех, кого изгоняли от себя сектанты, не позволял смещать нарушивших свой долг епископов, допускал двоеженцев в состав духовенства и разрешал клирикам жениться; он терпел также тайные браки между знатными женщинами и выходцами из низших слоев. Во всех этих обвинениях не всегда легко отличить ложные утверждения от недоброжелательных толкований действительных фактов³⁸⁷. По первому пункту свидетельство Ипполита отчасти подтверждается

Тертуллианом, выпустившим свою книгу De Pudicitia, в виде протеста против торжественного объявления папою, очевидно Каллистом, прощения, простиравшегося не на всех грешников, как уверяет Ипполит, но только на известный разряд их. С некоторого времени в церкви было принято, что отлучение отступников, убийц и прелюбодеев должно быть бессрочным. Каллист ослабил эту строгость по отношению к прелюбодеем и подобным грешникам. «Я слышу, – говорит Тертуллиан, – о появлении нового и притом очень решительного эдикта. Первосвященник, т. е. епископ над епископами, высказался. Я – говорит он – отпускаю грехи прелюбодеев и блуда каждому, кто в них принесет покаяние». За этим следует очень язвительная колкость. Ригористы всех толков, монтанисты наравне с последователями Ипполита, были очень возмущены. Но нельзя сказать, что они были правы. Во всяком случае, ставя обязанностью для кающихся грешников искус покаяния, Каллист не создавал для них очень легких условий. Об этом можно судить по собственным словам Тертуллиана. Вот картина, или скорей карикатура, которую он дает, на воссоединение грешников с церковью. «Ты вводишь – говорит он, обращаясь к папе, – ты вводишь в церковь кающегося прелюбодеев, который приносит свои мольбы собранию братьев. Вот он, во власянице, покрытый пеплом – в плачевном виде и способный вызвать ужас. Он падает ниц посреди собрания перед вдовами и священниками, он хватается за края их одежды, лобызает следы их ног, обнимает их колена. В это время ты говоришь речи народу, ты будишь общую жалость к печальной судьбе кающегося. Добрый пастырь, добродушный папа, ты рассказываешь притчу о пропавшей овце, чтобы тебе привели твою заблудшую козу; ты обещаешь, что впредь она больше не сбежит»...

К счастью для своей славы Ипполит писал не одни памфлеты. Его работы по толкованию Св. Писания значительны; они обнимают всю его совокупность, начиная с книги Бытия и кончая Апокалипсисом. Редко подвергает он изъяснению целые книги, как он сделал это с книгой пророка Даниила. Кроме этих экзегетических трудов, он писал также об Антихристе, о

происхождении зла, о сущности вселенной, о воскресении; последняя книга была посвящена императрице Маммее. Мы видели, с какой горячностью нападал он на еретиков вообще и на современных ему в особенности; особую книгу посвятил он борьбе с маркионитами. По-видимому он занимался и каноническими вопросами: его имя встречается в различных позднейших сборниках, которые в той или иной степени действительно происходят от него. Вопрос о праздновании Пасхи также привлек его внимание. Он рассмотрел общие принципы его в своей книге о Пасхе. Впоследствии он задумал освободить христиан от еврейской зависимости в вычислении времени Пасхи, составив лично пасхальные таблицы, основанные на 8-летнем круге. Этот круг был несовершенен; новый расчет скоро разошелся с астрономическими явлениями и его пришлось оставить. Но в то время открытие произвело сильное впечатление. Последователи Ипполита воздвигли ему статую; она сохранилась до нас³⁸⁸: учитель изображен сидящим на кафедре, на боках которой помещены знаменитые таблицы. Немного позади был начертан список его произведений. Судя по исходной точке пасхального круга, памятника этот относится к 222 году, – тому самому, в какой умер Каллист³⁸⁹.

Последним трудом Ипполита была, кажется, книга *Хроник* от которой до нас дошли отрывки или переделки на разных языках, так как эта книга пользовалась большим распространением. Ипполит довел ее до последнего года царствования Александра Севера (235); между прочим в ней заключались интересные географические описания³⁹⁰.

Некоторые из этих сочинений были написаны раньше раскола, но многие, именно пасхальные таблицы и хронологические сочинения, относятся ко времени, когда Ипполит претендовал на звание главы римской церкви и стал в оппозицию законным папам, Каллисту, Урбану, Понтию. Начавшееся гонение способствовало прекращению этого раздора. После спокойной эпохи царствования Александра Севера воцарение Максимиана Фракийца опять вернуло черные дни. Новые меры преследования обрушились главным образом на духовенство. В Риме были арестованы вожди обеих партий:

законный епископ Понтий и антипапа Ипполит. Оба были приговорены к ссылке в сардинские рудники. Сблизившись среди бедствия каторги, оба исповедника в конце концов примирились. Ипполит в последние минуты жизни убеждал своих последователей воссоединиться с остальными верующими. Его секта не пережила его. Когда церковь вновь обрела мир, его тело было перевезено в Рим вместе с телом Понтия, тоже умершего на гибельном для здоровья острове. Они были преданы земле в один и тот же день 13 августа, один на кладбище Каллиста, рядом с прочими папами, а другой в склепе на Тибуртинской дороге. Его друзьям позволили водрузить там его статую³⁹¹. Поклонение, какое воздавали мученику за веру, заставило в конце концов забыть о том, что он был виновником раскола. Дамас, живший столетием позже Ипполита, знает его, как мученика; до него дошли также сведения о примирении Ипполита с церковью после уклонения в схизму, но так как Дамас имел об этом расколе весьма слабое понятие, он отождествил его с новацианским³⁹².

Сочинения Ипполита, которые могли бы спасти его от забвения, в Риме вскоре исчезли из обращения. В следующем поколении римское духовенство уже стало говорить и писать по латыни. На Востоке звание римского епископа, которое присвоил себе Ипполит в заголовках своих трудов, вскоре стало вызывать недоумение у сведущих людей, не находивших его имени в списках епископов. Евсевий не знает, где он был епископом, и, что всего удивительнее, св. Иероним и Руфин столь же мало осведомлены³⁹³. Папа Геласий (около 495 г.), по странному недоразумению уделяет ему кафедру в Бостре³⁹⁴. Другие³⁹⁵, менее сведущие в истории пап, оставляли за ним звание римского епископа, не останавливаясь перед затруднением, какое отсюда возникало. Наконец позднее³⁹⁶ при появлении легенды о другом мученике Ипполите, погребенном в Порто, примирились на том, что писатель Ипполит был епископом в римском Порте.

В самом Риме Ипполит сохранил, по крайней мере в богослужебном обиходе и исторических преданиях, звание римского пресвитера. Так титулует его *Liber pontificalis*. В конце

VI века он был представлен на мозаике в базилике св. Лаврентия с пресвитерскими атрибутами. Но в то время уже был в ходу странный роман из эпохи гонения Деция: он повествует о событиях, завязавшихся в Вавилоне, а закончившихся в Риме, и рисует чрезвычайно разнообразные сцены мученичества, одни римские, другие персидские, одни подлинные, другие вымышленные. Ипполит является действующим лицом в этих сценах. Он исполняет здесь обязанности вице-префекта Рима и, как таковой, имеет поручение стеречь св. Лаврентия в заключении; затем он обращается в христианство и умирает мучеником со своей кормилицей Конкордией и восемнадцатью другими лицами. Странное превращение!³⁹⁷

Максимин был низвергнут в 236 году и убит в следующем году. Его указы не могли иметь продолжительного действия; римская церковь опять обрела мир, которым наслаждалась до времен царствования Каракаллы. Антерос, избранный на место отправленного в изгнание еп. Понтиана, заступал его место лишь несколько недель. Ему наследовал Фабиан, который управлял церковью до гонения Деция. Фабиану приписывают постройки, воздвигнутые на римских кладбищах, а также распределение города на участки между семью диаконами³⁹⁸. Это, без сомнения, было началом церковных приходов, того официального распределения клира и церковной администрации, которое удержалось в Риме на многие века. Фабиану пришлось вне Рима вмешаться в крупное африканское событие – низложение Привата, епископа Ламбезы; Ориген послал ему памятную записку, в которой оправдывался от обвинений, возводимых на его учение³⁹⁹. Богословские науки продолжали разрабатываться в Риме. Место Ипполита заступил новый ученый, Новациан, от которого до нас дошло несколько сочинений.

Эти сочинения написаны по-латыни: мы дошли до того времени, когда римская церковь переменила язык, заменив греческий латинским⁴⁰⁰. Главное из произведений Новациана – трактат о Троице, посвященный опровержению гностического учения, феодотиан и савеллиан. План сочинения составлен по

символу веры в его трех главных членах: «Верую в Бога Отца вседержителя... и в Иисуса Христа, Его едиnorodного Сына... и в Духа Святого». Автор обнаруживает глубокое знание Св. Писания, рассуждения его сжаты, изложение ясно, понятия довольно точны. Имея столько предшественников в полемике, он воспользовался их трудами. Отсюда, его учение о Троице⁴⁰¹, хотя и удерживает теорию о двойственном состоянии Логоса, все же более полно и точно, чем у его предшественников⁴⁰². Но Новациан был не только богословом: он был также искусным ритором, который тщательно отделял и украшал свой слог, искусно располагал свой материал и умел доставить читателю отдохновение от анализа текстов, делая местами отступления в прекрасном ораторском стиле.

Как и Ипполит, он был пресвитером римской церкви. Быть может, он исполнял те же обязанности, как александрийские и африканские пастыри-учители; последние, кроме просвещения оглашенных, руководили еще молодыми чтецами⁴⁰³. Возвышение Новациана в сан пресвитера не обошлось без затруднений. Духовенство его не любило. Вероятно, его талант нажил ему врагов. Вовремя сумели припомнить, что он был крещен не по обычному обряду, а во время болезни, по допускаемому в таких случаях сокращенному обряду. Однако, на эти возражения не обратили внимания, оттого ли, что большинство в общем сочувствовало ему, или от того, что папе Фабиану казалось важным ввести такого выдающегося человека в совет своих пресвитеров. В обычных условиях Новациан мог действительно оказать крупные услуги, но его ораторский талант и ученость, вызывавшие большое восхищение в известных группах, вскружили ему немного голову. Это не был вполне основательный человек: наступившее вскоре гонение, и в особенности церковные распри, которые оно породило, обнаружили недостатки его характера⁴⁰⁴.

Глава XVIII. Христианская александрийская школа

Египет под властью греков и римлян. – Начало христианства. – Александрийское училище: Пантен. -Климент и его произведения: христианский гносис. – Ориген, его выступление и преподавание в Александрии. – Разрыв с еп. Димитрием: Ориген в Кесарии. – Его литературная деятельность и кончина. – Произведения Оригена. – Синтез учения, заключающегося в «О началах».

Когда римляне завладели Египтом, он уже в течение нескольких тысячелетий возделывал пшеницу на илистой почве Нила и собирал ее весной под жгучими лучами беспощадного солнца. Длинная и однообразная история его повествует о постоянном порабощении народа. Место древних туземных царей заняли персидские чиновники, их сменили македонские цари, а затем римские наместники: кормило правления переходило из рук в руки, но не было перемен ни в форме, ни в характере управления.

Задолго до Александра город Милет имел контору в Навкратии, на западном рукаве Нила, но египетский эллинизм зародился лишь с македонского завоевания. То был своеобразный эллинизм: по существу военный и монархический, но вместе с тем просвещенный и главное торговый. Александрия была его святилищем. Основанная самим героем, хранительница его гробницы, она сделалась резиденцией царей, происходивших от его товарища по оружию, Птолемея, сына Лага. Александрийский музей, обширное научное и учебное учреждение, устроенное по образцу греческих ассоциаций, сделалось вскоре центром для всех философов, мыслителей, поэтов, артистов, математиков всего мира. Защищенный островом Фаросом, порт открыл сокровища Египта для мировой торговли, тогда как до тех пор страна была замкнута, в роде Китая. Отсюда расходились внутрь страны целые толпы греческих торговцев, авантюристов и мастеров. Они расселялись почти всюду, смешивались с населением и в

конце концов образовали египто-эллиническую помесь, являвшуюся переходной ступенью между чистым эллинизмом и коренной древнеегипетской культурой. Само собою разумеется, что последняя не преминула оказать влияние на победителей. Плодом всех этих влияний явилось весьма пестрое, деятельное, работающее население, выносливое в труде и вообще покорное, если его держать в узде.

1-го августа 30 г. до Р. Х. Октавий овладел Александрией⁴⁰⁵. Древний Египет сделался с тех пор римской провинцией, или вернее владением императора, которое непосредственно управлялось людьми из личного штата кесаря, доставлявшими доходы в его личную кассу. Префект, по сословию просто римский всадник, был его местным представителем; два или три должностных лица, как например александрийский судья и председатель Музея, назначались императором, все прочее предоставлено было префекту. Он между прочим должен был священнодействовать на религиозных торжествах, заступая место фараона⁴⁰⁶.

Всюду в других местах римляне покровительствовали или даже сами вызвали развитие городских учреждений. В Египте, где они не встретили ни одного организованного на выборных началах городского управления с его советом и собственной магистратурой, они оставили все в прежнем положении. Сама Александрия представляла из себя толпу управляемых, а не организованных граждан. Только при Септимии Севере она получила совет или сенат, но без магистратуры; в том же положении была Птолемаида в верхнем Египте. Единственное исключение составлял город Антиной, получивший городское устройство от Адриана. Остальная страна делилась на *номы*, – округа весьма древнего происхождения. Коренных египтян держали в стороне, от римского общества; они не могли делаться римскими гражданами иначе, как приписавшись предварительно к жителям Александрии, что было не так просто. Даже после Септимия Севера и Каракаллы египтяне продолжали составлять в империи низшую касту, которая никогда и не получила настоящих прав. Национальный египетский или коптский язык удержался в деревнях, маленьких

городках, а также в низших классах больших городов: в нем различали несколько наречий.

Греческие легенды играли в религии незначительную роль; самое большее, если он дали несколько мотивов-орнаментов к древним национальным культам, слишком прочно укоренившимся на египетской почве, чтобы уступить место чужим богам. В самой Александрии громадный храм Сераписа царил с высоты своего искусственного холма над суетливой торговой жизнью греков. Боги Нила покоряли себе победителей. Птоломеям пришлось облечься в сан их верховных жрецов и принять в сфере религии наследие фараонов.

Впрочем, египетский культ не избежал оппозиции: ее он нашел в вернувшемся в Египет Израиле. Евреи образовали в Александрии значительную общину, достигавшую одной трети всего населения. С ними далеко не обращались, как с врагами. Они имели своего начальника племени или этнарха и свой национальный совет; они пользовались полной свободой для своих религиозных отправлений. Тем не менее среди этого чуждого мира они кончили тем, что забыли свой язык и для них пришлось переводить Св. Писание на греческий язык. Близость Музея влекла их к литературе. Под этим влиянием зародилась экзегетика Филона, в которой для древней религии народа Божия грозила опасность расплыться в философских мечтаниях. Из Александрии же пошла вся литература, проводившая еврейские и монотеистические идеи, где мнимые сивиллы и творцы поэтических апокрифов наперерыв упражнялись в нападках на богов, храмы и жертвоприношения.

Появление христианства в Египте покрыто мраком неизвестности. В Новом Завете страна эта ни разу не упоминается; в нем не видно ни одного действующего лица из Александрии, за исключением Аполлоса, который играл довольно бесцветную роль во времена ап. Павла, в качестве странствующего миссионера и то не на своей родине, а в Азии и Греции⁴⁰⁷. В первоначальной христианской литературе Евангелие от египтян – единственная книга, как будто происходящая из этой страны. Валентин, Василид, Карпократ – первые египетские христиане, имена коих появляются в

истории⁴⁰⁸. Во времена папы Аникиты из Александрии в Рим прибыла проповедница Маркелина. Туда бежал Аполлес после своей ссоры с Маркионом и оттуда же вернулся со своей ясновидящей Филоменой. Но не следует думать, что эти еретические течения исчерпывают все александрийское христианство. Эти секты именно потому, что они только секты, предполагают существование церкви, «Великой Церкви», как говорит Цельс; эти заблуждения именно потому, что они носят имена своих основателей, свидетельствуют о существовании православной традиции. Последняя опиралась в Египте, как и в прочих местах, на епископскую организацию. Юлий Африкан мог вписать в свою *Хронику*, изданную в 221 г., имена десяти епископов, предшественников того Димитрия, который занимал кафедру в его время⁴⁰⁹. Последний вступил на нее приблизительно в 189 г. До него летописец называет по порядку Анниана, Авилия, Кердона, Прима, Иуста, Евмения, Марка, Келадиона, Агриппина, Юлиана. Указаны и годы их управления. Нам нет никакого интереса приводить их здесь, ибо даже, допустив их полную точность, мы не знаем ни одного события которое можно было бы к ним приурочить⁴¹⁰. Предание, о котором свидетельствует Евсевий⁴¹¹ в начале IV в., не подтверждая его, гласило, что евангелист Марк первый проповедовал Евангелие в Египте и основал церковь в Александрии. В восточной части города, в местечке под названием Буколия, показывали усыпальницу, где покоилось тело апостола вместе с останками епископов, его преемников⁴¹².

Даже во времена еп. Димитрия, продолжительный епископат которого совпал с правлением пап Виктора, Зефирина, Каллиста и Урбана, история александрийской церкви продолжает оставаться довольно туманной: единственное, что выступает из этого тумана – это знаменитая школа.

Мы уже видели в Риме много школ, как возвышенной экзегетики, так и богословия. Многие из них имели столкновения с церковью, которая нашла себя вынужденной их осудить. Но не всегда бывало так, и даже, когда происходили разногласия, школа осуждалась не как школа, а как орган вредной

проповеди. Другими словами, церковь не осуждала богословия вообще, но лишь превратное богословие. Если подобные учреждения могли существовать в Риме, с позитивным складом его жизни, то что же должно было происходить в Александрии, этой метрополии науки и литературы, под сенью Музея – великого святилища еллинской премудрости, с знаменитой библиотекой и лицом к лицу с древнееврейскими школами, где жива была еще память Филона, и вблизи новых гностических школ, где блистали Василиды и Карпократы? Христианство, приобретая себе стольких последователей между образованными людьми, не могло не поступиться кое-чем для них и до известной степени приспособиться к складу их умственной жизни. Мы не имеем, однако, никакого основания думать, что оно шло им навстречу очень охотно. Не похоже, чтоб православное училище в том виде, как оно рисуется нам во времена Коммода, было основано одним из древних епископов. Если в конце концов оно стало одним из учреждений александрийской церкви и служило для обучения оглашенных, то тем не менее оно, по-видимому, возникло благодаря частным усилиям, так же, как и подобные ему школы в Риме.

Не следует забывать, что большая часть населения Александрии состояла из промышленного и торгового люда, и что Музей влиял скорее на весь эллинский мир, чем на непосредственно окружающую его среду. Христианская масса даже в Александрии могла иметь лишь очень ограниченную потребность в умозрениях. Училище могло интересовать всегда лишь более или менее ограниченный круг образованных людей. Остальные, как будто чувствовали к нему больше недоверия, чем почтения. Таково было общее настроение. Греческая культура была уже сама по себе под подозрением. Вдохновляясь ею для изъяснения христианского предания, гностики пришли к плачевным результатам⁴¹³, в чем александрийские христиане имели очень наглядный опыт. Мы говорим это для того, чтобы не могло возникнуть заблуждения относительно размеров действительного значения этой знаменитой богословской школы. Первые наставники ее остались неизвестными. Самый древний из них, имя которого

дошло до нас, Пантен, был обращенный в христианство стоик, уроженец Сицилии⁴¹⁴. Он, говорят, отправился проповедовать веру «индийцам», у которых будто бы нашел евангелие на еврейском языке, занесенное туда ап. Варфоломеем⁴¹⁵. Вернувшись в Александрию, он принял на себя руководство школой и в числе своих учеников имел Климента, своего будущего преемника, и Александра, который позднее управлял церквами в Каппадокии и Иерусалими. От него не уцелело ничего. Хотя Евсевий говорит об его произведениях, однако не видно, чтоб они имелись в обращении⁴¹⁶.

Иначе дело, обстоит с произведениями его преемника, – Климента, от которого сохранилось достаточно, чтоб дать нам понятие о преподавании в александрийском училище в последнее двадцатилетие II века.

Т. Флавий Климент, как указывает его имя, происходил вероятно от какого-нибудь отпущенника одноименного с ним христианского консула. Сперва он был язычником⁴¹⁷, но, обратившись, он поочередно следовал за разными учителями, которых он перечисляет, не называя по имени, в одном месте своих *Строматов* ⁴¹⁸. То были: грек – иониец, другой грек из Великой Греции, третий из Келесирии (Антиохии?), египтянин, ассириец (Тациан?), палестинец, обращенный из иудейства. Наконец, он встретил Пантена в Египте и обрел около него душевный мир.

Александрийское училище было как раз той средой, какой он искал и какая была по нем. Здесь не проклинали философии древних греков; к ней даже не относились как к чему то безразличному. В ней находили, как уже ранее признал это св. Иустин, некоторый отблеск того самого божественного Логоса, которого христианство почитало в Иисусе Христе. Богословская наука, понимаемая в столь широком смысле, разрабатывалась здесь не только в интересах апологетики, но и как средство личного усовершенствования. То был православный гносис: он не изощрялся в разработке учений о Творце (Демиург); он не заносился ни в безумные мечтания о Плероме, ни в крайности непосильного аскетизма; но так же, как и тот гносис, он отводил своим последователям привилегированное положение в сомне

верующих. Христианин-гностик в своей религиозной жизни был богаче, чем обыкновенные христиане. Он спасался не так, как все; он знал более других; его нравственный идеал был выше их идеала.

Это высшее учение в свое оправдание ссылалось на особое предание, как и учение Валентина и Василида. «Господь после Своего воскресения вверил знание Иакову праведному, Иоанну и Петру, которые передали его другим апостолам, а эти – семидесяти, в числе коих был Варнава»⁴¹⁹. Через Пантена это предание, дошло до Климента. Мы не знаем, в какое время он заместил своего учителя в качестве руководителя школы. Он пользовался известностью, как писатель, еще до папы Виктора, т. е. приблизительно в то время, когда Ириней оканчивал свой крупный труд⁴²⁰. Быть может к этому первому периоду следует отнести подлинное, дошедшее до нас сочинение – «*Протрептик*», а также восемь книг его *Гипотипоз*, от которых уцелели лишь отрывки. Об этом последнем труде Евсевий⁴²¹ говорит с некоторой осторожностью и ограничивается перечислением священных книг, подлинных или спорных, о которых там имелось упоминание. Фотий делает более содержательный, но и более компрометирующий анализ этого труда⁴²². Климент учил о вечности материи; Сын является у него тварью⁴²³; он верил в переселение душ и в существование нескольких миров до сотворения человека. История Адама и Евы у него была рассказана постыдным и нечестивым образом (αἰσχυρῶς τε καὶ ἀθέως).

По Клименту Слово облеклось лишь в подобие плоти. Впрочем, он допускал два или три Слова, как видно из следующего: «Сын также именуется Словом, тем же именем, как Слово Отчее; но не Он стал плотью, не Слово Отчее, а Сила Божия, некоторое порождение Его Слова, ставши разумом (νοῦς γενόμενος), обитает в сердцах человеческих».

Эти осуждаемые Фотием учения могли быть выражены у Климента с меньшей резкостью, поскольку они выступают у Климента рассеянными среди экзегетических комментариев. Факт, что отмеченные богословские выпады Климента не

помешали ему быть принятым в число александрийских пресвитеров.

Этот союз между церковью и школой в лице Климента принес ощутительную пользу последней. Прочие книги Климента не дают повода к тем же возражениям, как Гипотипозы. Главные из них Строматы и Педагог. Первая содержит в себе преимущественно теоретическое учение; вторая имеет скорее целью нравственное воспитание ученика. Строматы представляют собой 7 цельных книг, из коих четыре первые написаны ранее Педагога. Окончив этот последний труд, Климент вновь принялся за Строматы, которые не успел довести до конца⁴²⁴.

Клемент был весьма крупным ученым. Он обладал основательным знанием всей библейской и христианской подлинной и апокрифической литературы, и не только ортодоксальной, но и гностической. Не менее был он знаком с произведениями языческих поэтов и философов. Выдержки, которыми изобилуют его сочинения, сохранили нам значительное количество отрывков из утраченных книг⁴²⁵.

Это не был синтетически ум. Он часто перебрасывается от одного предмета к другому и доставляет не мало труда тому, кто ищет в его произведениях обдуманного плана и в особенности действительного его выполнения. В начале своего Педагога он как будто намечает план и указывает на различие между тремя функциями, какие Слово выполняет через Свой орган: Оно обращает (Προτρεπτικός), воспитывает (Παιδαγός, моральное образование), обучает (Διδασκαλικός, интеллектуальное образование).

Если Строматы, как это вероятно, отвечают этому третьему назначению, то отсюда явствует, что христианин-гностик, как его понимал Климент, нисколько не нуждался в синтезе. Все произведение состоит из рассуждений, расположенных без достаточной связи. Это тем более странно, что соперничавшие школы Валентина и Василида отличались наоборот синтетической формой своего учения. Пополнить этот пробел предстояло Оригену.

Климент не завершил своего поприща в Александрии. В 202 году на Египет обрушилось гонение. Так как это гонение главным образом имело в виду оглашенных, то оно должно было разразиться над учреждением, которым руководил Климент. Первые две книги Стромат, написанные им в это время, содержат не один намек на эти критические обстоятельства. В конце концов он вынужден был удалиться. Немного спустя мы встречаем его в Кесарии Каппадокийской подле еп. Александра, который был учеником Климента, перешедшим к нему от Пантена. Там тоже было жестокое гонение; Александр был брошен в тюрьму; Климент стал вместо него управлять церковью; он ободрял верующих и привлекал новых последователей. Об этом свидетельствует в 211 или 212 году сам Александр в послании⁴²⁶, написанном к антиохийской церкви, которое Климент взялся доставить по назначению. Он был известен антиохийским верующим.

В другом послании⁴²⁷, написанном около 215 году и адресованном Оригену, Александр говорит о нем, уже как об умершем.

Кроме книг по богословской педагогике Климент написал и другие, менее умозрительного характера, как напр., его знаменитая беседа: «Кто из богатых спасется», которую мы имеем почти целиком, и его поучения о посте и о злословии. Он принял участие в спорах, поднявшихся в его время по поводу Пасхи. Его книга об этом предмете⁴²⁸ имела отношение к аналогичному произведению Мелитона; другая книга, посвященная его другу Александру, судя по ее заглавию «Церковный канон против иудействующих», относится к тому же разряду.

Богословские странности еще не составляют самого слабого места в творениях Климента. Можно сделать ему, также как Оригену и, без сомнения, их предшественникам, существенный упрек в том, что они придают знанию, и именно религиозному знанию, чрезмерную ценность. Верующий гностик, т. е. богослов, по их понятиям, в религиозном отношении стоит выше простого верующего. Правда, что такое представление очень разнится от еретического различия между психиками и

пневматиками, – различия, основанного на природном свойстве душ. Однако, как и там, оно исходит из философии Платона согласно которой научное образование, вместо того, чтобы увеличивать ответственность человека, составляет придаток к его нравственной ценности. Александрийское училище имело притязание выпускать не только более образованных, но и качественно лучших христиан. Такое притязание было трудно согласить с общими принципами церковной организации. Местная церковь в конце концов почувствовала это, и, смягчая характер школы то в том, то в другом вопросе, мало-помалу приобщила к себе это учреждение, которое могло нарушить необходимое единство церковной жизни.

О Клименте в точности неизвестно, родился ли он в Афинах или в Александрии. Что касается Оригена, одно имя его достаточно указывает, что он был египетским уроженцем⁴²⁹. Его родители были христиане и занимали почетное положение. Его отец Леонид был его первым учителем. С самого раннего детства он горел энтузиазмом; все экзальтировало его, – наука, мученичество, аскетическая жизнь. Леонид по доносу был осужден за принадлежность к христианству (202–3). Сын его, не имея возможности умереть вместе с ним, убеждает его пострадать за веру. Лишенный отцовского достояния, которое было конфисковано, он находит средства к пропитанию и поддержке многочисленной семьи, во главе которой он очутился всего 17 лет от роду. Школа для оглашенных была только что разорена гонением; но примеры мучеников послужили поводом к обращению в христианство благородных язычников, которые стали собираться вокруг этого юноши, известного столько же своей ученостью, как и религиозным одушевлением. Епископ Димитрий принимает его в качестве катехизатора. Но эдикт Севера повлек за собой новые жертвы из кружка только что восстановившейся школы. Юный учитель провожает своих учеников⁴³⁰ на мученичество; другие группируются около него. Ничто не останавливает его рвения; он кончает тем, что навлекает на себя всю ярость фанатичных язычников.

Наступают более мирные дни. На смену мужества, проявленного в разгар гонения, у Оригена является увлечение

аскетизмом. В подвигах умерщвления своей плоти Ориген был предшественником Антония и Илариона. Если бы от него зависело, церковное христианство не уступало бы в аскетизме самым нетерпимым к своей плоти философам и наиболее ожесточенным врагам ее – гностикам и монтанистам. Он в этом отношении зашел слишком далеко. Во времена св. Иустина⁴³¹ один молодой александрийский христианин, чтоб опровергнуть позорные клеветы на христианские нравы, просил разрешения у египетского префекта подвергнуть себя осклоплению. Ориген не просил разрешения, а самовольно совершил это, полагая таким образом уничтожить самую возможность подозрений, какие могли возбудить у врагов христианства его занятия катехизацией.

Узнав об этой, внушенной благородными мотивами, но не разумной, жертве, еп. Димитрий однако оставил Оригена во главе школы. Юный учитель сделался вскоре славой Александрии. Отдаваясь преподаванию ученикам, число которых возрастало изо дня в день, он не переставал сам учиться. Иустин, Тациан, Климент, перешедшие в христианство из язычества, получили сперва философское, а потом богословское образование. Ориген следовал обратному порядку. Воспитанный в принципах христианской веры, он сперва взял от светской науки лишь общие начатки знания, особенно грамматики. Лишь позднее⁴³², по мере того, как он сознавал необходимость ознакомиться с учениями, против которых ему приходилось бороться, он принялся за изучение эллинской философии и еретических сочинений. Он стал тогда слушать уроки Аммония Сакка, вместе с одним из своих учеников, который был старше его, неким Ираклом, пятью годами раньше его поступившим в эту школу⁴³³. Давая полный простор своему мощному уму в изысканиях по всем областям науки, он в то же время старался проверить предание и разобрать, каково было в действительности истинное учение церкви. Мне кажется, под влиянием этой мысли он совершил около 212 г. поездку в Рим, «желая, по его словам, узреть эту столь древнюю церковь»⁴³⁴. Будучи очень смелым в толковании Библии экзегетом, он, более чем кто-либо другой, сознал также

необходимость посредством критических изысканий точно установить текст Библии. Он выучился еврейскому языку и тщательно разыскивал еврейские переводы Писания, независимые от перевода LXX-ти, чтобы проверить последний. Его путешествия представляли удобные условия для таких поисков. Мы постоянно встречаем его на пути в Рим, Грецию, Никополь Эпирский, Никомидию, Антиохию, Палестину и Аравию. Иракл, уже посвященный Оригеном в его учение, во время его отсутствия руководил школой. Не всегда одна любознательность заставляла учителя пускаться в путешествие. Его слава, как ученого христианина, побуждала знатных лиц, жаждавших христианского просвещения, выписывать его к себе. Так легат, управлявший Аравией, послал за ним нарочного, а около 218 г. одна из представительниц царствующего дома, Маммея, мать будущего императора Александра Севера, выписала его из Антиохии, дав ему свиту всадников.

Незадолго до этого путешествия, во время разгрома Александрии войсками Каракаллы, Ориген вынужден был бежать; он укрылся в Палестине у епископов Феоктиста кесарийского и Александра элийского. Эти преданные науке пастыри, гордясь возможностью показать своей пастве знаменитого александрийского катехизатора, убедили его проповедовать в их церквах не только оглашенным, но и самим верующим. Димитрий сильно восстал против этого, по его мнению, нарушения канонического порядка и вытребовал обратно своего духовного сына. Палестинские епископы оправдывались ссылкой на прежние подобные случаи⁴³⁵.

Прошло еще 15 лет. Гордясь успехом и славой своей школы, епископ александрийский предоставлял Оригену учить по своему усмотрению и нисколько не помышлял наложить запрет на его смелые мысли, которые около этого времени Ориген стал выражать в своих главнейших произведениях, особенно в своей знаменитой книге «О началах»⁴³⁶. Амвросий, бывший для него столь же щедрым, как и преданным другом, предоставил в его распоряжение целый персонал стенографов и переписчиков. Таким образом толкования учителя пользовались самой широкой известностью даже вне школы.

Это положение было омрачено разрывом Оригена с епископом. Вызванный в Ахаию, чтобы бороться там с какими-то ересями, Ориген при проезде своем через Палестину был посвящен в пресвитеры своими друзьями, епископами элийским и кесарийским. Димитрий воздержался от возведения Оригена в сан пресвитера. Оставляя его мирянином, он ограничил его публичное учительство наставлением оглашенных и запретил всякую проповедь в церкви. Но он иначе поступил с Ираклом, который был допущен в пресвитерскую среду, не отрекаясь для этого от философских занятий и даже не сняв плаща философа⁴³⁷. Быть может александрийский обычай уже тогда не допускал посвящения евнухов⁴³⁸. Евсевий намекает, а бл. Иероним открыто заявляет, что епископ действовал исключительно под влиянием мелкой зависти. Это возможно. Палестинские епископы, которым Димитрий запрещал допускать Оригена к проповеди, потому что он не был пресвитером, очевидно хотели устранить это препятствие. Они не держались относительно евнухов таких же правил, как их александрийский собрат, и не видели также никаких препятствий к посвящению верующего из другой церкви⁴³⁹. Как бы то ни было Димитрий восстал против этого весьма энергично, но предъявляя однако других возражений, кроме добровольного оскпления. Ориген после поездки по Ахаии, Малой Азии и Сирии возвратился в Египет и попытался вернуть себе руководство школой, но встретил отпор со стороны епископа. Два собора, созванные один за другим, постановили, что он должен прекратить преподавание, покинуть Александрию и, наконец, что он должен быть извергнут из сана. Этот приговор был сообщен прочим епископам и утвержден без возражений большинством из них. Кажется, что в Риме этот приговор был принят так же, как впоследствии подобный ему, произнесенный над Арием⁴⁴⁰.

Наоборот, в Палестине, Каппадокии и до самой Ахаии, слава Оригена была слишком велика, чтобы рухнуть под этим ударом. Он нашел приют и покровительство у палестинских епископов, водворился в Кесарии и продолжал на этой новой почве вести преподавание в школе, выпускать сочинений и проповедовать верующим. Ориген только лично был изгнан из

Александрии, учение же его оставалось там, изъясняемое его давним сотрудником Ираклом. Вскоре после отъезда Оригена Димитрий умер и Иракл заступил его место. В последнее время его привязанность к Оригену как будто остыла и, став епископом, он занял по отношению к нему, по-видимому, то же положение, как и его предшественник⁴⁴¹. Учитель остался в Палестине, и один из его учеников, Дионисий, взялся за руководство оглашением. Несмотря на бесспорное достоинство этого нового учителя, александрийская школа была уже не в Александрии. В Кесарию стекаются знаменитейшие ее ученики, как Григорий, будущий Чудотворец, и его брат Афинодор. В Кесарию же, к Оригену, направлялись письма знаменитейших восточных епископов, как напим. Фирмилиана, еп. Кесарии Каппадокийской. Здесь он предпринял свои наиболее значительные труды, а именно знаменитое издание Гекзаплов и Октаплов. Сюда, к нему, являлись за разрешением богословских затруднений, для опровержения еретиков и для вразумления епископов, уклонявшихся от традиционного учения. Его знание, диалектика, красноречие были непобедимы. Ко всему этому присоединялось обаяние святой кротости и авторитета выдающегося аскетизма. Слава его была всемирной; его творения, письма распространялись по всему Востоку до самого Рима, где, впрочем, его читали очень мало, ибо начинали забывать греческий язык.

Являясь по своим добродетелям назиданием церкви и распространяя блеск христианской веры своим преподаванием, он в то же время защищал ее против всех ее врагов: еретиков, евреев, язычников, и успевал всюду. К этому последнему периоду его жизни относится его известный трактат против Цельза. Ему недоставало лишь одной славы – славы исповедника за веру. Уже в 235 г. гонение Максимиана принудило его покинуть Палестину и искать убежища в Каппадокии. Двое из его друзей, Амвросий и пресвитер Протоктет из Кесарии были брошены в тюрьму. Он вновь взялся тогда за перо, которым, еще будучи юношей, воодушевлял своего отца умереть за веру, и написал к этим двум исповедникам свое «Увещание к принятию мученичества». Буря миновала, но пятнадцать лет

спустя гонение Декия настигло его на посту христианского учителя. Его привлекли к допросу, бросили в цепях в тюрьму и подвергли пытке вытягивания голеней. Ему угрожали огнем и подвергли другим мукам. Ничто не могло сломить его твердости. Однако, менее счастливый, чем его друг Александр, который умер в тюрьме, Ориген дожил до конца гонения. Он пережил его на два или на три года, во время которых успел принять участие в кротких мероприятиях великих современных епископов Корнилия, Киприана, Дионисия, по отношению к верующим, проявившим слабость в тяжелые дни⁴⁴². Друг его Амвросий умер до него. Одно из последних посланий, полученных им, было от его бывшего ученика Дионисия, ставшего теперь александрийским епископом: в нем говорилось о мученичестве⁴⁴³. Наконец он умер, увенчанный всей славой, какую может только пожелать христианин на земле, и до последнего дня пребывая в бедности. В Тире он предал Богу свою чудную душу: могила его долгое время привлекала посетителей.

Я не сказал: поклонников. В те времена почести торжественно справлявшихся годовщин смерти оказывались лишь мученикам и, в известном смысле, епископам. Об Оригене не сложилось легенды: как ни велика была его научная деятельность, она мало говорила народному воображению. К тому же его богословские творения вскоре сделались предметом спора; борьба, завязавшаяся вокруг его памяти, не способствовала его прославлению. У него нашлись крайние и неловкие защитники, а еще больше врагов; мало имен навлекло на себя столько проклятий, как его. Но историку не трудно разобраться в страстях, частью понятных, частью непростителеных, которые возбудили против него Димитриев, Мефодиев, Епифаниев, Иеронимов, Феофилов и Юстинианов. «Хотя мы далеко не имеем всех его трудов, но из них уцелело достаточно, чтобы судить о нем, в частности чтобы уяснить отношение между его взглядами и принятым в его время учением, а главное, чтобы убедиться в безусловной чистоте его намерений.

Его литературная деятельность громадна. Большею частью она посвящена Библии. Прежде всего следует упомянуть о знаменитом сборнике Гекзапл, где в параллельных столбцах помещен был еврейский текст, писанный еврейскими и греческими письменами, и переводы Семидесяти, Акилы, Симмаха и Феодотиона, равно как и другие частичные версии. Этот монументальный труд еще не был утерян в Кесарии во времена Евсевия, но сомнительно, чтобы он сохранился до времен Епифания и бл. Иеронима. Из этого труда был сделан свод, заключающий в себе лишь четыре греческие перевода (Тетраплы).

Ориген сделал также рецензию перевода Семидесяти, где скобками были отмечены места, отсутствующие в еврейском тексте, а некоторые дополнения, заимствованные из перевода Феодотиона, когда еврейский текст казался полнее текста Семидесяти, были отмечены звездочками. За этими критическими работами следует если не хронологически, то логически, громадное количество комментариев, различных по форме (схолий, гомилий, трактатов или τόμοι), но обнимающих все книги Ветхого и Нового Завета.

Кроме этих библейских работ, Ориген оставил еще разные труды на частные темы: трактаты о молитве и о воскресении, увещание к принятию мученичества, десять книг Стромат и две самые знаменитые работы: опровержение Цельза и трактат «О началах» (Περὶ ἀρχῶν). Около сотни писем были собраны Евсевием и составляли значительное дополнение к этой литературе. Из них два – были адресованы к императору Филиппу и его жене Отадилии Севере.

Св. Епифаний насчитывает 6000 томов творений Оригена. Эта громадная цифра не невероятна, если считаться с условиями книжного дела в древности и небольшим размером свитков (volumina, τόμοι), на которых принято было писать. Как бы то ни было, только часть произведений этой великой деятельности сохранилась до нашего времени. Анафемы, вскоре обрушившиеся на них, отбили охоту к ним у переписчиков, особенно греческих. Латиняне были милостивее. Благодаря им мы имеем еще трактат «О началах», –

фундаментальное произведение, по которому можно судить о богословском синтезе Оригена, хотя до нас дошла уже во многих местах исправленная версия. Переводчик Руфин предупреждает нас о том в своем предисловии. Бл. Иероним сделал другой, более точный перевод; к сожалению, от этого перевода так же, как и от подлинника, существуют лишь отрывки.

Характерна самая идея синтеза. Со времен св. Иустина, чтобы не сказать с ап. Иоанна, часто искали в философии, в ее концепциях и языке способа изъяснить христианское предание. Но то были лишь частичные попытки. Придавали философское выражение лишь тем пунктам, какие желали особенно подчеркнуть или защитить, для остального довольствовались тем, что давало предание. Иустин и другие апологеты, позднее Ириней, Ипполит и Тертуллиан, не пошли дальше. Их богословие, как таковое, всегда остается частичным, отрывочным. Синтез учения заключался в символе веры, где, начиная с всемогущего Бога до воскрешения плоти, верующие находили в сжатом виде все, во что им надлежало веровать, и на что уповать. Кроме этой простой и общераспространенной формулы имелись лишь гностические системы, тоже законченный, начиная с несказанной Бездны до возвращения к Богу предопределенных душ. Климента, будучи христианином-философом, как не встречался с необходимости заниматься отдельными вопросами в борьбе с противоположными взглядами, так равно не чувствовал и потребности сгруппировать элементы доктрин в стройную систему. Ориген первый между христианскими мыслителями задался мыслью о богословском синтезе и осуществил его. Я сейчас изложу вкратце его содержание по трактату «О началах».

Бог по существу своему прост, неизменен и благ. В силу Своей благодати Он открывается и входит в общение, в силу же Своей неизменности Он делает это от века. Но так как немислимо допустить непосредственных отношений между бытием простым по существу и случайным множеством, то Бог от начала⁴⁴⁴ должен сам стать в такое положение, чтобы подобные отношения стали возможными. Отсюда –

происхождение Слова, отдельного Лица, Божества производного, Θεός'а, а не ὁ Θεός'а, ни тем более αὐτόθεος'а. Ориген не отступает перед термином: «второй Бог». Слово, зачатое из сущности Отца, – совечно и единосущно Ему. Однако, помимо Своего происхождения от Отца, Слово у Оригена уступает Отцу еще в том, что заключает в Себе первообраз всего конечного, множественного. С этой точки зрения Оно принадлежит к категории твари и есть тварь, κτίσμα, выражаясь словами Библии⁴⁴⁵.

Здесь опять, как у апологетов, происхождение Слова связано с творением. Если бы не существовало твари, Слово не имело бы никакого основания для Своего бытия. Но – и здесь Ориген последователен – присущая Богу благодать требует, чтоб всегда была тварь, так что Слово – необходимо и вечно. В этой системе, как в системе апологетов, не видно, какое место может занимать третье Лицо Божества. Предлагаемая теория вполне обходится без Св. Духа. Ориген, однако, допускает Его, как все его православные предшественники, ибо о Нем гласит предание⁴⁴⁶, и при том с такой очевидностью, что его нельзя оставить без внимания. Таким образом Дух Святой дополняет Троицу, т. е. иерархию божественных Лиц, – иерархию, степени которой определяются по отношению к твари тем, что деятельность Отца распространяется (косвенно) на все существующее, деятельность Слова – на всю разумную тварь или духов, а Духа Святого на разумную тварь и святых.

Таков божественный мир, состоящий из трех «неизменяемых Лиц»; ниже Их находится мир низших духов, поверженных изменению. Эти духи были сотворены свободными, но не замедлили злоупотребить своей свободой⁴⁴⁷, так что необходимо, было подвергнуть их наказанию и исправлению. С этой целью создан был чувственный мир. Тела предназначены доставить духам очистительное испытание. Сообразно со степенью вины духам дается тонкое тело (ангелы), плотное (люди) или безобразное (демоны). Таким образом творение тела находится в соответствие с творением духов; несозданной материи не существует.

Соединение тела с духом доставляет последнему возможность борьбы и заслуги. В этой борьбе, где свобода людей остается неприкосновенной, им содействуют ангелы и препятствуют демоны. Но борьба добра со злом кончится⁴⁴⁸; зло не вечно; очищение распространится даже на демонов.

Здесь выступает на сцену теория искупления. Постоянное испытание душ человеческих возбуждает участие Слова, и Оно посылает им в помощь избранные души, которые облачаются плотью: это – пророки; Оно даже создало из целого народа орудие спасения; наконец, так как все эти посредники оказываются недостаточными, приходит само. Абсолютно чистая душа⁴⁴⁹ восприняла тело; Слово соединилось с этой душой, которая при этом сохранила свою свободу и способность к возвышению и падению. Отсюда – возрастание видимого Христа. Спасение для обыкновенного христианина есть дело креста, жертвы, выкуп за долг, освобождение от рабства диаволу; для христианина-гностика оно есть наставление в истинах высшего порядка. И для того и для другого воплотилось Слово, обожествляя человеческую природу внутренним общением. Но для обыкновенных христиан Христос в понимании Оригена устраняет преграды к спасению, а для христиан-гностиков Он являет Собою образец (жизни) и свет, – и только.

Конец мира есть лишь относительный конец; вселенная должна всегда существовать и движение возобновляться. Когда жизнь (того или другого мира) приходит к концу, остаток искупается другим способом – нематериальным и очистительным огнем, после чего тварный дух получает свой окончательный вид. Облеченный в прославленное тело, которое ничего не имеет общего с человеческими формами, он с этой минуты тяготеет к добру. Материя, покинутая одними, служит затем для других, и так происходит вечный круговорот.

Таково содержание системы. Метод для ее построения изложен в предисловии к книге «О началах». Ориген открывает изложение перечислением пунктов вероучения, непререкаемо признанных церковью; он тщательно отделяет то, что находит в официальной догме, от того, что является лишь частным

мнением или смутным верованием. Подлинное вероучение далеко не дает ему ключа ко всем проблемам; однако, он намерен на нем обосновать свой синтез. «Вот элементы, основания, которыми надо пользоваться, если (согласно с предписанием: «просвещайте себя светом познания») желаешь создать стройное учение и как бы разумно устроенное целое. Надлежит прибегнуть к ясным и неоспоримым выводам, взять у Св. Писания все, что там есть непосредственного, и что можно из него извлечь путем выводов; затем изо всех этих учений должно составить одно целое».

Нельзя придумать более похвального метода. К сожалению, здесь подразумевается, что Писание будет рассматриваться с помощью аллегорического экзегезиса, дающего возможность выискать любое учение в любом тексте. Отсюда открывается дверь своеобразным взглядам, смелым мыслям, умозрениям современной философии. Таким путем Ориген дошел до построения системы, в которой христианство с трудом могло себя узнать: это – известного рода компромисс между Евангелием и гносисом, – богословие, в котором предание скорее стоит особняком, чем входить в его плоть и кровь, – в котором даже идеи, на первый взгляд представляющиеся приемлемыми, при более близком ознакомлении вызывают опасение, как только отдашь себе отчет, в связи с какими понятиями они высказываются.

После смерти автора, доктрина Оригена вызвала много критики, но скорее по отдельным пунктам, чем в целом; нельзя указать ни на кого, кто бы нападал на самую систему, как на таковую. Да и те нападки появились не скоро. «О началах» далеко не из последних произведений автора. Он написал его в Александрии до своего разрыва с епископом Димитрием, и этот последний нисколько не был встревожен трактатом Оригена. Впрочем, он, видимо, не был строг к ученьям, ибо уже в его время Климент обнародовал свои Гипотипозы. Когда у него произошло столкновение с Оригеном и он обличил его перед всею церковью, то упрекал его лишь в добровольном оскотлении и посвящении чужими епископами. Иракл, будучи другом и сотрудником Оригена в то время, когда он издавал «О

началах», не возражал ни тогда, ни после, когда сделался еп. александрийским. Дионисий, управлявший церковью после Иракла, был сам учеником Оригена и до конца поддерживал с ним хорошие отношения. Известно, в каком почете он был у палестинских, аравийских, финикийских, каппадокийских и ахайских епископов. В Риме приняли приговор еп. Димитрия, как мы видели, не имевший никакого доктринального характера, и сначала этим и довольствовались. Но под конец поднялась дурная молва о воззрениях Оригена и дошла до папы Фабиана. Ориген счел себя вынужденным написать как ему, так и другим епископам «о своем православии». Он очень жаловался на подделку своих произведений и на неосторожность Авмросия⁴⁵⁰, всегда спешившего обнародовать произведения своего друга, не давая ему времени внести в них должные поправки⁴⁵¹. Нужно быть большим оптимистом, чтобы слепо принять это объяснение. Однако достоверно одно, что не только Ориген умер в общении с церковью, но и его учение, несмотря на недоумения, которые оно вызвало в некоторых кругах, никогда при жизни его не было предметом официального осуждения.

XIX. Церковь и государство в III веке

Гонения на основании специальных указов о христианах. – Селтимии Север запрещает совращения. – Религиозный синкретизм: Юлия Домна, Гелиогабал, Александр Север. – Указ Максимиана против духовенства. – Гонения Деция, Галла и Валериана. – Церковные имущества.

Последние годы царствования Марка Аврелия ознаменовались в истории христианства кровавыми событиями. При Коммодe гонение» как и многое другое, ослабилось, однако не в том смысле, чтобы с христианства тогда был снят запрет; но в то время, как высшее правительство не упорствовало в преследованиях и даже выказывало довольно большую терпимость в Риме, провинциальные власти имели полную свободу, смотря по своей прихоти и по обстоятельствам, действовать строго или снисходительно. В Азия проконсул Аррий Антонин (184–5) выделялся своей ревностью в преследовании христиан. Однажды во время суда над ними все последователи Христа в городе толпой явились пред его трибунал. Он казнил нескольких и сказал остальным: „Несчастные! Да ведь если вам так хочется умереть, есть же веревки и пропасти“. Характерный случай, где ярко обнаружилось противоречие между строгостью закона и трудностью применять его на деле. В самом Риме, несмотря на процесс Аполлония, христиане пользовались относительным спокойствием так же, как и в Африке. Тертуллиан отмечает за это время нескольких благорасположенных проконсулов⁴⁵².

Эти колебания римской юстиции и система осуждения отдельных личностей неспособны были существенно затормозить успехов христианства. Политическая опасность, которая так тревожила Цельса, заставила наконец императоров принять более действительные меры. В течение всего второго века гонения не имели иного законного основания, как то запрещение, происхождение которого мы исследовали выше. Теперь, не отменяя этого общего запрещения, начинают издавать особые указы, в которых точно определялись разряды

христиан, подлежащих преследованию, порядок судопроизводства, кары, конфискации, полицейские меры. Применение их императоры не ставят более в зависимость от усердия властей: их теперь обязывают начать борьбу и выполнять в точности план репрессий, начертанный императорским правительством. Отсюда гонения принимают характер гораздо более жестокий, чем прежние, но зато довольно кратки: смена императоров и даже в известных случаях безуспешность исключительных законов довольно скоро вызывает отмену указов.

1. Эпоха Северов

Септимий Север первый из императоров издал подобный указ. Лично он вовсе не был враждебно настроен против христиан: его дворец был полон ими, его сын Каракалла был вскормлен христианкой⁴⁵³. Это обстоятельство не помешало властям применять суровые меры. „Апологетик“ Тертуллиана, его две книги *Ad nationes* („К народам“) в 197 г., его прошение „К проконсулу Скапуле“ в 211 г. представляют протесты против жестокостей чиновников эпохи Севера. Впрочем имя этого императора не связывается с законами о гонениях в тесном смысле. Север пытался лишь остановить христианский прозелитизм. Указ, изданный им в этих видах, появился около 200 г., во время его пребывания в Сирии. Спартиан приводит его в кратких, но ясных выражениях: „Он воспретил под страхом суровых наказаний совращать в иудейство или в христианство⁴⁵⁴“. Давно уже было воспрещено обрезание лиц, не принадлежавших к еврейскому народу; тот же запрет был распространен и на христианское крещение. По-видимому он действовал недолго; по крайней мере христианские писатели не отличают жертв этого указа от жертв обычного гонения. Однако достопримечательно, что александрийское огласительное училище пришло в расстройство именно в этот момент, и что руководивший им Климент был вынужден покинуть Египет. Это училище было в Египте самым видным орудием христианской пропаганды: очевидно, его состав – учителя и слушатели – попал под действие указа. Пытавшийся восстановить его Ориген подвергся преследованиям, и если сам он не погиб, то за то несколько из его новообращенных учеников были арестованы и казнены. Это случилось в 202 г. Тогда-то погибли в Карфагене знаменитые мученики Перпетуя, Фелицитата, Сатур с товарищами, – все новообращенные или оглашенные.

В то время, как император Север прибегал в своей политике к старым римским приемам, дом его становился центром умственного движения, которое могло породить своего рода религиозного соперника христианству⁴⁵⁵. До своего

восшествия на престол Север взял себе жену из древней сирийской жреческой семьи, посвятившей себя служению при храме Эль-Габала в Емезе. Юлия Домна, дочь первосвященника Бассиана, была женщиной с твердой волей, выдающимся умом и широким образованием. Став императрицей, она вскоре собрала около себя всех представителей высшей духовной культуры в империи. Представители этой культуры того времени не были склонны как когда-то насмехаться над богами. Они стали религиозными. Философский мистицизм еще не нашел себе выражения в системе неоплатоников, но он почти всюду обнаруживал тенденцию установить иерархию в пантеоне унаследованных богов, для того чтобы согласовать его с известного рода божественным единством; в области морали он любил проповедовать пифогорейский аскетизм. Вообще он нащупывал себе дорогу. Юлия Домна помогала ему найти ее. Женщина, отличавшаяся столь практическим складом ума и не отказавшаяся бы управлять государством, если бы ей предоставили действовать, не могла обойти без внимания религиозный вопрос. Она вызвала интерес к нему у тех ученых, которые ее окружали. Несмотря на все указы старые и новые, христианство делало с каждым днем все более угрожающие успехи. Оппозиция ему со стороны старых культов отличалась разъединенным характером. Не представлялось ли возможным сгруппировать эти культы вокруг одной идеи, вокруг какого-нибудь символа и сообщить им таким путем хоть какое-нибудь единство? Нельзя ли было признать богов разных храмов и разных племен за представителей единого высшего божества, творца мира, которым он управляет чрез их посредство, при чем они являются частичными его проявлениями? Самым естественным и в то же время самым великолепным символом этого высшего божества является солнце, изливающее на все свет и теплоту. Воспитанная у алтарей семитского божества, знакомая со всеми мифическими преданиями и философскими системами Греции, окруженная в палатинском дворце ареопагом мыслителей, собравшихся со всех концов империи, красавица-императрица сама была живым воплощением этого

нового умственного движения, великой жрицей этого идеала религиозного синкретизма.

У нее было слишком много здравого смысла, чтобы брать на себя роль провозвестницы нового откровения. Эту роль предоставили довольно загадочной личности, Аполлонию Тианскому, который, как было известно, жил во времена Цезарей и Флавиев. Он оставил по себе в Малой Азии и иных местах славу пифогорейского аскета, странствующего проповедника и чудотворца; а по словам иных, и мага. Одному из писателей, окружавших императрицу, – Филострату, дано было поручение составить его жизнеописание; у Юлии Домны были в руках мало достоверные записки некоего Дамиса, яко бы спутника Аполлония. Она передала их Филострату. Приняв их за основную канву, он дал волю своей фантазии, заимствуя направо и налево, даже из христианских евангелий, Черты, наиболее способные поднять значение и выставить в ярком свете величие и добродетели своего героя: его любовь к ближним, великое сострадание к человеческим бедствиям, его глубокую религиозность, почитавшую всех богов, но в особенности божественное Солнце.

Книга имела успех, гораздо более громкий, чем сама система. Во враждебных христианству кругах скоро поняли, какую пользу можно было извлечь из нее, если не для языческого синкретизма, то по крайней мере для борьбы с христианской пропагандой. Легенда об Аполлонии, принятая за чистую монету, позволяла противопоставить Евангелию образец прекрасной жизни, чистой, набожной, самоотверженной, полной чудес и благодеяний. Этим не преминули воспользоваться Порфирий, Иерокл, Юлиан.

Влияние Юлии Домны держалось и после смерти Севера (211 г.) во все время царствования Каракаллы. Когда ее сын был убит (в 217 г.), императрица предпочла умереть, чем преклониться пред его убийцами. Ее сестра, Юлия Мэза, столь же честолюбивая, как и она, выступила тогда на сцену и неожиданно продлила существование северовской династии, удержав власть в фамилии емецких первосвященников. У нее были две дочери, Созмиада и Маммея, каждая – с малолетним

сыном. Солдат восточной армии, очень преданных Каракалле, уверили, что сын Созмиады родился от ее незаконной связи с их любимым императором. Мальчик – ему было всего 13 лет – был уже обладателем прав сemezского первосвященства. Император Макрин, посаженный было на место Каракаллы, был вскоре устранен, и юный жрец стал римским императором. Мы знаем его под именем его бога Гелиогабала, которого он перенес в Рим и фанатичным служителем которого он оставался всю жизнь. Как и его бабка Домна, новый император был синкретист, но на свой образец. Его бог должен был стать центром Олимпа. Он начал с того, что женил его на карфагенской Юноне Небесной. Перенесенный на Запад Ваал таким образом вновь обрел свою Астарту. Он восстановил также его сирийский культ, с его непристойными обрядами и священным исступлением. Император лично руководил этой религиозной оргией и с наслаждением позорил в ней то, что еще уцелело от древнего римского величия. Наконец, преторианцам надоел этот великий жрец с его сладострастными процессиями: его бросили в Тибр, и на его место посадили сына Маммеи, кроткого и добродетельного Александра. Емезского бога, карфагенскую богиню и много других богов, привезенных издалека на эту небесную свадьбу, разослали обратно по прежним храмам. Александр с своей стороны был также склонен к религиозному синкретизму. Одушевленный гораздо более широкий благочестием, чем Юлия Домна, он поклонялся в своей домовый часовне одновременно Аврааму и Орфею, Иисусу Христу и Аполлонию Тианскому. Его мать Маммея была в переписке с Оригеном и Ипполитом⁴⁵⁶. Возможно, что и Александр был знаком с этими учителями. Он готов был воздвигнуть храм Иисусу Христу и официально причислить его к сонму богов, но его советники отговорили его от этого. Однако они не удержали его от явного допущения христианских общин, от похвал их нравственности и Р организации и, наконец, от защиты их при случае против несправедливых исков⁴⁵⁷.

Это спокойное царствование длилось 13 лет. 19 марта 235 года Александр был убит возмущившимися солдатами, которые возложили императорскую мантию на плечи Максимиана, грубого

и фанатичного солдата. Немедленно произошел резкий поворот. Против христиан, пользовавшихся благосклонностью покойного императора, был издан особый указ, который, по словам Евсевия, касался только пастырей церковных; Ориген свидетельствует о сожжении церковных зданий⁴⁵⁸. В это самое время были арестованы его друзья Амвросий, имевший сан диакона⁴⁵⁹, и Протоктет, пресвитер в Кесарии Палестинской, и он написал им свое Увещание к мученичеству. Сам он был вынужден скрываться. Однако, они все трое пережили гонение. Оно отличалось особенной суровостью в Каппадокии, где легат не ограничился преследованием духовенства и гнал без различия всех верных⁴⁶⁰. В Риме еп. Понтий и Ипполит, стоявший во главе схизматической общины, были арестованы и сосланы в Сардинию, где оба вскоре и умерли⁴⁶¹. В Антиохии, Александрии, Иерусалиме, Кесарии Каппадокийской епископы спаслись от преследований, ибо незаметно, чтобы их кафедры оставались вакантными во времена Максимиана. То же можно сказать о епископе карфагенском: ни один из предшественников еп. Киприана не претерпел мученичества. В общем указы Максимиана, кажется, мало исполнялись при его жизни и вовсе перестали применяться после его смерти. Гордиан III (288–243) и Филипп (248–249) оставили христиан в покое. Филипп, по крайней мере по слухам⁴⁶², сам был христианином, но только в частной жизни, ибо его монеты и все, что дошло до нас об его деятельности, не обнаруживают никакой видимой разницы с религиозной точки зрения между ним и прочими императорами.

2. Гонения Деция (250–251)

Провозглашенный императором в сентябре 249 г., Деций почти тотчас увидел, что перед ним стоит двойная задача: отразить нашествие готов и реформировать нравы. Первая была поставлена ходом событий; хотя он и не достиг в ней успеха, но все же в своей попытке борьбы нашел себе почетную смерть. Что же касается до второй задачи, то он сам поставил ее себе, не оценив ни своих сил, ни стоящих на этом пути препятствий. Он восстановил должность цензора, назначил на нее сенатора Валериана и дал ему поручение искоренить все злоупотребления во дворце, в сенате, в администрации, – словом, везде. Его намерение истребить в корне христианскую веру связано с этими планами всеобщего преобразования. Деций почитал христианство самым сильным разрушителем римских нравов; он вообразил себе, что с ним можно справиться мерами строгости, если их применять серьезно. Но давно уже прошло время, когда подобное предприятие могло увенчаться успехом⁴⁶³.

Указ о гонении, насколько можно судить по случаям его применения, ибо текст его не дошел до нас, требовал от всех христиан и всех, заподозренных в христианстве, засвидетельствовать свою принадлежность к языческому культу каким-нибудь действием, – жертвоприношением, возлиянием, участием в священной трапезе. В каждом городе и даже местечке были учреждены комиссии, чтобы следить за выполнением этой формальности: они выдавали тем, кто соглашался выполнить ее, удостоверения в совершении обряда⁴⁶⁴. Тех, кто от нее отказывался, должны были принудить к ней правительственные чиновники или городские власти. Естественно, что прежде всего взялись за епископов и членов клира и других почетных лиц церкви. Исповедников заключали в тюрьмы и томили голодом, жаждой и иными медленными пытками, пока они не решались на отречение. От времени до времени произносились смертные приговоры, совершались казни, показывавшие, до каких пределов решилось идти

правительство. Довольно часто прибегали к сожжению на костре, так как этот род казни, уничтожавший тело, отнимал, как думали палачи, надежду на воскресение из мертвых. У тех, кто спасался бегством, отбирали имение.

Эти меры, строго проводимые, сперва как будто увенчались полным успехом. Масса христиан держала себя жалким образом пред лицом гонителей. „Упадок духа был всеобщим, – говорит Дионисий Александрийский, – большое число лиц, занимавших видное положение, явились сами; лица, состоявшие на службе, шли под давлением своих подчиненных или сотоварищей. Когда их вызывали по имени и предлагали совершить жертвоприношение, они выступали бледные и дрожащие, как будто они пришли не для того, чтобы принести жертву, а чтобы быть закланьными самим. Собиравшаяся на это зрелище толпа насмехалась над ними; всем было ясно, что это были трусы, столь же боявшиеся жертвоприношения, как и смерти. Были и такие, которые действовали увереннее, бросались к алтарям, заверяя, что они никогда и не были христианами. О них-то сказал Господь, что трудно им будет спастись. Что касается до людей незначительных, то они последовали примеру остальных или обратились в бегство. Часть их была задержана. Среди них нашлись люди, достаточно твердые в своих убеждениях, чтобы дать себя заковать и бросить в тюрьму; иные выдерживали характер даже довольно долго, но перед тем, как предстать пред судом, они отрекались. Иных сломила только пытка“.

В Карфагене и в Риме происходило то же, что в Александрии. В Смирне еп. Евдемон отрекся вместе со многими христианами. Но за то находились и мученики, в особенности исповедники. В Риме папа Фабиан, арестованный с первых же дней гонения, был замучен 20 января 250 г. Пресвитеры Моисей и Максим, диаконы Руфин и Никострат были брошены в тюрьму, где пробыли больше года, а Моисей там же и умер к концу года. В Тулузе еп. Сатурнин был казнен; в Смирне пресвитер Пионий, захваченный вместе с несколькими верными во время празднования памяти св. Поликарпа, был сожжен. Одновременно с ним был сожжен пресвитер-маркионит, по

имени Митродор. Пионий, сошедшийся на одном костре с маркионитом, в тюрьме встретился с монтанистом Евтихианом. Императорский указ не делал различия между великой церковью и отколовшимися от нее членами. В Антиохии и Иерусалиме епископы Вавила и Александр были также подвергнуты заключению и умерли в тюрьме. Ориген, тоже посаженный в темницу и едва не четвертованный, избежал смерти, но недолго прожил, очевидно обессиленный перенесенными страданиями.

Во многих местах епископам удалось бежать, как напр., св. Киприану в Карфагене и св. Григорию в Неокесарии. Несомненно то же было в Кесарии Каппадокийской и во многих других местах, о которых мы не имеем сведений. Дионисий Александрийский был арестован в ту минуту, как покидал город, но был отбит у сопровождавшей его стражи преданными ему поселянами, которые увели его в безопасное место.

Скрывшиеся епископы продолжали руководить своими церквами из глубины своих убежищ; они поддерживали сношения о теми членами клира, которые продолжали свою службу под самой грозой гонения, и с мужественными мирянами, которые не оставляли дел христианского милосердия. С этой точки зрения чрезвычайно интересна переписка св. Киприана. Из нее видно, как христианской общине в Риме и в Карфагене приходилось жить среди ужасов гонения.

В Риме положение было настолько трудно, что не было возможности поставить преемника Фабиану; епископская кафедра оставалась не замещенною 15 месяцев.

Целый год прошел в этих тревогах. Исповедники, переполнявшие тюрьмы, умирали медленной смертью. По временам некоторых из них сжигали на кострах, бросали на съедение зверям или отрубали им головы. Церковь радостно отмечала эти примеры доблести. Христиане погребали своих мучеников, посещали заключенных, помогали беглецам, поддерживали мужество в людях, подвергавшихся опасностям, и уже старались утешить и примирить с церковью раскаявшихся вероотступников.

К концу 250 г. гонение стихло. Следующей весной вернулось спокойствие. Вновь появились епископы, возобновились собрания. В ноябре 251 г. Деций погиб во время борьбы с неприятелем на берегах Дуная. Казалось, опасность миновала; св. Киприан мог собрать собор в Карфагене, а римская церковь избрала себе нового епископа.

Однако спокойствие продолжалось недолго. Преемник Деция, Требониан Галл, издал новый указ, по которому от христиан требовалось еще раз совершить жертвоприношение. Страшная чума опустошала в это время империю. Повидимому, она и была причиной этого второго гонения, относительно которого до нас дошло лишь несколько намеков в посланиях св. Киприана и св. Дионисия Александрийского⁴⁶⁵. Новый папа Корнилий был арестован, но верующие толпой явились в суд, исповедуя свою веру и объявляя, что они готовы умереть за нее⁴⁶⁶. Корнилий был только заключен в Centumcellae (ныне Чивиттавекие), где и умер несколько месяцев спустя (в июне 253). Луций, избранный на его место, был сослан в свою очередь немедленно после своего посвящения; но его ссылка длилась недолго. Возвращенный либо самим Галлом, либо Емилианом, его недолговечным преемником, он вновь встал во главе церкви в начале 254 г., но всего лишь на несколько недель, ибо он скончался 4 марта. К этому времени Емилиан был уже свергнут Валерианом, который возвратил церкви мир и сперва оказывал большое благоволение к христианам.

Теперь можно было сделать оценку результатов гонения. Галл возобновил его, чтобы угодить народным страстям, возбужденным бедствиями всякого рода, – чумой, голодом, нашествием варваров. Первоначально же Деций издал свои кровавые указы из соображений государственной необходимости. Деций с его государственным интересом был побежден. Конечно, жизнь христианской церкви некоторое время казалась остановившеюся; оптимистически настроенные чиновники, вероятно, в своих донесениях торжествовали победу: они добились и занесли в протоколы огромное количество отречений; большинство лиц, которых знали за

христиан, были снабжены удостоверением в совершении жертвоприношения; несколько упрямцев, посаженных в тюрьмы, кончат тем, что подчинятся предписаниям закона. Однако при этом забывали массу людей, сумевших скрыть свою принадлежность к христианству или укрыться от розысков полиции. Если столько епископов, пресвитеров и диаконов могли скрыться и даже продолжать свое служение в самые критические минуты, то значит полиция или не могла, или не желала всего знать. После того, как миновало гонение, оставалось еще очень большое число верующих, которые не стали ни вероотступниками, ни исповедниками, так как к ним не было предъявлено требования об исполнении языческих обрядов. Кажущийся полный успех указа в действительности был очень ограниченным.

Более того: те самые вероотступники, которые принесли жертвы языческим богам или получили в том удостоверения, вовсе не присоединялись из-за этого к господствующей в империи вере, не были окончательно оторваны от христианской церкви. Их привели к покорности перед властью, но не изменили их убеждений. Еще гораздо раньше, чем восстановилось спокойствие, они уже стали прибегать к пресвитерам и епископам в слезах и раскаянии, прося прощения и умоляя принять их вновь в общество верующих. Императору удалось вызвать много малодушных поступков, но не уменьшить числа христиан. Это испытание даже укрепило мужество многих. Римские христиане в царствование Галла присоединились толпой к исповеданию своего епископа: они не решились на это с Фабианом, в начале гонения. Само общественное мнение, голос языческой толпы если иногда и требовал преследования христиан, все же стал смягчаться; старые клеветнические рассказы с каждым днем теряли влияние по мере того, как увеличение числа верующих сближало, сплетало все теснее оба общества и знакомило их ближе друг с другом. Только в минуты общественных бедствий вновь раздавался крик: „христиан — львам!“ Сцены мученичества, вдохновлявшие верующих восторгом и смущавшие совесть отступников, вызывали иногда протест со

стороны самих язычников⁴⁶⁷. В общем с III века императоры, оставлявшие христиан в покое, по-видимому, гораздо более действовали в согласии с общественным настроением, чем императоры-гонители.

3. Гонение Валериана

Св. Дионисий Александрийский оставил нам картину мира, которым наслаждалась церковь в первые годы (254–257) царствования Валериана. Никогда еще покой не был так безмятежен, а христиане никогда не видали лучшего отношения, даже в царствование их единоверца Филиппа. Их было такое множество в непосредственно окружавшей императора свите, что дворец его представлял собою как бы „церковь Божию“. Дионисий приписывает перемену, происшедшую в отношении Валериана к церкви, влиянию одного из его министров. Макриана, которого он образно называет главой египетских волхвов и который, по-видимому, действительно был фанатиком язычества, преданным магии, в силу этого заклятым врагом христиан.

Империя не успевала оправиться от бедствий. Все ее границы подверглись нападениям; через Рейн и Дунай проникали в пределы империи франки, аллеманы и другие хищнические германские племена. Жившие по соседству с Черным морем готы становились морскими разбойниками, делали набеги на все побережье, опустошали Малую Азию и показывались даже в Эгейском море. На восточной границе персы овладели Арменией и Месопотамией; даже мелкие племена в Сахаре двинулись против римских сторожевых отрядов в Нумидии. Честный, но слабый Валериан до того растерялся, что стал поддаваться внушениям фанатизма и возобновил против христиан поход, столь плохо удавшийся Децию.

Еще раз началась беспощадная борьба⁴⁶⁸. Дело шло не только о том, чтобы положить предел распространению церкви, но о том, чтобы ее уничтожить. Сперва надеялись добиться этого сравнительно умеренным образом действий, без кровопролития. Затем, когда первоначальные мероприятия были признаны не достигшими результата, прибегли к казням. Отсюда появление двух указов, подробности которых довольно хорошо сохранились. Первый был издан в августе 257 г., второй

годом позже. Первый касался прямо лишь духовенства – епископов⁴⁶⁹, пресвитеров, диаконов. Им было предписано принести жертву имперским богам, но не запрещалось поклоняться и своему Богу, лишь бы они совершали это поклонение частным образом, без всяких религиозных соборщ. Это значило распространить религиозный синкретизм и на христианского Бога и утвердить этот синкретизм официальной властью. Отказ подчиниться влек за собой приговор к ссылке.

Мы из достоверных источников знаем, как дело происходило в Александрии и в Карфагене. Оба епископа, вызванные каждый к правителю своей провинции, подверглись одинаковому допросу, а за свой отказ признать римскую религию – заточению в определенных местностях. Киприан явился один, Дионисий – в сопровождении пресвитера, трех диаконов и некоего Маркелла, прибывшего из Рима, несомненно римского пресвитера или диакона. В Нумидии императорский легат вынес более суровый приговор и сослал на каторгу в рудники нескольких епископов, пресвитеров и диаконов; вместе с ними пострадали и простые верующие⁴⁷⁰. Быть может, они нарушили запрещение устраивать собрания.

Второй указ, изданный год спустя на Востоке, куда император был вызван войной с персами, был отправлен им в сенат с инструкцией для правителей провинций. Он разобран в предпоследнем послании св. Киприана⁴⁷¹. Кроме членов клира, он направлен также против некоторых разрядов мирян. Епископов, пресвитеров и диаконов он предписывал казнить немедленно, сенаторов и всадников лишать звания и отбирать у них имение, а затем, если будут упорствовать, обезглавливать. Знатные женщины подлежали конфискации имущества и ссылке. Цезарианцы, т. е. служащие в императорских поместьях, составлявшие огромный штат, разбросанный по всей империи, лишались имущества, заковывались в кандалы и зачислялись в состав рабов (по рудникам, сельскохозяйственным экономиям и пр.)

Весть об этом указе была из Рима принесена св. Киприану. В то время, когда лица, известившие его, покинули столицу, папа Сикст II и четверо его диаконов были уже казнены на

кладбище (6 августа). Двое других, Фелидиссим и Агапит, вскоре последовали за ним; наконец, последний оставшийся в живых из его диаконов, св. Лаврентий был сожжен 10 августа. В Карфагене Киприан вторично предстал пред проконсулом, который, встретив с его стороны отказ совершить жертвоприношение, велел отрубить ему голову. В Испании таррогонский епископ Фруктуоз был сожжен живым на следующий год со своими двумя диаконами Евлогием и Авгурием. Мученичества свв. Иакова и Мариана в Нумидии, Монтана, Луция и других в проконсульской Африке показывают нам, что в африканских областях гонение свирепствовало еще в 259 году. Наряду с членами клира здесь встречаются мученики из рядовых христиан и людей простого звания. Очевидно эти последние пали жертвой закона, воспрещавшего собрания; нарушителям его он угрожал смертью⁴⁷².

У нас нет материалов, касающихся положения вещей в восточных провинциях. Дионисий был возвращен из своей ссылки и водворен ближе к Александрии; однако, хотя ему пришлось много претерпеть, он не был казнен. В Кесарии Палестинской духовенству тоже удалось избежать смерти. Евсевий⁴⁷³ в состоянии назвать только трех поселян – Приска, Малха и Александра, – брошенных на съедение зверям одновременно с женщиной из секты маркионитов. Но эти мученики сами отдались в руки властей.

В Сирии и Малой Азии вторжение персов, может быть, приостановило гонение; однако отсутствие прямых документальных указаний на это не дает еще права на такое утверждение. После смерти Валериана Макрин, вероятно, продолжал то преследование, которого он же был вдохновителем. Что же касается Галлиена, то его имя, правда, стояло, рядом с отцовским на указах против христиан, но он вскоре обнаружил свое расположение к последним. Преследования прекратились; епископы, возвращенные на свои кафедры, набрались смелости до такой степени, что обратились к императору с ходатайством о возврате церквей и усыпальниц, отобранных во время гонения. Галлиен велел возвратить их. Евсевий видел два императорских рескрипта, относящихся к

этому возврату; перевод одного из них, обращенного к Дионисию Александрийскому, Пинне, Димитрию и другим епископам, он поместил в своей Церковной Истории⁴⁷⁴.

С царствования Галлиена начинается долгий промежуток религиозного мира. Прямое и действительное гонение возобновилось лишь в последние годы Диоклетиана, с 30В г. Правда, Аврелиану в конце его царствования пришла мысль возобновить неприязненные действия, он даже сделал соответствующие распоряжения, но новые указы не успели еще дойти до отдаленных провинций из его главной квартиры⁴⁷⁵ при армии, как смерть этого государя (275) остановила приведение их в исполнение.

4. Общинная собственность христианских церквей

С той поры, как римские власти стали официально проводить различие между евреями и христианами, последние вынуждены были скрывать не только свои личные верования, но и свою общинную организацию. Так как христианские общины не были признаны государством, то они подпадали под действие чрезвычайно суровых законов, запрещающих все официально непризнанные сообщества. Влиний, спрашивавший у Траяна указаний, как поступать с людьми, уличенными в христианстве, не нуждался ни в каких инструкциях, чтобы запрещать их сходы⁴⁷⁶. Траян предпочитал даже оставлять города в жертву пожарам, чем допустить организацию пожарных дружин, руководствуясь соображением, что ассоциации всегда представляют опасность. При таком порядке вещей церквам приходилось прибегать к многим уловкам, чтобы скрыть от глаз полиции жизнь своих общин. Однако с первых же времен они имели уже денежные средства, общественную казну. Через сто лет после Траяна речь идет уже о недвижимой собственности, – о церквах, усыпальницах. Это имение должно было числиться за каким-нибудь частным владельцем, но такое положение было очень необеспеченно. Стоило этому владельцу или его наследникам изменить свою волю, отпасть от христианства или перейти в еретическую секту, и церковь рисковала лишиться своих владений. Если дело шло о месте погребения, то хотя назначение его не могло быть изменено, но дурно настроенный наследник мог, например, положить в христианскую усыпальницу покойников-еретиков или язычников из собственной семьи⁴⁷⁷. Поэтому было желательно найти иной способ владения.

И такой способ нашли. В начале IV века церкви уже владели не только местами для отправления богослужения и для погребения умерших, составлявшими общинную собственность, но и другими недвижимостями, которые принадлежали всей общине, а не отдельным ее членам. Миланский эдикт⁴⁷⁸ определенно указывает на них. Мы сейчас

расскажем, как в 272 г. император Аврелиан вмешался в спор, возникший в Антиохии между кафолической общиной и отколовшейся партией из-за владения епископским домом⁴⁷⁹. После гонения Балериана, Дионисий Александрийский и другие епископы были вызваны к фискальным чиновникам для совершения обратной передачи мест, служивших религиозным целям и находившихся под секвестром. Таким образом, когда в 257 г. конфисковали церкви и усыпальницы, то именно, – как церковное имущество, а не только как имущество, посвященное церковному употреблению. Такой порядок вещей можно проследить и ранее. Когда при Александре Севере возник спор между трактирщиками и христианской общиной в Риме из-за обладания недвижимостью, принадлежавшей раньше казне, тяжба восходила на рассмотрение императора, который решил ее в пользу христиан⁴⁸⁰. Может быть, именно он признал за ними право владеть собственностью. Выражение Ламприда (гл. 22): *Christianos esse passus est* (дозволил быть христианам), по-видимому, относится как раз к положению христиан, как общины, ибо их личной безопасности ничто не угрожало и в царствование непосредственных предшественников Александра.

Церкви, которые, по словам Оригена, были разрушены по приказу Максимиана (235 г.), принадлежали по всей вероятности христианским общинам. Нет никакого сомнения, что таково было юридическое положение той усыпальницы, управление которой было поручено папою Зефирином Каллисту (198 г.), и тех *areae se-pulturarum* (кладбищ) в Карфагене, которые еще во времена Тертуллиана были известны, как собственность христиан⁴⁸¹.

Таким образом церковная собственность существовала в III в. и вероятно еще с начала этого столетия. Под защиту какого закона или юридической фикции удалось ей прибегнуть? Эту роль приписывали⁴⁸² закону о похоронных товариществах, закону достаточно широкому, применение которого на практике было облегчено императором Септимием Севером. Бедным людям было разрешено объединяться в целях обеспечения себе приличного погребения; эти товарищества могли облагать себя ежемесячными сборами, владеть собственностью,

собираться для религиозных целей; представителем их бывал атор, т. е. староста, уполномоченный действовать от их имени. Надписи доказывают, что вся империя кишела такими товариществами (коллегиями). Почему бы нельзя было группам христиан воспользоваться теми же удобствами? Почему бы им, столь заботившимся о своем погребении, не представить свои общины, как похоронные братства, ставя их таким путем под охрану закона?

Почему? По многим причинам. Во-первых, эти товарищества внушали им глубокое отвращение. Тертуллиан, проведший знаменитое сравнение⁴⁸³ между языческими товариществами и христианскими общинами, подчеркивает со свойственной ему силой различие между ними. Один испанский епископ, позволивший себе вступить в такое товарищество и поручить ему погребение своих детей, был за это осужден церковью. Кроме того, закон о похоронных товариществах ставил существенным условием, чтобы товарищество не нарушало сенатского постановления, запрещающего недозволенные ассоциации.

Какая же ассоциация была более недозволительна, чем христианская? Нужно было бы ведь, чтобы полиция не подозревала, что дело здесь идет о христианской церкви. Это было очень трудно. Похоронные товарищества были немногочисленны, состояли из нескольких дюжин членов. Между тем церковь крупного города, как Рим, Карфаген или Александрия, могла насчитывать в половине III века, быть может, 30–40 тыс. верующих. Трудно было бы придать облик похоронного товарищества такому множеству⁴⁸⁴.

Мне представляется более естественным предположение, что если христианские общины со времени смерти Марка Аврелия пользовались долгими промежутками мира и спокойствия, если им удалось сделаться обладательницами крупных и бросавшихся всем в глаза недвижимостей, то это потому, что они были терпимы или даже признаны без всякой юридической фикции церквами, религиозными сообществами. Тертуллиан провозглашает во всеуслышание, что христианская община – религиозное сообщество: *Corpus sumus de conscientia*

religionis и т. д. Да ему и не зачем было это говорить: все это знали. Для современных ему язычников понятие христианин было неразрывно связано с представлением о члене религиозного общества. Религиозные собрания, вероисповедная связь, соединявшая всех верующих, были первыми явлениями, которые были замечены и подали повод к клевете. Вследствие этого терпеть христиан значило терпеть их, как корпорацию; преследовать христиан значило преследовать то единое общее тело, которое они неизбежно составляли. Это коллективное тело, непрерывно возраставшее и укреплявшееся, могло иногда казаться угрожающим безопасности империи; тогда делались попытки истребить его. Но оно же могло показаться и безвредным. Коммод, императоры сирийской династии, Галлиен, даже Валериан, Аврелиан и Диоклетиан в начале своих царствований не видели от него опасности. Наконец, правительство способно было и отступить перед истреблением такого количества людей и перед упразднением такого сообщества, которого не могли поколебать удары уже стольких гонений. Некоторые императоры пошли дальше. Когда Галлиен вызывал епископов для акта обратной передачи им церкви, когда Аврелиан дал приказ выселить Павла Самосатского из антиохийской церкви, христиане несомненно имели убедительный повод считать себя признанными и лично, и как корпорация.

В общем императоры III века все занимали по отношению к церкви чрезвычайно определенное положение; они или открыто ее гнали, или терпели. Ни один из них не оставил ее без внимания. Места христианских собраний, их усыпальницы, имена и местожительство пастырей были известны городским властям и администрации. Когда приходил указ о гонении, они знали, где найти епископа, брали его под стражу, запечатывали помещения собраний и церковное имущество. Когда указ отменялся, вновь обращались к тому же епископу, чтобы вернуть конфискованное владение. В памятниках того времени не заключается ни малейшего свидетельства, ни намек на юридические фикции, на похоронные товарищества, на условные наименования. Сношения происходят между

правительством и корпорацией христиан. Христианство продолжало быть запрещенным в принципе: ни один императорский указ не признал за ним права *religionis licitae* (дозволенного вероисповедания) и не объявил христианских общин законными сообществами. Законодательные преграды продолжали стоять на его пути, но с каждым днем становилось все менее возможным серьезно считаться с ними: лоза Господня пробивалась чрез них со всех сторон своей поразительной растительной силой.

XX. Христианская Африка и римская церковь в половине III века. – Киприан

Туземное население северной Африки. – Финикийская колонизация. – Карфаген. – Римская колонизация и управление. – Появление христианства. – Тертуллиан. – Киприан, еп. карфагенский. – Его бегство во время гонения Деция. – Обостренные отношения между исповедниками и вероотступниками. – Сношения с Римом. – Новацианский раскол. – Папа Корнилий. – Раскол Фелициссима в Карфагене. – Папа Стефан. – Его столкновение с африканской церковью по поводу крещения еретиков. – Мученическая кончина Киприана.

1. Африканские области

То, что называлось у древних Африкой, простирается, как обширный остров, между морем и пустыней от заливов Сырта до океана. Первые известные нам обитатели ее принадлежали к расе, довольно сходной с европейскими. В древности отдельные группы племен их обозначались разными именами: мазики, мавры, нумидийцы, гетулы; мы прилагаем теперь ко всей совокупности их название берберов или кабиллов. Они никогда не были собраны под властью одного государства; редко даже случалось им долго оставаться объединенными в сколько-нибудь значительные группы. Племенной быт, еще существующий и поныне во всей этой области, особенно в ее западной части, подходит им больше, чем какой-либо другой. Но он плохо защищает их от завоевателей; поэтому они обречены на то, чтобы подпадать под власть пришельцев.

Первыми колонизаторами в этой области были финикияне. Предназначенный судьбою быть владыкой западных морей, Карфаген в то же время сделался столицей африканского материка. Его торговые конторы рассыпаны были по всему побережью; он выделил от себя поселения и внутрь страны, в богатую долину Баграда, и даже далее в плодородные области, позднее носившие имена Бизацены и Нумидии. Вся эта страна была покрыта городами и селениями, где царили ханаанские нравы, язык и учреждения. Позади этой колонизованной и обратившейся в финикийскую полосы простиралась страна берберов, открытая политическому влиянию и в особенности торговле карфагенян.

Столкновение с Римом положило конец этому расширению. После второй пунической войны, лишившись морского могущества, Карфаген сохранил на африканском берегу лишь очень ограниченные владения, приблизительно совпадавшие с той областью страны, где господствовал финикийский язык. За ее пределами простирались царства Нумидийское и Мавританское. Эти последние пережили его конечную гибель (146 г. до Р. Х.): Массинисса даже оказал услуги победителям.

Римляне разрушили Карфаген и присоединили его область, но сначала ничуть не пользовались ею. Латинская колонизация началась лишь столетие спустя, когда Цезарь (44 г. до Р. Х.) воскресил бывшего соперника Рима, присоединил Нумидийское царство и образовал из этой новой Африки (*nova Africa*) и уже существовавшей провинции (*Africa vetus*) одну провинцию. Колонии латинских переселенцев осели как на месте Карфагена, так и в некоторых городах побережья и даже внутри страны. Финикийское городское управление было преобразовано по образцу римского: дуумвиры были поставлены на место суффетов, римские боги – на место прежних халдейских богов, латинский язык – на место пунического. Впоследствии, расширяясь дальше пределов колонизованной карфагенянами страны, переселенцы стали захватывать область берберов, где понемногу выросли многочисленные латинские города. До полной ассимиляции ее, однако, было далеко. Финикийский язык удержался еще надолго в деревнях, как кельтский в Галлии и коптский в Египте. Он был в конце концов вытеснен, но очень долгое время спустя, вероятно не раньше арабского завоевания, которое уничтожило его одновременно с самим латинским языком. Берберский язык напротив того отстоял свое существование и сохранился даже, несмотря на все перевероты, до наших дней. Это был язык туземных государств Нумидии и Мавритании, которые продержались дольше пунического; это был – язык гетулов и других независимых племен, пограничных с римской областью; это был, наконец, язык, который вместе со всеми берберскими учреждениями удержался во множестве автономных клочков страны, разбросанных по римским провинциям и управлявшихся или племенными вождями, или римскими чиновниками.

Для того, чтобы внушать страх племенам, столь чуждым римской цивилизации, необходима была армия. В виде исключения проконсул Африки, хотя и зависевший от сената⁴⁸⁵, имел в своем распоряжении легион. Отсюда возникали пререкания. Чтобы покончить с ними, в 87 г. было решено, что проконсульская провинция должна быть отделена от Нумидии, а

последняя поставлена под управление легата, командующего легионом. Первая тянулась от Иппона (Бона) на восток до Триполи; вторая прилегала к морю между Амигсой (Уэд-эл-Кэбир) и областью Иппона, а к югу простиралась веером, выдвигая многочисленные форпосты навстречу племенам пустыни. Главная квартира армии была водворена у подошвы Авреса, сперва в Тевесте, потом в Ламбезе.

На запад от Ампсаги начиналось мавританское царство, просуществовавшее до 40 г. Оно было затем присоединено и разделено на две провинции: Мавританию Кесарийскую и Мавританию Тингитанскую, которые заимствовали имена от своих главных городов: Кесарии (Шершель) и Тинги (Танжер). В этих странах слишком поздно начавшаяся колонизация далеко не в такой степени удалась, как в лежавших к востоку провинциях: римские военные посты не были продвинуты так далеко к югу; прибрежные горы остались во власти независимых племен. В Тингитане в особенности насчитывалось лишь очень немного городов, и почти все они были расположены на берегу Атлантического океана. Внутренняя часть страны так же мало поддалась латинскому, как раньше финикийскому влиянию. Провинция Бетика в Испании находилась постоянно под страхом нападения пиратов из Рифа, на которых римские власти могли так же мало воздействовать, как теперь мароккские.

Римляне проводили большое различие между страной мавританской и восточными провинциями; их разделяла таможенная стена; счет годам велся в Мавритании не по римским консулам, а по особому местному летосчислению. Правителями были здесь простые прокураторы, как в диких частях страны Альп.

2. Появление христианства. – Тертуллиан

До нас не дошло никаких преданий, хотя бы легендарных, об основании карфагенской и других африканских церквей⁴⁸⁶. Из какой бы страны ни получил Карфаген своих первых апостолов, его христианская жизнь очень скоро стала следовать по стопам римской: сношения с Римом были самыми оживленными. В Карфагене интересовались всем, что происходило в Риме: никакое умственное движение, никакая новость в области церковной дисциплины, обрядов, литературы, появившаяся в Риме, не миновала Карфагена. Сочинения Тертуллиана, равно как и св. Киприана, дают много доказательств этому, как и вообще все памятники африканской церкви за все время ее исторического существования.

Из Карфагена, бывшего здесь центром распространения всего иноземного, христианство довольно быстро распространилось по колонизированной стране. Возможно, что оно кое-где даже перешло за ее пределы⁴⁸⁷. Вообще же христианская проповедь почти не выходила из пределов латинизированной области; хотя бы Евангелие было проповедано на пунийском или берберском языке, христианство продолжало оставаться для этих стран религией латинской. Библия не была переведена на местные наречия, как в других местах на – сирийское, коптское, армянское, готское. Да кто, впрочем, и писал по-берберски или по-пунийски? Литература языческая и христианская вся целиком была латинская. Ни откуда нет известий, чтобы литургия когда-либо служилась здесь на ином языке, как на латинском⁴⁸⁸; если и делались исключения, то разве для греческого языка, а не для туземных.

В этом была своя слабая сторона, что ярко обнаружилось в трудную годину арабских завоеваний: христианству, слишком тесно связанному с латинскими учреждениями, не удалось их пережить.

Самое старое предание об африканском христианстве относится не к Карфагену, а к Сцилли, городку, расположенному в проконсульской Нумидии⁴⁸⁹; именно здесь были арестованы

мученики, которых проконсул Вигеллий Сатурнин судил в Карфагене в 180 г. Этот проконсул – первое должностное лицо, которое вело процесс против христиан в Африке⁴⁹⁰. У него были продолжатели. Царствование Севера, африканца родом, не было временем мира для христиан его родины. Тертуллиан брался несколько раз за перо, чтобы их защищать. 7 марта 203 г. Карфаген был свидетелем мученичества двух молодых женщин из Малого Тубурба, Перпетуи и Фелицитаты, которые лишились жизни одновременно с группой земляков, все новообращенных или оглашенных. Рассказ об их заключении в тюрьме и мученичестве, почти целиком написанный самою Перпетуей, – один из перлов древнехристианской литературы. Тот, кто нам сохранил его, снабдив своими замечаниями, по-видимому, держался одинакового с Тертуллианом взгляда на видения и пророчества; может быть, это был он сам.

Во времена С. Севера и Каракаллы Тертуллиан был самым выдающимся лицом карфагенской церкви. Сын центуриона из проконсульской когорты, он сперва был язычником, занимался литературой и правом⁴⁹¹, прожил некоторое время в Риме. После своего обращения он поселился в Карфагене, где его не замедлили выбрать в пресвитеры. С 197 г. мы застаем его с пером в руке, со словом ободрения мученикам, на страже своей религии против общественного мнения и против преследований проконсула. В первых же его сочинениях обнаружилась эта пламенная риторика, это неисчерпаемое остроумие, это глубокое понимание своего времени, близкое знакомство с историей и с ее источниками, этот насмешливый и задорный тон, которые характеризуют все, что им написано. Двадцать лет не оставлял он пера в борьбе с язычниками, властями, евреями, еретиками, особенно Маркионом, вмешиваясь во все догматические распри, обсуждая все моральные вопросы и всегда разрешая их в одном и том же непримиримом духе. Всегда пылкий и воинствующий, он под конец жизни уже не довольствовался своими внешними врагами, а принялся за тех, кто в лоне церкви не разделял его суровости и нетерпимости. При таком состоянии духа проповедь монтанистов, естественно, привлекла его. Под покровом Параклета он мог в волю метать

громы против вдовцов, вновь вступающих в брак, против христиан, делающихся солдатами, художниками, чиновниками, против тех, кто позволял своим дочерям ходить без покрывала или кто недостаточно изнурял свою плоть, против епископов, которые хотели воссоединить с церковью раскаявшихся грешников. Правда, за эту свободу слова он заплатил тем, что вынужден был признать фригийские откровения, что было довольно унижительно для такого человека, как он. Но у него нашлось средство поладить с этим откровением. Бурное и образное красноречие Тертуллиана; легко оказывало вдохновляющее действие на иступленных женщин, чрез посредство которых вещал Святой Дух (Параклет): он стал в своей секте вождем; в Африке монтанизм стал называться тертуллианизмом⁴⁹².

Между тем, под раскатами тертуллиановских громовых речей великая карфагенская церковь и ее африканские разветвления продолжали жить обычной христианской жизнью. История ее осталась нам неизвестною: не по-Тертуллиану, разумеется, можно было бы восстановить ее подробности. В своих несомненно подлинных трудах он не называет ни одного епископа. Сказание о мученичестве Перпетуи упоминает об епископе Оптате и некоем Аспазии, ученом пресвитере, которые расходились между собою во мнениях и не могли установить мира в своей пастве» Быть может, этот Оптат был карфагенским епископом⁴⁹³. После него мы имеем сведения об Агриппине, при котором состоялся большой африканский собор, определивший, что крещение, совершенное еретиками, недействительно. Этот собор был нововведением. Во времена Тертуллиана в Африке еще не существовало обычая созывать соборы епископов⁴⁹⁴. Он привился вскоре после него, и как раз в Африке соборная форма управления достигла наиболее прочного положения.

Событием, которое должно было произвести большое впечатление во всей христианской Африке, было осуждение Привата, епископа г. Ламбезы⁴⁹⁵. Этот город, главная квартира легиона и обычная резиденция императорского легата, был после Карфагена самым важным городом в этих странах. Однако, христиан там, кажется, было не очень много. Приват

был осужден за ересь собором 90 епископов. Эта цифра любопытна: она показывает, как сильно уже распространилось христианство в африканских провинциях. Донат, еп. карфагенский, и папа Фабиан, писали против Привата очень суровые послания. Если бы они дошли до нас, мы знали бы, в какую именно ересь впал епископ Ламбезы. Участие Фабиана и Доната в этом деле заставляет отнести это событие ко времени между 236 и 248 г.г.

В 249 г. Донат был заменен св. Киприаном, произведения которого бросают очень яркий свет на целое десятилетие в истории африканской церкви и на ее отношения к Риму.

3. Св. Киприан и гонения Деция

Цецилий Киприан⁴⁹⁶ до своего обращения принадлежал к африканскому высшему обществу. Богатый, или по крайней мере очень зажиточный, тщательно воспитанный, опытный ритор и учитель красноречия, популярный адвокат, он имел много друзей среди аристократии. Ничто не заставляло предполагать, что он когда-нибудь присоединится к церкви и станет одним из ее руководителей. Однако, в важные минуты жизни душа его раскрывалась для глубоких размышлений. Благодать коснулась ее; почтенный пресвитер Цецилиан поддержал его на первых шагах; он пожелал креститься, был крещен (ок. 246 г.), и сам удивился крупному перевороту, который тотчас же произошел в нем. Выражение его восторгов по обращении мы видим в его книге *К Донату*, самом первоначальном его произведении.

Это было полное обращение. Киприан отказался от света, от богатства, которое он большею частью роздал бедным, и даже от языческой литературы. Как ни проклинали поэтов, ораторов и философов Тертуллиан и бл. Иероним, они продолжали их читать и цитировать. Киприан, сделавшие христианином, не брал более в руки другой книги, кроме св. Писания. Скоро он изучил его в совершенстве. До нас дошли два составленные им сборника библейских текстов, распределенных по содержанию на категории: полемика с евреями, оправдание правил христианского поведения, увещание в необходимости противиться язычеству даже до пролития крови⁴⁹⁷. Эти выдержки, как, впрочем, и все его произведения, свидетельствуют о близком знакомстве его с св. книгами Ветхого и Нового Завета.

Вскоре после своего обращения он был возведен в сан пресвитера; затем, когда освободилась епископская кафедра в Карфагене, он почти единогласно был избран заместителем ее. Однако, несколько пресвитеров восстали против избрания новообращенного, и несмотря на все усилия, которые он потом

делал, чтобы примирить их с собой, они относились к нему всегда довольно враждебно.

Он был епископом всего с год, как над церковью разразилось гонение Деция. Как он сам, так и все окружающие его были убеждены, что при его известности во всем Карфагене его неминуемо арестуют, и что в такое критическое время целостность епископа была для церкви важнее, чем его мученичество. Он покинул город и нашел вне его верное убежище, где мог укрыться от полицейских розысков и в то же время быть в сношениях с верующими, в особенности с теми членами клира, которые имели возможность остаться с паствой.

Положение было очень трудное. В течение долгого мира, предшествовавшего гонению, христиане в Африке поразительно ослабели духом. Уже Тертуллиан громил „психиков“ с высоты своей суровой непримиримости. Киприан, хотя держался не столь крайних воззрений, однако не более, чем он, хвалит своих африканцев. Он рисует нам их привязанность к земным благам, жадность к наживе, жестокость, ненавистничество, непокорность увещаниям своих пастырей, братанье с языческим миром посредством смешанных браков; жены их белятся, пресвитеры почти чужды благочестия, а диаконы — честности; есть епископы, поступающие на службу в податные чиновники и пренебрегающие своим священнослужением ради своей должности; в то время, как бедняки в их пастве умирают с голоду, они заботятся о собственном обогащении, бегают по общественным рынкам, не гнушаются ни обманом, ни ростовщичеством.

От таких христиан, руководимых такими пастырями, нечего было ждать высокого геройства. Их поведение во время гонения оказалось плачевным. Большинство уступили после первых же угроз даже не смертью, а отобранием имущества. В первые дни карфагенские власти и специальные чиновники осаждены были толпой отступников, требовавших себе удостоверений в совершении жертвоприношения (*libelli*). Даже среди духовенства были примеры отречения от веры. Однако значительной части пресвитеров и диаконов удалось ускользнуть от розысков, как и

довольно большому числу верующих; только несколько исповедников были брошены в тюрьму.

Как это легко себе представить, не все одобряли бегство епископа. В особенности сильные нарекания раздались в Риме, где не отдавали себе ясного отчета в положении Киприана в Карфагене и в особых опасностях, которым он мог подвергнуться. Вскоре по смерти Фабиана прибыл из Карфагена в Рим иподиакон Кременций. Римские пресвитеры вручили ему два письма: одно, адресованное к Киприану, извещало его о мученической кончине его собрата; другое, написанное на основании известий, привезенных из Карфагена Кременцием, было без адреса и без подписи, но содержание его указывало, что оно предназначалось для карфагенского духовенства. Оба письма были одновременно переданы Киприану. Второе очень удивило его. Авторы его обращались к карфагенскому духовенству таким тоном, как будто оно не было более под управлением своего епископа: „Мы узнали, – говорилось там, – что святой папа Киприан удалился. Нам говорят, что он хорошо сделал, так как он занимает видное положение (*persona insignis*)“. Это объяснение не удовлетворяло римских пресвитеров, ибо они тут же комментировали притчу, в которой добрый пастырь, полагающий душу свою за овец своих (Фабиан), сравнивается с наемником, (Киприан), который оставляет овец на добычу приблизившемуся волку. Немного далее, говоря о христианах, отрекшихся от Христа в Риме, авторы письма падение некоторых из них приписывали тому обстоятельству, что те занимали видное положение (*quod essent insignes personae*). Эта черта придавала слову *insignis persona* оскорбительный смысл, и общий тон письма отнюдь не ослаблял этого впечатления. Римское духовенство очень выхваляло себя и подчеркивало то усердие, с которым оно выполняло обязанности, обусловленные гонением. Оно ставило себя в пример карфагенскому духовенству и не скупилось на советы, изложенные в форме, которая по меньшей мере должна была показаться довольно-таки жесткою.

Киприан мог оскорбиться и действительно обиделся. Он сейчас же отписал в Рим (посл. 9), уведомляя о получении

послания, в котором ему было сообщено о мученической кончине Фабиана, и приветствуя римскую церковь с подвигом, слава которого озаряла ее. Что же касалось наставлений, данных во втором послании к карфагенскому клиру, то он сделал вид, будто не знает их авторов, или скорее сомневается, чтобы они « были действительно написаны римскими пресвитерами. „Я прочел – говорит он – другое послание без адреса и подписи. Почерк, содержание, даже самая бумага его меня немного удивили. Быть может, в нем что-нибудь сократили или изменили. Я отсылаю его вам таким, как получил, чтобы вы могли судить, то ли это самое послание, которое вы передали иподиакону Кременцию“.

Мы не знаем ответа римского клира на послание Киприана; знаем только, что получив его, он убедился, какие ложные слухи ходили о нем в Риме. Он счел необходимым оправдаться и с этой целью послал в Рим сборник из 13 посланий, написанных им к пресвитерам, диаконам, исповедникам и разным другим членам своей церкви⁴⁹⁸. Эти документы способны были доказать, что он нисколько не оставлял своих пастырских обязанностей. В то же время он объяснял мотивы, побудившие его удалиться. Римские духовенство и исповедники, продолжавшие до того времени переписываться прямо с карфагенским клиром, теперь, будучи лучше осведомлены о ходе событий, в конце концов одобрили поведение Киприана. Кроме того они поручили теперь ведение переписки другому лицу: вместо неосмотрительного и недостаточно корректного автора первого послания посадили красноречивого Новациана.

Этот обмен посланиями, стоивший может быть Киприану некоторых жертв самолюбию, дал ему драгоценную поддержку. Уже из последних посланий сборника, отосланного им в Рим, видно, что в Карфагене возникли своеобразного характера затруднения, созданные неожиданным союзом между исповедниками и отступниками. Среди первых было много простых людей, даже грубых, а порой и не безукоризненной нравственности. Были такие, которые исповедали веру и перенесли победоносно пытку скорей из молодечества, чем из

глубоко-религиозного убеждения. Всеобщее уважение, которым пользовались мученики, почести, которые им воздавали после смерти, чрезвычайное благоговение, заботы и материальная поддержка, которыми окружали исповедников в узах, – все это способно было вскружить не очень крепкие головы. У этих людей была склонность ставить себя гораздо выше остальных христиан, смотреть на себя, как на авторитетных судей в религиозных вопросах, вступать иногда в соперничество с канонически поставленными духовными властями. В Карфагене положение ухудшалось тем, что сам епископ был в бегстве. Причины, понудившие его скрываться, легко могли ускользнуть от внимания простого народа; последний изливал весь свой восторг перед храбрецами, которые перенесли испытание дыбой, плети, ужасы тюремного заключения и ждали лишь последнего приговора, чтобы воцариться с Христом на небесах.

Такое настроение было очень распространено не только среди верующих, оставшихся твердыми в вере (*stantes*), но и в особенности среди падших (*lapsi*), т. е. тех, которые в той или иной степени запятнали себя повиновением императорскому указу. Эти последние, будучи или воображая себя застрахованными от преследований, старались возобновить общение с церковью. Однако, это было не очень легко. Отступничество требовало вечного покаяния. Конечно, виновных было слишком много, чтобы можно было отрицать необходимость в смягчении древних правил; но не во время гонения можно было обсуждать столь важную меру, входить в оценку разнообразных проступков и соразмерить суровость покаяния со степенью вины каждого. Поэтому было в принципе решено в Карфагене и в Риме, что для разрешения вопроса об отпавших от веры нужно подождать времени, когда епископы смогут вновь сами непосредственно вступить в управление церквами, снестись между собой и дать своим решениям необходимый авторитет и единообразие. Дотоле падшие (*lapsi*) должны были проводить время в покаянии и не принимать участия в св. таинствах⁴⁹⁹.

Эта отсрочка показалась заинтересованным лицам слишком долгою. Около них уже агитировали те пять пресвитеров,

которые сопротивлялись избранию Киприана, да и после того враждовали с ним. Очевидно, они же и оклеветали его в Риме. Они стали допускать *падших* к общению и совершать у них и для них святое жертвоприношение. Единственная формальность, которой они требовали, заключалась в том, чтобы отпавший представил рекомендательное письмо от какого-нибудь готовящегося пострадать исповедника. Действительно, было в обычае, чтобы одобрительные отзывы мучеников принимались во внимание епископами и побуждали сокращать грешникам срок церковного покаяния. Но вовсе не было принято, чтобы эта льгота исходила непосредственно от самих мучеников, и в особенности, чтобы она раздавалась с безграничной щедростью. Исповедники же, в особенности некий Лукиан, называвший себя исполнителем воли какого-то мученика » Павла, уже казненного, раздавал индульгенции без счета. Для соблюдения формы он посылал падших к епископу, но вручаемые им свидетельства носили характер требований. Читая их, чувствуешь, что эти люди опирались на общественное мнение, и что нелегко было в чем-нибудь отказать им. Киприан, обращаясь к ним письменно, употреблял все свое искусство, чтобы выказать свою приветливость и почтение к ним, стараясь в то же время заставить их послушаться своих советов и охранить свой собственный авторитет.

Но, несмотря на свое благорасположение, уступчивость и смирение, он не всегда был в состоянии их удовлетворить. Их свидетельства часто обнимали целые семейства, значительные и неопределенные группы лиц. *Communicet ille cum suis* – писали епископу (*пусть будет принят в общение такой-то со своим домом*). Это *cum suis* было так же мало определено, как форма обращения *communicet* – недостаточно вежлива. Киприан стал возражать. В ответ на это он получил письмо, в котором исповедники разом отпускали все грехи отречения от Христа, в целой Африке. Карфагенскому епископу поручалось привести в исполнение в своей церкви и сообщить остальным епископам об этом странном решении новой духовной власти.

Положение становилось натянутым. Конечно, на стороне епископа стояли рассудительные люди как из клира, так и из

мирян; некоторые из исповедников не одобряли поведения Лукиана и его самоуверенной раздачи индульгенций. Но разумные люди всегда в меньшинстве, в особенности в критические эпохи. Киприан почувствовал необходимость опереться на авторитет римской церкви и в особенности ее исповедников, из которых иные, как священники Моисей и Максим, уже много месяцев томились в тюрьме. Он получил ответ, в котором его поведению высказывалось полное одобрение. В то же время он не упускал случая выражать свое почтение к мученикам; он ввел в свой клир нескольких наиболее видных исповедников, избранных понятно из числа тех, которые не были замешаны в деле индульгенций.

Однако противодействие Киприану не прекращалось; напротив, оно принимало организованную форму. Во главе его стояли все те же пять смутьянов пресвитеров; среди них известен был некий Новат. Богатый и влиятельный мирянин Фелициссим деятельно поддерживал этот кружок. Когда, к концу 250 года, Киприан послал в Карфаген комиссию из епископов и пресвитеров, чтобы подготовить все к его возвращению и раздать от его имени милостыню, Фелициссим употребил всяческие усилия, чтобы расстроить их дело и ниспровергнуть авторитет епископа. Киприан стал защищаться. Его представители в Карфагене по его приказанию отлучили от церкви Фелициссима и его главных приверженцев. Интриговавшие против Киприана пресвитеры сами отказались от общения с епископом. Один из них, Новат, отправился в Рим, чтобы заручиться для карфагенской оппозиционной партии содействием папы, которого несомненно должны были скоро избрать, так как гонение начало утихать.

После Пасхи, т. е. в апреле 251 г. Киприан мог наконец вернуться в свою волнуемую раздорами церковь. Он обратился к своей возбужденной пастве с двумя пастырскими трактатами:⁵⁰⁰ по вопросу о *падших* и о расколе.

Чтобы постановить более веское решение по очередным вопросам, он созвал, как давно уже обещал, собор африканских епископов.

4. Новацианский раскол

В это же самое время Новат старался посеять рознь и в римской церкви. Исповедники в Риме пользовались таким же уважением, как и в Карфагене; особенно те из них, которые еще оставались в тюрьме, были окружены изъявлениями преданности; с ними советовались, как с оракулом. Прежде всего Новат вступил в сношения с Новацианом, которого он без труда привлек на свою сторону; затем попытался приобрести расположение исповедников. Сперва это ему не удалось: Моисей объявил, что он останется верным Киприану и не войдет в сношения с кружком пяти карфагенских пресвитеров. Но после его смерти, последовавшей в январе или феврале 251 года, его сотоварищи по заключению дали себя завлечь и поддержали своим влиянием партию, которая сгруппировалась около Новата и Новациана. Задача состояла в том, чтобы избрать такого папу, который не признал бы в Киприане законного епископа карфагенского и поддержал соперника, которого уже готовили последнему. Дело пока еще не касалось догматических или дисциплинарных принципов; но в Риме, как и в Африке, намеревались использовать престиж исповедников. Будущий преемник ап. Петра должен был стать папою исповедников, как в Карфагене партия, враждебная Киприану, объявляла себя партией исповедников. Эти расчеты не оправдались. Избрание состоялось в середине марта; врагам Киприана не удалось воспрепятствовать избранию кандидата, чуждого их стремлениям, – пресвитера Корнилия. Они сейчас же напали на него с яростью, взводя на него между прочими преступлениями обвинение в том, будто он получил свидетельство о совершении жертвоприношения и имел общение с отъявленными вероотступниками. Новат постарался о том, чтобы одновременно с извещением о посвящении Корнилия был доставлен в Карфаген мотивированный протест против его избрания. Он был составлен от имени одного римского пресвитера, вероятно, Новациана⁵⁰¹. Киприан с африканскими епископами, которые начали объединяться вокруг него, решил, что нужно узнать обстоятельства точнее: они поджидали официальных протоколов избрания и даже отправили в Рим двух епископов. Во время этих проволочек

противная Корнилию партия избрала своего епископа, самого Новадиана⁵⁰², и хлопотала о том, чтобы добиться признания его всею церковью. При этом известии и на основании справок, полученных из Рима, Киприан официально признал Корнилия.

Таким образом новадрианский раскол, ставший зародышем влиятельной секты, возник первоначально не из догматических вопросов, а из-за личностей. У Новациана не было особых теорий касательно покаяния. Новат, судя до его предшествующему образу действий в Карфагене, должен был скорее сочувствовать, чем противиться смягчению дисциплины. Во время споров, происходивших в предыдущем году, сам Новациан редактировал послания римского духовенства и исповедников, – те послания, которые, по словам Киприана⁵⁰³, „были разосланы по целому свету и доведены до сведения всех церквей и всех верных“. Между тем, в этих посланиях были установлены два положения: во-первых, что *падшие* должны быть допущены к покаянию, продолжительность и условия которого были предоставлены на усмотрение епископов, имевших разрешить этот вопрос немедленно по восстановлении спокойствия; во-вторых, что те из падших, которые находятся в смертной опасности, могут быть немедленно примирены с церковью⁵⁰⁴. Во время гонения Новациану удалось избежать преследований, но не удалось выказать какого-либо чрезвычайного героизма⁵⁰⁵. Следовательно, нельзя было предвидеть, что он станет сторонником строгих мер. Но раз возник раскол, ему неизбежно нужно было в важнейшем очередном вопросе занять позицию и защищать принципы, противоположные партии Корнилия.

Карфагенский собор, собравшийся наконец к половине мая под председательством Киприана, решил, что все падшие без различия, если только раскаются, будут допущены к покаянию и приняты в лоно церкви в минуту смерти; что, сообразно с важностью поступка, покаяние будет более или менее продолжительно; что епископы, пресвитеры и другие члены клира могут быть допущены, как и прочие, к покаянию, но не восстановлены в своем звании. Эти постановления были сообщены в Рим. Корнилий, как и большинство членов римского

клира, разделял взгляды африканских епископов. Однако он пожелал дать возможно больший авторитет решению по делу, в котором заинтересовано было столько народа, и с этой целью созвал с своей стороны большой собор из всех итальянских епископов.

Тогда-то вполне определились позиции, и партия Новациана объявила себя партией строгой дисциплины: никакого примирения между церковью и вероотступниками, вечная анафема идолопоклонникам! Таков был лозунг новой секты. Ода не препятствовала вероотступникам каяться, напротив, даже усиленно приглашала их к этому, но отнимала у них в то же время надежду вернуться в лоно христианского братства, хотя бы при последнем издыхании. Прежде так поступали с прелюбодеями и с отступниками, но уже давно это применялось только к последним. Новациан и его сторонники настаивали на том, что дальше идти нельзя и что не следует на вероотступников распространять уступку, сделанную прелюбодеям. В этом только и заключалось первоначальное новацианство. Отделившись же от церкви, секта не преминула прибавить к этому первому предмету раздора новые своеобразные учения. Сперва же она ограничилась тем, что восстала против смягчения той меры наказания, которая была принята и применяема в эпоху, когда отступничество было редким явлением⁵⁰⁶, но которая не могла уже оставаться в силе в виду бесчисленных случаев отпадения, вызванных всеобщим и чрезвычайно строгим гонением. С принципиальной стороны такая точка зрения имела много преимуществ, что и объясняет относительный успех новой секты. Ему содействовали личное уважение, каким пользовался Новациан и поразительная настойчивость, с какою его сторонники, в особенности Новат, приложили все силы, чтобы очернить Корнилия. Собрался в Риме собор; на нем присутствовало, 60 епископов, не считая пресвитеров и диаконов как римских, так и тех, которые составляли свиту епископов или явились их представителями. Послания карфагенского собора были прочтений собравшимся; в них провозглашался принцип возвращения падших в лоно церкви и заключалась просьба к итальянским епископам

осудить виновника новой схизмы. Это желание было удовлетворено: Новациан и его единомышленники были изгнаны из церкви, и установленная африканским собором дисциплина для отступников была торжественно утверждена. Эти постановления были занесены в соборный акт, скрепленный подписями всех присутствовавших епископов и изъявлением согласия со стороны отсутствовавших.

Опираясь на этого двойное выражение взглядов как итальянского, так и африканского епископата, Корнилий поспешил разослать повсюду списки соборных решений с приложением справки касательно Новациана и его схизмы. В Африке Киприан оказал ему живое содействие: там обнаружили колебание лишь весьма немногие разрозненные элементы⁵⁰⁷. Тем не менее сектанты отправили в Карфаген епископа Евариста, бывшего одним из участников посвящения Новациана, римского диакона Никострата, исповедника из эпохи последнего гонения, и нескольких других лиц, которым удалось образовать в столице Африки небольшую новацианскую церковь с неким Максимом в качестве епископа. По всей вероятности, такой же успех имело движение и в некоторых других местах. В Галлии Маркиан, еп. арльский, вступил в общение с Новацианом и применил его принципы к вероотступникам. Это единственное важное уклонение в раскол, какое можно отметить на Западе.

На Востоке дело пошло гораздо дальше. Взгляды Новациана встретили отклик в разных местах Малой Азии. Фабий, еп. антиохийский, открыто покровительствовал им; но так как он был поставлен во епископы еще недавно, а его собратья в Сирии, Каппадокии и Киликии держались другого чтения, то движение с первых почти шагов было заторможено. Кроме того оно имело противника в лице авторитетного во всех отношениях епископа александрийского Дионисия, который также держался взглядов Корнилия и Киприана. Еще во время гонения он приказал принимать в лоно церкви отступников на их смертном одре; как только мир, по-видимому, стал восстанавливаться, он разослал по всему Египту своего рода пенитенциальный тариф, где были различены виды

прегрешений и каждому назначено соответствующее наказание. Послания Новациана не произвели на него никакого впечатления; он ответил на них очень откровенно, хотя по своему обыкновению и очень мягко, – советом сопернику Корнилия поскорей Оставить свое мнимое епископство. Он приложил также много усилий вернуть на путь истинный римских исповедников, уклонившихся в раскол. Это было делом великой важности. Киприан со своей стороны проявил в этом деле столько же усердия. Оба эти великие епископа, положение и судьба которых имеют столько сходного, заняли в этом вопросе без взаимного соглашения одинаковую точку зрения. Победа осталась на их стороне. Римские исповедники по милости Божией почти все покинули Новациана и возвратились в лоно церкви, где были самым дружеским образом встречены Корнилием и его сторонниками, которые даже восстановили в духовном сане всех, кто был им облечен раньше. Это событие отнимало у Новациана самое важное преимущество в глазах христианского населения. Корнилий и его два союзника, Дионисий и Киприан, поспешили дать возможно большую огласку столь благовременному обращению исповедников. Послания, написанные по этому поводу, не составляют единственных литературных произведений, направленных против Новациана. До нас дошло под заглавием *Ad Novatianum* нечто в роде проповеди, содержащей довольно сильные нападки на него. По-видимому, она была составлена в Риме⁵⁰⁸.

Тем не менее маленькая церковь продолжала существовать; часть верующих „твердых в Евангелии“⁵⁰⁹ сгруппировалась вокруг Новадиана. Этот последний, кроме сочинений, выпущенных в интересах пропаганды, писал многочисленные наставления своим ученикам. Мы имеем образцы этой литературы в его книгах *De cibis judaicis* (об иудейских яствах), вероятно также в *De spectaculis* (о зрелищах) и *De bono pudicitiae* (о благе целомудрия). Эти и некоторые другие⁵¹⁰ сочинения, которым можно приписать то же происхождение, дошли до нас, благодаря тому, что надписывались именем св. Киприана. Св. Иероним знал много других⁵¹¹. Три названные выше произведения имеют между

собою то общее, что они были написаны во время гонения при Галле или Валериане, когда Новациан был разлучен со своими учениками. Согласно сохранившемуся в его секте преданию⁵¹², он пал в числе жертв гонения Валериана.

Кружок, который в Карфагене отстаивал снисходительное отношение к отступникам и столько месяцев натравливал против Киприана тщеславие исповедников и их чрезмерную угодливость по отношению к *падшим*, должно быть, очень удивился обороту, который дело приняло в Риме. Новат, перебросившись из одной крайности в другую, составлял теперь вместе с римскими исповедниками партию непримиримых в строгости. С другой стороны, собор 251 года отнял у сеятелей раскола значительную часть приверженцев своим снисходительным отношением к получившим свидетельство о жертвоприношении и другим, менее запятнавшим себя, *падшим*⁵¹³. Фелициссим пытался однако отстоять себя; он заставил посвятить себя в диаконы, т. е. казначеи схизматической церкви, которую собирались основать. Раскольники обегали всю Африку, ища сторонников, в особенности среди епископов, с целью противопоставить киприановскому собору другой, низложить самого Киприана и тогда уже ввести смягченную покаянную дисциплину, которая была целью или поводом всей этой интриги.

Успехом похвастаться она не могла; вместо объявленных двадцати пяти, на собор явилось всего пять епископов, из коих были три вероотступника и два еретика. Один из еретиков был тот самый Приват из Ламбезы, который за несколько лет перед тем был низложен большим собором. В одно время с ними в Карфаген съехалось более 40 епископов на собор (второй после гонения), который обыкновенно заседал в мае. Собор этот открылся 15 мая 252 г. Приват добивался быть допущенным на него, чтобы защищать себя и достичь своего восстановления, но тщетно. В виду гонения, которое воздвигал теперь на церковь новый император Галл, собор принял в общение с церковью всех *падших*, которые все это время добросовестно несли покаяние. Это постановление, еще более уменьшавшее смысл оппозиционной партии, однако не

распространялось на сторонников Филициссима, которые уже больше года уклонялись от общения с церковью и не выполняли никаких форм покаяния. Поэтому те все же собрались на малый собор в противовес большому. Они объявили Киприана низложенным и поставили ему преемника в лице Фортуната, одного из пяти отколовшихся пресвитеров. Киприан остался совершенно равнодушен к этому. За него был весь африканский епископат и все христианское население Карфагена, за исключением маленькой горсти интриганов, которым дали прозвище, произведенное от имени их предводителя: – *Infelicissimi* (несчастнейшие).

Тем временем Фелициссим кое с кем из своих отправился в Рим; они пытались добиться признания для нового епископа Фортуната. Папа Корнилий отстранил их от общения с церковью, но так как они повсюду поднимали смятение против Киприана и грозили опубликовать письма Фортуната, полные гнусных обвинений против карфагенского епископа, то Корнилий испугался и согласился принять эти документы. Эта уступка, оттенки которой теперь ускользают от нас, чрезвычайно раздражила Киприана, который вообще не имел обыкновения гневаться без причины.

Это было второе облако, замутившее было знаменитый в истории союз двух епископов. В начале своего епископского служения Корнилий был обижен медлительностью, с какою Киприан опубликовал его посвящение, и предосторожностью, с какою он проверял его правильность⁵¹⁴; в свою очередь тот был необыкновенно изумлен боязливостью своего сотоварища, который как бы признавал законность сомнений в праве Киприана на карфагенскую кафедру. Он излил свою жалобу Корнилию столь же красноречиво, как и откровенно⁵¹⁵. Дело было летом 252 г. Гонение Галла, уже предвидимое тогда, должно было дать другое направление мыслям Киприана в отношении к римскому епископу. Узнав об его ссылке, он тотчас же написал ему приветственное послание⁵¹⁶. Сам он на этот раз имел возможность остаться среди своей паствы, несмотря на крики фанатичной карфагенской толпы, которая ежеминутно требовала его головы. На следующий год, после смерти

Корнилия в ссылке, на его место римской церковью был избран Луций. Он тоже был сослан, но на короткое время. Спокойствие опять восстановилось. Луций вернулся в Рим. Киприан, который уже приветствовал его с подвигом исповедничества, написал ему вторичное послание, чтобы вместе со всеми африканскими епископами присоединиться к радости христиан города Рима⁵¹⁷.

Эти послания, как вообще вся переписка св. Киприана, свидетельствуют об единении между римской и карфагенской кафедрами, об их частых сношениях и особом почтении африканцев к римской церкви, „главной церкви (principalis), которою держится единство священства“⁵¹⁸. При преемнике Луция, папе Стефане, эти отношения стали менее дружественными и даже пережили довольно острый кризис.

5. Спор о крещении

Луций умер 5 марта 254 г. Преемник его, Стефан, с самого начала, кажется, мало сочувствовал епископу карфагенскому. Столкновение между ними не замедлило и сперва последовало из-за дела, которое не касалось ни Италии, ни Африки.

Во время гонения два испанских епископа, Василид и Марциал, один епископ Емеритский (Мерид), другой – Легийский и Астурикский (Леон и Асторга) испросили себе или только согласились принять свидетельство о выполнении языческого жертвоприношения. За это и за разные другие провинности они были извергнуты из епископата, и на место их были поставлены Сабин и Феликс. Те не покорились. Василид отправился в Рим, успел убедить папу Стефана, что взведенные на него обвинения не имели под собой основания, и добился своего восстановления в епископском сане. Их паства и в особенности преемщики обоих, недовольные таким поворотом дела, решились обратиться к собору, заседавшему в Африке. Этот собор превратился в регулярное учреждение. Из посланий св. Киприана видно, что за исключением эпох гонений, он заседал ежегодно, по крайней мере раз в год, весной, а иногда еще и осенью. Эти большие периодические съезды очень помогали утверждению и единообразию церковной дисциплины. Они пользовались известностью и вне Африки, а слава знаменитого и мудрого человека, который был их душою, более возвышала их в общем мнении. Жалоба испанцев дошла до собора осенью 254 г. Он в судопроизводстве поступил точно так же, как раньше сам папа, т. е. выслушал только одну сторону и признал ее правою. Василид и Марциал были объявлены недостойными епископского сана. Нам невозможно на основании столь скудных данных решить, кто был прав и кто виноват⁵¹⁹. Но ясно, что послание африканского собора⁵²⁰, в котором сообщено было емеритской и легио-астурикской церквям о постановлении собора, противоречившем определению папы Стефана, не могло доставить последнему удовольствия.

Вскоре после этого происшествия, Киприан получил два, одно вслед за другим, послания от лионского епископа Фаустина, который доносил ему о схизматическом поведении Марциана, епископа арльского. Марциан был в общении с Новацианом и строго применял его принципы в деле примирения падших с церковью. Фаустин и другие галльские епископы напрасно обращались к папе Стефану, чтобы добиться прекращения этого соблазна. Не видя другого исхода, они зывали о помощи к карфагенскому епископу. Стефан, по-видимому, выказывал в отношениях к новацианам некоторую мягкость: говорили, что он, вопреки установленному правилу, очень свободно принимает в сущем сани возвращающихся к церкви схизматических пресвитеров и диаконов⁵²¹. Киприан обратился к нему с очень настоятельным письмом⁵²²: по его мнению, папа обязан был проявить свое вмешательство в Галлии, написать епископам этой области и арльским христианам, чтобы они позаботились об низложении Мардиана и избрании ему преемника. Карфагенский епископ имеет здесь вид поборника дисциплины, установленной Корнилием и Луцием, и традиционной политики этих пап, забытой их преемником. Тон послания показывает, по правде говоря, мало уважения к этому последнему. Заслуживал ли Стефан или нет этих упреков, он вовсе не мог быть доволен полученным выговором. При этих-то обстоятельствах разразилась распря из-за крещения еретиков.

На каких условиях могли быть допущены в католическую церковь еретики, порывавшие связи с своей сектой? Этот вопрос, по-видимому, приобрел некоторую настоятельность к концу II века, когда кругом кишели секты, а некоторые из них уже начинали приходить в упадок. Могло быть два случая: или обратившийся еретик был принят в лоно христианства еще в великой церкви, или же прямо вступить в секту. В первом случае его крещение конечно сохраняло свою силу, но он совершил тяжкий грех, отпав от церкви, и та была в праве наложить на него покаяние для искупления греха, подобное тому, какое налагалось на обыкновенных грешников. Это именно и делали везде. Другой случай представлял

значительную разницу. Могла ли католическая церковь признать действительным таинство крещения, совершенное сектантами, носившими правда звание христиан, но возмущившимися против церковного авторитета, отлученными от общества верных и приверженными к погибельным учениям? Допустив даже, что своеобразие их обрядов и крещальных формул не уничтожает их тождества по существу с церковными, разве действие их не искажалось тем смыслом, какой в них вкладывали те, кто их произносил или выполнял? По этому довольно щекотливому вопросу не было предварительного соглашения; оттого вскоре явились разнообразные решения. Их можно свести к двум видам. В некоторых местах было безусловно всецело отвергнуто благодатное вступление в христианство вне законной церкви. В Риме и в Египте ввели различие. В этом вступлении в христианство мыслились два акта: крещение и то, что теперь называется конфирмацией (миропомазание); первый очищал от грехов, второй сообщал дары Св. Духа. В обряде этого второго акта особенное значение придавалось возложению рук, сопровождаемому молитвой к Св. Духу, источнику семи даров благодати. В Риме вошло в обычай не повторять крещения, произведенного еретиками, но так как считалось, что одна только церковь, законная церковь, обладает силой сообщать благодать воззванием к Святому Духу, то на раскаявшегося еретика возлагали руки как бы ради покаянного отпущения, но на деле для низведения на него Св. Духа.

В Карфагене уже довольно давно укоренился обычай всецело отвергать крещение, совершенное еретиками. Тертуллиан усердно настаивает на этом в своем сочинении о крещении. Этот порядок был утвержден великим собором епископов Африки и Нумидии, созванным Агриппином. В Малой Азии соборы, заседавшие в Икони, Синнаде и разных других местах⁵²³, установили то же правило. Его также соблюдали в Антиохии и северной Сирии⁵²⁴. Палестина же в этом пункте, как и в определении времени празднования Пасхи, следовала александрийскому обычаю⁵²⁵.

Однако на эти разграничения нельзя смотреть, как на вполне точные. Церковная централизация была еще так слаба,

что даже в самой Африке были разногласия. В 255 г.⁵²⁶ на карфагенский собор поступил запрос за подписью 18 нумидийских епископов, которых взяло сомнение относительно законности господствующего обычая. : Быть может, епископов беспокоило различие порядков в римской и африканской церквях. Как бы то ни было, собор решил, что африканский обычай должен соблюдаться, как единственно законный. В этом смысле он и ответил нумидийским епископам, приведя и мотивы своего решения⁵²⁷. Вскоре затем сам Киприан написал мавританскому епископу, по имени Квинту, отвечая на подобные же запросы⁵²⁸. Уже в этом послании проглядывает зародыш нарочитого протеста против папы Стефана, хотя этот и не назван. в послании. На следующем соборе, осенью 255 г. или весной 256 г., Киприан счел удобным покончить со всеми этими спорными вопросами, которые поднимались в Африке, и перевести на почву открытого обсуждения глухое и невыясненное разногласие, разделявшее его сотоварищей. Он обратился к Стефану⁵²⁹ от своего имени и от имени собора и передал ему вместе с. посланием предшествующего собора также и то послание, которое сам написал Квинту. Он желал не только установить свое право держаться древнего обычая своей церкви, но и убедить, что этот обычай – единственно допустимый, и таким образом ввести его в самую римскую церковь.

Карфагенский собор, кроме вопроса о крещении, сделал постановление еще относительно диаконов и пресвитеров, впавших в раскол или получивших свой сан от сектантов: при обращении к церкви они должны были оставаться мирянами. Делал ли Стефан в этих последних случаях особое снисхождение? Это нам неизвестно: в дальнейшем дело идет также о крещении.

В то время, как представители собора ехали в Рим, Киприан, получив от одного епископа, по имени Юбайена, запрос относительно значения некоторых поднимавшихся в Италии спорных вопросов, ответил ему длинным изложением своего учения (о крещении еретиков)⁵³⁰. Это послание – самый важный теоретический труд во всей этой полемике.

В Риме, где вот уже больше года получали по всякому поводу нравоучения от африканского собора, представителей последнего приняли довольно холодно. Привезенное ими послание не отличалось любезностью. „Мы знаем, – так гласило оно, – что иные люди ни за что не хотят расстаться с убеждениями, которыми прониклись, и нелегко меняют свое мнение; – что, поддерживая с своими сотоварищами единение мира и любви, они все же упорствуют в своих обычаях. Мы с своей стороны не хотим никого насиловать, ни предписывать другим своих законов. Каждый из епископов волен управлять своей церковью, как знает, отвечая за это перед Богом⁵³¹“. При такой натянутости отношений в Риме раздались речи, о которых можно было только пожалеть: Киприана обозвали лже-христианином, лже-пророком, лукавым работником. Представителей собора не допустили до папы, даже простым верующим запретили их принимать⁵³². На притязания Киприана Стефан ответил весьма резким постановлением. Он не только не отказался от своего обычая и не перестал считать его единственным законным, но предписал африканским епископам также подчиниться ему, под угрозой прервать с ними всякие сношения. То же требование было обращено и к церквям на Востоке.

Послание Стефана дошло до Карфагена летом. В ожидании ближайшего съезда собора, назначенного на 1-е сентября, Киприан писал⁵³³ Помпею, епископу в области Триполитании, рассказывая ему про ответ Стефана и горько жалуясь на него. В назначенный день 87 епископов из всех африканских провинций собрались в Карфаген под председательством Киприана⁵³⁴. На соборе прочли переписку Киприана с Юбайеном. Затем председатель предложил собранию, чтобы каждый высказал свое мнение: „Поступая так, мы не желаем никого судить, ни отказываться от общения с теми, кто думает иначе. Никто из нас не ставит себя епископом над епископами и не прибегает к тиранническому запугиванию, чтобы принудить своих сотоварищей согласиться с ним. Всякий епископ пользуется во всей полноте своей свободой и властью и сохраняет право следовать собственному разумению⁵³⁵: он столь же мало

подлежит суду других, как и сам в праве судить их“. Один за другим все 87 епископов высказались против признания крещения еретиков. О Стефане и его послании не упоминалось вовсе.

Таким образом африканская церковь заняла позицию пассивного сопротивления. Она не отрицала необходимости сообразоваться в вопросах догмы с первой из церквей, с главенствующей (*principalis*) церковью, вождем и представителем которой был папа. Она даже не оспаривала особого и высшего авторитета, который придавали ему местонахождение его кафедры и его звание преемника ап. Петра. Но она считала, что в данном случае он злоупотреблял этим авторитетом, стараясь подчинить остальных недопустимому обычаю. Отстаивая свою точку зрения, она не склонна была разрывать общение с Римом, поскольку это зависело от нее. Она довольствовалась тем, что торжественно объявила о своем решении. После заявления собора Стефану оставалось, если бы он осуществил свои угрозы, воздержаться впредь от посылки в Карфаген своих клириков и вестников. Может быть, клирики или даже миряне из Африки не были бы допущены по прибытии в Рим к участию в общественном богослужении и лишались бы пособий, раздаваемых от имени церкви. Африканские церкви, напротив того, должны были по-прежнему радушно встречать римлян, заехавших в Африку и даже иметь переписку с римским духовенством, если бы они пытались вести ее, зная, что их послания весьма вероятно остались бы непрочтенными.

Если бы это положение протянулось, оно скоро стало бы нестерпимым. На соборе, быть может, еще недостаточно взвесили его неудобства. Как бы то ни было, но чтобы дать больше силы сделанному заявлению и чтобы почерпнуть себе мужество в этом противодействии, примером других церквей отцы собора постарались тут же завязать сношения с малоазийскими и восточными церквами, которые очутились в подобном же раздоре с папою, так как держались того же обычая, как и карфагенская церковь. Некий диакон Рогациан отплыл к киликийским берегам и проехал в Каппадокию к

знаменитому кесарийскому епископу Фирмилиану, который держался вместе со своими сотоварищами в восточной части Малой Азии тех же воззрений по вопросу о крещении, что и Киприан. Как и тот, он был человеком выдающимся по своим добродетелям, знанию, опытности и ревности. Послание, которое он вручил Рогациану⁵³⁶, и которое тот немедленно доставил в Карфаген, составлено в очень резких выражениях о папе Стефане, хотя авторитет его не более оспаривается здесь, чем в документах африканских.

Так прошла зима, в состоянии как бы блокады между Римом и церквами Африки и Востока. Затем наступила весна; прошел праздник Пасхи; ничто, насколько мы знаем, не изменилось в этом печальном положении.

Оно разрешилось смертью Стефана 2 августа 257 г. Его преемники, продолжая держаться, обычая своей церкви и стараясь, насколько возможно, сделать его господствующим, не считали нужным проявлять такую же строгость, как он, по отношению к несогласным. Дионисий Александрийский, – Ириней по отношению к этому новому Виктору – держался в своей церкви того же правила, как и Стефан, но несколько не был расположен подражать его нетерпимости, ни считаться с отлучением, которое тот произнес над целю половиной церкви за такого рода разногласие. Он уже отписал в этом духе самому Стефану⁵³⁷ и двум ученым пресвитерам в Риме, Дионисию и Филимону, которые конечно были одного мнения с своим епископом. После смерти Стефана настроение римского пресвитериума изменилось. Новый папа, Сикст II, и его сослужители довольно ясно дали это понять. В своем послании Дионисий Александрийский не счел нужным скрывать своих взглядов на резкость шага, сделанного покойным папою, и своего убеждения в необходимости сохранять мир и уважать постановления многочисленных и авторитетных соборов⁵³⁸.

Эти речи много помогли укрепить единство, уже восстановленное самым фактом смены пап. Сикст и Киприан возобновили прерванные сношения между Римом и Африкой⁵³⁹. Возобновлена была также переписка с Фирмилианом. Преемник Сикста, Дионисий, оказал помощь каппадокийской церкви,

пострадавшей от нашествия персов (259 г.). Вместе с пособием от римских щедрот он послал ей приветствие в духе мира⁵⁴⁰. Счастливое время, когда братская любовь была еще так жива, а вражда так кратковременна!

Однако дружественное единение восстановилось, не затронув порядка, осужденного папою Стефаном. Св. Василий еще в IV веке применял те же правила, что и Фирмилиан; так же поступали и в Сирии; африканцы тоже остались при своем обычае и отказались от него только на арльском соборе (314 г.) в царствование императора Константина.

Не успела дойти до Карфагена весть о смерти Стефана, как разразилось новое гонение. 30 августа 257 г. Киприан был взят под стражу по приказу проконсула и заточен в Курубе. Год спустя, 13 сентября 258 года, его потребовали к вторичному допросу. Он предстал пред судом на следующий день „Ты – Тасций Киприан“? – спросил его проконсул. – „Я“ – ответил епископ. „Ты – папа людей богопротивного образа мыслей?“⁵⁴¹ – „Я“. – „Божественные императоры повелевают, чтобы ты выполнил обряды“. – „Не стану“. – „Подумай о себе“. – „Делай, что тебе предписывают; дело достаточно ясно, чтобы нужны еще были долгие совещания“.

Однако проконсул, которому не часто приходилось судить таких преступников, стал совещаться со своими заседателями. Потом неуверенным голосом он перечислил вины христианского епископа против государства и заключил чтением приговора: „Тасций Киприан подлежит смертной казни посредством меча“.

Карфагенские христиане, сбежавшиеся еще с прошлой ночи, толпились вокруг судилища. Они сопровождали своего епископа на место казни. Киприан умер просто, с достоинством, как жил. Невзирая на неблагоприятные условия, его верная паства устроила ему торжественные похороны⁵⁴².

Со времени гонения Валериана и вплоть до Диоклетианова, т. е. круглым счетом в течение последних 40 лет III века, история церкви на Западе совершенно исчезает из глаз наблюдателя. От Евсевия к еще из одной римской хроники мы знаем перечень пап за этот период и время, какое каждый управлял церковью. Преемник Сикста II, Дионисий, оставил по

себе след в истории восточных споров, но мы ничего не знаем об его деятельности в Риме и в латинских странах. Еще менее знаем мы о его преемниках – Феликсе, Евтихиане, Гае, о которых не упоминают и восточные памятники. Двух преемников св. Киприана, Карпофора и Лукиана⁵⁴³, мы знаем по имени, но – ничего, кроме имени. Мы можем найти имена еще нескольких епископов в списках других церквей, – нигде ничего более об остальной Африке и «Италии, об иллирийских и дунайских провинциях, о Галлии, Бретани и Испании. Впрочем, в этой последней почти накануне последнего гонения (около 300 г.) состоялся большой собор, постановления которого позволяют нам бросить взгляд на положение церкви тех времен и на ее учреждения. Мы вернемся к нему ниже.

XXI. Христианство на Востоке до Деция

Горные страны Малой Азии и их эллинизация. – Апостольская проповедь. – Церкви Вифиний, Понта и Каппадокии. – Александр и Фирмилиан, епископы кесарийские. – Григорий Чудотворец. – Антиохия после св. Игнатия. – Епископы Феофил и Серапион. – Эдесса и ее христианские государи. – Вардесан. – Южная Сирия. – Церкви Кесарии Палестинской и Иерусалима. – Юлий Африкан. – Берилл, еп. бострийский.

1. Горные страны Малой Азии

Помимо провинции, носившей название Азии и прилегавшей к Эгейскому морю, Малая Азия заключала в себе: на севере – Вифинию, а за ней плоскогорье Понта, простирающееся вдоль берега Черного моря до горных хребтов Армении; на юге – Ликию, Памфилию, Киликию верхнюю и нижнюю, окаймляющие Кипрское море извилистым берегом, в котором долины чередуются с горами; наконец, во внутренней части страны, кругом ее степей и большого соленого озера, занимающих центр полуострова, – Галатию и Каппадокию, простирающуюся до подножия уединенной горной вершины Аргея и горных хребтов Тавра и Анти-Тавра.

В ту эпоху, когда начинается история христианства, большинство этих областей были едва затронуты или даже вовсе чужды греческому влиянию. Еще задолго до Александра Македонского большие греческие города основали несколько торговых складов по берегам Понта Эвксинского. Эти поселения стали расти после македонского завоевания Малой Азии; понемногу стали возникать города и в глубине страны. От них эллинизм мог свободно распространяться по варварским еще мелким владениям, – Понту, Каппадокии и маленькому кельтскому государству, основанному в III в. до Р. Х. между Фригией и Понтом шайками галльских искателей приключений. Однако прошло много времени, пока нравы, религия, учреждения и наречия этих варварских или чуждых Греции и Риму по своей цивилизации народов дали себя вытеснить или подвергнуться ассимиляции. Во времена бл. Иеронима в окрестностях Анкиры еще говорили по-кельтски, совершенно как в трирских деревнях; в эпоху насаждения здесь христианства боги древних понтских и каппадокийских святилищ еще сохраняли свой причудливый облик. У каппадокийцев литература появилась лишь в IV столетии.

Овладев страной, римляне сперва оставили значительную часть ее во власти туземных государей; только понемногу и довольно медленно подчинена была Малая Азия римскому

провинциальному управлению. Со времен Траяна в ней было пять провинций: на севере – Вифиния с Понтом, на юге – Ликия с Памфилией и Киликия, в. средней части – Галатия и Каппадокия.

До этого разделения было еще далеко в те дни, когда, около 45 г., ап. Павел начал проповедовать Евангелие еврейским общинам и даже языческим народам Киликии, Памфилии, Писидии и Ликаонии. Возможно, что в своих последующих путешествиях он основал общины и в собственной Галатии⁵⁴⁴. Первое послание ап. Петра заставляет предполагать, что христианская проповедь распространялась на более широкую область; она обращена к христианам, рассеянным по Понту, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии. Полвека спустя христиане были очень многочисленны в провинции Вифинии – Понте, которая простиралась тогда еще за Галис и включала важную область Амизоса (Самсун). Как раз из этого города писал правитель этой провинции Плиний императору Траяну свое знаменитое донесение, где он жалуется, что христианская проповедь заполонила не только города, но местечки и деревни, оставляя храмы пустыми и вызывая упадок цен на жертвенных животных. Около этого же времени Маркион, будучи еще молодым человеком, жил в Синопе подле своего отца-епископа. В царствование Марка Аврелия лжепророк Александр учредил в городе Абонотике (Инеболи) поклонение богу-змею Гликону, и его выдумка, несмотря на памфлеты Лукиана, имела громадный успех. Из того, что говорит сатирик, видно, что в этой части Понта было очень много христиан. Александр их очень боялся и ставил их наравне с эпикурейцами в своих проклятиях нечестивцам.

Дионисий Коринфский писал послания никомидийским христианам, взволнованным, как и многие другие, проповедью маркионитства. Он ответил также на запрос двух христиан из Амастрии, Вакхилида и Елписта. Его ответ был обращен к „церкви амастрийской и церквам, находящимся в Понте“⁵⁴⁵. В нем говорилось о предметах практического значения: о браке, о воздержании, о примирении с грешниками и еретиками. Епископ амастрийский назван в послании по имени: его звали Пальм.

Около 190 г. мы вновь встречаемся с ним в споре о Диасхе. По этому вопросу понтийские епископы обратились к папе Виктору с посланием, где Пальм Амастрийский, как старейший, был назван первым⁵⁴⁶.

История Александра в Абонотике уже достаточно показывает, как легко было в этих малокультурных странах возбудить и невежественное население и довести его до религиозного исступления. Проповедь монтанистов встретила здесь благодарную почву. Одно время поколебалась было анкирская церковь. Сами епископы стали иметь видения и соперничали с пророками. Рассказывают⁵⁴⁷, что один из них после многократного пророчествования на собраниях, наконец, объявил, что через год наступит „день Господень“. Бедный народ ему поверил, прекратил работы, распродал имущество, и отцы даже перестали выдавать замуж своих дочерей. Велико было смятение, конечно, когда назначенный срок прошел, а всеобщего суда не последовало.

Немного позднее, среди ужасов, причиненных землетрясением и гонениями, в Каппадокии появилась туземная пророчица, которая объявила, будто сотрясения почвы были божественным предостережением, что нужно покинуть Каппадокию, отныне проклятую страну, и переселиться всем народом к Иерусалиму; она сама призвана вести переселенцев, она имеет даже власть вызывать землетрясения для того, чтобы убедить колеблющихся. Эти бредни были встречены очень доверчиво; посреди зимы поднялись обозы; пророчица шла во главе их босая со своими последователями, в числе которых были пресвитер и диакон из Кесарии. Литургия однако совершалась под ее председательством; она же крестила и освящала св. Дары. Эта соперница Максимииллы встретила наконец, смелого экзорциста, который успел разоблачить ее самозванство удачнее, чем фригийские епископы.

Эти христианские церкви так же, как и в Азии (в тесном смысле), страдали то от репрессивных законов против христианства, то от местных преследований. Подробности их истории мало известны. Тертуллиан⁵⁴⁸ впрочем говорит об одном каппадокийском легате, Луции Клавдии Германиане,

жена которого обратилась в христианство и который сорвал свою злобу за это, преследуя христиан с большой строгостью. Заразившись прилипчивой болезнью и уже покинутый своими приближенными он говорил: „скроем это, как бы христиане не стали праздновать победы“. Однако, с ухудшением болезни он, будучи подавлен угрызениями совести, сожалел о вероотступничествах, которых ему удалось добиться, и умер почти христианином. Этот легат, по всей вероятности, жил в царствование Севера. История знает еще другого, Серениана, времен Максимиана, жестокости которого заставили многих христиан покинуть Каппадокию⁵⁴⁹. В это-то время произошло переселение под предводительством пророчицы.

Городов в этих странах было очень немного. Наиболее значительный, – Кесария Каппадокийская, – был главной квартирой армии, которая сторожила кавказские проходы и Армению, находившуюся в вассальных отношениях к Риму. Кесария, бывшая незначительным городком при древних царях, – тогда она носила название Мзаки, – постепенно обратилась в один из крупнейших городов империи. Ее имя упоминается в истории христианства только с 200 г. приблизительно. Епископом в ней был тогда Александр, ученый муж, получивший свое образование в александрийской школе у Пантена и Климента. Вверженный в тюрьму при Септимии Севере, он очень долго пробыл в заключении. Бежавший из Александрии вследствие гонения Климент с успехом заменил его по управлению церковью. Александр, наконец получил свободу, но, по-видимому, жить в Кесарии ему было уже трудно⁵⁵⁰. Он перебрался в Палестину и кончил тем, что поселился в Иерусалиме при обстоятельствах, о которых будет сказано ниже.

В следующем поколении епископская кафедра в Кесарии была занята Фирмилианом, человеком знатного происхождения и, подобно своему предшественнику, находившемуся в большой дружбе с александрийскими учеными. Он уже был епископом в 232 г., когда Ориген, вынужденный покинуть Александрию, поселился в Палестине. Фирмилиан пригласил его в Каппадокию „для блага церквей“, и есть основание думать, что

Ориген действительно жил, и довольно долго, в Кесарии во время гонения Максимина⁵⁵¹, Фирмилиан виделся с ним и в Палестине. Около этого времени обратились в христианство под влиянием, по-видимому, Фирмилиана, но в особенности Оригена, два молодых человека, понтийских уроженца, братья Феодор и Афинодор, отпрыски одного из знатнейших местных родов. Получив тщательное воспитание и познакомившись с латинским языком, они намеревались с помощью его заняться изучением римского права в знаменитой беритской школе, когда их зять получил место советника при правителе Палестины, и они отправились сопровождать сестру в ее новое местожительство. Здесь они встретили Оригена, с которым их познакомил, должно быть, Фирмилиан. Ему удалось направить их на изучение философии и вскоре совсем обратить в христианство. В течение пяти лет (около 240 г.) они занимались под его руководством, а затем вернулись в Понт.

Между прочим перед отъездом Феодор, называвшийся также Григорием, пожелал выразить своему знаменитому учителю свою благодарность публичной речью, которую он произнес ему; текст ее сохранился до нашего времени. Частные и общественные дела, призывавшие Григория на родину, не помешали ему отдаться благочестивому образу жизни, до известной степени в удалении от мира; он продолжал переписываться с Оригеном⁵⁵². Так жил он до тех пор, пока епископ амасийский Федим не поставил его епископом в Неокесарии. Амасия была значительным городом в той части Понта, которая называлась Понтом Галатийским. Неокесария же, расположенная гораздо дальше к востоку, в Понте Полемониацком⁵⁵³, насчитывала лишь очень немного последователей Христа⁵⁵⁴. Афинодор, брат Григория, тоже получил епископию и в таких же условиях. Все нужно было создавать заново в этих отдаленных странах. Григорий весь отдался делу, проповедовал по городам и селам, умея, несмотря на свою принадлежность к аристократии и свое высокое образование, приспособляться к умственному уровню самых убогих крестьян. Он старался даже возможно меньше нарушать их религиозные обычаи, оставлял им их праздники,

торжественные процессии, священные пиршества, к которым они привыкли, и только приспособлял эти внешние формы к почитанию Бога и мучеников. Население Коман, города соседнего с Неокесарией, пожелавшее иметь собственного епископа, обратилось к нему. Он посвятил им их первого пастыря Александра⁵⁵⁵.

Эти сохранившиеся по исключительной случайности подробности бросают слабый; свет на духовную жизнь и на распространение Евангелия в восточных областях Малой Азии. Правильно организованные церкви были довольно многочисленны и рано почувствовали потребность иметь между собою общение. Уже с конца II века собрания епископов, или соборы происходили в Греции и в Азии очень часто. В III веке этот обычай привился в Каппадокии и в соседних с нею областях; каждый год созывались соборы, где решались важнейшие дела, в особенности касавшиеся покаянной практики. По поводу чрезвычайных событий созывались более значительные соборы. Так, в первые годы епископства Фирмилиана состоялся большой собор в Икони, на котором присутствовали епископы из Каппадокии, Галатии, Киликии и еще других провинций. На нем-то и было «делано постановление, что обращенные в православие еретики должны подвергаться новому крещению. Другой собор, заседавший приблизительно в то же время в Синнаде, в восточной Фригии, пришел к подобному же решению⁵⁵⁶.

Гонение Деция обрушилось на эти области, как и на всю империю. Мы совсем не знаем его подробностей, если не считать того, что Григорий, как и Киприан в Карфагене, спасся бегством от розысков правительства. Часть его паствы поступила так же. Более тяжелым испытанием были набеги варваров, борадов⁵⁵⁷ и готов, которые после поражения Деция (251) опустошали эти беззащитные страны. Орда, овладевшая нижним течением Дуная, перебравшись в Малую Азию чрез проливы и разлилась по ней до Ефеса и до Каппадокии. Другие варвары явились с моря, овладели Трапезундом и опустошали его окрестности. Уходя, они оставили после себя много развалин, но также возбудили в христианской общине много

моральных вопросов, которые Григорию пришлось так или иначе разрешать⁵⁵⁸. Понтийские христиане, которых варвары брали в плен, а потом отпускали, чувствовали упреки совести в том, что ели у них оскверненную пищу. Григорий не придавал этому казусу никакого значения, тем более, что варвары, как уверяли пленники, не приносили жертв идолам, и таким образом их трапезы не могли носить религиозного характера. Честных женщин варвары подвергали насилиям; Григорий старался по мере сил их утешить и успокоить. Другие и без участия варваров не отличались целомудренным поведением: к этим он более строг. Многие христиане возместили свои потери, присвоив себе имущество, украденное готами, и даже уведенных ими в плен людей. По мнению Григория из-за них гром небесный может покарать всю страну. Но были случаи еще хуже: нашлись христиане, которые прислуживались к варварам, провожали их по местным дорогам, показывали дома, годные для ограбления, даже вступали в их шайки и делались сообщниками их преступлений, забывая, по выражению епископа-патриота, свое звание понтийцев и христиан. Эти малоутешительные подробности заставляют думать, что столь быстро достигнутая Григорием христианизация страны не была вполне прочной.

Об этом святом епископе сохранилась в народе глубокая память. Его чудеса приобрели широкую славу и заслужили ему прозвание Великого и Чудотворца. Неокесарийская церковь еще в IV веке держалась его символа веры, который он получил в откровении по молитве Марии, Матери Божией, от евангелиста Иоанна; по крайней мере так гласит предание, записанное Григорием Нисским, панегиристом Чудотворца. Судя по тексту, неокесарийский символ веры скорее отзывается влиянием Оригена. Во всяком случае видно, что, несмотря на свои чудеса и пастырские обязанности, Григорий не переставал быть на высоте философского образования, полученного им от великого александрийца. Некоторые труды, не без основания приписываемые ему, кроме уже упомянутых, свидетельствуют о том, что он интересовался отвлеченными вопросами⁵⁵⁹.

2. Антиохия

С начала II века Сирия разделялась на три провинции: собственную Сирию на севере, Палестинскую Сирию, бывшее царство Ирода, и, наконец, на юг и восток от этой, – Аравию, обнимавшую царство Nabateyское, присоединенное к империи в 105 г.: сюда причислялись Бостра, Петрея и Синайский полуостров. Древняя столица Селевкидов, ставшая теперь правительственным центром северной Сирии и главной квартирой восточной армии, – Антиохия продолжала сохранять свое значение духовной столицы всех этих стран. Это был огромный город. По числу населения (700,000 душ) и по торговле она почти не уступала Александрии, но превосходила ее по значению в стратегическом отношении. Эллизм был здесь однороднее, выработаннее. Антиохия пользовалась городским самоуправлением. Афины жили своими воспоминаниями, Тарс славился своими школами, но в сущности Антиохия была крупнейшим греческим центром, где эллинский дух, несмотря на разлагающее влияние Востока, был еще всего живее. Антиохия была очень строптива. Императоры не любили ее; она развращала их полководцев, часто выдвигала их как соперников императору. Здесь восстали Авидий Кассий при Марке Аврелии и Песценний Нигер, соперник Септимия Севера. Победа Севера сопровождалась чрезвычайно суровыми карами. Сирийская провинция была расчленена; от нее отделили в особую, четвертую провинцию Финикию, пытались даже уничтожить антиохийское городское управление и обратить этот громадный город в местечко, приписанное к Лаодикии. Но эта затея не привилась: как-никак Антиохия была расположена на том именно изгибе Евфрата, которым река ближе всего подходит к Средиземному морю, и, следовательно, в естественном центре, откуда можно было защищать всю восточную границу. Антиохия скоро вновь получила свои привилегии и не перестала быть царицей Востока; ее значение не падало до времен Юлиана.

Выше было уже сказано, что ода сделалась первой после Иерусалима метрополией христианства. В после-апостольском поколении она видела в своих стенах таких епископов, как Евод и знаменитый мученик Игнатий. В это же время еретики Менандр и Сатурнил сеяли там плевелы гностического учения. Со времен Адриана антиохийская церковь окутывается для нас мраком неизвестности. Список епископов, полученный Евсевием от Юлия Африкада, дает для этого периода ничего неговорящие нам имена Герола, Коруилия, Эроса, а после них Феофила, который, по-видимому, епископствовал в последние годы Марка Аврелия и в царствование Коммода. Мы его знаем до его сочинениям; единственное дошедшее до нас – трактат в трех книгах, посвященный некоему Автолику и содержащий апологию христианства против нападок язычников⁵⁶⁰. Перед этим он писал против Маркиона и Гермогена. Этот последний был – не чуждый философии и еще остававшийся полуязычником художник; это – тот самый Гермоген, которого опровергает Тертуллиан в своей книге *Adversus Hermogenem*. Принимая во внимание писательскую манеру Тертуллиана, можно думать, что он включил в свою книгу значительную часть трактата Феофила, прикрасив его новыми язвительными нападка⁵⁶¹. Произведения антиохийского епископа высоко ценились; на Западе их знали издавна; еще раньше Тертуллиана из них черпали Иринеи и Ипполит. Феофил сочинял также маленькие книжки катехизического содержания. Эта литературная деятельность была очень к лицу епископу великой столицы Востока. Антиохийское духовенство во все времена отличалось своим образованием; обучение оглашаемых здесь должно было стоять не ниже александрийской школы. В своих книгах, посвященных Автолику, Феофил ссылается⁵⁶² на свой предшествующий труд, *περὶ ἱστορίων*, по-видимому, представлявший нечто в роде хроники событий от создания мира. Если так, то ему принадлежит честь первенства в такого рода литературе, которой лет сорок или пятьдесят спустя занимались Юлий Африкан и Ипполит.

После него антиохийской церковью управлял Максимин, о котором мы не знаем ровно ничего, затем Серапион, ближе известный нам. Время его епископства совпало приблизительно с царствованием Септимия Севера, – с поражением Песценния Нигера и жестоким наказанием Антиохии. Серапион принимал участие в борьбе с монтанистами⁵⁶³, написав по этому поводу свое послание к Понтию и Кирику; оно входило в состав сборника посланий, наподобие сборников Игнатия и Дионисия Коринфского. Евсевий, знакомый с этим сборником⁵⁶⁴, приводит любопытную выдержку из послания к русской церкви в Киликии, на сирийском берегу Иссинского залива. Дело идет о Евангелие от Петра. Вот что о нем говорит Серапион:

„Братия, мы принимаем Петра и прочих апостолов, как самого Христа; что же касается сочинений, которые им ложно приписываются, то опыт заставляет нас отвергнуть их, поскольку мы знаем, что получили их не по преемству от них. Когда я был у вас, я думал, что вы все держитесь правой веры; поэтому, не рассматривая так называемого евангелия от Петра, которое они⁵⁶⁵ мне представили, я сказал, что если запрет, наложенный на него, – единственная причина ваших, несогласий, замеченных мною у вас, то пусть читают его. Но теперь мне сообщили, что мои слова послужили предлогом для этих лиц вдаться в ересь: посему я непременно в скором времени навещу вас. Итак, ждите меня”.

Из этого рассказа и из последующего видно, что еретики, среди которых наиболее видным был Маркион, начали с того, что ввели в Россе названное апокрифическое евангелие, а раз оно терпимостью антиохийского епископа было допущено к публичному чтению в церкви, еретики стали ссылаться на него в подкрепление своего учения. Серапион хотел выяснить себе дело и прочесть евангелие от Петра⁵⁶⁶. Он вынужден был взять экземпляр его на прочтение у докетов, еретиков, с которыми боролся уже св. Игнатий и которые могли иметь некоторую связь с сектами Сатурнила и Маркиона. Докетизм долгое время имел большое влияние в Антиохии⁵⁶⁷. Из этого чтения Серапион заключил, что по общему своему содержанию евангелие от Петра было православным, но оно заключало в себе

странности, навеянные именно влиянием докетизма. Такая характеристика вполне совпадает с тем впечатлением, какое производит отрывок этого евангелия, недавно извлеченный на свет Божий из египетских папирусов⁵⁶⁸.

После Серапиона, умершего около 211 г., антиохийская церковь избрала епископом исповедника по имени Асклепиада. По этому поводу Александр, епископ Кесарии Каппадокийской, будучи сам исповедником и находясь в тюрьме, написал оттуда антиохийским христианам послание, которое им отвез Климент Александрийский⁵⁶⁹; оно воздавало высокую хвалу новому епископу. Вот все, что мы знаем об Асклепиеде; об его деятельности в качестве епископа, равно как и об его преемниках, Филете и Зебиде, мы не знаем ничего⁵⁷⁰. После них епископом стал Вавила, который занимал это место до гонения Деция; о нем уже говорено выше по доводу гонения⁵⁷¹.

3. Эдесса

Расположенный по ту сторону Евфрата, в верхней части Месопотамии, город Эдосса к концу II века до Р. Х. сделался столицей маленького царства, независимого от Селевкидов и управляемого местной династией. Государи ее почти все назывались Авгарь или Ману. Здесь непрерывно боролось парфянское влияние с римским, но в общем римское перетягивало. До III в. до Р. Х. эдесским царям удалось сохранить свою независимость, но когда Север образовал провинцию в Месопотамии с главным городом Низибией, то это отрезало их от парфянского царства и подготовило полное присоединение Эдессы к империи.

Это маленькое озроенское царство было, несмотря на македонское происхождение имени столицы, совершенно чуждо эллинизму. Господствующим языком был сирийский. Евреев было в этом крае очень много. В евангельские времена Изот, царь Адиабены (древняя Ассирия), принял иудейскую веру вместе со своей матерью Еленой. К началу II века благодаря политическому перевороту эдесский престол достался одной линии династии Авгарей, которая вела свое происхождение от Изота. Два или три поколения спустя Авгарь IX Бар-Ману (179–214) обратился в христианство; его сын и преемник Ману также был христианином. Юлий Африкан был с ними обоими в дружеских отношениях. Ману царствовал недолго: Каракалла лишил его престола (216 г.) и отослал пленником в Рим. Но этим фактом не кончилось еще существование озроенского царства; род Авгарей продолжается до времен императора Гордиана III.

Обращение в христианство царя, естественно, оказало большое влияние на распространение христианства в области Евфрата. Когда возник спор о Пасхе, в Озроене было уже несколько епископов⁵⁷²; в Эдессе христианский храм был очень видным зданием; о нем упоминается в местной хронике в рассказе о наводнении, которым он был разрушен в 201 г.⁵⁷³

Местная религия, вытесненная христианством, была одним из тех очень распространенных на Востоке культов, где божество является в двойственном виде, – мужского и женского пола. О ней можно себе составить понятие по тому описанию храма в Мабуге или Иераполе, какое нам дал Лукиан⁵⁷⁴. Одним из подвигов благочестия считалась священная кастрация. После своего обращения Авгарь строго запретил этот обычай.

В Эдессе, как и во множестве других стран, первоначальная история христианства заменилась легендами. Они стали создаваться очень рано. Уже в конце III века по рукам ходили писанные рассказы⁵⁷⁵, якобы извлеченные из царского архива; в них обращение царя приписывается самому Спасителю: Авгарь, будучи болен, услышал о чудесах Иисуса; он написал Ему, прося прийти в Эдессу. Иисус отказался, но при этом предсказал, что Эдесса никогда не будет взята врагами, и обещал вскоре прислать кого-нибудь из Своих учеников. Действительно, после страданий Спасителя апостол Фома послал в Эдессу ученика по имени Аддаи (Аддей или Фаддей), который обратил царя в христианство, крестил и исцелил его. Все царство после этого приняло новую веру. Эдесская церковь получила первым епископом самого Аддая, затем двух его учеников и сотрудников, Аггаи и Палута. Во время епископства Аггаи произошла смена царей и началось гонение. Аггаи погиб; его преемника Палута некому было посвятить в епископы, и потому он отправился испросить себе возложения рук у епископа антиохийского Серапиона, который сам был посвящен Зеферином, епископом римским.

Бесполезно вскрывать всю историческую и хронологическую путаницу этого рассказа; вместе с главным событием, – принятием христианства, – он переносит к апостольским временам разных лиц и события, которые на самом деле относятся к концу II века. Апостол Фома со времен Оригена⁵⁷⁶ считался апостолом парфян. В Эдессе в IV веке почитали место его предполагаемой могилы и воздвигли над ним базилику, куда богомольцы стекались во множестве.

Величайшую славу Эдессы во время ее христианских царей составлял Вардесан, родившийся в 154 г.⁵⁷⁷ Он был в близкой

дружбе со своими царями, и если только Юлий Африканский⁵⁷⁸ не спутал его с каким-нибудь тезкой, он был, подобно им, страстным охотником. То, что мы знаем об его литературной деятельности⁵⁷⁹, характеризует его как блестящего, иногда очень серьезного философа, любознательного ученого, очаровательного поэта. В своих верованиях он пережил довольно значительную эволюцию. Некоторое время он, как и многие выдающиеся умы, увлекался зонами. Достигнув более правой веры, он все же навсегда сохранил в себе следы гностицизма. Маркионизм, распространенный по ту сторону Евфрата неким Препоном, встретил в нем себе противника. Он писал также против учения Валентина о плероме и против иных ересей того времени. Если бы от его произведений осталось что-нибудь, кроме ничтожных отрывков, то это были бы древнейшие памятники сирийской литературы. Из 150 приписываемых ему гимнов до нас дошло только несколько обрывков в песнопениях, которые в противовес им были составлены св. Ефремом. Весьма сомнительно, принадлежит ли ему сирийская апология, посвященная Септимию Северу и ложно приписанная Мелитону⁵⁸⁰. Книга под заглавием „Законы страны“⁵⁸¹, – разговор, в котором Вардесан является собеседником, – наверно принадлежит не ему, а какому-нибудь ученику его; может быть, она первоначально даже была написана не по-сирийски. Вопрос о судьбе и о влиянии небесных светил, составляющий предмет ее, был разобран и самим Вардесаном в трактате „О судьбе“ (περὶ εἰμαρμένης), посвященном некоему Антонину⁵⁸² и направленном против какого-то астролога Авидаса.

Вардесан любил излагать свои мысли в разговорной форме. В арамейской литературе он играет роль одновременно Платона и Пиндара⁵⁸³. Те, кто его читал, ставят ему в упрек главным образом некоторую веру в астрологическое предопределение судьбы и приверженность к докетским учениям.

Он чуть было не сделался мучеником. Св. Епифаний рассказывает, что Аполлоний, член дома (т. е. вероятно, служащий) Антонина (Каракаллы), потребовал от него

отречения от христианства и что тот отказался исполнить требование. Возможно, что это стоит в связи с политическим движением, происходившем в Эдесском государстве, когда Каракалла отнял престол у царя Ману и присоединил страну к римской империи. Связь Вардесана с павшим монархом могла только осложнить его положение при новом порядке вещей. Это не помешало ему писать против гонения и гонителей. На него смотрели почти как на исповедника. Однако его слава не оставалась вполне прочной. Став ближе к церквам в империи, где православие мало-помалу принимало более строгие формы, эдесситы встревожились теми уклонениями от него, какие позволял себе их национальный поэт. Его ученики, по всей вероятности, как это обыкновенно бывает, пошли дальше его и навлекли на него тень. Появились еретики вардесаниты; они обзывали православных палутианцами, что составляет как бы отголосок раскола, происшедшего во времена епископа Палута. В IV веке автор Adamantius'a, приписывает вардесанитам ясно выраженный докетизм; они отрицали сотворение диавола Богом и воскресение плоти. Св. Ефрем рисует их как еретиков очень скрытных, ловко умеющих маскировать свои заблуждения под православными формами выражения.

В остальных сирийских странах города были греческими, по крайней мере официально были таковыми; в слоях же низшего населения говорили, как в деревнях, на различных наречиях арамейского языка. В местных церквах господствовал всецело греческий язык, но в Эдоссе все говорили по-сирийски; на этом же языке служили литургию и говорили проповеди. Благодаря этому, а также близкому соседству с парфянским царством столица Озроены сделалась центром христианской проповеди для западных областей этого царства, где господствующим языком был также сирийский. Действительно, с именем Эдессы связаны все наиболее правдоподобные предания о распространении евангелия в этом крае. Нет сомнения, что Эдесса была участницей введения христианства и в Армении.

4. Южная Сирия

По-видимому, христианство не распространялось на своей родине с такой же быстротой, как по северной Сирии и Малой Азии. Ливан, верхние долины Оронта и Иордана, плоскогорья, простирающиеся за ними по направлению к великой сирийской пустыне, еще весьма слабо приобщились к греческой цивилизации во время первой апостольской проповеди. За исключением приморских греческих или эллинизированных городов и нескольких подобных же поселений в глубине страны, в этих краях господствовал еще ханаанский и арамейский языки. Ливан был полон древних храмов и священных ключей, баснословная история которых восходила гораздо ранее походов Александра Македонского. Значительные города вокруг Тивериадского озера, в Сародской равнине и в стране заиорданской продолжали держаться еврейских традиций и нравов. Еще не исчезли самаряне. На рубеже пустыни кочующие бедуины то приближались, то отступали, смотря по тому, насколько крепко охранялась граница. Однако эллинская цивилизация все подвигалась вперед. Во II столетии исчезли одно за другим все мелкие государства внутри страны; военные посты римлян, растянутые цепью от Евфрата до Красного моря, прикрывали уже сплошную римскую провинцию, которая усеивалась городами и памятниками, покрывалась сетью дорог. Быстро прививались городское самоуправление, греческий язык, все внешние формы римского объединяющего владычества. Даже сами боги эллинизировались: Ваал к удивлению своему брался с Юпитером, греческая Афродита узнавала себя в Астартах: она по крайней мере возвращалась на свою родину.

Все эти успехи эллинизма были в общем благоприятны для христианства. Иудео-христиане, которые становились все малочисленнее, не играли большой роли. Крупные города побережья, – Кесария, Тир, Берит, – были центрами, откуда шла христианская проповедь вглубь страны, следуя шаг за шагом за распространением римской цивилизации. Во времена Адриана

то положение, и какое занимала в Иерусалиме церковь из обрезанных, теперь не по своей воле покинувшая этот город, перешло к церкви христиан из язычников; Кесария, Птолемаида, Тир и многие другие города имели в своих стенах значительные христианские общины. Однако о них история упоминает впервые по поводу спора о Пасхе (около 190 г.), для разрешения которого собрался в Палестине, как и в других странах, собор⁵⁸⁴. Епископы Феофил Кесарийский и Наркисс Элийский (Иерусалимский) встретились на нем с Кассием Тирским, Кларом Птолемаидским и некоторыми другими. Тир и Птолемаида входили в состав провинции Сирии (*Syria Coele*), между тем как Кесария и Иерусалим принадлежали к области Палестины. Следовательно, епископы группировались тогда еще не по провинциям. Впрочем из соборного послания финикийских и палестинских епископов мы видим, что между ними и епископом александрийским поддерживалась постоянная переписка относительно времени празднования Пасхи. Эти страны в сущности всегда оставались в более тесной церковной связи с Египтом, чем со столицей Востока.

Евсевий, всю жизнь проведший в Кесарии, перерывший все библиотеки и архивы в этом городе и в Иерусалиме, не обнаруживает никаких сведений по истории своей церкви ранее Феофила. Он более осведомлен об иерусалимской церкви. В его время в устном предании сохранилась и, быть может, немного приукрасилась память о престарелом епископе Наркиссе⁵⁸⁵. Списки епископов, в которых историк не мог вполне разобраться⁵⁸⁶, называли 14 греческих предместников его, не считая 15 обрезанных, ряд которых начинался со святого Иакова. Это количество слишком велико. Наркисс был избран в царствование Коммода, в то время, когда Елевферий епископствовал в Риме, т. е. приблизительно лет через 50 после основания Элии Капитолины⁵⁸⁷. Евсевий называет βραχύβιοι (недолговечными) предшественников Наркисса. Этот не последовал их примеру, ибо прожил до 120 лет. Несмотря на славу своей святости и чудес, он стал жертвой нелепых клевет; увлекаемый стремлением к аскетической жизни, он тогда скрылся в какую-то пустыню. Его паства после долгих поисков

решила избрать на его место преемника, затем другого, затем третьего, которые, по-видимому, последовали примеру „недолговечных“. Наконец, Наркисс вновь появился. Его встретили со всеобщей радостью. Но старец был уже слишком дряхл, чтобы нести обязанности епископа. Бог послал ему в помощь святого и ученого епископа Александра из Каппадокии. Александр управлял иерусалимской церковью, как викарий почтенного Наркисса, и унаследовал его кафедру, когда тот окончил свое долгое жизненное странствие. В его епископство, продолжавшееся до гонения Декия, церковные науки процветали в Элии Капитолине; Он учредил здесь библиотеку, богатствами которой пользовался для своих сочинений Евсевий.

Но христианская наука процветала не только в Элии и около ученого епископа Александра. Кесария, где перед этим несколько раз появлялся Ориген, стала с 231 г. местом его учительства; искатели православного гносиса притекали сюда со всего эллинского мира; переписчики и книгопродавцы занимались собиранием и изданием сочинений великого богослова; его издания Библии, его комментарии, разнообразные другие произведения наполняли многочисленные томы и составили основу библиотеки, которая славилась долгое время спустя. Недалеко оттуда, в Никололе, прежнем Эммаусе, жил знаменитый Юлий Африкад (Sex. Julius Africanus), который родился в Элии и после продолжительных скитаний поселился в Палестине. Будучи воином по своей профессии он участвовал в походах Септимия Севера против парфян; как страстный охотник, он избороздил леса в обществе христианских государей Эдессы. Это был человек, весьма интересовавшийся древностями. Во время своих путешествий он осмотрел остатки Ноева ковчега на горе Апамее во Фригии, в Эдессе – палатку Иакова, в Сихеме – терпентинное дерево того же патриарха. Он побывал также в Александрии и в ее катехетической школе в то время, когда Иракл заменял в ней отсутствующего Оригена. Здесь в Египте добыл он себе экземпляр гермесианских книг, которым очень дорожил. Вернувшись в Палестину, он занялся городскими делами в

Никополе и даже взялся сопровождать в Рим депутацию от своих сограждан, которым нужно было выпросить для своего города милостей у Гелиогабала. Он оставался там еще во времена Александра Севера, которому выстроил библиотеку близ Пантеона⁵⁸⁸. Он прожил по крайней мере до 240 года.

Литературное наследие Юлия Африкана довольно смешанного состава. Сперва он написал Хронографию в пяти частях, где события светской истории были расположены в порядке, синхронистическом событиям библейской истории. Это был первый опыт всеобщей хронологии. Уже другие ученые христиане, – Иустин, Тациан, Феофил Антиохийский, Климент Александрийский, – пытались доказать, что происхождение народа Божьего гораздо древнее всех других народов: Юлий Африкан провел эту мысль в своей Хронике. Его книга давала возможность проверить для каждого столетия и даже для каждого года соотношение событий священной и светской истории. Евсевий много почерпнул из этого труда, оригинал которого, к сожалению, утрачен. Летосчисление велось от сотворения мира; для последней части своего труда Африкан, в качестве хронологической меры, пользовался олимпиадами. О периоде, протекшем со времени пришествия Христа, он говорил очень кратко. Однако именно здесь нашел Евсевий списки римских, александрийских и антиохийских епископов, причем первые два списка сопровождались цифрами годов, которые Евсевий использовал как вспомогательный материал для своей Хроники и Истории. Хронология заканчивалась четвертым годом царствования Гелиогабала (221). По исчислению Юлия Африкана, миру надлежало существовать 6000 лет: 3000 протекли от создания мира до патриарха Фалега, который делит пополам и время, и народы⁵⁸⁹, 2500 лет прошли от Фалега до Иисуса Христа; следовательно, миру осталось просуществовать всего только около 3 столетий. Такова же была система Ипполита. Все течение веков рассматривается здесь как великая неделя, каждый день которой длится тысячу лет. Эту мысль выводили из известного библейского текста⁵⁹⁰.

После своей Хронографии Юлий Африкан издал нечто вроде энциклопедии под заглавием *Κεστοί*, посвященной

императору Александру Северу. В ней собраны тысячи наблюдений и правил. Это очень странная книга. Автор верит в магию; он поддался вредному влиянию своих гермесианских книг и других подобных. Его письмо к Оригену (около 240 г.) о достоверности истории с Сусанной и его письмо к Аристиду о согласовании евангельских родословий касаются предметов, более приличествующих его званию христианина.

В Аравид, в этой отдаленной провинции, как бы затерянной между Иорданом и пустыней, христианство также уже процветало и оставило там следы своей умственной деятельности. В первые годы царствования Каракаллы (около 214 г.) Ориген в первый раз посетил этот край при довольно необычайной обстановке. Императорский легат вызвал его письмами на имя префекта Египта и александрийского епископа. Очевидно, этот сановник интересовался христианским богословием и желал побеседовать с его знаменитейшим представителем. Несколько позднее епископ бострийский Берилл прославился своими книгами и посланиями⁵⁹¹. Он тоже был опытным богословом, но его убеждения не были строго православными. Судя по тому немногому, что о нем рассказывает Евсевий, видно, что они стояли в связи с модалистической христологией, конечно, скорее с системой Савеллия, чем Феодота⁵⁹². Эти лжеучения уже были осуждены в Риме. В Аравии они также вызвали очень сильную оппозицию. Бериллу пришлось неоднократно вести прения как с другими туземными епископами, так и с пришлыми личностями. В них принял участие и Ориген; после долгих частных разговоров он вступил с Бериллом в публичный спор, в котором успел выяснить довольно тонкие оттенки заблуждений епископа, и, – что делает особенную честь его приемам полемики, – ему удалось заставить самого Берилла признать свои ошибки и вернуться на истинный путь. На всех этих собраниях, совещаниях и т. п. составлялись протоколы прений. Это дело происходило в царствование Гордиана III (238–244).

В царствование Филиппа (244–249), или, точнее, в последние годы его, Ориген в третий раз посетил Аравию. Вновь понадобилось его участие в борьбе с уклонениями от

истинной веры; вскрылось столкновение между учением о воскресении и учением о бессмертии души. Некоторые признавали первое и отвергали последнее. Был созван собор: Ориген держал речь, и на этот раз пожал новые лавры, убедив несогласных с ним. Современник его император Филипп и жена его Отацилия Севера были оба родом из Аравии. Оба были воспитаны в духе христианской веры. Они тоже были в сношениях с Оригеном, который переписывался и с тем, и с другою. Филипп был очень посредственным христианином. Однажды в Антиохии в день Пасхи он явился в церковь; епископ Вавила отказался допустить его, пока тот не выполнит обряда покаяния. Филипп подчинился⁵⁹³.

XXII. Павел Самосатский

Новацианство в Антиохии. – Политические перевороты на Востоке: царство Сассанидов; владетели Пальмиры. – Павел Самосатский, еп. антиохийский: его жизнь и учение. – Восточные соборы. – Спор из-за владения церковью в Антиохии; решение Аврелиана.

Вавила Антиохийский и Александр Иерусалимский были на Востоке самыми прославленными жертвами гонения Деция. Когда гроза миновала, там, как и на Западе, возник вопрос об отступниках. Мы уже касались выше того отголоска, какой нашел в восточных областях римский раскол, вызванный Новацианом. Непримиимо строгие правила, выдвинутые этим последним, приобрели там много сторонников. Новый епископ антиохийский Фабий⁵⁹⁴, преемник мученика Вавилы, нашел затруднительным признавать папу Корнилия, – и не он один. По этому доводу впервые установилась согласованность действий между епископами Сирии и гордой Малой Азии, – согласованность, которая продержалась долго и имела чрезвычайно важные последствия. Епископы тарсский (Елен), Кесарии Каппадокийской (Фирмилиан) и Кесарии Палестинской (Феоктист) пригласили своего сотоварища Дионисия Александрийского прибыть на собор, который они созывали в Антиохии. Положение было очень серьезно, так как инициаторы собора были противоположного Фабию образа мыслей. Дионисий не имел никакого желания лично вмешиваться в столь острый раздор. Он ограничился тем, что письменно поддерживал сторонников терпимости; в этом смысле он писал христианам в Лаодикию Сирийскую, епископ которой звался Фелимидрис, и в Армению⁵⁹⁵, где должность епископа исполнял некий Мерузанис. Впрочем дело кончилось благополучнее, чем можно было предвидеть. Фабий умер, а его преемник Димитриан отказался от сторонников Новациана; в Лаодикии Фелимидрис, который, по-видимому, шел по стопам Фабия, был также заменен другим епископом, Илиодором. Точно неизвестно, состоялся ли собор. Важнее то, что мир был

восстановлен: вскоре Дионисий Александрийский мог уже сообщить папе Стефану, что от Понта и Вифинии до Палестины и Аравии между всеми церквями установилось на будущее время полное согласие.

Этот оптимистический отзыв не должен скрывать от нас того факта, что в IV столетии, по крайней мере в Малой Азии, было много новацианских, или катарских, общин и что восточные соборы, начиная с никейского, и даже само императорское правительство неоднократно занимались ими. Такое положение, объясняемое лишь предшествующей пропагандой, заставляет предполагать, что удостоверенное александрийским епископом единение пастырей лишь отчасти свидетельствовало об единстве стада, и что при улаживании беспорядков, вызванных гонением Деция, во многих местах произошел раскол.

Папа Стефан, которому писал Дионисий Александрийский, вследствие своего необдуманного ригоризма едва не сделался виновником гораздо более важного раздора. Епископы областей верхней Малой Азии в деле воссоединения еретиков не следовали ритуальным порядкам римской церкви. Стефан, который не задумался лишить общения с Римом всю африканскую церковь из-за этого разногласия, выказал такую же непримиримость и по отношению к епископам Киликии, Галатии, Каппадокии и других соседних провинций. Фирмилиан однако не испугался: он энергично поддержал протест Киприана; послание, написанное им Киприану, не подавало решительно никакой надежды на мирный исход. Однако опасное столкновение миновало и, как и в предыдущий раз, благодаря простой смене личностей. Сикст II, преемник Стефана, не подражал его высокомерному обращению, и общение восстановилось.

Я это было кстати. Ужасные бедствия ожидали эти несчастные и восточные области. Валериан изменил свое отношение к христианам; епископы, захваченные полицией, томились в тюрьмах в ожидании еще более суровых наказаний. Но гонение было еще не самым горшим бедствием. Сама империя, виновница гонения, шаталась в своем основании.

Границы делались всюду жертвой варварских набегов; готы, разбойничавшие на Черном море, налетали шайками на понтийские берега и производили опустошения даже в глубине страны. На Востоке вечно возобновлявшаяся война из-за обладания Месопотамией и протектората над Арменией принимала теперь гораздо более грозный оборот, чем прежде. Парфянская династия заменилась в Ктезифоне новой династией Сассанидов, уроженцев собственной Персии. Движение, которому она обязана была престолом, было одушевлено воскресшими национальными традициями Ирана и его религиозными учреждениями. Уже при первом государе из этого дома, Ардашире (224–241), римлянам пришлось бороться за сохранение своей власти над Месопотамией; едва удалось отстоять лишь ее крепости. Преемник Ардашира Сапор I овладел Арменией (253). Теперь для персидской конницы не было преграды, которая помешала бы напасть на Каппадокию и Сирию, что она и не замедлила сделать. Император Валериан отправился сам на Восток и отбросил ее за Евфрат; но в то время, как он шел на выручку осажденной Эдессы, был захвачен в плен персами и скоро умер в плену.

В Риме ему наследовал его сын Галлиен; на Востоке же его смерть привела в расстройство всю оборону. Сирия и Малая Азия были предоставлены на произвол персов; они захватили врасплох Антиохию, разграбили и сожгли ее и увели в плен огромное количество жителей. Из них образовали целую колонию, которую поселили в глубине Сузианы⁵⁹⁶. Та же участь постигла Тарс и Кесарию Каппадокийскую. Римской армии больше не было. В конце концов этот грандиозный набег кончился так, как всегда кончаются подобного рода предприятия: победители почувствовали желание, вернуться домой, чтобы насладиться захваченной добычей; при отступлении их беспокоили партизанские шайки, которых привлекали богатства следовавших за ними обозов.

В этой сумятице один римский военачальник, Макриан, провозгласил императорами своих двух сыновей, не обращая никакого внимания на Галлиена. Но последнего поддержал владетель Пальмиры Оденат, который, быстро покончив с

претендентами, напал на победителей-персов, восстановил целостность границ империи, объявил себя представителем императора Галлиона и был признан таковым на всем Востоке. После его смерти (267 г.) его жена Зиновия сохранила в своих руках, в качестве опекунши своего малолетнего сына Вабаллата, всю мужнину власть, подчинив ей не без усилий даже Египет. Со стороны Малой Азии ее территория все росла; Халкидон был в ее руках, и она уже готова была овладеть Византией, когда Аврелиан, став императором (270 г.), предпринял борьбу против этого всезахватывающего наместничества. Александрия была отвоевана в том же 270 г. полководцем Пробом после очень упорной осады и сражения на улицах Александрии, почти в конец опустошившего этот громадный город. Больше времени потребовалось Аврелиану, чтобы справиться с энергичной повелительницей Пальмиры. Мало-помалу однако ему удалось оттеснить ее за горный хребет Тавра, разбить ее при Антиохии и, наконец, в 272 г. завладеть ею в ее убежище среди пустыни, в Пальмире. Пленная Зиновия была обречена на участие в триумфе победителя, а на Востоке был восстановлен обычный порядок.

Когда Аврелиан водворился в Антиохии, одним из вопросов, которые ему пришлось разрешать, конечно, совершенно неожиданно, был вопрос, кто именно христианский епископ в этом городе. Два соперника оспаривали друг у друга не только это звание, но и владение епископским домом. Эта очень важная во многих отношениях история⁵⁹⁷ требует предварительных разъяснений. Вскоре после разгрома Антиохии на место еп. Димитриана был избран некий Павел, родом из Самосат. Простолюдин по происхождению, этот человек, ловкий и пронырливый, не преминул воспользоваться своим духовным саном, чтобы составить себе завидное богатство. Раньше или позже своего избрания во епископы он добился места приемщика податей с жалованьем в 200.000 сестерций (*procurator ducenarius*). Царица Зиновия его очень почитала. Он даже в глазах внецерковного общества был одним из важнейших лиц в Антиохии. Это и заметно было, когда он проходил по улице гордой поступью, с озабоченным видом,

всегда в сопровождении многочисленной свиты. По отношению к церкви он держал себя очень высокомерно. В жалком стремлении заменить почитание Божества культом епископа он заботливо украшал свое епископское кресло и свои принадлежности служения, позволял рукоплескать себе и даже воспевать себя хором певиц. Частная жизнь Павла, окружавшего себя приближенными женщинами (*subintroductae*), была небезупречна. Тем не менее в виду его крайней снисходительности к слабостям своего клира ему простили бы его светскость, если бы он не принялся рассуждать о догматах. Погубило его богословие. Для того ли, чтобы понравиться Зиновии, очень любившей евреев и иудейство, или под влиянием собственных убеждений, он стал проповедовать антиохийцам учение, подобное тому, какое излагали Феодот и Артема, – что Христос постепенно и путем усыновления сделался Богом. Враги Павла заявили наиболее видным епископам на Востоке свой протест; их жалоба была услышана. Несколько раз в Антиохии съезжались соборы не по зову Павла. Душою этого движения среди епископов был все тот же Фирмилиан, знаменитый каппадокийский епископ. Григорий Неокесарийский и брат его Афинодор сопровождали его на соборы, в которых участвовали также епископы Тарса, Иконии, Кесарии Палестинской, Элии, Бостры и много других. Дионисия Александрийского также звали в Антиохию, но он отказался, сославшись на свой возраст и здоровье; однако послания свои он адресовал антиохийской церкви, а не ее епископу, что уже было многозначительным признаком его взгляда на дело.

Однако распутать положение было нелегко; Фирмилиан с товарищами два раза предпринимали путешествия в Антиохию вернулись, ничего не добившись. Человек изощренный в логических тонкостях и ловкий проныра, Павел всегда отыскивал себе лазейку; когда же его просили исправиться, он давал кучу обещаний и не выполнял ни одного из них. Наконец, третий собор, состоявшийся в 267 или 268 году, достиг своей цели. Преемника Дионисия, Максима, на нем не было, Фирмилиана – также, ибо он умер по дороге на собор. Однако собралось большое число (от 70 до 80) епископов из Малой

Азии и Сирии, не считая пресвитеров и диаконов. На этот раз помог делу своими знаниями очень ученый-пресвитер по имени Малхион, который соединял со своими пастырскими обязанностями должность начальника „ эллинской“ школы в Антиохии⁵⁹⁸. Малхион устроил формальный диспут со своим епископом в присутствии всего собора, равно как и стенографов. Ему посчастливилось уловить изворотливую мысль своего противника и заставить его высказаться определенно. Учение, которое Павел при этом развил, было признано недопустимым. Собор вынес приговор об его низложении, заменил Павла Домном, сыном бывшего епископа Димитриана, и сообщил об этом римскому и александрийскому епископам, Дионисию и Максиму, прося их не сноситься более с низложенным владыкой, а только с Домном, новым, единственно законным антиохийским епископом. Что же касается Павла, то пусть он, – добавили отцы собора, – имеет общение с Артемой⁵⁹⁹ и его единомышленниками.

Павел отказался подчиниться этим соборным постановлениям. Опираясь на свою популярность, не совсем чистоплотную, на свое официальное положение, на партию, которую он себе составил в местном духовенстве, и в особенности на покровительство Зиновии, он продолжал быть епископом и жить в епископском доме. Таково было положение дела, когда оно было представлено на разрешение Аврелиана. Император решил, что настоящий епископ – тот, которого признают итальянские и римский епископы. Это значило вынести осуждение Павлу. Его выдворили.

Стенографическая запись диспута между Павлом и Малхионом долго сохранялась; на нее ссылались еще в VI веке. Теперь от нее остались только отрывки, да и то не все они достоверны. Об этом приходится в особенности пожалеть, что соборное послание к Дионисию и Максиму передано Евсевием лишь частью, – в том, что касалось образа жизни и личности Павла, но в нем откинуто все, что касалось прений об его учении. Однако из памятников IV века можно установить, что термин *ἁποούσιος* (единосущный), из-за которого было столько споров при имп. Константине, был явно отвергнут собором,

несомненно, вследствие того модалистического смысла, и который ему можно было придать⁶⁰⁰. Из сохранившихся отрывков видно еще, что Павел, повторяя против учения о Логосе возражения его старых противников, в широкой мере воспользовался общим развитием богословской науки. Его упрекают за отмену древних песнопений и за неуважительные отзывы о древних учителях, очевидно, потому, что те и другие говорили о Логосе, как о лице. Но Павел вынес из знакомства с учителями, которых он критиковал, утонченный характер своих богословских понятий и библейской экзегетики. Это именно ставило в тупик его судей: сами они были учениками Оригена, и из уст Павла они слышали выражения их собственного учителя. Но это было только сходство выражений. Павлу не было никакого дела до космической Троицы оригенистов; та, которую он признавал, заключала лишь тройственность имен; что же касается личности Христа, то он не искал ничего вне Его человеческого, исторического бытия. Как бы ни были малосостоятельны учения его противников, несомненно, что по этим двум вопросам он резко расходился с христианской традицией.

XXIII. Дионисий Александрийский

Дионисий, епископ Александрийский. – Его странствования во время гонения Деция. – Его отношение к вопросу об отступниках и еретиках. – Его ссылка в правление Валериана. – Александрийские волнения. – Египетские хилиасты: Непот. – Савеллианство в Киренаике. – История двух Дионисиев. – Евсевий II Анатолий Лаодикийский.

Столь темная для II века, история христианства в Александрии и в Египте не делается более известной нам и в следующем столетии вплоть до гонения Деция. Из жизни епископов Димитрия (189–231) и Иракла (231–247) известно только то, что относится к истории Оригена⁶⁰¹. Иракл по отношению к знаменитому учителю, который продолжал жить вдали от Александрии, кажется, в общем держался так же, как и его предшественник. Больше, чем о предшествовавших епископах, мы знаем о Дионисии (247–264), который занял епископское место после Иракла, как раньше он же был его преемником по управлению школой. Он, подобно Киприану, оставил после себя сборник посланий, теперь утраченных, но из которых Евсевий сообщает нам длинные выдержки или пересказывает содержание их.

Время его епископства совпало с очень бурным периодом в истории церкви вообще и в особенности острым для александрийской церкви. Едва он вступил в должность, дикий мятеж вспыхнул в городе. Подстрекатель придал ему сперва религиозный оттенок; народ вдруг воспылал необузданной ревностью к своим старым богам, которым грозила гибель от христиан. Местные власти, или не будучи в силах справиться с движением, или сами сочувствуя ему, стушевались. Христиан травили, били, дома их подвергли разгрому; некоторых заставляли отречься, а когда они отказывались, то побивали их камнями, сжигали или сбрасывали с крыш; многие бежали. Через несколько времени мятеж, нисколько не утихая, принял другой характер, и междоусобица залила кровью улицы Александрии. Среди всех этих событий пришло известие о

воцарении имп. Деция, а вскоре после этого был опубликован указ о гонении.

Префект Собин не терял времени; немедленно „фрументарий“ был послан арестовать епископа. Его безуспешно искали по всюду, за исключением его дома, откуда он и не трогался. Через четыре дня он уехал со своим семейством и другими христианами. Полиции однако удалось его перехватить, и он был задержан вместе с некоторыми членами своего клира, – Каем, Фавстом, Потром и Павлом. В то время как стража, которая везла его под конвоем в Александрию, остановилась ночевать в деревне Тапозирисе (Абузир), он был освобожден при довольно своеобразном стечении обстоятельств⁶⁰². Когда Дионисий был арестован, сына его Тимофея не было дома. Вернувшись, он нашел дом пустым; узнав, что тут произошло, он сам пустился в бегство и по дороге повстречался с поселянином, которому сообщил о своей горе. Поселянин шел на одну свадьбу. Он прибавил шагу и, явившись туда, рассказал собравшимся гостям о случившемся. Гости, как истые египтяне, обрадовались случаю насолить полиции и бросились к Тапозирису, потрясая воздух своим криком. Центурион со своим конвоем перепугался и бежал; сам епископ, принявший своих спасителей за разбойников, пришел в волнение и уже предлагал им свои одежды, когда им удалось, наконец, убедить его, что они явились спасти, а не ограбить его. Тогда началась другого рода сцена. Дионисий, который уже готовился к мученическому венцу, не хотел лишиться его; он требовал, чтобы его предоставили собственной участи или чтобы ему отрубили голову и снесли ее к префекту. Но смелые поселяне ничего не хотели слушать: они взяли епископа за руки и за ноги, посадили себе на плечи и скрылись с ним. Его клирики были таким образом тоже освобождены. Через несколько дней после этого они водворились в глухом местечке Ливии, в трех днях пути от Паретония.

Там-то в течение многих месяцев сосредоточивалось управление александрийской церковью. После первых дней гонения те пресвитеры и диаконы, которые меньше всего подвергались опасности быть узванными, вернулись в город. В

числе их называют пресвитера Максима, который впоследствии стал преемником Дионисия, и диаконов Евсевия и Фавста, которым предстояло еще долгое и плодотворное поприще. Когда гонение ослабело, Дионисий сам вернулся в Александрию.

Тогда перед ним, как и перед многими другими, встал вопрос об отступниках. В Египте, как и везде, боролись два течения: непримиримое и умеренное. Дионисий был на стороне последнего. Ему, к счастью, не пришлось бороться с противодействием исповедников, которые в Александрии все тоже склонялись к милосердию. Таким образом вероотступники были вновь приняты в общину, пройдя, конечно, положенные формы покаяния; епископ соразмерял их суровость со степенью вины. Эти начала применены были им в Александрии, и их же он советовал применять другим египетским церквам и ревностно защищал их против непримиримой партии в Риме и в Антиохии. Папа Корнилий, человек таких же взглядов, получил мощную поддержку против Новациана от своего александрийского собрата, который писал убедительные послания римским христианам, исповедникам и даже самому Новациану. Он убеждал и еп. Фабия в Антиохии не поддаваться советам ригористов; то же писал он епископу лаодикийскому, соседнему с Антиохией, и христианам Малой Армении⁶⁰³.

Гонение Галла⁶⁰⁴ приостановило это возрождение церкви, но оно длилось недолго; при Валериане водворился мир (авг. 253 г.). Вскоре затем возгорелся спор о крещении еретиков, в котором Дионисий принял живое участие, отстаивая вместе с папой Стефаном обычай не перекрещивать их, но отказываясь разрывать из-за этого разногласия общение с церквами, державшимися другого обычая⁶⁰⁵. Эта распря уже приходила к концу, когда слабохарактерный Валериан, уступая убеждениям своего фанатичного советника Макриана, объявил новую войну христианству. Дионисий⁶⁰⁶ предстал пред префектом Эмилианом, окруженный свитой своих клириков; до нас дошел в одном из его посланий⁶⁰⁷ протокол этого допроса, в заключение которого он был сослан в местечко Кефро, где жили одни язычники. Епископ обратился в миссионера, и, несмотря на

дурное отношение, которое он сперва встретил, ему удалось приобрести последователей Христу в этой глухой местности. Через несколько времени он был переведен в Коллутсион в Мареоте. Здесь он был ближе к Александрии. Мы не знаем, как удалось ему избежать применения указа 258 года, предписывавшего казнить епископов. Нашлись в Египте люди, которые попрекали его тем, что он не погиб во время гонения, хотя оно заставило его испытать немало лишений; некий епископ Герман поднял столько шума из-за этого, что Дионисий счел нужным выступить с самозащитой и рассказал о пережитых им испытаниях⁶⁰⁸.

Повесть их была длинна, но еще не окончена. Вернувшись в Александрию, несомненно, тотчас же вслед за известием о гибели Валфриана, он был свидетелем возникновения гражданской междоусобицы: одни стояли за Галлиена, другие изъявляли свою приверженность сыновьям Макриана. Город разделился на два резко обособленных лагеря, между которыми никакое сообщение было невозможно; их разделяла главная улица, по которой уже нельзя было никому проходить; она имела вид пустыни, по которой странствовали евреи по исходе из Египта; окрашенная же кровью противников вода гавани приводила на память Красное море. Внутренняя блокада мешала епископу иметь общение с паствой; он был вынужден писать им, как будто снова очутился в изгнании. Да притом и нелегко было переслать даже письмо; двум противоположным концам империи было удобнее сноситься, чем двум кварталам Александрии⁶⁰⁹.

В конце концов весь город подчинился власти Галлиена⁶¹⁰. В промежутке между политическими потрясениями⁶¹¹ он был опустошен страшной чумой, унесшей значительную часть его населения. Христиане отличились в это тяжелое время своим рвением в уходе за больными и в погребении мертвых⁶¹². Дождались по крайней мере полного религиозного мира. Галлиен сам написал Дионисию и другим епископам, извещая их, что он распорядился вернуть христианам места, посвященные религиозным целям, и кладбища. Вследствие этого Дионисий был горячим сторонником этого императора, к

которому вообще относились довольно холодно. В одном из своих посланий, написанном в 262 г., он отмечает, с каким удовольствием будут праздновать десятилетие царствования святого и благочестивого императора, тогда как столько гонителей быстро сошли со сцены⁶¹³.

Во время своего столь беспокойного управления церковью Дионисий нашел еще время и повод заниматься богословскими вопросами и обнаружил в них то глубокое знание, которое он приобрел под руководством Оригена и расширил при заведывании школой. Эта последняя, как я уже говорил, была скорее приспособлена для немногих избранных, чем для среднего уровня. Даже среди людей, следивших за литературой, иные не признавали ни глубины оригеновского гносиса, ни тонкостей аллегорического толкования. Их светилом был епископ Непот, написавший книгу под заглавием „Опровержение аллегористов“, которую его поклонники ставили на один уровень с евангелием. Он говорил в ней о тысячелетнем царстве, описанном в Апокалипсисе, и стремился доказать, что это царство вовсе не аллегория, но что оно действительно наступит. Дионисий встревожился шумом, который поднялся из-за этого, и раздором, вызванным между христианами этой книгой; он отправился в арсинойский округ, бывший центром движения, и собрал пресвитеров и учителей (διδασκάλους) из разных селений. Принесли книгу Непота; три дня спорили о ней с утра до ночи очень искренно и спокойно, так что александрийскому епископу удалось всех убедить, даже вождя милленаристов (хилиастов), некоего Коракиона. Тем не менее Дионисий не ограничился этим устным опровержением; он издал по этому вопросу две книги под заглавием „Об обетованиях“⁶¹⁴. Евсевий между прочим выписал из нее длинный отрывок об авторе Апокалипсиса. Это – образец тонкой критики; по мнению Дионисия, Апокалипсис не мог быть написан тем же автором, который написал и четвертое Евангелие; он написан другим Иоанном, только не знаменитым апостолом.

Противника аллегористов Непота уже не было в живых, когда Дионисию пришлось обратить внимание на его книги.

Вероятно, он был арсинойским епископом. Дионисий, знавший его лично, очень высоко ставил его благочестие, его ревность знание Св. Писания и даже его поэтический дар. Он составил множество песнопений, которые к великому назиданию исполнялись хором верных⁶¹⁵. Возможно, что все это произошло в первые годы правления Валериана (254–256). Недолго спустя Дионисию пришлось заняться спорами совсем иного рода.

Далеко, на западе от Египта, между пустыней Мармарикской и Вольшим Сыртом простирается высоко над уровнем моря плодородное плоскогорье. С древнейших времен здесь процветал эллинизм в округе славного дорийского города Кирены. Римляне соединили Киренаику с о. Критом в одну провинцию, совершенно отдельную от Египта. В ней насчитывалось пять городов: Кирена, Птолемаида, Вереника, Созуса (Аполлония) и Арсиноя (Тевкира)⁶¹⁶, область которых часто обозначается именем Пентаполя. Здесь очень давно появились значительные еврейские колонии⁶¹⁷, которые во времена Траяна произвели восстание и большею частью погибли при подавлении его. Имя этой етраны встречается на страницах евангелия: один киренейский еврей помог Спасителю нести крест⁶¹⁸; другие присутствовали на празднике Пятидесятницы; находились они и в числе гонителей св. Стфана. Некоторые из них обратились в христианство; в числе их был Лудий киренейский, один из основателей антиохийской церкви⁶¹⁹. Вероятно, евангелие очень скоро проникло и в самую Киренаику. В ту эпоху, до которой мы дошли, каждый из пяти городов, по-видимому, имел отдельного епископа⁶²⁰.

Эти церкви тогда уже были в постоянных сношениях с александрийской кафедрой. Дионисий часто переписывался с ними⁶²¹ и считал себя ответственным за все, что там творилось, и в особенности, что проповедовалось. Еще ранее гонения Валериана его внимание было привлечено к этой области теми раздорами, которые поселяла в Птолемаиде савеллианская проповедь. Сам Савеллий едва ли когда-нибудь показывался в Киренаике; но кто-нибудь мог привезти его сочинения, да впрочем те идеи, представителем которых он был в Риме, уже

сделали завоевания в Азии, Карфагене и во многих других местах. Успех их в Киренаике был велик: некоторые епископы содействовали монархическому учению; перестали говорить в этих церквах о Слове, как Сыне Божиим, отличном от Бога Отца; Троица обращалась в образное выражение: названия Отца, Сына и Святого Духа стали обозначать лишь три последовательных модуса (аспекта) Божественной монады, – творение, искупление, освящение. Часто прибегали к слову *υἱοπάτωρ* (Сыно-Отец), очень подходящему для выражения единства лиц Божества. Так называемое Евангелие от Египтян, очевидно, подкрепляло такие воззрения, ибо монархиане очень дорожили им⁶²².

Несмотря на поддержку местных епископов, это учение возбудило сильное противодействие. Обе партии согласились передать вопрос на рассмотрение александрийского епископа. Перед Дионисием предстали уполномоченные с запасом книг, готовые вступить в прения.

Модалисты были очень наивны, если надеялись выиграть дело пред судом ученика Оригена. Епископ александрийский не пожелал даже выслушать их; он тотчас же написал в Пентаполь, чтобы отговорить тех, кто вступал на ложный путь, и при случае предупредил папу Сикста II, сообщив ему содержание своего послания к киренейцам⁶²³. Но эти последние не поддались его убеждениям. Прерванный, конечно, на время гонения Валфриана, спор возобновился, как только вновь наступило спокойствие. Дионисий опять принялся за борьбу и посылал в Пентаполь послание за посланием. В одном из них⁶²⁴, к Аммонию и Евфранору, он, кажется, перешел границу, а свои возражения еретикам обосновал не только на церковном предании, но и на воззрениях, принадлежащих собственно оригеновской школе. Александрийские противники школы воспользовались случаем и, не давая себе труда переговорить с епископом и просить у него объяснений, обратились в Рим с доносом на него папе Дионисию. Дионисий Римский, созвав собор, рассмотрел дело и обнаружил в послании, подавшем повод к обвинению, разные догматические несообразности, именно: применение слова „тварь“ к Сыну Божию,

представление трех ипостасей Троицы столь раздельными, что их можно было принять за трех богов, наконец, заметное отвращение к слову ὁμοούσιος (единосущный)⁶²⁵.

Римский епископ от своего имени и от имени собора отправил в Александрию очень внушительное послание⁶²⁶, где вновь предавал осуждению савеллианскую ересь, а затем, переходя к тем способам, которыми пытались ее опровергнуть, он, не называя имен, порицал тех, кто на подобие ларкионитов говорит о трех раздельных ипостасях или выдает Сына Божия за тварь; тщетно ссылаются на книгу Притчей, где Премудрость сама говорит о Себе: „Господь создал Меня“; это место подлежит другому толкованию⁶²⁷.

Другим, отдельным посланием⁶²⁸ Дионисий призывался к ответу. Он отозвался на приглашение и послал своему римскому тезке свое оправдание в четырех книгах, озаглавленных: „Опровержение и оправдание“⁶²⁹, которое, по-видимому, удовлетворило римскую подозрительность.

Из-за этого спора, к которому современники отнеслись, по-видимому, довольно равнодушно, поднялся большой шум в IV столетии. Ариане ссылались на Дионисия Александрийского в свою защиту; преемник же его по кафедре, Афанасий, очень старался лишить их этой поддержки. Он написал по этому поводу целый трактат „О мнениях Дионисия“, в котором дает пространные объяснения по поводу послания, вызвавшего возражения в Риме, „но не дает из него никаких выдержек; учение своего предшественника он видит выраженным в его „Оправдан“, написанном впоследствии, и толкует первое произведение на основании второго. Св. Василий Великий⁶³⁰ тоже был знаком с обоими произведениями и получил от них очень неблагоприятное для Дионисия впечатление. Не чувствуя себя обязанным защищать память прежних епископов Александрии, он без обиняков называл Дионисия предтечею самого крайнего арианства. Он отлично схватывает разницу в выражениях между его двумя произведениями, но относит ее к неустойчивости автора, не приписывая ему однако никаких дурных намерений.

Ни благожелательные толкования св. Афанасия, ни строгое суждение св. Василия не соответствуют точно действительности. Дионисий был учеником Оригена, т. е. полемизировал с модалистами при помощи оригеновской богословской системы. Но эта система была двухстороння. Смотря по тому, выдвигалось ли на первый план отношение Логоса к внешнему миру или к Богу, Слово являлось то отдельным от Бога и как будто принадлежащим в известной мере к разряду тварей, то – вечным наравне с Богом и исходящим из божественной сущности. Против модалистов можно было выдвинуть первое представление; второе годилось для успокоения тех, которых соблазняла чрезмерная раздельность Ипостасей и их иерархия. Не было ничего несообразного переходить от одного представления к другому: в системе все понятия объединялись внутренней связью, а православная чистота учения в этом вопросе спасалась присоединением некоторых дополнительных положений. Но такая система была школьным произведением; она не преподавалась церковью и даже, можно сказать, осталась ей неизвестною. Когда людям, несшим обязанности управления церковью, как папа Дионисий, попадались на глаза отрывочные части этой системы, они не трудились восстановить их синтез и судить их, имея в виду этот синтез: они их оценивали в отдельности, при свете общего, церковного, а не школьного веросознания. Отсюда и возникали недоразумения, подобные столкновению двух Дионисиев.

В самом конце своего служения знаменитый александрийский епископ получил, как было сказано выше, приглашение на первый собор, съехавшийся в Антиохии, – судить Павла Самосатского. Он уже не был в силах совершить такое далекое путешествие, но принял участие в деле посредством своих посланий. Может быть, его представителем на одном из первых соборов был александрийский диакон Евсевий. Евсевия очень уважали за его доблестное поведение во время гонения Деция: вернувшись в Александрию очень рано, он нес важные обязанности по управлению гонимой паствой. В царствование Валериана он имел случай выказать

свою преданность вере, исповедуя ее перед префектом Эмилианом вместе со своим епископом, с которым отправился и в изгнание. Во время одной из войн, опустошавших Александрию, – вероятно, во время той, которую описывает Дионисий в письме к Гиераксу, – Евсевию выпало на долю оказать важные услуги. Мятежники засели в квартале Брухионе. Среди вождей восстания находился христианин, по имени Анатолий, замечательный математик. Когда он увидел, что хлеб у осажденных на исходе, ему пришло в голову обратиться к Диякону Евсевию, оставшемуся в той части города, которая не подверглась осаде, и послать его к римскому военачальнику с просьбой выпустить из Брухиона перебежчиков. Евсевий пользовался большим уважением даже в официальном мире; его просьба была удовлетворена. Тогда Анатолий собрал мятежный сенат и, после тщетных убеждений согласиться на капитуляцию, решил выслать бесполезных едоков. Их ушло много, так как римлян смотрели сквозь пальцы на пол и возраст беглецов. Евсевий принял их и снабдил всем неотложно необходимым. Впоследствии Евсевий поехал на собор в Антиохию и не вернулся больше в Александрию: на возвратном пути его задержали лаодикийские христиане, лишившиеся своего епископа, и избрали Евсевию в преемники ему.

Анатолий, как видно, замешанный в недавнем восстании, счел за лучшее удалиться из Александрии, где он пользовался лестной славой; он был силен во всех науках, – арифметике, геометрии, астрономии, физике, диалектике, риторике. Его сограждане не нашли никого достойнее его управлять их школой аристотелевской философии. Он нашел радушный прием в Кесарии Палестинской у епископа Феотекна, который посвятил его во епископы и готовил себе в преемники. Но когда Анатолий прибыл на последний антиохийский собор (268 г.), с ним случилось то же, что с его земляком Евсевием. Так как этот последний как раз перед собором умер, то лаодикийцы настойчиво приступили к посвященному уже Анатолию и убедили его остаться у них епископом.

XXIV. Восточное богословие после Оригена и Павла Самосатского

Александрийские учителя: Феогност, Пиерий, Ахилла. – Противник Оригена еп. Петр. – Труды Памфила и Евсевия в Кесарии Палестинской. – Мефодий, еп. олимпийский. – Лукиан Антиохийский и зарождение арианства.

Дионисию Александрийскому наследовал пресвитер Максим, отличившийся еще во время гонения Деция, ставший исповедником и претерпевший ссылку в гонение Валериана. При нем состоялось окончательное осуждение Павла Самосатского, как его о том официально уведомили. Кроме этого о нем мы ничего не знаем. Так же мало знаем мы о Феоне⁶³¹, наследовавшем ему в 282 г. и занимавшем кафедру также 18 лет до 300 г. Затем епископом стал Петр, который застал гонение Диоклетиана и сделался одной из известнейших его жертв.

Школа продолжала оставаться в связи с церковью быть верною воззрениям Оригена. Феогност⁶³², по-видимому, управлявший ею после Дионисия, переделал *περὶ ἁρχῶν* под заглавием „Гипотипозы“, уже употребленным у Климента. Фотий *πρὸς*редал содержание его труда⁶³³. Он делился на 7 книг; по изложению и суждениям Фотия видно, что все в нем было согласовано с оригеновским учением. Св. Афанасий и св. Григорий Нисский сохранили нам несколько отрывков из него; они неодинаково оценивают его; св. Афанасий заимствует из него православные мысли⁶³⁴, Григорий Нисский находит его очень близким к арианству⁶³⁵.

Преемник Феогноста, Пиерий⁶³⁶ входил в состав пресвитерской коллегии. Как Ориген, он одновременно был поклонником науки и бедности; это был знаменитый аскет и выдающийся проповедник. Позднейшим писателям он был известен даже скорее своими проповедями, чем преподаванием в школе⁶³⁷. Его главным произведением был сборник экзегетических гомилий, сказанных в пасхальную ночь. Фотий, ознакомившись с ним, подчеркивает „устарелость“ его

богословских формул и сожалеет, что он так неправославно высказывался о Св. Духе. Как бы ни было основательно это суждение, Пиерий пользовался все же большой славой у современников; его называли младшим Оригеном (Origenes junior). Он жил долго, – до великого гонения и даже дольше. Когда самый знаменитый его ученик, Памфил из Кесарии Палестинской, пострадал за веру (309), Пиерий собирался составить его жизнеописание. По некоторым преданиям, он сам с братом Исидором кончил жизнь мученичеством. Однако св. Иероним сообщает, что он удалился в Рим и жил там до своей смерти⁶³⁸.

В последние годы перед гонением во главе школы стоял другой ученый, Ахилла, тоже в сане пресвитера. Он даже был избран в епископы, как Иракл и Дионисий, после мученической кончины Петра. Евсевий очень подчеркивает его добродетель, его строгую жизнь, но ничего не говорит об его учении, а как раз это было бы интересно, так как мы подходим к тому моменту, когда оригеновское богословие стало подвергаться ожесточенным нападкам. Епископ Петр написал сочинения о душе⁶³⁹ и о воскресении⁶⁴⁰, в которых опровергал многие существенные пункты учения Оригена.

Высокая богословская культура, главным органом которой была александрийская школа, являлась, как я говорил, уделом немногих. Несмотря на то, что знаменитая школа состояла обыкновенно под управлением церковных пресвитеров и что очень многие из ее руководителей были почтены избранием в епископы, общая масса христиан не испытывала ее влияния. Проповедь Евангелия во внутренних областях Египта, очень успешная в III веке, привела ко Христу такие народности, на которых греческое влияние очень мало или даже вовсе не сказывалось⁶⁴¹ и которым трудно было привить отвлеченные философские понятия. С другой стороны, учения школы, сведенные Оригеном в связную систему, будили тревожное чувство даже у образованных христиан, гностиков, несмотря на то, что эта школа отводила им столь привилегированное положение. Даже получивший блестящее философское воспитание мог видеть в этой образованности лишь весьма

отдаленное с религиозной точки зрения преимущество и полагать, что не в богословии спасение. Впрочем, как доказывала история Анатолия, старый и новый платонизм, которым жила школа, был не единственной философией, которую занимались в Александрии. Возможно, да и часто бывало, что богословское образование той или другой личности развивалось в рамках церковной традиции, вне тесного отношения к Валентину и Василиду. Аллегорическим толкованиям не все сочувствовали. Мы видели, что епископ Непот открыто боролся против них. А между тем, как согласить без их помощи школьные системы с Библией? Христиане, сделавшие донос в Рим на некоторые выражения своего епископа Дионисия, не были ничтожным элементом в церкви.

В лице Петра руководство александрийской церковью перешло в руки этого круга людей умных и образованных, но больше думавших о религии, чем о богословии; из него же вышли вскоре затем епископы Александр и Афанасий.

В Палестине оригенистические традиции укоренились в Кесарии. Богатый христианин из Берита, Памфил, отказавшись от выгодного положения, которое могли ему создать на родине его богатство и происхождение, посвятил себя богословским занятиям. Он приехал в Александрию, где Пиерий помог его аскетическому и богословскому развитию затем поселился в Кесарии, где был принят в коллегию пресвитеров. Главным его занятием была переписка и исправление рукописей Библии; он спасал также оригеновские манускрипты и составил перечень его сочинений, так же как и других книг библиотеки, оставшейся в Кесарии после великого ученого. У него под рукой работал умный и трудолюбивый молодой христианин, по имени Евсевий. В течение пятнадцати или двадцати лет, предшествовавших гонению, он с невероятным терпением перерыл библиотеки в Кесарии, в Элии и в иных местах ради крупных апологетических и исторических работ, которые он задумал. Евсевий не мог знать Оригена; Памфил, быть может, видал его в детстве. Оба они одинаково им восхищались. Они были готовы к защите своего учителя; при первых же нападках на его идеи Памфил

написал Апологию в пяти книгах, к которым Евсевий прибавил шестую.

А противников был уже целый легион. Не говоря о модалистах в духе Берилла или в духе Павла Самосатского, различного рода противники находились и в среде православных. Одним из самых выдающихся врагов оригенизма был Мефодий, епископ маленького города Олимпа в Ликии. Для того времени это был высокообразованный писатель, усердный поклонник Платона, диалогам которого он любил подражать. Нам остался от него „Пир“, – отголосок произведения афинского философа под тем же заглавием; но здесь собеседниками выводятся девы, и восхваляют они не любовь, а девственность. Его трактаты о свободе воли, о жизни и разумном действии, о воскресении, о тварях (περὶ γεννητῶν), о прокаже, о пиявках, о различии пищи, хотя и утрачены в целом виде и в подлиннике, но известны нам или по греческим отрывкам, или по славянскому переводу⁶⁴². Другие же исчезли совершенно или почти совершенно, как, напр., его книги о прорицательнице, о мучениках, против Порфирия. Эта разнообразная литература, которая включает в себе и толкования писания и апологию, метафизику и мораль, обнаруживает в авторе разносторонние умственные интересы. Многие из его диалогов, именно о воскресении и о тварях, содержат сильные нападки на воззрения Оригена. Оттого-то Евсевий и умолчал о Мефодии в своей Истории Церкви. Но ему пришлось говорить о нем в *Апологии*. По словам св. Иеронима⁶⁴³, Евсевий напоминал в ней Мефодию, что он когда-то питал иные чувства к великому учителю⁶⁴⁴. Можно думать, что олимпийский епископ продолжал изумляться гению Оригена, даже возражая против его заблуждений.

Сам он, по очень обыкновенному обороту судеб, тоже подвергся суровой оценке. Фотий⁶⁴⁵ не без основания находит, что его „Пир“ содержит не совсем правильные выражения; он даже снисходительно предполагает наличность в нем арианских и иных интерполяций. Это весьма мало вероятно; но Мефодий писал раньше, чем догматические споры IV и V веков придали точность богословскому языку и даже самым понятиям.

Несмотря на богословские странности Мефодия, к его имени сохранилось большое уважение. Ему поставили в заслугу, что он подверг критике Оригена и превознес девственность. Он окончил к тому же свою жизнь мученичеством.

Низложение Павла Самосатского не устранило всех затруднений в Антиохии. Кажется, что Домн, избранный на его место собором, правил церковью недолго, так же как и Тимей, вступивший на его место. Напротив, правление Кирилла продолжалось слишком двадцать лет, вплоть до гонения. О правлении этих епископов неизвестно ничего, кроме того, что они, как это естественно, боролись с приверженцами Павла. Последние образовали маленькую церковь, о которой было слышно еще во времена никейского собора. Но оппозиция православию нашла себе еще выражение в школе пресвитера Лукиана.

Лукиан⁶⁴⁶ был очень ученым человеком; он рано прославился своими работами над текстом Ветхого Завета, который он исправил по еврейскому подлиннику, ибо владел этим языком; его исправленный текст был принят в большинстве сирийских и малоазийских церквей. Он работал также над Новым Заветом.

Его толкования сильно отличались от оригеновских. В Антиохии аллегорический метод были не в ходу; старались держаться буквального смысла. Что же касается богословских воззрений этой школы, то достаточно сказать, что, как вполне удостоверено, Лукиан был автором того учения, которому суждено было произвести так много шума под именем арианства. Уже в ту эпоху, о которой мы теперь говорим, вокруг него сплотились главари этой ереси, сам Арий, будущий никомидийский епископ Евсевий, Марий, Феогнис и многие другие. Пришлось отказаться от взглядов Павла и допустить личное предсуществование Христа, т. е. воплощение Слова. Однако сделана была возможно меньшая уступка. В новом учении Слово является небесным существом, предшествующим всем другим тварям видимым и невидимым, которые и созданы именно им. Но Оно само не вечно; Оно было создано Богом, чтобы стать орудием последующего творения. Ранее этого Его

не было; Оно было создано из ничего, Нельзя отрицать, что это учение очень упрощало вопрос о происхождении Слова, – трудный вопрос, который в течение двух уже веков разрешали самым различным образом, причем ни одно решение не было признано окончательным. Однако упрощение было куплено ценой пожертвования одним из существенных положений, – безусловной божественностью Христа. Это положение, унаследованное из предания, взлелеянное благочестивым чувством, освященное церковным культом, запечатленное кровью мучеников, было краеугольным камнем христианского учения. Ни Ориген, ни Ипполит, ни Иустин, ни все другие православные учителя, не говоря о гностиках, не сочли себя вправе пренебречь им. Скоро пришлось убедиться в его несокрушимости.

В первую минуту это учение Лукиана, по-видимому, не вызвало возбуждения, поскольку оно оставалось в пределах школы, поскольку в общем оно составляло шаг вперед по сравнению с отвергнутыми на последних соборах воззрениями и поскольку его скрывали под оболочкой православного слововыражения. Оно вызвало бурю в Александрии, но уже долго спустя после смерти его автора.

По-видимому, осуждение Павла коснулось и Лукиана. Епископы Домн, Тимей и даже Кирилл в первое время сторонились общения с ним⁶⁴⁷. Кирилл впрочем, сочтя удовлетворительным полученное от него исповедание веры, принял этого учителя в общение, вернув ему и его пресвитерское место⁶⁴⁸. В качестве антиохийского пресвитера Лукиан был взят под стражу в 312 году и кончил жизнь мучеником.

Все или почти все главари этих многообразных школ кончили тем же: александрийский епископ Петр, Памфил, Мефодий, сам Лукиан, – все запечатлели кровью свою общую веру. Церковь чтит память всех их, как мучеников. Это не значит, что их учения все были правильны, или их разногласия имеют мало значения для христианства. Но это по крайней мере доказывает, что каковы бы ни были их богословские

воззрения, они обнаружили в минуту великого испытания мужество духа и твердость христианских убеждений.

XXV. Христианские нравы и обряды

Приготовление к крещению; обучение оглашенных. – Апостольский символ веры. – Канон Нового Завета. – Апостольские повести. – Энkratизм. – Православный аскетизм. – Покаянная дисциплина. – Усиление светского духа. – Собор в Эльвире.

Отмеченные нами выше и богословские распри, без сомнения, возбудили волнение в некоторых кругах; они оставили в церковной литературе значительные следы, которые нам было бы легче восстановить, если бы в следующие века новые споры не изгладили их довольно быстро. Нельзя однако сказать, чтобы христианские массы долгое время были заняты этими распрями. Событие, которое особенно способно было бы привлечь их внимание, – низложение антиохийского епископа, – не имело, строго говоря, никакого значения вне Антиохии. После поражения Павла Самосатского все очень скоро пришло в обычный порядок.

Об этом-то обычном строе церковной жизни, в ту эпоху, до которой мы дошли в своем рассказе, т. е. накануне последнего великого гонения и официального торжества христианства, и надлежит нам теперь поговорить. Бросим же общий взгляд на христианское общество III века; посмотрим, как оно пополнялось членами, дадим себе отчет в его нравах, его религиозной жизни, его организации и управлении.

В своем „Апологетике“ (гл. 17) Тертуллиан говорит, что человек не рождается христианином, а делается им: *fiunt, non nascuntur christiani*. Эти слова не следует понимать слишком узко. Уже во времена Септимия Севфра многие родились христианами в том смысле, что происходили от христианских родителей и потому были крещены в самом раннем детстве и принимали на себя совершенно бессознательно весьма важные обязанности в отношении веры и нравственного поведения. Такой порядок не возбуждал в церкви никаких колебаний: настолько она была крепка в своей вере и своих надеждах, – убеждена, что семейное воспитание с избытком заменит

крещаемому младенцу ту подготовку, которой она требовала от взрослых новообращаемых. Этим последним действительно не допускали в лоно церкви без испытаний. Такое испытание называлось оглашением (катехуменат), – институт, встречаемый почти всюду к концу VI века. Новообращаемые, которые принимали христианскую веру уже в зрелом возрасте, не были тотчас же включаемы в состав верных. Прием их в лоно церкви совершался лишь по истечении некоторого времени, употреблявшегося на обучение их правильному пониманию христианства, как его учения, так и различных обязанностей, которые им предстояло взять на себя. Оглашенные не только учились, но уже и начинали вести христианский образ жизни, испытывая таким образом свои силы. С своей стороны церковь следила за ними и решала, может ли она положиться на их постоянство. На оглашенных смотрели уже как на христиан; они носили это имя, и во время гонений подвергались тем же опасностям, что и верные. На христианских собраниях они присутствовали при чтении, песнопении и некоторых молитвах, но не при таинстве Евхаристии и некоторых иных, каковы крещение и рукоположение.

Когда подготовка считалась оконченной, оглашенным разрешали приступать к крещению. Обыкновенно они так и делали. Однако они не были обязаны немедленно принимать его, и некоторые из них надолго откладывали решительный шаг.

Обряд восприятия в лоно церкви со времен апостольских уже заключал два главных акта, – крещение, т. е. погружение в воду, и возложение рук. Специальное значение первого акта состояло в отпущении грехов; это был символ очищения души при обращении и прилеплении ко Христу; второй акт был обрядом освящения новообращенного чрез сошествие Св. Духа в его душу. Со временем к этим актам присоединились новые священнодействия. Тертуллиан говорит⁶⁴⁹ не только о крещении и возложении рук, но еще о помазании елеем, возложении креста, наконец, о вкушении питья из меда и молока, которое подавалось новокрещенным⁶⁵⁰. Так как он присовокупляет, что эти обряды господствовали и у маркионитов, то приходится

допустить, что они возникли не позже первой половины II столетия.

Крещение всегда сопровождалось специальной подготовкой; обыкновенно оно производилось на Пасхе; в предшествующие недели заканчивалось обучение готовящихся к таинству, которые с этого времени переставали считаться простыми оглашенными, а назывались по-латыни *competentes* (соискатели), по-гречески *φωτισόμενοι* (просвещаемые). Им читали и объясняли правило или символ веры.

Принимая крещение, они должны были торжественно, в собрании верных, отречься от сатаны, его прелестей и дел бесовских, т. е., говоря вообще, от язычества⁶⁵¹, его культа и легкости нравов. Затем они объявляли себя последователями Иисуса Христа и в знак этого читали исповедание веры.

Во всей церкви была принята еще та символическая формула, которую называют апостольским символом. Нынешний текст его очень немногим отличается от употреблявшегося в Риме по традиции уже в начале III века:

„Верую в Бога, всемогущего Отца⁶⁵² и в Иисуса Христа, Сына Его едиnorodного, рожденного⁶⁵³ от Духа Святого и Девы Марии, распятого при Понтийском Пилате и погребенного⁶⁵⁴; воскресшего из мертвых в третий день, восшедшего на небеса, сидящего одесную Отца, откуда Он придет судить живых и мертвых; и в Духа Святого, в святую Церковь⁶⁵⁵, в отпущение грехов и в воскресение плоти“⁶⁵⁶.

Тертуллиан уже был знаком с этим текстом, который в течение III века переходил от одной церкви к другой и, наконец, достиг повсеместной известности. Его особенности: разделение на три члена, соответственно трем наименованиям Божества в крещальной формуле, краткий свод евангельской истории, присоединенный ко второму члену, и упоминание в третьем члене о церкви, крещении (отпущении грехов) и воскресении из Мертвых. Есть много доводов за то, что римский символ был составлен задолго до того, как мы удостоверяемся в его существовании.

В первом члене не выступает ни одной черты в опровержение гностических ересей: Бог называется просто

всемогущим; не сочли нужным даже подчеркнуть Его тождество с и Творцом. Весьма вероятно, что это не преминули бы сделать, если бы церковная власть, составлявшая эту формулу, имела в виду опасность от гностиков. Поэтому-то составление его можно без колебаний отодвинуть в первую половину II века. Ранее этого употреблялись, вероятно, сжатые изложения сущности христианского учения; следы их можно видеть в посланиях св. Игнатия и в Пастырских посланиях; но нет доказательств, чтобы они были так же полны, как отмеченная древняя римская формула, и так же разделены⁶⁵⁷ на члены. Сведенные к этому краткому, простому и всем понятному выражению, христианские верования поддерживались и подкреплялись постоянным поучением, основная форма которого заключалась в чтении Библии с соответственными гомилетическими толкованиями. Чрез изъяснение текстов в духовном смысле удавалось сделать предметом назидания для верных многое такое из Ветхого Завета, чего никаким иным образом нельзя было приспособить для этой цели. Первоначально, кажется, не думали точно отграничивать библейскую письменность, а пользовались вообще теми книгами, которые были в ходу в синагогах, не очень обращая внимание на то, что состав священных писаний не во всех синагогах был одинаков. Отсюда получились неопределенность и различия в священном кодексе, которые вскоре возросли, когда к древней Библии прибавились книги Нового Завета. Нам недоступна теперь эта литература во всей ее пестроте. Очень рано из нее стали уже выделять лишнее. Таким образом, число канонических Евангелий было ограничено четырьмя, число посланий ап. Павла – тринадцатью. Общий канон, т. е. список книг, признанных церковью священными и каноническими, появляется впервые в Риме к концу II столетия. Это – так называемый канон Муратори. Строго говоря, этот немного загадочный текст, от которого до нас дошла только последняя часть и относительно которого даже не выяснено, был ли он сперва написан по-гречески или по-латыни, не может считаться официальным документом; ответственность за него не лежит на римской церкви. Но он по меньшей мере свидетельствует о том,

что в Риме было признано и насчет чего еще господствовало сомнение в то время, когда он был написан. В него были включены: 4 Евангелия, 13 посланий ап. Павла, Деяния св. апостолов, послания св. Иуды и св. Иоанна, два Апокалипсиса, – Иоанна и Петра. Последний, впрочем встречал сильные возражения. *Пастырь* упомянут, но исключен, как книга слишком недавнего происхождения; его автора нельзя было причислить ни к пророкам⁶⁵⁸, ни к апостолам; он писал его в столь недавнее тогда время (*nuperrime, temporibus nostris*), когда брат его Пий был римским епископом. Другие сочинения, как послания ап. Павла к лаодикийцам и к александрийцам, отнесены к еретическим и решительно отвергнуты⁶⁵⁹.

Само собою понятно, что в христианских собраниях не допускалось чтения еретических произведений. Но между этими преданными осуждению книгами и св. Писанием оставалось еще довольно широкое поле, куда отнесены были сочинения менее определенного характера: одни – православные по духу, но сомнительной достоверности или не пользовавшиеся большим авторитетом, другие – обнаруживавшие подозрительное направление, хотя еще слабо обозначившееся. Там и сям допускали по простодушию на самом богослужении странные и даже подозрительные книги. В иных местах их употребление ограничивали чтением на дому. Маленький мирок христиан охотно искал пищи для своей любознательности в непризнанных официально евангелиях⁶⁶⁰ и в особенности в благочестивых повестях, которые ему выдавали за историю апостолов. Из этих повестей, кажется, древнейшая – „Деяния ап. Павла“. Этот факт, конечно, является в особенности неожиданным, потому что истинная жизнь ап. Павла была хорошо известна из канонической книги *Деяний*. Эта необычная книга, на которую ссылались Ипполит и Тертуллиан, а Ориген и Евсевий отнесли в число приложений к Новому Завету, находила себе место в некоторых списках Библии. Она, по крайней мере частью, избежала запрещения даже после того, как манихеи и присциллианисты вызвали к ней подозрение своим восторженным отношением к ней. Теперь установлено, что изящная повесть о Павле и Фекле была одним из эпизодов

ее; с нею же связана апокрифическая переписка Павла с коринфянами, равно как повествование об его мученической кончине и известное предание о том, будто из его отрубленной головы истекло молоко. Эти отрывки были частями одного обширного рассказа⁶⁶¹, где приключения, проповедь и в особенности чудеса апостола Павла описывались, приблизительно по порядку повествования „Деяний св. апостолов“ и почти с теми же действующими лицами, но излагались в самой вольной переделке. Трудно понять, как можно было рассказывать такие вещи людям, твердо помнившим повествование св. Луки. Автор очень злоупотребляет чудесами, но в особенности замечательна его доктрина. Она не имеет ничего общего с гностицизмом, который подвергается решительному осуждению. Но воздержание рекомендуется с такой настойчивостью, которая несвойственна обычной христианской проповеди; оно как будто становится главной основой христианства: „Блаженны, – говорит ап. Павел, – содержащие плоть свою в чистоте, ибо они станут храмами Божиими. Блаженны воздержные (ἐγκρατεῖς), ибо Бог будет беседовать с ними. Блаженны отрекающиеся от мира... Блаженны имеющие жен, но живущие, как бы не имея их... Блаженны тела девственников“... и т. д. Эти принципы беспрерывно подкрепляются повествованием; его цель проповедовать особую мораль, более строгую, чем евангельская.

„Деяния ап. Павла“ были написаны одним азийским пресвитером приблизительно во времена Марка Аврелия. Тертуллиан передает, что местные церковные власти неблагоосклонно взглянули на это своеобразное сочинение и что автор его был лишен своего сана, хотя и оправдывался своей ревностью к памяти апостола Павла. Книга, правда, не была изъята из обращения, но утешительно, что церковь не признала себя солидарной с этой смелой выдумкой и с этой изуверной моралью.

Еще менее выражен дух церкви в других апостольских повестях, почти столь же древних, как „Деяния ап. Павла“, но гораздо менее невинных. Я говорю о Деяниях Иоанна, Петра,

Андрея и Фомы⁶⁶², которые, по-видимому, были в обращении с первых годов III века⁶⁶³. Три или по крайней мере два первых находятся в тесной связи; некоторые критики приписывают их одному автору, некоему Левкию или Левкию Харину, который, по мнению других, составил лишь Деяния Иоанна. Это последнее сочинение, несомненно, еретическое, в очень ярко выраженном духе докетизма, со ссылками на „Осьмерицу“, на „Дванадцатицу“ и на Плерому. Некоторые рассказы вольны до неприличия. Деяния Петра не заслуживают таких возражений; их докетический характер гораздо менее заметен. Так же обстоит дело, насколько можно судить по нескольким отрывкам, с „Деяниями Андрея“. Эти произведения имеют между собою то общее, что проникнут очень заметной аскетической тенденцией, отвращением к вину и браку. Апостолы Петр и Андрей преданы казни будто бы только за то, что отговаривали женщин от сожительства с мужьями. Вино воспрещается принимать даже в Евхаристии; ее нужно совершать на хлебе и воде.

Деяния ап. Иоанна, Петра и Андрея написаны по-гречески, причем авторы воспользовались разными азийскими, римскими и иными местными преданиями. Св. Андрей является с ап. Петром и Матфеем проповедником Евангелия на берегах Черного моря; его чрезвычайно фантастичные приключения оканчиваются мученической смертью в Патрасе. История ап. Иоанна заканчивается „метастазом“: престарелый апостол сходит в могилу; не будучи на самом деле мертвым. Повесть об ап. Петре распространяет уже принятое в некоторых кругах предание о столкновении в Риме ап. Петра с Симоном волхвом⁶⁶⁴ и о распятии апостола вниз головой⁶⁶⁵.

„Деяния ап. Фомы“ выводят нас за пределы греческого мира. Апостол идет проповедовать в Индию; предания о нем записаны по-сирийски в Эдессе. Несмотря на различие в происхождении, дух этого произведения приблизительно тот же, что и в остальных апостольских повестях. Аскетизм выдвигается как сущность христианского учения; гностицизм проскальзывает там и сям, особенно в некоторых гимнах, которые меньше, чем остальной текст, подверглись исправлению в сохранившихся

списках. Это как раз то, чего следовало ожидать от общества, находившегося под влиянием Вардесана, откуда, по-видимому, появилась эта странная повесть.

Отмеченные апокрифические сочинения дошли до нас лишь в отрывках; их первоначального текста церковь не могла бы потерпеть. Е тому же уважение к ним подорвано было в IV и V столетиях тем, что ими пользовались манихеи и присциллианисты. Их переработали, устраняя все наиболее соблазнительное, но сохраняя чудесные приключения, которыми простонародная масса христиан продолжала интересоваться. Так возникли более или менее православные редакции этих сказаний, которые на целые столетия давали пищу агиографии апостолов.

В какой бы степени ни была примешана к православию гностическая ересь в этих произведениях, одно несомненно, что они все проникнуты общим духом энкратизма, враждебным половым сношениям, даже в браке, и употреблению возбуждающей пищи, – мяса и в особенности вина. Здесь дело идет не об индивидуальных формах воздержания, а об общем правиле: всякий христианин должен быть аскетом, девственником, энкратитом. Эти требования не были новостью, их выставляли уже во времена апостольские; первое послание к Тимофею решительно осуждает их⁶⁶⁶. Вероятно, уже в то время они были связаны с сомнительными воззрениями на Творца и творение. Во II веке эти воззрения выразились в разных формах гносиса и в учении маркионитов. Это обстоятельство не было хорошей рекомендацией для аскетизма; напротив того, давало повод взять его под подозрение, даже когда он казался безобидным. Быть может, были энкратиты, которые ограничивались лишь соблюдением своих правил воздержания, но о них редко говорят, не задевая какой-нибудь предосудительной связи их с еретиками. Св. Дионисий Коринфский⁶⁶⁷, как видно, был очень озабочен этим направлением. Св. Иринеи⁶⁶⁸ связывает энкратитов с Сатурнилом, Маркионом в особенности Тацианом, который научил их оспаривать спасение Адама и верить в эоны. Климент Александрийский называет⁶⁶⁹ в числе их авторитетов некоего

Юлия Кассиана, автора сочинения περὶ ἐγκρατείας ἢ περὶ εὐνουχίας. Этот Кассиан был проповедником докетизма, как Сатурнил и Маркион. Впрочем, Ипполит знавал энвратитов, которые „мыслили о Боге и Христе, как церковь“; он не связывает их Тацианом⁶⁷⁰.

Не слышно, чтобы энкратиты составили организованную общину. Были, конечно, маленькие группы, которые собирались, чтобы совершать или принимать Евхаристию по обрядам своей секты. Чаще же всего они присоединялись к другим христианам, православным или даже гностикам. Алкивиад, один из лионских мучеников, кажется, некоторое время был привержен к энкратизму. В общем здесь дело идет не столько о вероучении, сколько о правилах воздержания, которых можно было держаться более или менее строго и в силу разных побуждений. Несомненно, энкратитскому влиянию следует приписать замеченный в нескольких местах в III в. обычай совершать Евхаристию на хлебе и воде. Св. Киприан принужден был бороться против него в Африке⁶⁷¹. Повесть о мученической кончине Пиония в Смирне (250 г.) приписывает ему приверженность этому обычаю.

Энкратиты существовали еще в IV столетии, Св. Епифаний⁶⁷² отмечает их существование в больших городах, как Рим и Антиохия, и в особенности в Малой Азии, у подошвы Исаурийских гор, в провинциях Киликии, Исаурии, Памфилии, Писидии и Фригии. Некоторые из них, известные под именем апостоликов или апотактитов, кроме первоначальных правил воздержания, соблюдали еще добровольную бедность. Все они очень почитали апокрифические Деяния апостолов и другие подобные же сочинения.

Хотя церковь и отвергла энкратитское учение, т. е. принципиальный отказ от некоторых видов пищи и от половых сношений, но она допускала упражнения в обуздании плоти, напр., пост, – обычай, унаследованный от Израиля. Уже очень рано установились два постных дня в неделю, среда и пятница. Ерм уже знает об них; они отмечены в „Учении св. апостолов“ В эти дни вкушали пищу позднее обыкновенного и при том пища употреблялась более скудная. Перед Пасхой тоже соблюдался

пост и притом в особенности строгий. Сперва ограниченный 1–2 днями, он, наконец, распространился на всю неделю, предшествующую великому празднику. В известных случаях епископы налагали на свою паству чрезвычайные посты. Все это были формы общественного воздержания; в частной жизни верующим предоставлялось поститься, как и когда они хотели.

Другой формой аскетизма было половое воздержание. Оно, конечно, не предъявлялось в качестве обязательного требования ни к кому; однако уже очень рано были мужчины и женщины, которые с общего ведома ставили его как свободное сверхдолжное правило воздержания. Они открыто заявляли себя девственниками; в некоторых случаях, как, напр., Ориген, они допускали крайности, но эти: изуверства отвергались общим мнением. Девственники обоего пола не обособлялись от мира; они жили в своих семьях и принимали участие в обычной жизни христианской общины. Монастыри относятся уже к иному времени. Однако невозможно, чтобы не было каких-нибудь особых связей между людьми, преданными одному и тому же идеалу жизни. Девственники знали друг друга, имели сношения даже с девственниками других городов, других церквей. Они до известной степени предпочитали общество себе подобных. Это дало повод к злоупотреблениям: девственницы покидали свои семьи по той или другой причине и объединялись в общины под покровительством такого же девственника, но мужчины, чем вызывали протест церковных властей⁶⁷³.

Оставляя в стороне эти злоупотребления, самоотречение, связанное с таким обетом, вызывало большое уважение к себе как среди христиан, так и у язычников. Христианские девственницы были гордостью церкви.

Но этот правоверный добровольный аскетизм был уделом избранных. Для большинства христиан даже общеобязательная мораль была уже довольно тягостна; обязательства, возложенные на себя теми или другими лицами в силу христианского воспитания или по свободному влечению, – не всегда соблюдались. Проповедь покаяния, нашедшая еще издревле столь оригинальное выражение в „Пастыре“ Ерма, имеет теперь в виду вовсе не исключительные случаи. Чем

дальше шло время, тем многочисленнее становились христиане; множились подвиги, множились и грехи; отсюда – все большая и большая настоятельность и разнообразие понудительных мероприятий церкви; развилась казуистика и скоро выработался определенный институт покаяния, который первоначально был установлен только в общих чертах.

Основывался он на том простом принципе, что всякое общество имеет право исключать из своей среды членов, существенно нарушающих его уставы. Христианин, не соблюдавший обязательств, взятых на себя при крещении, бывал исключен из христианской общины, отлучен (excommunicatus). В случае если отлученный чувствовал раскаяние и решал изменить свое поведение, он мог просить об обратном принятии в церковь, и если его обращение казалось достаточно надежным, его вновь принимали, но уже не как полноправного члена общины: его зачисляли в особый разряд кающихся, подобный разряду оглашенных. Как и эти последние, кающиеся могли присутствовать только при начале богослужения; как и те, они состояли под ближайшим надзором, имевшим целью проверить действительность их раскаяния. Сверх того им нужно было выполнить покаянные правила соразмерно важности их грехов. Если эти грехи были не очень важны, могло случиться, что по истечении большего или меньшего промежутка времени они совершенно воссоединялись с церковью⁶⁷⁴. Тогда они занимали прежнее место в среде верных. Но были случаи, – убийство, прелюбодеяние, вероотступничество, – когда покаяние длилось до самой смерти. Мы видели выше, как папа Каллист смягчил это суровое правило и допустил к примирению с церковью в последние минуты жизни лиц, виновных в плотских грехах. Правда, строгие ревнители протестовали, в лице Тертуллиана и Ипполита, но на практике римские взгляды получили преобладание. К преднамеренному убийству и в особенности к вероотступничеству относились строже. После гонений, вызвавших очень значительное количество отречений от веры, стали принимать во внимание, как смягчающие обстоятельства, муки пытки, изгнание, заточение, потерю имущества, даже страх

сам по себе, и при помощи ускоренного покаяния покончили с создавшимся положением, которое иначе грозило чрезвычайным осложнением. Однако древнее правило сохранило свою силу для тех, кто без всякого извинительного повода пятнал себя грехом идолослужения, в особенности в самой характерной его форме, – жертвоприношением.

На самом деле не во время лишь гонений угрожала опасность оскверниться язычеством. Когда власти и оставляли в покое церковь, христианам все-таки приходилось жить в среде, привязанной к формам старой религии. Семейные, соседские, торговые связи вводили в искушение⁶⁷⁵. Некоторые роды деятельности представляли особенно много опасностей: так, напр., ремесло солдата, школьного учителя, художника, ваятеля. Чем шире распространялось христианство, тем больше было точек соприкосновения между миром и христианским обществом. Взаимное настроение христиан и язычников мало-помалу становилось более доверчивым, в особенности после долгих промежутков спокойствия, которые рассеивали страхи христиан перед замыслами государства и страхи язычников перед опасностями христианства. Мало было общественных положений, которые считались бы несовместимыми с христианством, даже с саном пресвитера или епископа. Св. Киприан⁶⁷⁶ знал епископов, – и даже многих (plurimi), – которые занимали места управляющих в ведомстве государственных имуществ, путешествовали по ярмаркам, занимались ростовщичеством⁶⁷⁷, выселяли неплательщиков. Мы видели, как Павел Самосатский соединял обязанности антиохийского епископа с высокой должностью в финансовом ведомстве; его противник Малхион был начальником „эллинской“ школы в Антиохии, – должность довольно необычная для пресвитера. Математик Анатолий, руководитель аристотелевской школы в Александрии, был возведен в сан епископа. В конце III века управителем императорского пурпурного завода в Тире был антиохийский пресвитер. Императорский дворец от времен Нерона вплоть до Диоклетиана в своих стенах всегда имел много христиан. В конце концов христиане стали принимать должности не только

финансовых чиновников, но и городских и даже провинциальных властей. Мало того: нашлись последователи Христа, становившиеся фламинами, т. е. языческими жрецами. Правительство в последние времена стало до того снисходительно, что для христианских носителей этого звания упраздняло религиозные обязанности, которые были с ним связаны. Можно было, будучи главным жрецом Рима и Августа, не совершать никаких жертвоприношений в честь этих государственных богов⁶⁷⁸.

Эта терпимость по истине доходит до абсурда, с какой бы точки зрения на нее ни смотреть. Государство или города, допускавшие христиан занимать места фламин, освобождая их от обязанности приносить жертвы, становились в противоречие с самой сущностью этого религиозного учреждения; это было равносильно его упразднению. Что же касается христиан, соглашавшихся принимать на себя это жреческое звание, то они, должно быть, очень широко понимали обязанности христианского поведения.

На соборе в Эльвире их подвергли осуждению, но в сущности еще очень мягкому, несмотря на его кажущуюся строгость. Ограничились тем, что выставили на вид некоторые примеры, осудили наиболее важные случаи. Быть может, было бы лучше осудить целиком и бесповоротно это чудовищное отступление от самых основных христианских принципов. Но, очевидно, в конце III века было уже слишком поздно выказывать такую строгость.

Этот эльвирский собор позволяет нам, с помощью еще некоторых страниц Церковной Истории Евсевия, выяснить нравственное состояние христианского общества накануне последних гонений, да и независимо от этого он оставил нам чрезвычайно интересный памятник⁶⁷⁹. Если миновать смутные предания о проповеди ап. Павла⁶⁸⁰, история испанской церкви в эпоху возникновения христианства исчерпывается для нас несколькими разрозненными событиями, относящимися ко временам гонений Деция и Валериана. О них уже говорилось выше. На соборе в Эльвире (Illiberris, Гренада) испанская церковь открывается перед нами в гораздо большей полноте.

Кроме двадцати епископов⁶⁸¹ многие церкви послали туда представителями пресвитеров. Не все сохранившиеся имена можно приурочить к определенным местам, но они своей численностью достаточно свидетельствуют о тогдашнем распространении христианства в Испании, особенно в южных областях.

Собор доказывает в то же время, что хотя в иберийских христианских общинах светский дух, к сожалению, сильно развился, руководители церкви все же не потеряли из виду древнего идеала и не боялись прибегать к самым суровым наказаниям ради поддержания евангельской нравственности. Из 81 канона, выражающих постановления отцов эльвирского собора, 11 оканчиваются строгим приговором: *nes in finem dandam esse communionem* (не давать причащения даже в конце жизни). Этого не следует понимать в том смысле, что испанские епископы обрекали виновных, которых касалось такое постановление, проклятию, ни даже в том смысле, что церковь вовсе исключала их из своей среды: она допускала их, но в положении низшем, в положении кающихся. Она отказывала им лишь в полном внешнем прощении, предоставляя самому Богу принять их раскаяние.

XXVI. Христианская община

Церкви-матери и филиальные церкви. – Первые церковные митрополии. – Развитие иерархии. – Общественный центр местной церкви. – Евхаристия и вечери любви, – Разряды верных: исповедники и девственники. – Происхождение безбрачия духовенства. – Церковные правила и „апостольские“ сборники. – Епископы и епископат. – Всеобщий авторитет римской церкви.

Христиане соединялись, подобно тогдашним да и нынешним евреям, в местные общины под руководством иерархии, высшие степени которой, – епископы, пресвитеры, диаконы, – вели свое происхождение от времен апостольских. Эти местные общины, церкви, были тесно связаны между собой; они считались членами одного тела, обнимавшего всю совокупность верующих во Христа и образующего церковь, но уже не местную, а вселенную, кафолическую.

Где были пределы местной церкви? По каким основаниям определялась ее область? На это труднее, чем думают, дать ответ, обнимающий все разнообразные случаи. Вообще, когда церковь возникала в главном городе муниципии (*civitas*⁶⁸²), то ее область совпадала с границами этой муниципии. Однако это не везде было так. Виеннские христиане, наприм., первоначально, кажется, были очень тесно связаны с лионскими. В Исгийнии в середине III века один и тот же епископ управлял христианами Леона (*Legio*) и Асторги (*Asturica*), и в течение многих веков они оставались нераздельными. В провинции Скифии, где было довольно много городов, никогда не было другого епископа, кроме как в Томи⁶⁸³. В той части Фракии, которая прилегает к Босфору и из которой образована была при Диоклетиане провинция „Европа“⁶⁸⁴, в 431 г. было всего лишь 4 епископа, имевших каждый в своем ведении население двух округов. Александрийская церковь до начала III века была единственной церковью в Египте, имевшей своего епископа: есть признаки, что таково же было положение римской церкви в Италии и лионской в кельтской Галлии. Это,

разумеется, не значит, что все христиане в Египте, Италии или кельтской Галлии были сосредоточены только в Александрии, Риме и Лионе. Они были рассеяны почти по всей стране группами, которым удалось лишь постепенно организовать и получить собственное церковное управление. Но и в таком случае, понятно, что филиальные церкви не могли становиться на совершенно равную ногу с церковью-матерью. Зависимость в разных местах выражалась различно. В некоторых местах новым общинам не дали той полной организации какая была у родоначальной церкви; ее епископ продолжал быть их епископом; он управлял ими чрез посредство особого пресвитера или даже диакона. В других местах, где городов было мало и младшие церкви находились в местечках и деревенских селениях, там их глава принимал титул хореепископа⁶⁸⁵. На эльвирском соборе выступали пресвитеры таких городов, в которых как будто никогда не было епископов. Равным образом на греческих соборах IV века часто встречаются хореепископы, обыкновенно из Сирии или восточных областей Малой Азии. Даже там, где все местные церкви, в больших и малых округах без различия, имели каждая полную иерархию, – напр., в Нижней Италии, в Африке, в Египте, – их епископы были всегда более или менее подчинены епископам старшей церкви, от которой они произошли.

Из этих отношений совершенно естественным путем выросли уже не местные, а в известной степени провинциальные организации⁶⁸⁶. Этот последний термин не следует однако понимать слишком буквально. До Диоклетиана мы не встречаем нигде, – всего менее на Западе, – ни малейшего признака, который бы указывал на желание воспроизвести в церковных организациях расчленение империи на провинции. Карфагенскому епископу, или по крайней мере его собору, подведомственны были несколько африканских провинций, – Проконсульская Африка, Нумидия, обе Мавритании. Вся Италия подведомственна была римской кафедре, равно как александрийская кафедра являлась церковным центром для Египта и Киренаики, хотя эти две области в гражданском отношении не были подчинены одному и

тому же управлению. Здесь связь церковью обязана была своим происхождением не административной группировке областей, а обстоятельствам, при которых распространялось евангелие и которые в свою очередь определялись географическими условиями. В иных местах, там, где церкви по своему происхождению были приблизительно равноправны, епископы иногда объединялись вокруг старейшего из них по возрасту или времени посвящения. Еще во времена Марка Аврелия епископ амастрийский Пальм председательствовал на этом основании на собраниях епископов части Вифинско-Понтийской провинции. В африканских провинциях этот обычай держался очень долго. За исключением Проконсульской Африки, там власть митрополита никогда не присваивалась епископу главного в административном порядке города.

Эта последняя система была, наоборот, принята почти «всюду в греческой половине империи, но лишь после того, как Диоклетиан в конце III века перекроил провинции империи. В каждой из новообразованных провинций епископ областного города оказался центром, вокруг которого объединялись известные группы епископов; при чем состав этих групп определялся границами провинции. Это было нововведением. Правда, никейский собор санкционировал это деление, но и он вынужден был допустить некоторые исключения, соответствовавшие раннейшей традиции. На Западе новый порядок удалось Лесте не без сопротивления, в особенности в Италии и в Африке, где древние митрополии, – Рим и Карфаген, – продолжали пользоваться прежним почтением.

Но вернемся к организации местной церкви. Первоначальная иерархия вскоре осложнилась. Сверх прежних степеней, – епископа, пресвитера и диакона, – возникли новые. При этом неизбежно обнаружились различия. В Риме в середине III столетия было⁶⁸⁷ 46 пресвитеров, 7 диаконов, столько же иподиаконов, 42 аколута⁶⁸⁸, 52 церковно-служители низших разрядов, экзорцистов, чтецов, привратников⁶⁸⁹. Христианское население города было распределено на 7 участков; число их, по-видимому, соответствовало числу диаконов⁶⁹⁰, иподиаконов и аколотов; на каждый участок

приходилось по диакону, иподиакону и по шести аколуфов. Кроме прислуживания при литургии, на этих лицах лежали обязанности управления и вспомоществования. Более 1500 бедных содержалось на счет общины. Что же касается экзорцистов, чтецов и привратников, то их обязанности имели более специальное отношение к богослужению и к приготовлению новообращенных к принятию таинства крещения.

Центр управления и общественной жизни римской церкви, по-видимому, в течение всего III века оставался вне городских стен. Можно предполагать, что когда Константин поместил его в Латеране, он был перенесен туда с Аппиевой дороги, – местопребывание, которое в свою очередь ранее заменило собою другое на Салариевой дороге. Однако в городе было уже известное количество христианских учреждений. То же было не Александрии, где пресвитеры, кажется, уже в довольно раннюю пору были приурочены к определенным церквам и пользовались большей самостоятельностью, чем в Риме.

Вне больших городов у христиан обыкновенно были только два учреждения⁶⁹¹, – кладбище и церковный дом. Кладбище было местом погребения; оно было частного характера, предназначалось для одних только членов общины. Что же касается церковного дома, то он служил местом жительства епископу, и там же помещалась его канцелярия; здесь принимали приезжих христиан; часто также в нем давали приют больным. Здесь, в большой зале, к которой примыкал двор с портиком, собирались христиане для богослужения; в глубине ее, в абсиде, восседал епископ со своей коллегией пресвитеров. Стол, или алтарь, служил для совершения Евхаристии; с возвышения (амвона) велись чтения, которые тогда составляли важную часть богослужения.

Евхаристия всегда оставалась главным богослужебным действием. Первоначально ее совершали в заключение общей трапезы. Это – то, что мы называем агапами (вечери любви). Во II веке⁶⁹² агапа была уже отделена от Евхаристии и происходила вечером, тогда как Евхаристия совершалась на утренних собраниях. Общие трапезы, как бы ни были скромны,

были доступны только тесному кругу. Когда церкви обратились в многолюдные общества, было бы трудно устраивать такие обеды и поддерживать на них полный порядок. Однако агапа удержалась, но уже не столько как действительное выражение общинной жизни, сколько как память о прошлом и как средство вспомоществования. Немного спустя на них стали являться уже только бедняки и члены клира, да и эти последние участвовали на них скорее по обязанности, чем по охоте. Агапы не совершались с такой правильной периодичностью, как обычная литургия, становились все более редкими и, наконец, совсем вышли из употребления⁶⁹³.

В общинных собраниях духовенство заметно выделялось из общей массы верных. Кроме него особую категорию составляли лишь оглашенные, не получившие еще благодати, и кающиеся, утратившие ее. Однако вскоре стали занимать особое положение исповедники и люди, добровольно налагавшие на себя обет воздержания. Мы видели, как свысока относились исповедники к своим духовным властям в Лионе и в Африке. То обстоятельство, что они не отреклись от Христа и пострадали за веру, давало им право на вспомоществование, на церковные должности и в особенности на общественное уважение. Они этим злоупотребляли⁶⁹⁴. Все налагавшие на себя обет воздержания, в особенности девственники, имели не менее высокое мнение о своих заслугах. Общественное мнение поддерживало их в этом убеждении. В храме им отводили особые места. Тем, кто в речах и в книгах восхвалял их подвиг, удалось, правда, удержаться на право славной точке зрения, не поддаваться дуалистическому мировоззрению и не позволять себе полного порицания сотворенного мира, – однако неизбежное сравнение между девственностью и браком слишком легко вело к подрыву последнего. Люди, одушевленные самыми лучшими намерениями, рисковали в этом вопросе перейти границу.

Такое положение вещей было не лишено опасностей для церковного порядка вообще. Будучи сами о себе высокого мнения и под влиянием похвал, исповедники и девственники имели склонность образовать в христианском обществе

аристократию которая могла бы оспаривать у иерархия право на управление церковью⁶⁹⁵. Мы впоследствии увидим, какой оборот приняло дело и каков был выход из этого положения. Еще ранее IV века оно принесло с собой одно важное последствие, – появление безбрачия в духовенстве. С ранних пор христианское общественное мнение предъявил в этом отношении довольно строгие требования, и духовенство поняло, что оно должно принять их во внимание, под страхом подорвать в противном случае собственное влияние. Действительно, раз было признано, что девственность более совершенное состояние, чем брачная жизнь, как было не потребовать от духовенства, чтобы оно пополнялось из лиц более совершенной категории и держалось их образа жизни?

В Риме во время Каллиста и Ипполита ригористы воспрещали брак духовным лицам⁶⁹⁶ под страхом лишения сана. Эльвирский собор (кан. 33) пошел дальше: он запретил всем членам клира продолжать жить в браке, заключенном до посвящения. Этот закон применялся в Риме в конце IV в., но лишь к епископам, пресвитерам и диаконам. Трудно сказать в точности, каков был официально принятый обычай ранее гонения Диоклетиана. На Востоке действующий ныне с давних пор порядок также сложился лишь постепенно. В ту эпоху, о которой сейчас идет речь, по памятникам нельзя установить никакого однообразного порядка. В некоторых местах⁶⁹⁷ встречаются пожелания, чтобы епископ был неженатым или чтобы он жил с женой, как брат с сестрой, и чтобы пресвитеры соблюдали тоже известную воздержность в супружеских сношениях. В других местах⁶⁹⁸ как будто неохотно посвящают в духовный сан неженатых лиц. Наконец, встречаются места⁶⁹⁹, где никому даже не приходит в голову, что духовенство в отношении брака должно держаться иначе, чем миряне. Это разногласие показывает, что институт безбрачия духовенства только еще зарождается.

Мало-помалу порядок делался устойчивее. Обычаи, либо унаследованные от первых основателей, либо введенные постепенно, по требованию обстоятельств, становились в конце концов в глазах каждой церкви священными, обращались в

церковные правила. Обычаи больших, родоначальных церквей, обладавших более древними преданиями и более разносторонним опытом, влекли к подражанию младшие или менее значительные церкви. Эти главнейшие церкви на самом деле, кажется, вовсе и не думали сговариваться между собою⁷⁰⁰, но из этого не произошло слишком большого разноречия. Благодаря частым сношениям, благодаря также тому, что все церкви в своем развитии исходили из одних и тех же начал и росли приблизительно в одних и тех же условиях, всюду установился довольно однообразный порядок.

Церковные власти не спешили закрепить его письменными постановлениями. На Никейском соборе и позже шла речь о правилах, канонах, но эти слова обозначают лишь обычно принятый порядок, независимо от того, выражен ли он в определенных положениях. Однако с конца III века появляются книжки, в которых собрано и распределено по содержанию известное количество правил, касающихся иерархии, богослужения, дисциплины, вместе с общими предписаниями христианской нравственности. Эти безымянные для нас сборники правил выпускались большею частью от имени апостолов. Мы уже говорили об одном таком сборнике, чрезвычайно древней книге, озаглавленной *Учение (Διδαχή) апостолов*. Вероятно к эпохе III века относятся *Правила святых апостолов*⁷⁰¹, *Дидаскалия апостолов*⁷⁰², *Каноны Ипполита*⁷⁰³. Этот последний сборник, по-видимому, имеет связь с Римом; Правила апостолов, кажется, появились в Египте; что же касается Дидаскалии, то с нею мы переносимся в сирийские страны. Не следует смотреть на эти сборники как на безусловно точное выражение действительно господствовавшей дисциплины. Поскольку составители их были непосредственными свидетелями известного церковного порядка, их показания являются надежными, но у нас нет никакой гарантии за то, что эта дисциплина в различных местностях не осуществлялась сообразно частным взглядам и желаниям. Эти маленькие книжки служили выражением общераспространенного убеждения, что все добрые обычаи и полезные учреждения церкви шли от апостолов. Это же

убеждение в иных видах встречается у всех христианских писателей, бравшихся обсуждать устройство церкви. В III веке не слышно уже о харизматах, о пророках, о странствующих учителях. Со времени крушения монтанизма и гносиса, иерархия стала решительно всем. Епископы служили посредствующим звеном цепи, связывавшей церковь с апостолами; они хранили предания и обладали властью; они одни были уполномочены толковать учение церкви и руководить обществом верных.

Это положение ясно выражалось в местной иерархии. Правильно поставленный в силу избрания паствы и епископского посвящения, полученного либо от родоначальной церкви, либо от соседних епископов, епископ был неоспоримым главою своей церкви. Пастве оставалось только следовать за ним, чтобы быть уверенной, что она стоит на верном пути.

Но как выше местной церкви стояла вселенская церковь, так над епископом стоял епископат. Понадобилось немало времени, пока нашли для этого взгляда надлежащую форму выражения. Раньше Константина церковь не знала вселенских соборов, – учреждение, которое, надо сказать, всегда было очень трудно привести в действие и которому так и не удалось войти в число регулярных органов церковной жизни.

Епископат был представлен, когда дело шло о текущих нуждах, группою соседних епископов или старшим епископом, когда таковой был в стране. Так, для выбора и посвящения новых епископов прибегали к содействию епископов ближайших церквей, в Италии или Египте – к римскому или александрийскому епископу. В некоторых странах епископы обширной области съезжались на собор регулярно каждый год или даже два раза в год. Собираясь таким образом, областной епископат разрешал споры, законодательствовал, когда возникали новые вопросы, и в случае надобности принимал дисциплинарные меры против тех своих членов, которые нарушали свои обязанности.

Выше этой провинциальной организации уже не было, собственно говоря, ничего, кроме очень живого чувства всехристианского единства и признания особого авторитета за

римской церковью. Последний скорее чувствовался, чем был точно выражен; чувствовался, во-первых, самими римлянами, которые со времени св. Климента ни разу не уклонились от исполнения своего долга перед христианским миром; чувствовался также и прочими, поскольку это чувство не сталкивалось со специальными интересами того или другого момента. Проявляя свой нравственный авторитет, римская церковь при полной неопределенности таких проявлений то содействовала, то становилась помехой заинтересованным сторонам. Пока она им не противоречила, у людей не хватало слов для выражения своего энтузиазма и уважения, какое она им внушала, даже покорности, которую они считали для себя обязательной по отношению к ней. Во время же распри, как это обнаружилось, напр., во времена пап Виктора и Стефана, прерогативы кафедры св. Петра становились менее бесспорными. Но в обычном ходе вещей обширная христианская община столицы мира, возникшая с самого основания церкви, освященная пребыванием в ней и мученической кончиной апостолов Петра и Павла, сохранила за собой свое древнее положение общего центра всего христианства и, если можно так выразиться, евангельской столицы; к ней непрестанно были обращены благочестивые взоры, и мирян, и пастырей; везде интересовались тем, что у нее делалось, какое учение в ней преподавалось, в случае надобности ее посещали. Основатели новых религиозных учений старались добиться у нее признания или даже овладеть ее вселенским авторитетом, пытались оказать влияние на ее предстоятелей ее благотворительность, опиравшаяся на довольно значительное уже богатство, не оставляла без помощи во время гонений или обычных бедствий самых отдаленных областей, как Каппадокия и Аравия. Она внимательно следила за богословскими спорами, волновавшими другие страны; она не колебалась призвать Оригена к отчету в странных крайностях его экзегетики и вернуть к православному образу мыслей могущественного примаса Египта. Положение ее в христианстве было настолько очевидно, что язычники вполне ясно понимали его. Разбирая

спор двух соперников по антиохийской кафедре, имп. Аврелиан тотчас же решил, что настоящий епископ – тот, кого признает римский епископ.

Однако, повторим еще раз, эти отношения недостаточно определены. В то недалекое уже тогда время, когда обнаружились силы, стремившиеся оторваться от центра, пришлось пожалеть, что организация вселенской церкви не получила такого же полного развития, как организация поместных церквей. Единство церкви от этого пострадало.

XXVII. Противники христианства в конце III века

Всеобщий упадок языческих религии. – Религия Митры. – Magna Mater и тавроболы. – Аврелиан и культ Солнца. Неоплатонизм; Плотин. – Порфирий и его сочинение против христианства. – Манес и манихейство. – Конец гностицизма. – Раввинское иудейство.

III век был для римского мира критическим временем в религиозном, как и во всех других отношениях. После долгого мира и блестящего процветания эпохи Антонинов империя вновь вернулась к гражданским войнам, к смене безумных или недолговечных государей, к политическим убийствам, к военным переворотам. В довершение бедствий защита границ ослабела, провинции подвергались неприятельским нашествиям, восточные и северные варвары хлынули всюду. Порой чья-нибудь твердая рука восстанавливала порядок, но это никогда не было надолго. При каждой передышке чувствовался упадок, истощение сил, всеобщее расстройство римского государственного здания. Взоры от печальной земли обращались к небу, ибо над богами больше не смеялись, и сами философы стали религиозны. Но небо было полно загадок. Старые римские и греческие божества удержались только в мифологических книгах; все в большее пренебрежение впадал и постепенно исчезал их культ, разумеется, за исключением деревень, всегда крепко держащихся старых обычаев. В религии Рима и Августа только и было существенного, что общественные игры, для которых она служила предлогом. Восточные боги еще держались; у Изиды и Сераписа были свои почитатели; еще больше было их у алтарей сирийских богов: Юпитер из Долихеи Номмагенской, сирийская богиня Иераполя, пресловутый эмезский бог, Ваалбек в Гелиополе не потеряли своей популярности. Однако самых распространенным из всех иностранных культов было поклонение Митре. На нем следует несколько остановиться.

1. Культ Митры ⁷⁰⁴

Главным национальным божеством персов был бог неба Агура-Мазда (Ормузд), вместе с которым воздавали поклонение Митре, богу света, Анагите, богине земли, и разным другим божествам. Жертвоприношения, возлияния и молитвы перед неугасимым огнем составляли богослужение этой религии, которая была чрезвычайно проста, пока не подверглась переработке Зороастра и не осложнилась мелочной обрядностью, какую проникнута Авеста⁷⁰⁵.

Расширяясь к западу, персидская монархия содействовала распространению этой религии. Прежде, всего она появилась в Вавилоне, где давно уже укоренилось поклонение светилам небесным и была в ходу магия. Там она соединилась с чуждыми ей элементами, к которым она так или иначе приспособилась; далее она проникла в восточные области Малой Азии, Армении, Понта, Каппадокии и Киликии. Здесь она пустила прочные корни, хотя и не вытеснила окончательно прежние религии. На закате IV века в Каппадокии было мало округов, » где не нашлось бы магов с их странными обрядами и священными огнями. В этом удостоверяет св. Василий⁷⁰⁶; еще позднее Феодор Мопсуестский счел долгом направить против них целый трактат⁷⁰⁷.

Если бы Митридату, собравшему под своей властью все военные силы этих стран, удалось одолеть римлян, надо полагать, что персидская религия или по крайней мере поклонение тому богу, имя которого он носил, проникло бы очень далеко на запад. Случилось иначе, но Ормузд и Митра все же сохранили то положение, которое уже завоевали в этих краях. Римляне долго оставляли эти страны под властью туземных царьков, не пытаясь ввести там новые политические или религиозные учреждения. Однако, в конце концов и они были ассимилированы. К концу первого века от Р. Х. Малая Азия была присоединена к империи вплоть до реки Евфрата. Там введено было обычное провинциальное управление; сюда явились римские чиновники и поставлены были римские войска.

С этого-то времени в римской империи стал распространяться маздеизм в том виде, который мы называем культом Митры. Многие солдаты были родом из Понта и Каппадокии или жили там подолгу. Благодаря торговле рабами многие туземцы развозились по всей империи, попадали в Рим, где часто выдвигались на разных служебных поприщах. Под этими влияниями культ Митры распространился с поразительной быстротой вдоль всей римской военной границы от устьев Дуная до устьев Рейна и даже до далекой Британии. В Испании и в Африке, в окрестности стоянок легионов, он очень скоро стал известен так же, как и Риме и некоторых частях Италии. Однако греческие области по обоим берегам Эгейского моря отстояли своих богов против конкуренции мидийского пришельца. То же случилось в Сирии и в Египте.

Богослужение Митры совершалось братствами и отправлялось в подземельях, в глубине которых было помещено изваяние Митры, убивающего быка. Бог, облеченный в персидскую одежду, выделялся из глубины пещеры, выдолбленной в природной скале, – символе небесного свода, откуда нисходит свет небесный⁷⁰⁸. Он держит за рога быка, которого закалывает, – совершеннейшее жертвоприношение, с которым было связано сказание о сотворении мира. Эти таинства (мистерии) и многие другие были постепенно открываемы посвященным, которые делились на семь разрядов, с особым названием для каждого. Эти различные степени были: Вороны, Тайные (*cryphii*), Воины, Львы, Персы, Вестники Солнца, Отцы. Глава Отцов назывался Отец Отцов. При переходе из одного разряда в другой приходилось проделывать странные обряды, довольно похожие на франкмасонские.

Судя по размерам святилищ, посвященных в каждом товариществе было немного, но таких товариществ было немало; в Риме насчитывалось до 60 капищ Митры. Этот культ пользовался благосклонностью императоров, очевидно, вследствие того, что был так распространен в войсках. В III веке, когда императоры все более и более стремились походить на восточных самодержцев и по существу, и по внешности, все

персидские обычаи прививались к римскому двору, религиозные, как и все прочие. Впрочем Митра легко уживался Бок о бок с другими божествами, и поклонение ему нисколько не стесняло других культов.

Теперь уже невозможно за недостатком данных определить в точности, в чем занесенный из Малой Азии культ Митры отличался от первобытной персидской религии, которая сама нам мало известна, или зороастровой, как она нам представлена в Авестах. Уже несколько видоизмененный в Вавилоне он поддался далее влиянию греческого политеизма; сближены были многие божества обеих религий: Ормузд оказывался Зевсом таким же богом неба, как и он; Анагита была сродни либо Венере, либо Цибеле; то же делалось и по отношению к прочим богам⁷⁰⁹. Сам Митра нашел себе олицетворение в обожествленном Солнце, и это послужило к его выгоде, когда под действием разных влияний культ Солнца приобрел в течение III века первостепенное значение.

Не менее посчастливилось тому культу, какой получился из соединения митриакизма со старым официальным культом Великой Матери (*Mauna Mater*). В святилищах Митры не было места женщинам; религия Митры была предназначена для мужчин; это была воинствующая религия, где люди были сплочены под начальством бога для вечной борьбы с духами зла. В торжествах в честь фригийской богини могли принимать участие и женщины. Благодаря этому персидская религия сделалась доступной и им.

С культом Цибелы связан отвратительный обряд тавро бола. Тот, кто подвергался ему, спускался в яму, слегка прикрытую досками, на которых закаляли быка. Дымящаяся кровь жертвы лилась на голову и тело посвящаемого, который этим возлиянием очищался от нравственной скверны.

Связь с такими культами могла делать маздеизм привлекательным для людей, привыкших к грубым обрядам восточного язычества; но она, несомненно, подрывала его в глазах тех, кому претили эти безобразные церемонии и кто более или менее сознательно стремился к чистому культу и к единобожию. Однако религия Митры, если обратить внимание

на некоторые черты ее теологии, на ее мораль, обряды, учение о конечной дели мира, представляет замечательное сходство с христианством. Сами христиане заметили это⁷¹⁰. Посредник между миром и высшим божеством, создатель и в некотором смысле искупитель человечества, споспешник всего доброго, воинствующий противник злых сил, Митра представляет некоторое сходство с Логосом, создателем и другом людей. Поклонники Митры, так же как последователи Христа, считали душу бессмертной и ожидали воскресения тела. Тесно связанные своей верой, митриасты вступали в братство через обряд крещения; другие их обряды очень напоминают конфирмацию и причащение. В обеих религиях чтили воскресенье, – день Солнца. 25-е декабря, *natale Solis invicti* (день рождения непобедимого Солнца) было праздником для митриастов⁷¹¹, этот же день сделался и христианским праздником; у Митры были свои аскеты обоего пола, совсем как в христианской церкви.

Но у Митры не было ничего подобного ни Библии, ни личности Иисуса Христа. Авеста – не его произведение; как мифическое божество, олицетворявшее один из элементов видимого мира, Митра не имел связи с землей. Самые искусные толкования не могли сделать из него чего-нибудь большего, чем греческие боги Аполлон, Зевес и др. Конечно, за ним стоит Ормузд со своим пантеоном богов, который можно свести к единству, но это не создает ему никакого преимущества перед греческим пантеоном. Не говоря уже об евреях и христианах, имевших иные основания отвергать его, сами язычники должны были говорить себе, что все боги сто́ят друг друга, не сто́ит менять богов своих предков и унижать себя поклонением богам варваров и врагов империи. Так рассуждали греки, египтяне и сирийцы. В военных округах по Рейну, Дунаю, в горах Атласа митриакская проповедь имела, правда, громкий успех во II веке нашей эры, но это потому, что она не встретила там никакого сопротивления на религиозной почве. Когда христианские проповедники дошли до этих стран, маздеизм сейчас же стал падать. В Риме Митра и Цибела сохранили свое положение до очень позднего времени: на I век был произведен последний

натиск победоносного христианства. В 390 году еще совершали тавробол в Ватикане, у самых дверей базилики ап. Петра.

Култ Митры был, собственно говоря, поклонением солнцу; в этом он был сходен с сирийскими культами. Они вместе представляли почти все, что еще сколько-нибудь было живо в народном язычестве. Очевидно, по этому соображению императрица Юлия Домна и ее литературный кружок стали прямо или косвенно пропагандировать религию Солнца, как самого естественного символа божества.

За эту же мысль взялся впоследствии император Аврелиан, как только ему удалось умиротворить внутренние области империи и восстановить ее границы. Он, разумеется, не пытался закрывать храмы Юпитера и Весты, но водрузил рядом с ними новое святилище Солнцу, великолепное здание которого вскоре появилось на Марсовом поле, на восток от Фламиниевой дороги. Для служения в нем была учреждена новая коллегия жрецов с теми же привилегиями, какими пользовалась древняя корпорация жрецов Весты. По-видимому, император хотел предоставить умереть естественной смертью устарелым богам, которым поклонялись Нума и Тарквинии, отливая в то же время в форму государственного культа религиозное одушевление, привлекавшее людей к высшему божеству, олицетворенному в великом небесном светиле. Не надеялся ли он таким образом остановить победоносное шествие христианства? Все говорит в пользу этого предположения, ибо строитель храма Солнца немедленно после того предпринял гонение на церковь, и если бы смерть не помешала ему, он принес бы новому богу новые жертвы.

После него култ Солнца удержался в числе государственных религий, но, по-видимому, имел мало влияния на течение событий.

2. Неоплатонизм

Гораздо более серьезное движение представляет неоплатонизм. Родоначальник этого течения, Аммоний Сакк, был преподавателем в Александрии во времена императоров из дома Северов. На его лекциях собирался небольшой, но чрезвычайно разнообразный круг слушателей. Здесь можно было встретить и „ христиан, как Иракл и Ориген. Знаменитый ритор Лонгин тоже посещал эту школу с другим Оригеном и неким Гереем, но известнейшим учеником Аммония был Плотин, родом из Ликонополя в Верхнем Египте. Плотин вступил в школу Аммония около того времени (232 г.), когда Ориген покинул Александрию и переселился в Палестину. После смерти своего учителя (ок. 243 г.) он принял участие в походе императора Гордиана против персов, желая познакомиться с учениями персидских и индийских мудрецов. Поход не удался; вернувшись с востока, Плотин поселился в Риме, где вокруг него тотчас же собралась кучка учеников. Среди них называют тосканца Гентилиана Амелия, палестинца Павлина, поэта Зотика, врача Зефа родом из Аравии, и Кастриция, владельца поместья близ Минтурн, где учитель проводил лето; наконец, знаменитого Порфирия, родом тирянина, который написал биографию и издал сочинения Илотина. Его лекции посещались сенаторами; сам император Галлиен и его жена Салонина иногда присутствовали на них. Они обещали свое покровительство проекту основать в Кампании колонию, которая должна была применить в своей жизни принципы платонизма, но этот проект не осуществился. Плотин умер в 270 г.; это был философ, проводивший на деле свое учение, подвергавший себя лишениям, пренебрегавший светом и литературой. Его ученики почитали его как Святого; его лекции чаще всего обращались в беседы; всякая забота о литературности была откинута, и когда он на склоне дней (ок. 263 г.), принялся писать, он не обращал никакого внимания ни на свой слог, ни на правописание. Да впрочем он и писал только отрывками. Одному из последних поступивших к нему учеников,

Порфирию, он поручил собрать и издать их. Они носят название *Эннеад*⁷¹². В виде предисловия к этому сборнику Порфирий поместил биографию своего учителя.

Из последней видно между прочим, что школу Плотина временами посещали христиане, особенно гностики. Его философия была слишком близка к религии в „эллинском“ смысле, чтобы православные и благонамеренные христиане могли находить в ней удовлетворение. Напротив, с гностиками у него было больше общего; посредствующим звеном было трансцендентальное богословие. Платиновские гностики с виду не были ни валентинианами, ни василидианами, но скорее представителями какого-нибудь сирийского учения, дальними духовными потомками Симона и Сатурнилы⁷¹³. Их главами были Адельфий и Аквилин.

Подобно гностикам, у Аммония и Плотина была своя система религиозного мировоззрения, и хотя ее сперва преподавали под покровом некоторой тайны, она вскоре получила значительную известность, Благодаря неоплатонизму эллинизм приобрел, наконец, теологию. Правда, в нее вошло много старого: Пифагор, Зенон, Аристотель и Платон, в особенности Платон, считались в числе предков школы; их сочинения составляли для нее нечто в роде Библии, священного писания, материала для толкований. Филон также должен был отчасти повлиять на образование новой религиозной системы, хотя школа и а него и не ссылалась. Но факт тот, что она имеет весьма ясно выраженные черты сходства со старым иудейским учителем.

Есть три формы Божественного бытия, вытекающие друг от друга» нисходящие от отвлеченного к конкретному, от простого к сложному, от безусловного совершенства к несовершенному в разных степенях. В основании всего находится Сущее само в себе, лишенное свойств и не поддающееся определениям, не выразимое, непостижимое. Все бытие, какое есть в мире, исходит от него; таким образом, все существа в нем, и оно составляет все бытие каждого существа. Вторую степень занимает Разум (νοῦς), который составляет в то же время Постижимое, образ Высшего Существа, доступный познанию, но

безусловной простоты. Это – первообраз всех других существ. Затем следует Душа (ψυχή), которая исходит от Разума, как тот в свою очередь от Бытия в себе. Душа оживляет мир; следовательно, она доступна разнообразию; она вмещает в себе все отдельные души. Видимый мир происходит от нее; часть душ заключена в нем в индивидуальных телах. К несчастью, между составными частями мира нет гармонии, и душа не господствует над телом; отсюда – все неустройство мира.

Бытие, которое, принимая осязательные и разнообразные формы, становилось все более несовершенным, должно быть вновь возвращено к совершенству. Это усилие вернуться к нему начинается с добродетели: сперва идет добродетель обычная, гражданская (πολιτική), украшающая душу, но недостаточная для „ ее освобождения; затем, аскетизм, очищающий и возвращающий душу к добру. Очищенная таким путем душа может достигнуть области Разума усилием своего ума. Что же касается Бытия в себе, то с ним можно вступить в общение только путем экстаза, так как оно недоступно уму. Экстаз можно вызвать в себе и во время его постичь Бога. Но это удастся редко. В течение шести лет, которые Порфирий провел около Плотина, этот последний только четыре раза входил в такое непосредственное общение с Божеством.

Самому Порфирию это удалось всего раз в жизни. Вся эта система проникнута религиозным духом, но с первого взгляда трудно понять, как она может быть связана с политеизмом и с греческим культом. Плотин, который сам удовлетворялся своей философской религией, сумел однако уладить дело. Истинным, единым истинным Богом является Сущее в себе, но Νοῦς, Разум, уже составляет второго бога; мысли (λόγοι), создаваемые им, – тоже божества; таковы же небесные светила и т. д. В общем для толпы старый мир богов остался, только над ним надстроили один или два этажа. Все перетолковывалось символически, – мифология, культ, идола, гадания, даже магия.

Эта нижняя часть системы, эти уступки понятиям и обычаям старого культа, должно быть, были введены после Плотина.

Ямвлих в начале IV века превратил это учение в своего рода науку теургии. В таком виде оно дожило до Юлиана.

В своей совокупности неоплатонизм представляет последнее усилие греческой философии объяснить мировые тайны, и это усилие носит религиозный отпечаток как по мистике, лежащей в основании всей системы, так и по ее приспособлению к традиционным верованиям. Чем Филон три века перед тем был для иудейства, тем Плотин стал для эллинизма. Филон показал, что можно быть в одно и то же время иудеем по вере и философом; Плотин свел к мистицизму старую греческую философию; он как бы обратил ее в своего рода религию, а религию сделал предметом, достойным мыслителей.

Эти последние с жаром ухватились за новое мировоззрение. Многим людям оно должно было казаться полезным соперником христианству. Но этот языческий гносис был скорее годен для подрыва христианских гностических сект, чем мог серьезно угрожать православному христианству. Бог Плотина был слишком далек и недоступен для человека; сочинения древних и новых философов, как орудия пропаганды, не могли равняться со священной историей; жизнеописания Плотина, которых появилось несколько, не выдерживали сравнения с евангелиями. Платонизм остался предметом роскоши. Церковь не обратила на него никакого внимания. Она продолжала свои нападки на языческих идолов и жертвы, приносимые им, не заглядывая глубже, чтобы видеть, нет ли в основе их какой-нибудь философии. Впрочем не все в воззрениях Плотина подлежало осуждению; христианские мыслители в IV веке и позднее часто пользовались ими. Если нетвердого в христианских убеждениях Юлиана новая философия отвлекла от церкви, то блаженному Августину она оказала противоположную услугу. Чрез посредство последнего чрез подложного Дионисия Ареопагита она проникла широкой волной в средневековое богословие.

Но вернемся к ее первым шагам. Еще ранее кончины Плотина Порфирий удалился в Лилибею в Сицилии для поправления здоровья. Там он составил Энноады и написал

свои 15 книг против христиан, – самое значительное из всего, что было в древности написано против христианства. По сравнению с эпохой Цельза последнее уже сильно развилось во всех отношениях и особенно в философском. Оно дало миру Оригена. Порфирий знал великого христианского учителя, знаком был и с его трудами. Ему небезызвестно было также, что Περὶ ἁρκῶν не представлял точного выражения церковного учения. Догматы о творении и кончине мира, о воплощении и воскресении, как их понимала великая церковь, совершенно не соответствовали пантеизму новой школы. С другой стороны, в священном писании, в Ветхом и Новом Завете, греческий ум всегда мог найти пищу для критики. По просьбе своего учителя Порфирий уже ломал копья в спорах против некоторых книг, якобы зороастровых видений, на которые гностики опирались во время прений. Теперь он напал на христианские книги. До нас дошли только отрывки его полемики. Изъятые из обращения христианами императорами, сочинение Порфирия исчезло, и, по странному совпадению, утрачены даже написанные на него Мефодием, Евсевием, Аполлинарием и Филосторгием опровержения. Впрочем несколько страниц его сохранились в Апокритике Макария Магнета, оттого ли, что этот автор выписал их прямо из сочинения Порфирия, или оттого, что они впоследствии были вставлены туда чужой рукой. То немногое, что до нас дошло, достаточно дает понятие о сжатой беспощадной критике платонического ученика. Он не ко всему относится отрицательно. Он нападает не на Христа, к которому, напротив, питает большое уважение⁷¹⁴, а на евангелистов и в особенности на ап. Павла, к которому чувствует чрезвычайную антипатию. Он прекрасно видит, в чем христианство могло бы быть согласовано с эллинской мудростью, – напр., в вопросе об единстве божества, единовластии Бога, в приравнении ангелов к низшим божествам, в почитании храмов и церквей. Книга Порфирия наделала много шума. Надо было опровергать ее без промедления. За это взялись Мефодий, писатель-епископ Олимпа в Ликии, и трудолюбивый Евсевий Кесарийский. Но они не помешали успеху книги, и пока были еще образованные язычники, они всегда выдвигали ее против христианства⁷¹⁵.

Порфирий дожил до 304 г., подарив миру много религиозно-философских сочинений. Его противников христиан правительство в ту пору объявило врагами империи и приступило к борьбе против них совсем иным оружием, чем он.

3. Манихейство

В конце III века казалось, как будто все важнейшие древние религии сговорились ополчиться против все растущего успеха христианства. Вокруг Митры, Солнца и Цибелы тесно сплотились все виды культа и мистерий, какие только произвела римская Азия. Эллинизм обратил свою философию на подпорку своей мифологии и обратно. Как будто этого не было довольно: из Персии появилась новая религия. Перед своей окончательной смертью старый Вавилон в своем разложении дал последний и могущественный отпрыск, – манихейство⁷¹⁶.

Мани⁷¹⁷, родоначальник этого движения, родился около Ктезифона, зимней резиденции парфянских царей, в 215 или 216г. Отец его, Фатак-Бабак, был родом из Экбатаны в Мидии (ныне Гамадан); мать его принадлежала к царствовавшей тогда династии Арсанидов. Фатак (Πατέκιος) в молодых годах уверовал в учение могтазилов, баптистской секты, родственной нынешним мандаитам и распространенной по нижнему течению Евфрата; он перебрался на жительство к сектантам, захватив с собой сына. Рассказывают, будто сын уже 12 лет получил откровение нового учения, которое он впрочем объявил лишь гораздо позднее. Свою проповедь он начал в 248 году в царской столице во время празднеств коронации Сапора I.

Мани открыто выступил как посланник Божий, на которого возложено возвестить людям правду, как Будда в Индии, Зороастр в Персии и Иисус на Западе. Но успех его был невелик. Маздейское духовенство и слышать не хотело о новизне, которая угрожала опасностью зороастровой религии. Что же касается царя Сапора, он отнесся к нему так, что Мани вынужден был покинуть отечество. Много лет прожил он вне Персии, на севере и востоке. Чрез него самого, либо чрез его учеников его вера быстро распространилась в Хорассоне, Туране (Туркестане), Китае и Индии; она нашла много приверженцев даже в пределах Персии. Вернувшись в Ктезифон после 30-летнего изгнания, Мани обратил в свою веру

брата Сапора, Пероза, который устроил ему свидание с царем. Сапор обещал разрешить существование его общины и даже подал ему надежду на свое обращение. Однако под влиянием жрецов огня произошел поворот в его настроении: Мани был заключен в тюрьму. Выпущенный после смерти Сапора (272 г.), он оставался на свободе в течение очень недолгого царствования Гормизда. Царь Бахрам приказал вновь бросить его в тюрьму. В 276 или 277 году пророк был распят в Гундезапуре, близ Суз. С его трупа содрали кожу, набили ее соломой и повесили на одних из городских ворот, которые долго носили потом название ворот Мани. С тех пор манихеи подверглись жестокому гонению.

Мученическая смерть основателя не остановила успехов новой религии. С этого времени она начинает распространяться к западу и захватывать пределы римской империи. Евсевий в своей Хронике⁷¹⁸ относит к четвертому году царствования Проба (279–280), появление Манеса, т. е. манихейской проповеди, на запад от Персии.

В римских странах манихейство вскоре осложнилось новыми элементами, которые могли связать его с христианством, столь распространенным в Сирии и соседних областях. Евсевий уже знал, что манихеи выдавали своего пророка за Параклета (Утешителя), обетованного в евангелии, и что они окружали его группой из 12 апостолов. Но это – второстепенные подробности. Манихейство вовсе не христианская ересь, незаконный отпрыск евангелия; оно – настоящая новая религия. И это не какая-нибудь национальная вера: она восстала против официальной религии персидского государства, зороастризма, или маздеизма, еще раньше, чем стала отвращать от старых верований буддистов в Индии и христиан в римской империи. Это – религия, стремящаяся ко всемирному господству. Вот ее учение⁷¹⁹.

В мире есть две сущности, по существу друг другу противоположные, – Свет и Мрак. Они представляются двумя царствами. В первом из них царствует Верховный Бог, от которого исходят лучами десять или двенадцать добродетелей, – Любовь, Вера, Мудрость, Благодать и т. д. В этом царстве есть

небо и земля, и то и другая лучезарные. Под ним находится царство Мрака, лишенное Бога и неба, но имеющее землю. Там обитает Сатана со своими демонами, составляющими его свиту, так же как лучезарные зоны – свиту Бога света.

Оба царства соприкасаются одной из своих сторон, и здесь-то между ними ведется война. Однажды Сатане удалось захватить лучезарную землю, Тогда Бог Духом породил из правой стороны своего существа (сизигия) новое существо, первобытного Человека, и послал его на борьбу с Сатаной. Последний одолевает в первую минуту. Бог приходит первому Человеку на помощь со своими ангелами и заглаживает его поражение. Сатана изгнан. Но первобытный Человек пробыл некоторое время в власти Сатаны, и тот похитил у него несколько частиц света. Отсюда произошла смесь светлых и темных элементов, и эта смесь преемственно передается из поколения в поколение. Первобытный Человек противодействует распространению зла, но что сделано, то сделано.

Из этих уже готовых смешанных элементов Бог сотворил нынешний мир, соединение добра и зла. Он обнимает целый ряд небес, управляемых светлыми ангелами (зонами). Солнце и луна имеют в себе наименьше примеси мрака. На первом живет первобытный Человек, на другой – его сизигия, Мать Света. В то время как мир есть дело рук Божиих, правда, созданное из несовершенных элементов, человек – создание Сатаны и его приспешников. Сатана вложил в отца рода человеческого, Адама, все частицы света, какие успел похитить; Ева создана таким же путем, но в ней гораздо меньше этих частиц; она – искушительница, орудие гибели. Каин и Авель – плоды ее связи с самим Сатаной, Сиф же – действительный сын этой первой человеческой четы. Вскоре он стал предметом ненависти своей матери, козни которой впрочем расстраиваются. Ева, Каин и Авель подпадают под власть ада; напротив, Адам и Сиф после смерти вознесены в царство света.

Таким образом, человечество раздирается борьбой двух элементов, неодинаково соединенных в мужчине и в женщине. Заключенный в них свет⁷²⁰ стремится освободиться; демоны

стараятся удержат его в плену страстями, заблуждениями, ложными религиями, между прочим учением Моисея и пророков, в то время как духи света помогают ему освобождаться. Первое условие освобождения – познание истинного строя мира. Ради этого появлялись посланники Божии: Ной, Авраам, Зороастр, Будда, Иисус. Но под именем Иисуса здесь надо подразумевать Иисуса бесстрастного (*Iesus impatibilis*), небесного зона, который с самого начала пришел на помощь Адаму и поддерживал его в борьбе против Евы и Сатаны, а не историческую личность Иисуса, еврейского лжемессию, вдохновленного дьяволом. Из посланников Божиих Мани – последний и самый совершенный.

По мере того как частицы света выделяются из человечества, они поднимаются по зодиаку⁷²¹ и луне к солнцу. Оттуда, очистившись окончательно, они достигают самого царства Света. Тела и вместе с ним души тех, кто не принадлежит к избранным, остаются в царстве Мрака. Кончина мира наступит, когда все частицы света вернутся к своему источнику.

Из такого учения о человечестве вытекает, что каждый бывает добрым или злым от природы, смотря по тому, в какой пропорции в нем смешаны элементы мрака и света. Единственная мораль, какую можно отсюда вывести, это – строгий аскетизм. Цель жизни – не допустить порчи светлых частиц, которыми может владеть каждый, помогать им выделяться и уничтожать или обессиливать остальные. Чувственному миру объявляется война. Последователь Мани отмечен тремя печатями, – уст, руки и лона. Первая налагает запрещение на нечистые речи, на животную пищу и на употребление вина. Что касается растений, то их дозволено есть, но не убивать; поэтому следует предоставлять другим рвать плоды или травы, предназначенные в пищу. Печать руки запрещает прикосновение к нечистым предметам; печать лона – половые сношения даже в браке. Часто соблюдается пост, в среднем по одному дню на каждые четыре, а также каждое воскресенье. Молиться нужно четыре раза в день, обращаясь к солнцу, к луне или к полярной звезде.

Такой аскетизм, очевидно, превышает силы обыкновенного человека, да он и соблюдается только небольшим числом *Избранных*, которые в сущности единственные настоящие манихеи. Народная масса в манихействе, или т. н. *внимающие*, могут жить, как все люди. Избранные помогают их спасению, а они берут на себя содержание этих избранных. В манихейском обществе последние соответствуют монахам, исповедникам, святым. Однако и над ними есть иерархия: пресвитеры, епископы числом 72, наконец, 12 учителей; из них один – глава их, нечто в роде манихейского папы; он должен был жить и действительно часто жила в Вавилоне.

Култ был очень прост; он состоял почти весь из молитв и пения. В марте праздновался день Бема в память смерти Мани. Ставили богато украшенный престол, к которому вели пять ступеней, – символ пяти степеней иерархии: внимающие, избранные, пресвитеры, епископы, учителя; на него никто не садился, но все только преклонялись перед ним ниц.

Во всех этих учениях и обрядах – много разнообразных элементов, и не все их комбинации являются новыми. Мани недаром жил так долго с отцом среди могтазилов. Священная книга их потомков⁷²², современных мандаитов, показывает, что в учении этих баптистов произошло слияние древних вавилонских легенд с библейскими учениями. Вероятно, в течение II века среди обломков древней халдейской цивилизации возникло странное христианство, напоминающее секты офитов и в особенности элкезаизм⁷²³. Евреи были очень многочисленны в этих краях. Мани, как и мандаиты, проповедует полный, субстанциальный, вечный дуализм⁷²⁴. Его небесные существа многими чертами напоминают вавилонских богов и героев, Эа, Мардука, Гильгамеса и др. Поклонение свету могло быть заимствовано из иранских верований. Из Библии взято много имен. В отличие от гностических сект, которые всегда во главе ставили Иисуса, Мани не обращает никакого внимания на евангелие. Он сам – провозвестник откровения и учитель.

После него осталось несколько сочинений, уничтоженных впоследствии христианами, маздейскими и мусульманскими

властями. Фихрист содержит перечень семи: Тайны, Великаны, Правила для внимающих, Шапуракан, Живительный, Прагматейя, Евангелие. Последнее было написано по-персидски (на пехлевийском наречии), остальные – по-арамейски. На некоторые из них ссылаются христиане, писавшие опровержения на них, в особенности автор Деяний Архелая и св. Августин. Одно из сочинений Августина посвящено опровержению *Epistola Fundamenti* содержание которого тождественно с „Правилами для внимающих“. „Евангелие“ не имеет ничего общего с христианским евангелием, кроме, имени. Кроме этих книг было собрано довольно большое количество писем самого Мани, либо его ближайших преемников⁷²⁵.

Нам незачем следить здесь за успехами новой секты ни на Востоке, где, несмотря на гонения, ее продолжали проповедовать до монгольского нашествия, ни даже на Западе, где она возрождалась несколько раз и, запрещенная как государством, так и церковью, в течение десяти веков не переставала тревожить их обоих. Что стоит здесь отметить, это поразительный прием, какой нашла на римской почве религия, заимствованная у наследственного врага. Через тридцать лет после смерти Мани Евсевий был чрезвычайно взволнован ее успехом. Около того же времени (296 г.) император Диоклетиан грозил⁷²⁶ манихеям самыми суровыми карами: сожжением для главарей, смертной казнью для остальных, кроме *honestiores* которым предстояли каторжные работы в рудниках Фено или Проконнезы; всем вообще грозило лишение имущества. Наконец, книги их подлежали сожжению.

Подвергшись такому гонению, манихейская секта вынуждена была скрываться и усвоить себе приемы тайного общества. Когда христианство сделалось господствующей религией в империи, манихеи притворились христианами и притом православными, пользуясь языком и обычаями великой церкви и кое-как связывая их со своими правилами.

Можно было думать, что, распространяясь так быстро к западу, манихейство поглотит последние остатки гностических ересей II века. Связанный со старинными сирийскими сектами

своим дуализмом и нравственными правилами, а может быть и каким-нибудь историческим отношением, он как раз годился им в преемники. Однако поглощение не было полным; в конце IV века оставалось, в особенности в Египте, еще много мелких групп, упорно державшихся офитских учений и разбиравшихся в безобразных писаниях, образчик которых нам сохранила Πίσις Σοφία. Несмотря на все это, эти люди были христианами; Иисус оставался для них Господом и Спасителем; их нелегко было бы убедить в том, что Он – слуга дьявола. Более значительные и менее удаленные от православия вардесаниты и маркиониты также не поддались манихейству; они долго еще держались в Сирии и Месопотамии. В IV веке было еще много вардесанитов в Эдессе; в следующем столетии кирскому епископу Феодориту удалось обратить в православие в одной только своей епархии до 10000 маркионитов. Последние последователи гностицизма в гораздо большем числе присоединились к православной церкви, чем к манихейству.

4. Иудейство

Что касается евреев⁷²⁷, то их вражда к христианству, столь же старая, как оно само, становилась все более непримиримой. В конце концов они оправились от бедствий, обрушившихся на этот народ от царствования Нерона до Адриана. Избиения, которыми они поплатились в конце царствования Траяна за свои мятежи в Египте, Кирене, на о. Кипре и в Месопотамии, конечно, уменьшили в этих местах значение их общин. То же произошло и в Иудее после войны Веспасиана и в особенности после поражения Бар-Кохба (135 г.). Евреи вынуждены были покинуть страну; им запрещалось даже приближаться к развалинам Иерусалима и к колонии Элии, воздвигнутой на месте святого города. Еще другие колонии были основаны по Иудее и Самарии: Неаполь, Эммаус (впоследствии Никополь), Диосполь, Елевферополь. Страна Иуды и Ефрема окончательно переходила от потомков Иакова к сынам Эдомовым⁷²⁸.

„Остатки Израиля“ собрались в западном углу Иудеи, в Ямнии (Явне), местечке на палестинском приморье южнее Иоппе. Среди их тогдашних вождей называют Иоахана-бен-Саккаи и Гамалиила Младшего. Благодаря терпимости правителей области им удалось кое-как организовать. Саддукейская аристократия погибла во время восстания; слабые остатки ее бежали в дальние края, в страны месопотамские, где еще были иудейские или иудействующие государи. Храм был разрушен; священники, и левиты, какие уцелели, вскоре вымерли. Остались только фарисеи и книжники, т. е. учителя Закона. Этим последним выпало на долю руководство общиной уже не политическое, а чисто-религиозное. Прежний главный орган политической жизни, синедрион, уже не мог быть восстановлен. Несмотря на то был совет, которому давали иногда это старое имя; в этом совете был председатель, который с течением времени приобрел вес и был более или менее официально признан под именем патриарха. Как и в других еврейских колониях, главы общины разбирали гражданские тяжбы членов ее; что же касается

уголовных дел, то они иногда присваивали себе право судить и их. Эта организация содержалась на пожертвования евреев всех стран. Уполномоченные, носившие титул *апостолов*, ездили за сбором их и в то же время производили что-то вроде ревизии.

Религиозная жизнь стала очень замкнутой. Эпоха либеральных евреев, заигрывающих с эллинизмом и с правительством, прошла – и безвозвратно. За одобрением других народов больше не гонятся; тем более не стараются привлекать прозелитов. В этом отношении предоставляют свободу действий „назареем“.

Евреи ушли в себя, погрузились в обожание своего Закона; лучшим утешением для них было точно соблюдать его во всех мелочах. Конечно, уже невозможно стало выполнять его во всем объеме; но кто знает, не восстановится ли когда-нибудь разрушенный культ, не воскреснет ли Храм из развалин⁷²⁹? Покамест оставалось достаточно правил, доступных выполнению, чтобы было к чему прилепиться со всею верностью и дать религиозной жизни на каждый день определенное содержание.

Закон составлял все. Энтузиазм, вызываемый им, канонисты выражали в своих толкованиях на него. Работа книжников продолжалась и в изгнании. В Лидде (Диосполе), неподалеку от Ямнии, появилась очень влиятельная раввинская школа. Около половины II века ее место заняла тивериадская.

Туда же в Тивериаду перебрался и высший национальный совет со своим главой: здесь пребывали в течение III и IV столетий иудейские патриархи. Галилея в это время вновь покрылась цветущими еврейскими колониями: в числе их памятники упоминают о Капернауме, Сепфорисе, Диокесарии, Тивериаде, Назарете; вся евангельская страна была покрыта синогогами, развалины которых видны еще до сих пор⁷³⁰. Там были составлены первые сборники толкований на Закон. Древнейший дошедший до нас, Мишна, относится к концу II века. Он включает в себе не менее 2000 изречений или ответов известнейших раввинов от Иоанана-бен-Саккаи до Святого Иуды, современника Марка Аврелия и Коммода. Иуда считается

автором Мишны⁷³¹. Этот юридический сборник скоро приобрел значительный авторитет; он наравне с Законом стал предметом споров и породил два новых сборника толкований: один, составленный в Галилее в довольно позднюю пору IV века, называется Иерусалимским Талмудом; другой, возникший в следующем столетии в еврейских школах персидского царства, известен под именем Вавилонского Талмуда⁷³².

Вне этого палестинского центра и вдали от религиозных властей, которые заступили место упраздненного священнического сословия, Диаспора (иудейское рассеяние) продолжала расширяться без помощи прозелитизма одним только естественным приростом населения. По этому поводу раз даже возникли довольно серьезные затруднения. Обрезание было запрещено Адрианом. Но евреям было невозможно подчиняться такому запрещению. Их сопротивление выразилось в новых восстаниях, так что Антонин отменил запрещение и ограничился только тем, что запретил обрезать кого-либо, кроме еврейских детей, что было подтверждено потом Севером.

Таким образом, римский закон сам содействовал замкнутости евреев; но так как в терпимости он им все-таки не отказывал, то они распространялись все более и более, занимаясь низшими должностями и мелкой торговлей. В IV столетии они встречались везде. Епископов беспокоили их сношения с христианами, порою склонными принимать участие в их празднествах и исполнять их обряды⁷³³.

Писатели продолжали опровергать их, как в былое время Аристон и св. Иустин. Это все тот же спор: христиане хотят доказать истинность Евангелия Ветхим Заветом и раздражаются, когда евреи отвергают их символические толкования или даже оспаривают их ссылки.

В предшествующее время было гречески-образованное иудейство, способное поддерживать подобные споры; это – то иудейство, для которого был сделан перевод LXX. Перевод этот в II веке уступил место более буквальным, ибо потерял доверие вследствие того употребления, какое он получил в руках христиан. Перевод Феодотиона представляет исправленный по принятому тогда в Палестине еврейскому тексту перевод LXX;

Акила совсем заново перевел его с чрезвычайной, отталкивающей мелочной точностью. Таким образом, спорщики могли противопоставлять один перевод другому. В конце концов однако эллинизм был окончательно вытеснен; евреи предали забвению труды Акилы и Феодотиона так же, как раньше отвернулись от перевода LXX, и в своем богослужении стали ограничиваться одним еврейским текстом. Языческие культы древние и новые, туземные и ввезенные из далеких стран, мистические философские системы, новорожденные религии, ветхий иудаизм, – вот силы, которые в конце III века противодействовали христианству. Была еще одна, страшнее по виду, но не всегда враждебная сила, – римская государственная власть. Этой последней суждено было испытать поражение и стать слугой победоносного Евангелия. Однако этот переворот совершился только после страшной борьбы, к которой мы теперь и перейдем.

Примечания

¹ - Geschichte der altkirchlichen Litteratur, Herder 1902–1903, 2 vol.

² - Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Litteratur, Leipzig, Hinrichs.

³ - Geschichte der altchristlichen Litteratur; 1 Theil: Die Ueberlieferung und der Bestand (1893); 2 Theil: Die Chronologie (1897–1904). Я должен упомянуть также о собрании творении христианских писателей первых трех веков, издаваемом Берлинской академией: несколько томов уже появились в свет.

⁴ - В особенности P. Monceaux, Histoire litteraire de l'Afrique chetienne, 1901.

⁵ - Я должен признаться, что мной руководило также желание изъять из обращения старый литографированный курс лекций, изданный лет тридцать тому назад и, казалось мне, слишком устаревшим, чтобы не компрометировать моей репутации.

⁶ - Сузиана – область по левой стороне нижнего течения Тигра. Прим. перев.

⁷ - Эллинизмом называется совокупность знаний, искусств, идей и учреждений, которые проникли из Греции на Восток и, смешавшись с местными элементами, создали строй жизни, господствовавший на Востоке все время владычества римлян, тоже в значительной степени эллинизовавшихся. Характерными чертами эллинизма были: развитие городского благоустройства и самоуправления, промышленности, сношений, усвоение идей и методов древней греческой философии, подражание классическим образцам греческого искусства, образование общего для всех культурных народов строя жизни и мировоззрения, состоявшего из общих идей, чувств и интересов; в области религии – синкретизм, смешение различных религиозных систем без попытки воссоздать из них стройное целое. Прим. перев.

⁸ - Сассаниды – потомки древних персидских царей. Прим. перев.

⁹ - По смерти Александра Сирия досталась его военачальнику Селевку Никатору, Египет – Птоломею Лагу, по именам которых названы были династии. Прим. перев.

¹⁰ - Космогония – учение о происхождении мира. Прим. перев.

¹¹ - В этой формуле имя Августа не обозначает именно императора Октавиана-Августа, но вообще живого Августа, царствующего императора.

¹² - Лукиан Самосатский, род. ок. 125 г. по Р. Х., осмеявший богов в произведении „Разговоры в царстве мертвых». Прим. перев.

¹³ - Филон – (20 г. до Р. Х. – 50 г. по Р. Х.) александрийский еврей, философ и знаток св. писания, сблизивший иудейство с греческой платоновской и стоической философией, путем аллегорического толкования Библии. Прим. перев.

¹⁴ - Апокрифами называются сочинения, по своей литературной форме, а отчасти и по содержанию, близко соприкасающиеся с книгами св. писания (апокрифические евангелия, деяния апостолов, послания, апокалипсисы), но не признанные церковью авторитетными и не вошедшие в состав канона. Они назывались апокрифами (от *αποκρυφός* тайный, скрытый) как потому, что были изъяты из обращения среди большой публики, так и потому, что их авторы и обстоятельства происхождения оставались неизвестны. Прим. перев.

¹⁵ - Ср. Ев. от Матф. Х, ст. 16–24, I посл. к Фессал. 11, 14.

¹⁶ - Об этом предании см. Harnack, *Chronologie*, 1. I, S. 24–3, и Dobschütz, *Texte und Unters.* T. XI, H. I. S. 51. Гарнак придает, кажется, слишком много значения этому преданию, которое по-видимому ведет свое происхождение от какого-нибудь апокрифического сочинения, как Керигма (проповедь) Петра.

¹⁷ - Киренаика – область северной Африки, ныне Барка. Пр. пер.

¹⁸ - За исключением того места Деянии (XI, 26), где отмечено появление этого наименования, имя это встречается в

Новом Завете всего два раза (Деяния, XXVI, 28; I послание Петра, IV, 16), да и то, как название, употреблявшееся не-христианами. Оно не встречается равным образом и у мужей апостольских, кроме св. Игнатия, который был родом из Антиохии (Harnack, Mission, 295.).

¹⁹ - Деяния, XV, 36–39.

²⁰ - Так называлась у Римлян западная оконечность Малой Азии. Пр. пер.

²¹ - Нынешняя Греция. Пр. пер.

²² - Об этой дате много спорили. Гарнак в Chronologie, B. I, S. 233 и след. отодвигает ее на 4–5 лет назад. Я не могу признать его доказательств, которые, впрочем, достаточно опроверг Scgürer, Geschichte des jüdischen Volkes, 3 Aufl. B. I, S. 578.

²³ - 2 Корин. XI, XII.

²⁴ - 1Кор. 7:17–24, 8–10.

²⁵ - К Римл., I–XI. Прим. авт.

²⁶ - Именно этот термин влагают Деяния в уста иудействующих христиан Иерусалима: ἀποστασίαν διδάσκεις ἀπὸ Μωϋσῶς. (учишь отступлению от Моисея) Деяния. XXI, 21.

²⁷ - Πόσαι μυριάδες (сколько тысяч).

²⁸ - 1Кор. 15и сл.

²⁹ - Мы теперь знаем, что стадии этого развития представлены в Библии гораздо короче, чем они были в действительности; но здесь идет речь об истории, как ее понимали древние, а не о той, границы которой постоянно раздвигаются на наших глазах, благодаря – открытиям археологии.

³⁰ - Это понятие выражено в знаменитой формуле Иисус Христос Сын Божий Спаситель, Ἰησοῦς Χρῆστὸς Θεοῦ Υἱὸς Ζωτήρ; первые буквы ее по-гречески дают слово ἰχθύς (рыба), откуда и символ рыбы (в виде кольца, которое носили первые христиане, чтобы узнавать по нем друг друга. Пр. пер.).

³¹ - Галат. II.

³² - Там же, II, 21.

- ³³ - 1Кор. 14:24, 25.
- ³⁴ - Деян. 11:27, 28; 15:22, 32, 21:10, 11.
- ³⁵ - 1Кор. 1:14–17.
- ³⁶ - Там же, 15:29.
- ³⁷ - 1Фессал. 5:12, 13.
- ³⁸ - 1Кор. 12:28, κυβερνήσεις, ἀντιλήψεις.
- ³⁹ - Нужно заметить, что оба эти слова имеют одно и то же значение – „собрание“ и что как то, так и другое употреблялись также для обозначения самых зданий, служивших местом этих собраний.
- ⁴⁰ - Schürer, Geschichte des judischen Volkes, 3 Anfl., t. III, S. 28.
- ⁴¹ - Philon, Leg. Ad Caium, 23.
- ⁴² - Josephus, Ant. XVIII, 3, 5, Tacitus, Ann., II 85, Suetonius, Tiberius, 36.
- ⁴³ - Josephus, Ant., XIX, 5, 2.
- ⁴⁴ - Деян. 18:2, Suetonius, Claudius, 25, Dion, LX, 6.
- ⁴⁵ - Здесь обычное смешение χρηστός и χριστός. Римская чернь называла их христианами: quos.... iulgius Chrestianos appellabat. Таков настоящий смысл известного свидетельства Тацита, Апп., XV, 44 (Harnack, Die Mission, 297).
- ⁴⁶ - Ἀπὸ ἱκανῶν ἐτῶν – с давних лет. Посл. к римл., XV, 23.
- ⁴⁷ - Деян. 13:12.
- ⁴⁸ - Ср. Римл. 15:20. Прим. перев.
- ⁴⁹ - Согласно варианту или очень древней глоссе к XXVIII, 16, книги Деяний Павел вместе с другими узниками был поручен охране начальника квартала иностранцев (Castra peregrinorum). Этот квартал находился на Целийском холме, на восток от храма Клавдия, ближе к нынешнему военному госпиталю. Павел добился разрешения жить вне этого квартала extra castra. Ср. Sitzungsber. d. Acad. d. Wiss. zu Berlin, 1895, вв. 491–503. (Harnack und Mommsen).
- ⁵⁰ - Деяния, XXVIII.
- ⁵¹ - I Clem., 5.
- ⁵² - Lightfoot, Philipians, p. 175.

⁵³ - De Rossi, Bull., 1991, 57–74.

⁵⁴ - Дионисий и Кай у Euseb., II, 25; Климент, там же, VI, 14; Ориген, там же III, I; Irenaeus, Haer., III, I, 3 (ср. Euseb., V, 6, 8); Tertuluanus Praeser, 36, Adv. Marcion., IV, 5, Scorp., 15, De Baptismo, 4,

⁵⁵ - Ignatius, Ad. Rom., 4.

⁵⁶ - Ев. от Иоанна, XXI, 18, 19. „Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь. Сказал же это (Иисус), давая разуместь, какую смертью (Петр) прославит Бога.

⁵⁷ - I Clem., 5, 6.

⁵⁸ - I посл. Петра V, 13. Если даже послание не принадлежит ап. Петру, то оно все же весьма древнего происхождения; автор его, воспользовавшись именем апостола, остерегся бы обозначить местом написания его такой город, пребывание в котором Петра не было бы общеизвестным.

⁵⁹ - О суждении Тацита см. Boisseier, Tacite, 146.

⁶⁰ - Это – Данаиды и Дирки, о которых говорит св. Климент. Прим. авт.

⁶¹ - Евсевий относит ее к 67 или 68 году, но так как он приурочивает к тому же времени гонение Нерона, то его показание сомнительно. Гонение Нерова, то есть казни, описанные Тацитом, начались летом 64 г.

⁶² - Последователей раввинских учений.

⁶³ - 1Кор. 3:11–16.

⁶⁴ - Ессеи придавали особую силу знанию имен ангелов (Iosephus, Bell. jud., 11, 8, 7); они тоже подвергали себя разного рода аскетическим лишениям. Хотя секта была связана с определенным местом, но были ессеи и вне Энгадди, по городам, где они жили среди других евреев, соблюдая свои собственные обычаи. Поклонение ангелам возобновилось в Азии в IV веке и именно в окрестностях Лика. Знаменитое святилище Михаила Архангела в Хонях близ древних Колосс (Bonnet, Narratio de miracula a Michaele Archangelo Chonis patrato; ср. Bull. critique, 1890, 441), можно отнести к тому же

времени. Лаодикийский собор (правило 35) указывает на религиозные кружки, которые собирались в честь ангелов и призывали их по их именам. Кроме трех ангелов, упоминаемых в Библии, у евреев были известны многие другие: Уриил, Иеремиил и друг.

⁶⁵ - Предполагают иногда, что Павел имеет здесь в виду ересь гностиков, потому, что он говорит об зонах и плероме. Но здесь сам Павел, а не его противники, употребляет эти термины и не в том смысле, какой они впоследствии приобрели у валентиниан. Гностики заимствовали у Павла эти названия, точно так же, как у Иоанна они взяли слова „Логос“ – „Зоэ“ (жизнь) и проч.

⁶⁶ - Посл. к Ефес. IV; ср. Посл. к Колос. III, 11.

⁶⁷ - Ad Ephes, IV. 17–24.

⁶⁸ - II, 6, 14.

⁶⁹ - Irenaeus, I, 26; III, 11, Clemens, Strom, II, 118; III, 25, 26. Описание Ипполита (Pseudo-Tert., Epiph.; 25, 26; Philastr., 33; Photius, cod. 232) относится к учению офитов.

⁷⁰ - Деяния, VI, 5; это был один из семи первых диаконов: „И Николая антиохийца, обращенного из язычников“; никаких дальнейших подробностей не имеется. Климент, свидетельствуя о безнравственности секты, снимает это обвинение с Николая, о котором он передает следующий рассказ. Николай имел любовницу, в которую был чрезвычайно влюблен. Когда апостолы упрекнули его в этом, он привел ее в собрание и предложил уступить ее желающему. С тех пор он жил с своей единственной женой, от которой имел сына образцового поведения и дочерей, оставшихся девственницами. Его правилом было – изнурять плоть (Παραχρῆσ θαι τῇ σαρκί пренебрегать, злоупотреблять плотью). Также выражается и евангелист Матфей. Для них эти слова имели аскетический смысл, но сектанты толковали их в безнравственном смысле.

⁷¹ - Harnack, Chronologie s. 536 Anm.

⁷² - Irenaeus, Haer., III, 3, ср. Eusebius, IV, 14.

⁷³ - Haer., I, 26.

⁷⁴ - В изображении Pseudo-Tert. 48; Epiph., 28; Philastr., 36. Philosophumena (VII, 33) лишь воспроизводят слова св. Иринея.

⁷⁵ - По словам Иииполита, Керинф учил, что Иисус еще не воскрес, но воскреснет с другими праведниками. Это неправдоподобное утверждение опровергается свидетельством св. Иринея.

⁷⁶ - Ad Philadelph, VII.

⁷⁷ - Ad Ephes. IX.

⁷⁸ - Ad Trall. IX, X.

⁷⁹ - Следует заметить сходство со вторым членом апостольского символа веры.

⁸⁰ - Ср. Polycarp. Ad Philipp. VII: „Тот, кто не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, – антихрист; кто не верит свидетельству креста, тот от диавола, кто искажает слова Господни в духе своих страстей и говорит, что не будет ни воскресения, ни суда, тот первородный сын сатаны».

⁸¹ - Как напр. Pseudo-Barnabas.

⁸² - Ad Ephes., XVIII.

⁸³ - Там же VII.

⁸⁴ - Ad Magnes VIII. В древних изданиях было сказано: ὁ ἐστὶν αὐτοῦ Λόγος ἁΐδιος, οὐκ ἀπὸ σιγῆς προελών (Который есть Его предвечное Слово, не из молчания происшедшее). Св. Игнатий, по-видимому, опровергает здесь валентинианство, по которому Слово действительно исходит из Молчания (σιγῆ), супруги вечной Глубины. Этим пользовались, как аргументом против подлинности этого послания и остальных. Но Цан доказал (P. R. apost., II, 36), что слов ἁΐ διός οὐκ нет в самых надежных списках. Они представляют вставку той эпохи, когда Προέλευσις (исхождение) Слова во времени было отвергнуто и осуждено православными богословами. Но это учение долго пользовалось популярностью, как видно будет далее.

⁸⁵ - Ad Polycarp. III; Ad Magnes. VI.

⁸⁶ - Ad Roman. II и IX, Ad Magnes, XIV, Ad Trall, XIII.

⁸⁷ - XIV, 23.

⁸⁸ - I Фессал. V, 12, 13: τοὺς κοπιῶντας ἐν ὑμῖν ὑμῖν καὶ προϊσταμένους ὑμῶν ἐν Κυρίῳ καὶ νοουθετοῦντας ὑμᾶς; (трудящихся у вас, и предстоятелей ваших в Господе и вразумляющих вас). I Кор., XII, 28: κυβερνήσεις, ἀντιλήψεις (управления, вспоможения).

⁸⁹ - IV, 11 τοὺς μὲν ἀποστόλους, τοὺς δὲ προφήτας, τοὺς δὲ εὐαγγελιστὰς, τοὺς δὲ ποιμένας καὶ διδασχάλους (одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями).

⁹⁰ - Деяния, XX. Речь по форме выражения, очевидно, принадлежит автору Деяний, но не подлежит сомнению, что ап. Павел поручил ефесскую общину тем пресвитерам или епископам, которых он там поставил.

⁹¹ - I посл. ап. Петра V, 1–5, Иаков. V, 14.

⁹² - V, VI.

⁹³ - Vis. III, 5, 1; Sim. IX, 27. Он тоже употребляет название епископа, но в общем смысле без отношения к собственное церкви.

⁹⁴ - Возможно, что, как думает Гарнак (Texte und Unters. XV, Heft. 3), два маленьких послания II и III Иоан. сохранили нам воспоминание об этой перемене и столкновениях, которые она вызвала кое-где.

⁹⁵ - Если бы мы яснее понимали смысл „ангелов“ азийских церквей, о которых идет речь в начале Апокалипсиса, может быть следовало бы видеть в них символическое обозначение епископов этих церквей, и это было бы совсем не удивительно, потому что между Апокалипсисом и посланиями Игнатия не прошло и двадцати лет. Однако это толкование не вполне достоверно.

⁹⁶ - Впечатление, получаемое от этой хронологии, имело бы не столь важное значение, – хотя все же сохранило бы свою силу, – если бы мы признали с Гарнаком (Chronologie, t. I, 158 и сл.), что все это летосчисление взято из маленькой хроники римских епископов, времен Марка Аврелия, которую будто бы пользовался св. Ириней и разные последующие хронологи и историки ересей. Но существование этого первичного Liber

pontificalis далеко не доказывается теми доводами, которые приводятся в пользу него, и было бы очень неосторожно рассуждать, опираясь на такой сомнительный документ. Даже допустив действительное существование текста, который Гарнаку, по его мнению, удалось восстановить, надо было бы еще объяснить, каким образом, если Рим не имел (единоличных) епископов раньше Аникиты, можно было через несколько лет после смерти последнего представить его преемником целого ряда епископов и уверить в этом как местных читателей, для которых была очевидно предназначена эта хроника, так и людей, в роде Егезиппа, Иринея, Тертуллиана, Ипполита, стоявших достаточно в курсе дела, чтобы быть хорошо осведомленными.

⁹⁷ - Модалисты учили, что Лица св. Троицы представляют лишь разные формы, модусы, проявления единого Божества: так, в Ветхом Завете оно проявилось в лице Бога Отца, в Новом в форме Сына, потом Св. Духа. Это учение было отвергнуто церковью, как еретическое в III веке. Пр. пер.

⁹⁸ - Adv. Noetum, I.

⁹⁹ - См. тексты, которое собрал F. Cabrol в своем Dictionnaire d'archeologie chretienne, t. I, p. 1204. Ср. Canones Hippolyti, с. 10.

¹⁰⁰ - Mommsen, Religionsfrevel nach römischen Recht, в Historische Zeitschrift, t. LXIV (1800), S. 421 и особенно Römisches Strafrecht (1899), S. 567 et sqq.

¹⁰¹ - Жертвоприношение быка в честь Митры. Прим. перев.

¹⁰² - Tacitus, Ann. II, 85. Actum et de sacris Aegyptiis Judaicisque pellendis, factumque Patrum consultum ut quatuor millia libertini generis ea superstitione infecta quis idonea aetas in insulam Sardiniam veherentur coercendis illic latrociniiis, et si oh gravitatem caeli interissent, vile damnum; ceteri cederent Italia nisi certam ante diem profanos ritus exuissent. (Рассуждали также об изгнании египетских и иудейских религий и сенат постановил, чтобы четыре тысячи вольноотпущенников, зараженных этим суеверием, годных по возрасту, были отправлены на остров Сардинию для подавления там разбоев, так как невелик ущерб, если бы они и погибли, вследствие нездорового климата, а

чтобы прочие покинули Италию, если к определенному сроку не оставят чужих обрядов).

¹⁰³ - Plinius, Ep., X, 96.

¹⁰⁴ - I Петра IV, 15.

¹⁰⁵ - Один отрывок Сульпиция Севера (Chron., II, 30) считается заимствованным из потерянной для нас части Истории Тацита. На военном совете, который заседал накануне взятия Иерусалима, Тит высказывался за разрушение храма, „чтобы тем полнее истребить религию христиан и иудеев, так как эти религии, хотя и взаимно враждебные, отправляются от того же источника: христиане вышли из иудеев; когда корень будет вырван, ствол легко погибнет“ („quo plenius Judaeorum et Christianorum religio tolleretur: quippe has religiones licet contrarias sibi, isdem tamen ab auctoribus profectas: Christianos ex Judaeis extitissē radice sublata stirpem facile perituram“). Иосиф приписывает Титу совсем другие намерения.

¹⁰⁶ - Некоторые города продолжали пользоваться неограниченным правом уголовного суда. Их суды вероятно осудили не одного мученика, но сведений об этом у нас нет.

¹⁰⁷ - Единственный случай, который мог бы быть принят за подобное вчинание дела, рассказан Иустином во второй Апологии, гл. 2. Одна женщина в Риме обвинялась своим мужем в принадлежности к христианству. Он „предъявил против нее обвинение, говоря, что она христианка“. (κατηγορίαν πεποιήται λέγων αὐτὴν χριστιανὴν εἶναι). Было ли это действительно обвинение перед настоящим уголовным судом (quaestio) или простой донос в полицию?

¹⁰⁸ - „Sententiae vestrae nihil nisi Christianum confessum notant; nullum criminis nomen extat, nisi nominis crimen est; haec etenim est revera ratio totius odii adversus nos“ (Ad. nationes, I, 3).

¹⁰⁹ - „Denique quid de tabella recitatis? Illum Christianum. Cur non et homicidam? (Apol., 2). Судья обязан был читать приговор, отсюда упоминание о дощечках.

¹¹⁰ - Искоренение ересей государственной властью, которое столь долго и так повсеместно признавалось необходимым,

основывалось на тех же принципах, что и гонения римского правительства против нарождающегося христианства.

¹¹¹ - Euseb., IV, 9. Евсевий нашел этот документ на латинском языке в приложении к первой апологии Иустина. Он перевел его на греческий язык. Именно этот текст читается теперь в рукописях Иустина. Было высказано неосновательное предположение, что Руфин вместо того, чтобы снова перевести этот документ на латинский язык, обратился к рукописям св. Иустина, чтоб отсюда взять подлинный текст. Это было бы очень удивительно для такого автора.

¹¹² - Euseb., H. E. IV, 26.

¹¹³ - Указы Антонина Пия азийскому собранию и Марка Аврелия римскому сенату (по делу о молниеносном легионе), относящиеся до христиан, подложны. Их обыкновенно печатают в приложениях к Апологиям св. Иустина. Первый из них внушил доверие Евсевию, который воспроизвел его (приписав Марку Аврелию). H. E. IV, 13.

¹¹⁴ - Деяния, XXIII, XXIV.

¹¹⁵ - См. у Евсевия H. E. II, 23, рассказы Иосифа и Егезиппа об этих событиях. Ср. Iosephus, Ant., XX, 9, I.

¹¹⁶ - Κατά τινα χρησμόν τοῖς αὐτόθι δοκίμοις θί ἀποκαλυφῶς ἐκδοθέντα . Euseb. H. E. III, 5.

¹¹⁷ - Eusebius. S. E., I, 7, 14.

¹¹⁸ - Eriphanius, Haer., XXIX, 7.

¹¹⁹ - Дидаскалия апостолов, — сочинение, составленное около середины III века, — по-видимому, появилось в среде, находившейся под некоторым влиянием иудейских или иудействующих общин. Ср. Harnack, Chronologie, t. II, 495.

¹²⁰ - Iustinus, Apol. I, 31.

¹²¹ - Егезипп, цитируемый Евсеевием, — H. E. III, 20.

¹²² - Евсевий H. E. III, 32. Дата 107 г. взята из его Хроники.

¹²³ - Евсевий H. E. I, 7.

¹²⁴ - Там же IV, 5.

¹²⁵ - Св. Епифаний (Haer. XXIX, 9) знал о его существовании, но говорит о нем, как человек, который никогда

не имел случая его видеть.

¹²⁶ - То же и святой Епифаний. Со времени Папия шла речь о еврейском тексте евангелия Матфея, которого никто не видал и который естественно было отождествить с тем текстом, какой был в ходу у назареев.

¹²⁷ - Синоптическими называются первые три евангелия. Прим. перев.

¹²⁸ - Zahn, Kanongeschichte II, 642 и сл.; Harnack. Chronologie I, 631 и сл.; Ср. Hilgenfeld, N. T. extra canonem, вып. IV, 15 и исследование Handmann'a в Texte und Untersuchungen, 1888.

¹²⁹ - Н. Е. IV, 6. Тексты, касающиеся Аписгона из Пеллы, собраны Гарнаком в Altchrist. Litteratur, B. I, S. 92.

¹³⁰ - Колонии евреев, рассеянные по греко-римскому миру.

¹³¹ - О ней можно составить себе понятие, если принять во внимание, что дозволялось держаться мнений Филона или Акибы, верить в воскресение мертвых или в конечное уничтожение, ожидать Мессию или осмеивать эту надежду, философствовать в духе Экклезиаста или Премудрости Соломоновой.

¹³² - Dial., 47.

¹³³ - Irenaeus, Adv. haer. I, 26, III, 11, 15, 21; IV, 33, V, 1. Origen., Adv. Celsum. II, 1; V, 61, 65; in Matth., XVI, 12. — Tertullianus Praescr. 33. Syntagma Ипполита (в Praescr., 48 и Philastrius, 37) и Philosophumena (VII, 34) черпают из Ириней и не сообщают ничего интересного.

¹³⁴ - Это — термин, употребляемый св. Епифанием, именно в гл. XXIX его Панаргия, которую он посвящает этой секте. Название эвионеев он прилагает только к особому еретическому учению, о котором речь впереди. Для обозначения иудействующих христиан бл. Иероним употребляет просто слово назареи; но видно, что для него назареи и эвиониты в сущности одно и то же.

¹³⁵ - Деяния, XXVI, 5.

¹³⁶ - Еванг. от Матфея, V, 3; Еванг. от Луки, VI, 20.

¹³⁷ - В Philosophumena говорится, что если Иисус получил имя Христа Божия, то это за Его верность Моисееву закону.

¹³⁸ - Quae autem sunt prophetica, curiosius exponere nituntur, (что касается пророческих книг, – стараются изъяснят их искусственно).

¹³⁹ - Его смешивают с евангелием Евреев.

¹⁴⁰ - Евсевий Н. Е. VI, 16, 17, сообщает, что Ориген получил эти книги от некоей Юлианы из Кесарии каппадокийской (ср. Palladius, H. Lausiaca, 147), а та получила их в наследство от самого Симмаха. Многие латинские авторы IV и V вв. говорят о симмахиах, как о секте иудействующих христиан. (Victorinus Rhetor, In Gal. J, 19; II, 26; Philastrius, Haer., 62; Ambrosiast., In Gal., prooemium; Augustinus, (Contra Faustum, XIX, 4,17; Contra Qresconium I, 31). Во времена бл. Августина она насчитывала уже весьма мало последователей. Св. Епифаний говорит о Симмахе, как о сахмаряnine обращенном в иудейство, De mens, et pond., 18. Это сведение не подтверждается другими, ср. Harnack, Chronologie, t. II, 164.

¹⁴¹ - Евсевий, рассказывающий об этом (Н. Е., V, 10), отождествляет по обычаю это еврейское евангелие с первоначальным текстом евангелия от Матфея.

¹⁴² - In. Joh. 1, 1.

¹⁴³ - „Quid dicam de Hebionitis qui Christianos se simulant? Usque hodie per totas Orientis synagogas inter Iudaeos haeresis est quae dicitur Minaeorum et a Phariseis nunc usque damnatur, quos vulgo Nazaraeos nuncupant, qui credunt in Christum filium Dei natum de virgine Maria et eum dicunt esse qui sub Pontio Pilato passus est et resurrexit, in quem et nos credimus. Sed dum volunt et Judaei esse et Christiani, nec Judaei sunt nec Christiani“. (Что сказать об эвионитах, которые выдают себя за христиан? До настоящего времени существует среди иудеев во всех восточных синагогах ересь, все еще осуждаемая фарисеями и именуемая ересью минеев. Обыкновенно их называют назареями. Они веруют во Христа, Сына Божия, рожденного от Девы Марии и таковым называют Того, Кто страдал при Понтии Пилате и воскрес, в Кого веруем и мы. Но желая быть и иудеями и христианами, они не оказываются ни иудеями, ни

христианами)“. Hieron. Ep. ad. August., 89. – Св. Епифаний, не колеблясь, причисляет их к еретикам (Haer., XXIX).

¹⁴⁴ - Philosoph. IX, 13; ср. Origen. (Euseb. S. E. VI. 38) и Eriph. Haer., XXX.

¹⁴⁵ - Нет ничего невозможного, что такая книга существовала и даже была составлена во времена Траяна. Основным ее содержанием была проповедь покаяния; непонятно, почему элказиты Алкивиада, – если они сами сочинили ее – отодвинули так далеко призыв к покаянию. В этих случаях призыв влечет за собой скорый отклик. Стоит вспомнить проповедь Ерма, почти современную проповеди Элказая. Ср. Harnack, Chronologie, t. II, S. 167, 637.

¹⁴⁶ - Слово дух в семитических языках женского рода.

¹⁴⁷ - Нужно строго остерегаться смешивать с этим поздним произведением евангелие Евреев, о котором шла речь выше, и в особенности очень древний сборник Изречений (Logia), о котором говорит Папий и который, по-видимому, послужил одним из первоисточников нашего канонического евангелия от Матфея. Именем этого апостола в особенности пользовались составители апокрифов. Климент Александрийский (Paedag. II, 1) представляет себе ап. Матфея ревностным вегетарианцем. Не знаю, откуда он это взял, но это обстоятельство должно было расположить в его пользу элказантов.

¹⁴⁸ - Новые исследования о Клементинах (Waitz Die Pseudo-Klementinen es Texte und Untersuch XXV. Н. 4, ср. Harnack, Chronologie, II 518 и сл.), установили в следующих чертах их происхождение. Во-первых, в конце II века или начале III была составлена книга, озаглавленная Поучения (Керигмы) Петра, предисловием к которым было письмо Петра к Иакову с приложенным к нему „свидетельством для получающих“. (Migne, P. G., t. II p, 25). Это было произведение в духе иудействующего христианства, враждебное ап. Павлу и сходное по мыслям с учением Алкивиада. Около того же времени появилась книга церковного происхождения, антигностического направления, повествовавшая о борьбе Петра с Симоном, как с представителем всех ересей. Эти две книги были слиты

довольно поздно в III столетии и образовали ортодоксальный роман, в котором выступает личность Климента Римского (Περίοδοι Πέτρου); письмо последнего к ап. Иакову служило ему предисловием. (Ibid. p. 32). Из этого климентова романа создано отдельно две редакции, известные под именем Recognitiones и Homiliae; последние мы имеем в греческом тексте, а Recognitiones в латинском переводе Руфина, и в неполном Сирском переводе. Обе эти редакции – также православные, но только с точки зрения древнейших споров, ибо дух лукиановой и арианской школы проглядывает во многих местах.

¹⁴⁹ - Однако некоторые, как и среди эвионитов, допускали чудесное рождение.

¹⁵⁰ - Деяния, XXI, 8, 9.

¹⁵¹ - Euseb. H.E.III, 39.

¹⁵² - Климент Александрийский (Strom., III, 6, 53; ср. Euseb. H. E., III, 30) рассказывает, что у ап. Филиппа были дочери и что он их выдал замуж. Возможно, что это относится к евангелисту Филиппу, и в этом случае следует ограничить число замужних дочерей, о которых говорит Климент, двумя.

¹⁵³ - Марк. XVI, 9–20.

¹⁵⁴ - Dial., 81.

¹⁵⁵ - Георгий Монах (Hamariolos) отметил в первой редакции своей Хроники под царствованием Нервы, что Папий во второй книге Logia сообщал, будто ап. Иоанн был предан смерти Иудеями (Ср. Марка X, 39). Это место было выпущено Георгием в окончательной редакции его Хроники (см. edit. de Boor, coll. Teubneri, t. II, p. 447).

¹⁵⁶ - В числе противников особенно должно отметить „Алогов“ в начале монтанистического движения. Замечательно, что эти противники нового пророчества, которые в остальном держались одной линии с православной церковью, вздумали оспаривать подлинность Иоанновых книг. Их происхождение, по крайней мере в некоторых кругах, не было столь ясно, как происхождение посланий апостола Павла (Об Алогах см. главу XV нашего труда).

¹⁵⁷ - Другие евангелия, кроме канонических, были составлены для христиан этих древних времен, и были приняты, по крайней мере, в известных кругах. Есть основание ими пользоваться, если желательно дать себе отчет в том, что было возможно или невозможно предложить этой публике. Автор евангелия от Петра предполагает существование наших четырех канонических Евангелий. Однако просто невероятно, до какой степени ему безразлично было, согласоваться или нет с своими предшественниками. Легенда об Иуде (см. ниже), несовместимая с каноническими евангелиями, тем не менее принимается Папием. Дальше я скажу об отношении апокрифических Деяний апостола Павла к Деяниям Апостолов.

¹⁵⁸ - Были, однако, одиночные протесты, как видно из 3-го послания апостола Иоанна.

¹⁵⁹ - Во время одного из своих миссионерских путешествий апостол Иоанн заметил в толпе слушателей сильного, красивого юношу с искрящимися глазами. Угадав, какие возможности скрываются в нем, апостол поручил новообращенного попечению местного епископа. Но последний оказался недостаточно бдительным. Получив крещение, юноша сначала увлекся разгульной жизнью и кончил тем, что стал во главе разбойничьей шайки. Узнав об этом, апостол Иоанн без провожатых отправился в стан разбойников и велел отвести себя к их начальнику. Когда юноша узнал его, то от стыда бросился бежать, но старец, собрав все свои силы, побежал за ним, умоляя его остановиться. Цель этого подвига всепрощающей любви была достигнута: юноша раскаялся и возвратился к церкви. (Климент Александрийский, „Кто из богатых спасется?“, 42). Примечание редактора.

¹⁶⁰ - Трудно допустить, чтобы эти азийские воспоминания, каким бы авторитетом они ни пользовались, могли относиться к двум Иоаннам – одному ученику и другому Апостолу, – которые оба жили бы в Азии. Папий ясно различает двух Иоаннов, но он не ставит их обоих в отношение к своей стране. Иоанн Азийский был или Апостол или простой ученик: нужно признать что-нибудь одно. Если отступить от принятого мнения, приходится допустить, что ученик Иоанн был отождествлен с сыном

Зеведея, как Филипп диакон с апостолом Филиппом. История о двух гробницах, о которой Дионисий Александрийский сообщает в виде слуха (Euseb., VII, 25) не подтверждается археологическими памятниками Ефеса: в Ефесе говорили лишь об одном святилище и об одном Иоанне.

¹⁶¹ - Irenaeus, II, 22, 5, Ср. Patres Apost., ed. Gebhart et Harnack. В. II, р. 112. Это можно извлечь и из Евангелия Иоанна, VIII, 57.

¹⁶² - PP. App., 1. с. р. 94.

¹⁶³ - Irenaeus, V, 33, 3; PP. App., 1. с. р. 87. Эти слова объясняют презрение, которое питали к хилиазму греческие учителя III и IV вв. Во время Папия снисходительнее смотрели на такие предсказания. Они встречаются в апокрифических книгах Еноха и Варуха, а также в Талмуде. Прим. авт.

¹⁶⁴ - Гносис или гностицити – так называется целое религиозное направление, корни которого скрывались еще в дохристианской древности. Оно разделилось на множество отдельных сект, сильно различавшихся между собою в подробностях вероучения. Его отличительной чертой служит синкретизм, смешение и попытка примирения в одной системе самых разнородных религиозных и философских элементов. Название гносис (знание) в приложении к этому направлению вошло в употребление потому, что этим именем характеризовали сущность и преимущества своей религии сами последователи ее. Они выдавали себя за носителей тайного знания о происхождении и дели мира, об образе совершения таинств, служащих порукой спасения, о способе начертания и произношения магических знаков и формул, страшных для темных сил. Без такого знания, по мнению гностиков, спасение невозможно. Прим. перев.

¹⁶⁵ - Довольно странно, что никому не пришло в голову разграничить природу и нравственность и отнести их к двум различным принципам. Это можно приписать влиянию библейского круга идей. Имея дело с Библией, невозможно полагать различия между Творцом и Законодателем.

¹⁶⁶ - Ясное и сжатое изложение у Schürer'a, *Geschichte des jüdischen Volkes*, II, S. 867.

¹⁶⁷ - Одушевленные тела; Филон был трихотомистом.

¹⁶⁸ - Гиттон – небольшое местечко Самарийского округа.

¹⁶⁹ - *Apol.*, I, 26, 56; *Dial.* 120.

¹⁷⁰ - Егезипп у Евсевия, *H. E.*, IV, 22; Ириней, *Haer.* I, 23; *Tert.*, *De Praescr.*, 46.

¹⁷¹ - Имя этого гностика в передаче латинских церковных писателей читается Сатурнин, а у греческих – Саторнил. Автор переводимого труда называет его Сатурнил. Прим. перев.

¹⁷² - Упоминается Иустином, *Dial.* 35, и Егезиппом, 1. с. То, что о нем известно, изложено у Ириней I, 24; другие авторы, трактующие об ересь, заимствуют у последнего. Во всех этих памятниках Сатурнил занимает место между группой Симона и великими гностиками времен Адриана.

¹⁷³ - Это естественный вывод из самой системы, но в памятнике ничего об этом не говорится.

¹⁷⁴ - В изложении св. Ириней здесь замечается некоторая непоследовательность. Сначала кажется, что все люди имеют искру жизни, божественный элемент, затем это преимущество ограничивается разрядом привилегированных лиц.

¹⁷⁵ - Столетие спустя после Иустина, Ориген (*Cels.* I, 57) утверждает, что во всем мире найдется не более тридцати симониан.

¹⁷⁶ - Известное смешение древнего сабинского божества *Semo Sancus, Deus Fidius* (Семон Санк, бог договоров), с *Simo sanctus Deus* (Симон святой бог).

¹⁷⁷ - *Haer.* I, 29–31. Ни Иустин, ни Егезипп не выделяют этих еретиков в особый разряд; я полагаю, что они подразумевают их под общим названием симониан.

¹⁷⁸ - Ориген, *Contra Celsum*, V, 61, 62; VI, 24–28.

¹⁷⁹ - *Euseb.*, *H. E.*, VI, 2.

¹⁸⁰ - В своей хронике Евсевий более точен. Под 134 г. значится: *Basilides haeresiarcha bis temporibus apparuit*. (В это

время появился ересearch Василид). Не ясно к какому особому событию относится это замечание.

¹⁸¹ - В тех случаях, когда мужской или женский род для отвлеченных понятий имеет столь важное значение, перевод представляет особенные трудности, так как часто случается, что слово при переводе на другой язык меняет род.

¹⁸² - Ζοφία, по-гречески скорее означает искусство, чем мудрость. Мудрости более соответствует слово σοφροσύνη, которое довольно верно передает понятие о нравственной мудрости. Σορός скорее человек находчивый, чем честный, скорее Улисс, чем Аристид.

¹⁸³ - Здесь, как и в имени Ахамот, мы имеем дело с следами восточного влияния: дух в семитических наречиях – слово женского рода.

¹⁸⁴ - Существуют, если можно так выразиться, три области: Плерома, где пребывают зоны, Огдоада, где находится Ахамот-София, Гебдомада – местопребывание Демиурга; далее есть три державных начала: Глубина, Ахамот и Демиург и три разряда существ: абстракции божественных свойств (зоны), абстракции низшего бытия (материя, душа, дух) и чувственный мир.

¹⁸⁵ - В изложении системы Василида я полагаюсь на св. Ириней (I, 24), которому следует и ев. Ипполит в своей Syntagma (Pseudo-Tert., Epiph., Haer. 24; Philastr., 32) Philosophumena дают совершенно другое понятие о системе, но по памятникам, происхождение которых внушает сомнение. Климент александрийский сохранил нам несколько любопытных черт, но лишь относительно нравственной стороны учения.

¹⁸⁶ - Детерминизм – философское учение, отрицающее свободу воли и признающее, что все человеческие действия и решения воли predeterminedены внешними или внутренними причинами. Прим. перев.

¹⁸⁷ - Сравните эту черту с страстями Агамот в валентиновской системе.

¹⁸⁸ - Strom., III, 1 и след.

¹⁸⁹ - Иринея I, 25; другие заимствуют у него, кроме Климента александрийского, Strom., III, 2, который сохранил важные отрывки из Περί δικαιοσύνης Епифана.

¹⁹⁰ - В изложении св. Иринея не сказано, чтоб эти ангелы возмутились против Бога Отца; но эту черту нужно предположить, и св. Епифаний утверждает это.

¹⁹¹ - Либертинизм – распущенность, Прим. перев.

¹⁹² - Eriph., Haer. XXXIII, 3–7, переиздано с комментариями Гарнаком в Sitzungsberichte Берлинск. академии наук, 1902 S. 507–541.

¹⁹³ - Гностики никогда не ссылаются ни на Деяния, ни, разумеется, на Апокалипсис.

¹⁹⁴ - Iren., III, 4, 3 Ουαλεντινὸν γάρ ἦ'λθεν εἰς Ρωμὴν ἐπὶ Ὑγίνου, ἤκμασε δὲ ἐπὶ Πίου καὶ παρέμεινεν ἕως Ανικίτου. (Валентин пришел в Рим при Гигине, процветал при Пие и пробыл до времени Аникиты). Тертуллиан (Praescr. 30) как будто говорит, что Маркион и Валентин были некоторое время православными и членами римской церкви, in catholicae primo doctrinam credidisse apud ecclesiam Romanensem sub episcopatu Eleutheri benedicti (сначала исповедовали католическую веру в римской церкви в епископство блаженного Елевферия). Имя Елевферия ошибочно поставлено здесь вместо другого имени. Впрочем, весьма трудно согласовать это сведение с свидетельством Епифания, который сообщает, что Валентин родился в Египте (он точно указывает где), получил в Александрии греческое образование, затем занимался распространением своего учения сначала в Египте, потом в Риме, наконец на о. Кипре, где он окончательно отделился от церкви. (Haer. XXXI, 2. 7).

¹⁹⁵ - В другом месте (Adv. Valent., 4) Тертуллиан указывает причину отпадения Валентина в досаде, которая была вызвана тем обстоятельством, что его кандидатура на епископскую кафедру потерпела неудачу: ему предпочли исповедника. В этом исповеднике видели римского мученика Телесфора и вследствие этого связывали эту историю с Римом. Но Иринея, от которого мы знаем, что Телесфор ἐνδόξως ἐμαρτύρησεν, (со

славою скончался мученически), не дает ни малейшего повода думать, что он избег смерти и получил таким образом возможность воспользоваться *praerogativa martyrii*. Впрочем, далеко не несомненно, что этот эпизод из жизни Валентина нужно отнести именно в Рим, а не в Александрию.

¹⁹⁶ - По рассказу, который восходит к св. Ипполиту (*Pseudo-Tert.*, 51; *Eriphan. Haer.*, XLII, 1), он покинул свою родину потому, что соблазнил одну девушку, вследствие чего был отлучен здесь от церкви. Ни св. Ириней, ни Тертуллиан не знают этой истории, хотя и не питают особой нежности к Маркиону. Еще менее достоверное сведение заключается в анонимном прологе к четвертому евангелию. Согласно этому свидетельству, Маркион пришел из Понта с рекомендацией от верующих этой страны в Ефес, но скоро был изобличен и отлучен св. Иоанном (*Wordsworth, N. T. latine, sec ed. s. Hieron., t. I, fase. 4 (1895) p. 490; ср. Philastrius, 45*).

¹⁹⁷ - Год этот сохранялся в памяти секты (*Tert., Adv. Marc., I, 19; ср. Harnac A., Chronologie, t. I, S. 306*).

¹⁹⁸ - Ириней у Евсевия. V, 15. 20. – Как скоро мнения Флорина стали известны, его конечно лишили сана.

¹⁹⁹ - Эта мысль еще выразительнее развита в так назыв. II посл. Климента.

²⁰⁰ - *Sim. V, 7; IX, 22*.

²⁰¹ - Церковное покаяние в то время было сопряжено с тяжелой покаянной дисциплиной – постами и другими аскетическими лишениями, которыми грешник стремился умиловить гнев Божий, гностики же надеялись достигнуть спасения при помощи таинств и обрядов, действующих в силу самого их совершения и ни к чему не обязывающих. (Прим. ред).

²⁰² - *Iren., Haer., III, 3*.

²⁰³ - *Iustinus, Apol., I, 26*.

²⁰⁴ - *Iren., Haer., IV, 6*.

²⁰⁵ - Гарнак имел терпение составить тщательный список всем этим библиографическим указаниям, *Die Ueberlieferung und der Bestand des altchristlichen Literatur, S. 144–231*.

²⁰⁶ - Наер., 29 и след.

²⁰⁷ - Это сочинение, носившее, по-видимому, название Евангелия от Марии или Апокрифа Иоанна, содержится в рукописном папирусе, хранящемся ныне в Берлине. За ним следует другое, уже систематическое сочинение, озаглавленное „Премудрость Иисуса Христа“ и Деяния св. Петра гностического происхождения, где впервые рассказан случай с его параличной дочерью, которая была им исцелена, а затем вновь предана недугу (Петронилла). Относительно этих документов, которые будут изданы в т. II сборника Carl Schmidt'a (см. след. примеч.), можно получить предварительные сведения в Sitzungsberichte Берлинск. академии, 1896, стр. 839.

²⁰⁸ - Собраны Карлом Шмидтом в патристическом сборнике Берлинской Академии. (Здесь разумеется предпринятое Берлинской Академией наук совокупное издание всех памятников греческой церковной литературы трех первых веков *Die Griechischen Ghristlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrimn-derte*). Издание его озаглавлено *Koptisch Gnostiche Schriften*. Второй том будет заключать в себе документы, перечисленные в предшествующей ссылке; первый том (1905) воспроизводит те, которые находятся в двух манускриптах: *Askerianus* на пергаменте (*Brit. Mus. Add. 5114*), и *Brucianus* на папирусе, хранящемся в Бодл. библ. в Окефорде. *Askerianus* содержит в себе компиляцию, которой дали неправильное наименование *Pistis Sophia*. По мнению Гарнака, то, что в этой смеси доступно пониманию, можно отождествить с „Малыши вопросами Марии“, о которых упоминает св. Епифаний (Наер., XXVI, 8). Однако „Великие вопросы Марии“, на которые одновременно ссылается св. Епифаний, как на памятник, исходящий из той же среды, принадлежали к неприступному направлению, чего нельзя сказать о *Pistis Sophia*. В Бруцианском кодексе прежде всего содержится произведение в двух книгах, в которых Шмидт признает две книги *Йеу* (*Ιεου*), упомянутые в *Pistis Sophia*, затем фрагмент общего характера, который несомненно примыкает к учениям сетиан или архонтиков, описанных св. Епифанием, Наер. XXXIX и XL. Как бы мы ни отнеслись к предлагаемым отождествлениям, достоверно одно, что произведения,

закрывающиеся в этих двух рукописях, исходят от одной группы еретиков.

²⁰⁹ - Ζύνταγμα κατὰ πασῶν γεγεννημένων (Apol. I, 26).

²¹⁰ - Что и сделал R. A. Lipsius, Die Quellenkritik des Eriphanius. Wien, 1865.

²¹¹ - Cod. 121.

²¹² - Список ересей, приводимый в конце De Praescriptionibus Тертуллиана, есть не более как краткое изложение Синтагмы Ипполита; это небольшое произведение относится, по-видимому, приблизительно к 210 г. Епифаний (ок. 377) и Филастрий (ок. 385), первый в особенности весьма широко использовал Синтагму. Наконец, глава о Нозте, которая составляет заключение труда, дошла до нас совершенно отдельно.

²¹³ - Марк Аврелий (De rebus suis, XI, 3) отмечает эту манеру держать себя, но не одобряет ее. Может быть, на нее намекает Эпиктет (Arrian, Diss., IV, VII, 6), если галилеяне, во которых он говорит в этом месте, в самом деле христиане.

²¹⁴ - О притягательной силе нарождающегося христианства см. Harnack. Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten, 1902, 72–209.

²¹⁵ - Nero, 16.

²¹⁶ - Вопреки почти общепринятому мнению, я не думаю, чтобы ритор Аристид имел в виду христиан в упреках, какими заканчивается его речь πρὸς Πλάτωνα (ор. 46). Все, что он говорить там, скорее относится к философам более или менее цинического образа мыслей, вроде Кресдента, Перегрин и др. В одном месте (402, Dindorf) он их отождествляет с τοῖς ἐν τῇ Παλαιστίνῃ δυσσεβεσι, т. е., с палестинскими евреями.

²¹⁷ - Octavius, 9, 31. Весьма возможно, что языческий собеседник в диалоге Минуция Феликса, Цецилиан, много дочерпнул из речи Фронтона, но подробности пиршеств – единственное, что приведено со ссылкой на него.

²¹⁸ - Aubé – Histoire des persecutions, II, 277.

²¹⁹ - Н. Е. IV, 3, ср. о пророке Кодрате, III, 37 и V, 17.

²²⁰ - Εἰς τοὺς ἡμετέρους χρόνους. Данное место воспроизведено Евсевием 1. с. Это не значит: до времен Адриана. Папий, который, по-видимому, читал апологию Кодрата (Text, und Unterst. V, 170), сделал из нее невероятный вывод – до века Адриана (εως Ἀδρίανου ἔτων). Кодрат, писавший между 117 и 138 г. г., вполне мог относиться к 80 – 100 годам, как к своей эпохе.

²²¹ - По отношению в Аристиду нелегко выбрать между этими крайними датами; однако более вероятно, что он писал в первое десятилетие (138–147).

²²² - The apology of Aristides (Rendel Harris et Armitage Robinson в Textes and Studues of Cambridge t. I. 1891). Вступление было сперва открыто на армянском языке, затем весь текст найден в сирийской рукописи на Синае, наконец, греческий оригинал был опознан в сочинении, напечатанном уже давно, – легенде о Варлааме и Иосафате (Boissonade – Anecdota graeca, IV, 239–255 pp. Migne, P. G., t. XCVI, p. 1108–1124: Ἐγώ, βασιλεῦ, προνοίᾳ θεοῦ...)

²²³ - См. выше.

²²⁴ - В настоящее время Наблус, близ местоположения древнего Сихема.

²²⁵ - Евсевий (IV, 18) говорит о двух сочинениях „К грекам“, Προς „Ελληνας, из которых одно между прочим касалось природы демонов, другое носило специальное заглавие „Опровержение“, Ὁ Ἐλεγχος. В третьем сочинении „О единовластию Божию“ он доказывал единство Божие, опираясь одновременно на св. писание и на греческие книги. Наконец, четвертое сочинение задавалось различными вопросами относительно души, указывало ответы, данные на них философами, и обещало впоследствии ответ на них самого автора.

²²⁶ - Книгу – против всех ересей (Apol., I, 26) и другую книгу против Маркиона (Irenaeus, IV, VI, 2) мы знаем только по заглавиям. Может быть, они составляли одно нераздельное произведение.

²²⁷ - Это заглавие, дошедшее до нас в испорченном виде, дало повод ко многим спорам, указанным в *Cronologie Harnack'a*, s. 279 и сл.

²²⁸ - Иустин никогда не называет Эликтета. Трудно предположить, чтобы он никогда не слышал о нем, но он мог не знать тех сочинений, из которых мы черпаем сведения об этом „святом“ философе. Хотелось бы знать, простер ли бы он свое уважение к древним мудрецам и на него. Ясно, что о „*De rebus suis*“ имя. Марка Аврелия он не мог иметь сведений.

²²⁹ - См. выше.

²³⁰ - Евсевий (IV, 18) говорит о двух апологиях Иустина, обращенных – одна к Антонину, другая к Марку Аврелию. Он без сомнения пришел приложение к единственной апологии за отдельную аналогию. Во всяком случае это приложение не может относиться ко времени Марка Аврелия, ибо упомянутый там префект Рима Урбик служил при Антонине ранее 160 г.

²³¹ - О Кресценте см. *Apol.*, II, 3, II; *Tatianus*, *Oratio*, 157.

²³² - Неизвестно, где был написан „Разговор“, может быть не в Риме.

²³³ - Чтобы довершить перечень сочинений Иустина нужно прибавить его „Певец“, упоминаемый Евсевием. Известно, что многие апокрифические произведения прикрываются именем философа-мученика.

²³⁴ - Н. Е, IV, 26, § 6–11.

²³⁵ - V, 5.

²³⁶ - Евсевий (V, 17) говорит, что она была адресована *προς τοίς κοσμητοῦς ἀρχόντας* (к мирским властителям).

²³⁷ - Евсевий о ней не упоминает.

²³⁸ - См. выше прим. 230.

²³⁹ - Мелитон – *περί ἀληθείας* Аполлинарий – произведение под таким же заглавием в двух книгах; пять книг *προς Ἑλληνας* (его „*περί εὐσεβείας*“, упоминаемое Фотием, должно быть, то же, что апология); Мильтиад – *προς Ἑλληνας* в двух книгах (*Euseb.*, IV, 26, 27, V, 17). Все это утрачено.

²⁴⁰ - Их заглавия довольно точно соответствуют потерянным книгам Иустина, но достоверно известно, что они не принадлежат ему. „Слово к эллинам“ представляет изложение причин, побудивших автора его принять христианство. Писатель III века, некий Амвросий, довольно свободно переделал его, и эта работа дошла до нас в сирийском переводе (Cureton – Spicil. syr., 1885 ср. Harnack в Sitzungsberichte d. Acad. zu Berlin, 1896. p. 627).

²⁴¹ - Tacitus, Annal., XIII, 32; христианские надписи III века, упоминающие Помпонию Бассов и даже Помпонию Грецину (De Rossi – Roma sott. t. II pp. 281, 362).

²⁴² - De Rossi – Bullet. 1889, 1890.

²⁴³ - Corp. Inscript. Lat., t. VI, № 16246, ср. 948 и 8942.

²⁴⁴ - Dion Cassius. LXVII, 14; ср. Sueton. Domitian. 15.

²⁴⁵ - Евсевий в своей Хронике ad ann. Abr. 2110 (ср. ff. E., III, 18) говорит со слов одного летописца Бруттия о другой Флавии Домицилле, дочери сестры консула, которая будто бы была сослана на о. Понтию. Так как он не упоминает о ссылке консула с женой, то можно бы подумать, что он смешивает эту Флавию Домициллу с другою. Однако острова названы разные, и св. Иероним, посетивший Понтию, видел там комнаты, в которых обитала „знаменитейшая из жен“, сосланная за веру при Домициане. Легенда о святых Нерее и Ахилле заставляет предполагать, что Домицилла умерла и была погребена в Террацине. Я полагаю, что Tillemont (Hist. eccl. t. II, 224), De-Rossi (Bull., 1875, 72–77) и Acbelis Texte und (Unters, t. XI, 249) правы, различая двух Флавий Домицилл.

²⁴⁶ - Mitem virum, abhorrere a sanguine et coedibus;... in fine vitae alii segnem, multi moderatum et civium sanguinis parcum credidere (муж кроткий, имевший отвращение к кровопролитию и убийствам;... в конце его жизни, некоторые считали его человеком недеятельным, а большинство – человеком сдержанным и щадящим кровь граждан). (Tacit. Hist., III, 65, 75).

²⁴⁷ - De Rossi – Bull. 1865, 33–47; 1874; 17, 1875, 64.

²⁴⁸ - Сказание о мученичестве св. Нерее и Ахтллы, христианский роман V века, выводит в числе действующих лиц

Флавию Домициллу (с о. Понтии). Оно упоминает также о консуле Клименте и папе того же имени, но из него ничего нельзя извлечь для исторического исследования.

²⁴⁹ - Впрочем за исключением первого послания ап. Петра. Ср. выше.

²⁵⁰ - I Clenu 1, 2, 44, 47.

²⁵¹ - „Церковь Божия, обитающая в Риме, церкви Божией, обитающей в Коринфе“....

²⁵² - In Ioh. I, 29. Отождествление ненадежно.

²⁵³ - К Филипп. IV, 3.

²⁵⁴ - Haer. III, 3.

²⁵⁵ - Euseb., IV, 23, § 11.

²⁵⁶ - Манускр. А Британского Музея, V века. После того была открыта еще другая рукопись XI ст., равным образом латинский и сирийский переводы его. В рукописи А есть большой пробел в конце послания.

²⁵⁷ - Существуют сказания о мученической кончине св. Игнатия; но ни одно из них не имеет исторической ценности.

²⁵⁸ - Совершенно неправдоподобно, чтобы они могли добиться его помилования; в крайнем случае они могли дать ему средства бежать. Но мысль о бегстве не могла придти в голову по крайней мере предстоятелем церкви, которые должны были разделять мнение св. Игнатия о мученичестве и его значении.

²⁵⁹ - ἡτις προκάθηται ἐν τόπῳ χωρίου Ρωμαίων... προκαθημένη τῆς ἀγαπῆς

²⁶⁰ - Открытие его последовало в 80 г.

²⁶¹ - Rom., 9.

²⁶² - Могила св. Игнатия находилась на кладбище за Дафнейскими воротами. При Феодосии II (408–450) антиохийский храм Судьбы (Τυχάϊον) был превращен в церковь и освящен во имя св. Игнатия. Останки его были торжественно перенесены туда. (Eragr. H. E., 1, 16).

²⁶³ - Chronol. III, 3: ἐυδόξως ἐμαρτύρησεν.

²⁶⁴ - Мураториев фрагмент.

²⁶⁵ - Visio II. Я принимаю здесь в общем заключения Гарнака (Chronol., 257 и сл.). По его мнению, пророчество Ерма прошло следующие формы: 1) Vis. II (только основа), 2) Vis. I-VII, 3) Vis. I-IV, 4) Vis. V, Mandata и восемь первых притчей; это – „Пастырь“ в точном смысле слова; 5) соединение первых четырех видений с „Пастырем“, прибавляя сюда IX Simil.; 6) то же с прибавлением X Similitudo.

²⁶⁶ - Утраченная теперь книга Элдад и Модад.

²⁶⁷ - Можно даже сказать „Церкви вообще“, так как в книге заключается мало особенных черт, и повсеместная популярность ее заставляют предполагать, что она отвечала общему положению дела.

²⁶⁸ - Mand. IV, 3; Stmil. VIII, 6. Ерм еще не очень решительно высказывается по отношению к вновь впавшим в грех: „Этот человек не будет иметь успеха; трудно ему будет спастись“. Если порой кажется, что он исключает возможность прощения для некоторых грешников, виновных в тяжких проступках, то все-таки видно, что эти грешники сами отстраняются от покаяния.

²⁶⁹ - Слова *Filius autem Spiritus Sanctus est* (Сын же есть св. Дух) стоят в древнем латинском переводе; эти соблазнительные слова исчезли из греческого текста и из другого латинского перевода.

²⁷⁰ - Ерм никогда не употребляет термина „Слово“ равным образом как, впрочем, и слова – Христос. Имя Иисус также не встречается в „Пастыре“.

²⁷¹ - Бл. Иероним (in Habacuc, I, 14) отзываясь о нем очень резко (*liber ille apocryphus stultitiae condemnandus* – эта апокрифическая невежественная книга заслуживает презрения) по поводу ангела Тегри, которому тито Ерму (Vis. IV, 2) поручена охрана хищных зверей. Св. Амвросий и св. Августин никогда не говорят о нем; Проспер Аквитанский возражал Кассиану, ссылавшемуся на него, что это книга, лишенная всякого авторитета (Adv. Coll., 13). Согласно св. Иерониму (De Viris ill., 10), ее почти не знали в латинской половине империи. Однако, существует два древних латинских текста ее.

²⁷² - Mandat. I. Cp. Athanas. De decr. Nic. 18; Ad. Afros, 5.

²⁷³ - См. эпитафию одной диакониссы (вдовы) Фдавии Арки (De Rossi Bull. 1886, p. 90, ср. мои Origines du culte chretien, p. 342, ed. 8).

²⁷⁴ - Iren. Haer. III, 3 (по-гречески у Евсевия IV, 4). Послание Виктору у Евсевия V, 24.

²⁷⁵ - Euseb. IV, 22. Известно вечное препирательство из-за текста διαδοχὴν ἐπιοῖάμην μέχρις Ἀνικίτου (я составил список преемства епископов до Аникиты); слово διαδοχὴν (преемство) должно быть было подставлено на мест первоначального διαδοχὴν (пребывание) и смысл его вероятно был таков; „я прожил (в Риме) до времени Аникиты“. Так именно понял Руфин. Впрочем Руфин часто толкует вкось и вкривь. С одной стороны μέχρις Ἀνικίτου довольно трудно поддается объяснению, Егезипп должен был бы сказать, что он прибыл в Рим ἐπὶ Πίου или Ὑγείου. Между тем он не говорит этого в соседнем тексте, предполагать же, что он уже сказал это раньше, мы имеем мало оснований. С другой стороны, контекст речи поддерживает предположение, что здесь дело идет о списке епископов: „А Аниките наследовал Сотир, а Сотир у Елевфери“. Это как будто показывает, что автор в тот момент думал о списке, начинающемся естественно с основания Церкви и остановившемся на епископе Аниките. Я впрочем признаю, что выражение διαδοχὴν ἐπιοῖάμην несостоятельно; здесь что-нибудь выпало из текста.

²⁷⁶ - II, 2.

²⁷⁷ - Сказание о мученичестве св. Иустина с товарищами дошло до нас в византийском сборнике Метафраста. Это единственное подлинное произведение этого рода, которое сохранилось у нас относительно римских мучеников. Большинство повествований о них представляет лишь благочестивые романы без всякого серьезного значения. Конечно, они включают в себе интересные указания на места погребения и состояние святилищ в V-VI веках, но и только. В частности нет возможности полагаться на их хронологию, на имена императоров и префектов, которые они приводят крайне

неисправно. – Я должен заметить также, что древнейшие римские календари (они начинают появляться со времен Константина) никогда не упоминают мучеников II века. Это зависит от того, что обычай праздновать годовщину смерти мучеников и вообще покойников привился в Риме только в третьем веке. В этом можно убедиться из надгробных надписей: самые древние никогда не обозначают дня смерти.

²⁷⁸ - Н. Е. IV, 23. Гарнак полагает, что послание Сотира можно отождествить с II посланием Климента. Я не могу согласиться с этим.

²⁷⁹ - Отрывки Гераклеона помещены вслед за произведениями св. Иринея. Ср. изд. Brook'a в Text and Studies of Cambridge, t. I, fase. 4.

²⁸⁰ - Св. Ириней транскрибирует и даже переводит эти еврейские формулы, но не следует слишком доверяться его переводам.

²⁸¹ - Iren. Haer. I, 21.

²⁸² - Tertull. Praescr. 20.

²⁸³ - Origen. In Luc, 25.

²⁸⁴ - См. любопытный текст Родона у Евс. V, 13.

²⁸⁵ - Этого последнего Родон не упоминает. См. Pseudo-Tert., и Tertull., De Resurr, 2; ср. Eriphan. Haer., 43.

²⁸⁶ - Напр. Дионисий Римский у Афанасия, De decr. Nicaen., 26.

²⁸⁷ - Тертуллиан приписывает этот отъезд ссоре с Маркионом из-за какой-то женщины. Он также говорит, что Филомена была грязного поведения. Во время своих экстатических состояний она находилась в общении с младенцем, который выдавал себя то за Христа, то за ап. Павла.

²⁸⁸ - Φανερῶσεις. Он написал также книгу под заглавием „Syllogismi“, где горячо нападал на Моисея и пророков. Ориген привел ее отрывок (In Gen, II, 2). Другие воспроизведены в сочинении Амвросия „De Paradiso“. Gr. Texte und Untersuchungen VI3, SS. 111.

²⁸⁹ - Euseb., V, 13.

²⁹⁰ - Haer. XLIV, 2.

²⁹¹ - Об Апеллесе см. в особенности, что говорит о нем его современник Родон в названном сочинении. Тертуллиан написал целую книгу *Adversus Apellaicos*; она утрачена. См. *Adv. Marc.* III, 11; IV, 17; *Praescr.* 6, 30, 34; *De carne Christi* 6, 8; *De anima* 23, 36; см. также Ипполита *Syntagma* (*Epiph.*, 43, *Pseudo-Tertull.* 51, *Philastr.* 47); *Philosophum.* VII, 38.

²⁹² - *Philosoph.* IX, 12.

²⁹³ - ἐπὶ παιδείᾳ φιλοσοφίᾳ βεβηγμένον говорит Евсевий; св. Иероним (*De viris ill.*, 42, ср. 53, 70), приписывает ему звание сенатора.

²⁹⁴ - Процесс Аполлония помещен в собрании древних *martyria*, составленном Евсевием. Он дает краткое изложение их в своей *Истории Церкви* (V, 21). Недавно напечатаны были две переработки этого произведения, одна по-армянски (*Sitzungsberichte d. Acad. d. Wiss. zu Berlin* 1893, 728), другая по-гречески (*Anal. Bolland*, XIV, 286). Судя по этим данным, первоначальный текст возбуждает некоторые недоразумения. См. комментарии Harnack'a (*Sitzungsberichte d. Acad. zu Berlin*, *ibid.*), Mommsen'a (*ibid.* 1894, p. 497), Xeumann'a (*Der Römische Staat und die allgemeine Kirche*, t. I, 79) и Geffcken 'a (*Sitzungsberichte d. Göttingen phil. hist. cl.* 1904, p. 262). История о казненном доносчике, хотя его донос служит исходной точкой уголовного дела, весьма неправдоподобна. Эта черта, о которой говорит один лишь Евсевий, может быть происходит от путаницы: несчастная случайность, происшедшая с доносчиком, могла превратиться в рассказе в законную кару.

²⁹⁵ - Когда ап. Павел высадили в ПUTEОЛЕ в 61 г., он был встречен группой верующих, живших здесь (*Деяния*, XXVIII, 14). Весьма возможно, что эта группа организовалась и держалась в тесном единении с Римской церковью, но мы об этом ничего не знаем.

²⁹⁶ - Τον διάκονον ἀπὸ Βιέννης. Это выражение как будто указывает, что Санкт был главой христианской общины в Виенне.

²⁹⁷ - Если Виенна названа сперва, то это может иметь только значение вежливости лионцев по отношению к собратьям из Виенны. Событие имеет главное отношение к Лиону: очевидно, что лионские городские власти не могли распоряжаться в Виенне; полномочия самого легата на Виенну не простирались. Санкт, диакон Виенны, вероятно был задержан в Лионе; ни об одном виенце рядом с ним нет упоминания.

²⁹⁸ - Τὸν ἁδελφὸν ἡμῶν καὶ Κοινωνόν.

²⁹⁹ - Этот тон несколько странен. Невольно вспоминаются африканские исповедники, сомнение которых причинило столько неприятностей св. Киприану.

³⁰⁰ - Ἐλεῦχος καὶ ανατροπὴ τῆς ψευδωνυμοῦ γνώσεως.

³⁰¹ - II посл. к Тимофею, IV, 10.

³⁰² - Посл. к Титу, III, 12.

³⁰³ - См. выше стр. 115.

³⁰⁴ - Πρὸς πάντας Ἑλλήνας: это – общее собрание ахайских городов, которое происходило в Коринфе.

³⁰⁵ - Находились недобросовестные люди, которые подделывали их, чтобы подкрепить свои собственные мнения его авторитетом. Евсевий обозначает эти письма выражением καθολικαὶ πρὸς τὰς ἐκκλησίας ἐπιστολαί (кафолические послания к церквам), что, по-видимому, соответствует их заглавию. Н. Е. IV, 23.

³⁰⁶ - См. выше.

³⁰⁷ - Euseb., IV, 25.

³⁰⁸ - Со времен ап. Павла и до IV столетия единственный памятник, говорящих македонских церквах, – послание св. Поликарпа к церкви филиппийской, написанное во время путешествия св. Игнатия ок. 115 г.

³⁰⁹ - На Бургасском заливе.

³¹⁰ - О писаниях ан. Иоанна см. выше стр. 90 и след.

³¹¹ - Смирнские христиане послали филомелийским (в самой глубине Малой Азии) рассказ о мученичестве Поликарпа. Это произведение – самое древнее из тех, которые носят название Мученических Актов. По мнению Гарнака (Texte und

Unt. t. III под конец; ср. Chronol., t. I, 362), следовало бы отнести к эпохе Марка Аврелия и Л. Вера (161–169 г.) мученическую кончину св. Карпа, Папила и Агафоники, казненных в Пергаме. Рассказ о мученичестве этих святых (Harnack. *Tex. und. Unt. III*, 440), достоверен, но, я думаю, не полон. Судя по единственной сохранившейся рукописи, мученичество Агафоники было настоящим самоубийством, однакоже оно вызывает у зрителей мысли: „жалкие приговоры! Несправедливые порядки!“ Ясно, что Агафоника была судима, как оба других ее товарища, и что часть текста, относящаяся к этому месту, пропала. Календари IV века приписывают Карпу сан епископа (пергамского?), а Папила – диакона. Из рассказа видно, что Папил был гражданином Фиатир. На вопрос, есть ли у него дети, он ответил, что они у него есть „ в Боге“ во всех провинциях и городах. Я думаю, что это надо понимать, скорее, согласно Еван. от Матфея XII, 48 – 50, чем в смысле особого отношения Папила к проповеди Евангелия в Азии.

³¹² - См. выше.

³¹³ - См. следующую главу.

³¹⁴ - Кардинал Питра потратил много времени и труда в поисках за этим „Ключом“. Он полагает, что нашел его в латинском сборнике позднейших времен, который он издал с чрезвычайной тщательностью. (*Spic. Solesm*, t. II и III).

³¹⁵ - Μελίτων τὸν εὐνοῦχον, τὸν ἐν ἁγίῳ πνεύματι πάντα πολιτευσάμενον (евнух Мелитон, который все делал по внушению Св. Духа), как замечает Послание Поликрата Ефесского. *Euseb. V. 24*.

³¹⁶ - См. выше.

³¹⁷ - *Iren. Haer. 1, 15*. Отрывки из предания „Пресвитеров“ были собраны и помещаются в новейших изданиях Мужей апостольских.

³¹⁸ - Об эпитафии Аверкия я остаюсь при прежнем мнении, изложенном в моей статье *L' épitaphe d'Abercius*, помещенной в 1895 г. в *Melanges de l'Ecole Française de Rome*, t. XV, p. 154.

³¹⁹ - См. примечание в конце главы.

³²⁰ - Место нахождения этой деревушки не установлено; ее надо искать в мало еще исследованной области, распространяющейся к востоку от Баликезри по направлению к Макестозу и Риндакозу.

³²¹ - Монтанистическое переселение не представляет исключительного явления. Ипполит (In Dan., IV, 8) рассказывает об однородном факте, случившемся в его время. Один сирийский епископ увел в пустыню на сретение Христа громадную толпу христиан, мужчин, женщин и детей. Кончилось тем, что несчастных арестовали, как разбойников. Другой епископ, из Понта, предсказал кончину мира, имеющую наступить в течение ближайшего года; его паства распродала свой скот и побросала поля, чтоб приготовиться к великому дню. В III в. в Каппадокии возникает вопрос о какой-то пророчице, двинувшей целые толпы народа на дорогу к Иерусалиму (Сург. ер. LXXV, 10).

³²² - Περὶ πολιτείας καὶ προφητῶν, Περὶ προφητείας (О многобожии и пророках; О пророчестве). (Eas., H, E., IV, 26)

³²³ - Euseb. H. E. IV, 27; V, 16, 19.

³²⁴ - Euseb. H. E., V, 17.

³²⁵ - Алоги выдвигали между прочим то возражение против Апокалипсиса, что там идет речь о фиатирской церкви, которая не существовала в их время. Св. Епифаний (Haer. LI, 33) соглашается с фактом, но только для конца II и начала III в., и объясняет его тем соображением, будто фиатирские христиане все перешли в монтанизм, от которого отреклись впоследствии. Однако обращения в монтанизм недостаточно для объяснения тезиса, что фиатирской церкви не существовало. Нужно допустить, что эта христианская община в течение 2 в. временно исчезла.

³²⁶ - Euseb. H. E., V, § 3 τὴν τῶν κατὰ Μιλιτιάδην (очевидно след. заменить Μιλιτιάδην – Ἀλκιβιάδην) λεγομένων αἵρεσιν (ересь называемых алкивиадьянами). Сл. V, 3, § 4, где секта обозначается следующим образом: οἱ ἀμφὶ τὸν Μοντανὸν καὶ Ἀλκιιάδην καὶ Θεοδότον (сущие с Монтаном и Алкивиадом и Феодотом).

³²⁷ - Euseb. H. E. V. 16, § 14, 15.

³²⁸ - id. V, 16, § 17; 18, § 5.

³²⁹ - ib. V, 18, § 11.

³³⁰ - Год этого проконсульства так же неизвестен, как и год проконсульства Грата.

³³¹ - Об этом авторе см. ниже.

³³² - Euseb. H. E. V, 19.

³³³ - Strom., IV, 13. 93; ср. I, 24, 158; V, 13, 88; VII, 18, 108.

³³⁴ - Adv. Prax., I: „Nam idem (Praxeas) episcopum Romanum agnoscentem iam prophetias Montani, Priscae, Maximillae, et ex ea agnitione pacem ecclesiis Asiae et Phrygiae inferentem, falsa de ipsis prophetis et ecclesiis eorum asseverando, praedecessorum eius auctoritates defendendo, coegit et litteras pacis revocare iam emissas et a proposito recipiendorum charismafum concessare“ (Ибо этот самый Праксей, сообщив римскому епископу, – уже имевшему известия о пророчестве Монтана, Приски и Максимииллы, и на основании этих известий объявившему «общение мира с азийскими и фригийскими церквями, – ложные сведения как о самих пророках, так и об ихних церквях, заставил его (папу), под предлогом охранения преданий его предшественников, и посланные уже грамоты мира взять обратно, и воздержаться от намерения признать харисматические дарования (фригийских пророков). – Папа не назван, но трудно предположить, чтобы речь шла о другом, а не Елевфери. Это колебание было бы менее понятно позднее, когда азийские церкви заняли определенное положение против монтанистического движения. С другой стороны довольно естественно, что римское решение было принято одновременно с решением галльских христиан.

³³⁵ - Тертуллиан вовсе не говорит, чтоб папа, имевший сношение с Праксеем, осудил новое пророчество; по его словам, он, доверившись Праксею, лишь изменил намерению признать это пророчество всенародно.

³³⁶ - Об этом антимонтанистическом писателе см. стр. 189.

³³⁷ - August. Contra haereses, 86. Очевидно обычное в Карфагене наименование сектантов тертуллианистами,

заставило Августина предположить, что это была отличная от монтанистов секта, и что Тертуллиан, быв сперва монтанистом, разошелся с катафригицами и основал особую секту. Во время узурпатора Евгения (392–394) одной знатной тертуллианистке Октавиане, прибывшей в Рим из Африки, удалось устроить свое богослужение в церкви свв. Процеса и Мартиниана на Аврелианской дороге (Praedestinatus, с. 86). Из этого факта следует, что в это время монтанисты в Риме не имели места собрания.

³³⁸ - Eus., II, 25; III, 28; III, 31; ср. VI, 20.

³³⁹ - Сепонас (в винительном падеже), по блаж. Иерониму; отсюда вывели термины Κοινωνοί или Οἰκόνομοι.

³⁴⁰ - Haer. XLIX.

³⁴¹ - Ibid. XLVIII, 14; XLIX, 2.

³⁴² - Sozom, H. E., VII, 8.

³⁴³ - См. статью о монтанизме того же автора в энциклопедии Herzog-Hauck. 4. XIII (1903) s. 417.

³⁴⁴ - Воскресенье упомянуто в Деян. XX, 7 по поводу одного случая, относящегося к 57 г. „Учение 12 апостолов“ и „Пастырь“ Ерма упоминают о стояниях.

³⁴⁵ - Заклание Агнца могло совершаться только в храме. Действительно, праздник Пасхи специально справлялся в Иерусалиме. Впрочем и вне Иерусалима в этот день в семьях совершалась трапеза религиозного характера.

³⁴⁶ - Не следует упускать из виду, что день у древних считался с вечера до вечера, а не с полуночи до полуночи. Пасхального агнца закалили после полудня 14-ого числа. Вечерняя же трапеза уже относилась к 15-ому числу (праздник опресноков).

³⁴⁷ - Символ Агнца для обозначения Спасителя весьма древнего происхождения (Деян. VIII, 32; I посл. Петра, I, 19; Иоан. I, 29, 36; Апок. во мн. мест.).

³⁴⁸ - Eus. IV, 26.

³⁴⁹ - Поликрат определенным образом ссылается на Мелитона в числе своих авторитетов, но не упоминает об Аполлинарии. Однако в отрывках последнего, которые

сохранились до нас в „Пасхальной хронике“, он выражается языком приверженцев 14-го нисана. Ипполит и Климент Александрийский говорят: „Христос – истинная Пасха“; Аполлинарий говорит: „14-ое есть истинная Пасха“ – выражение в котором чувствуется какой-то оттенок.

³⁵⁰ - Текст сохранился в Пасхальной хронике (Migne, P. G, T. XCVI, p. 80) Аполлинарий упрекал своих противников в том, что они вносят противоречия между евангелиями. – Он очевидно считал возможным согласить синоптиков с ев. от Иоанна. После многих исследователей и я пытался сделать это. Лучше признать, что в этом пункте мы оказывается не в состоянии согласить евангелистов.

³⁵¹ - См. об этом мою заметку „La question de la Paque au concile de Nicee“ в „Revue des questions historiques“. Juillet 1880.

³⁵² - Περὶ σΧίσματος (Eus., V, 15, 20); ср. Pseudo-Tert., 53.

³⁵³ - В Philosophumenaх, написанных лет 40 спустя, приверженцы 14-го нисана характеризуются, как совершенно исключительные личности: τινές φιλόνοικοι τὴν φύσιν, ἰδιῶται τὴν γνῶσιν, μαχίμωτεροι τὸν τρόπον (некие по природе спорщики, по умственному развитию невежды, по характеру сварливцы).

³⁵⁴ - Без сомнения Марк Аврелии Карпофор С. I, L. VI, 13040; ср. De Rossi. Bull, 1866, p.

³⁵⁵ - Этот бассейн был вскоре затем заменен банями Каракаллы.

³⁵⁶ - Фусциан был префектом с 185 или 186 г. до весны 189.

³⁵⁷ - См. выше.

³⁵⁸ - Hieron. De viris ill., 61.

³⁵⁹ - Δεῖ ἡμᾶς φρονεῖν περὶ Ἰησοῦ Χριστοῦ ὡς περὶ Θεοῦ. (II Clem., 1).

³⁶⁰ - О двух Феодотах и их секте мы знаем из сочинений св. Ипполита: 1) Syntagma (Pseudo-Tert., 53; Epiph., LIV, LV; Philastr, 50); ср. Contra Noëtum, 3; 2) Philosophumena VII, 35; X, 23; 3) Малый Лабиринт, (Euseb. H. E., V, 28).

³⁶¹ - Ипполит рассказывает, будто Феодот отрекся от Христа в Византии и его учение было выдвинуто им для оправдания себя. Он-де отрекся не от Бога, а от человека. Этот рассказ

маловероятен, ибо даже с точки зрения Феодота он отрекся от Господа и Спасителя всех христиан, и его проступок во всяком случае был бы чрезвычайно тяжелым.

³⁶² - Согласно *Philosophumena*.

³⁶³ - С тою разницей, что у Ерма не встречается термин: Христос, а только: Сын Божий.

³⁶⁴ - Сам св. Епифаний удостоверяет это (*Haer.* LV, 5, 7); в его времена автор *Quaestiones Veteris et Novi Testamenti*, писавший свои произведения в Риме, держался тех же взглядов (*P. L.*, T. XXXV, p. 2329).

³⁶⁵ - *Eriph.* LV, 8.

³⁶⁶ - „Малый Лабиринт“ у Евсевия, V, 28.

³⁶⁷ - *Confes.* VII, 19.

³⁶⁸ - Отрывки, направленные против Артемы, приводимые Евсевием без имени автора и относимые Феодоритом (*Haeret.* fab., 11, 5) к книге, озаглавленной „Малый лабиринт“, по-видимому действительно принадлежат перу Ипполита. Фотий (*cod.*, 48) приписывает ему (смешивая его с Каем) книгу „Против ереси Артемы“. Впрочем заглавие „Малый лабиринт“ предполагает существование Большого Лабиринта, а последнее выражение прилагалось к *Philosophumena*, как это видно из самого текста книги (X, 5).

³⁶⁹ - *Haer.* LV.

³⁷⁰ - *Pseudo-Tert.* 52, 53; ср. *Philosophumena*, VIII, 19.

³⁷¹ - *Adv. Valent.* 5. – О Прокле см. у Евсевия II, 25: III, 31; VI, 20.

³⁷² - Фотий называет его (*cod.* 48) священником; но это может объясняться тем, что он смешал Кая с Ипполитом.

³⁷³ - Незаметно, чтобы Кан распространил свои критические труды и на четвертое Евангелие. Евсевий (VI, 20), очень внимательно отметивший его библейские труды, не пропустил бы этого без внимания.

³⁷⁴ - О Кае см. у Евсевия (III, 28; VI, 20). Несторианский епископ Эбед Иисус (XIV века) дает перечень сочинений Ипполита, в которых „Главы против Кая“ отмечены, как

сочинение отдельное от трактата „В защиту Евангелия от Иоанна и Апокалипсиса“ (Assemani. Bibl. Or., t. III; p. 15). Gwynn отметил недавно отрывки этих „Глав“ в неизданном комментарии Дионисия Бар-Салиби на Апокалипсис (см. Text. и. Unt., VI, 122 и сл.).

³⁷⁵ - Ср. подобные же мысли, против которых ратует св. Иустин в своем разговоре с Трифоном, гл. 128.

³⁷⁶ - Tertul. Adv. Prax., I.

³⁷⁷ - Νοητός означает постигаемый, а ανωϊροff – безрассудный.

³⁷⁸ - Hippol. Contra N'oetum, 1. (Ср. Epiph. Haer., LVII); Philosoph. IX. 7.

³⁷⁹ - Можно удивляться, что люди, признававшие четвертое евангелие, выказали такое отвращение к системе, которая столь близка к нему. Они отвечали на это: „Вы странно называете Сына Словом. Иоанн, правда, делает то же, но он привык употреблять аллегории“. (Hippol. C. Noët., 15).

³⁸⁰ - Τον Ζαβέλλιον ἀπέωσεν ὡς νῆ φρονοῦντα ὀρθῶς (отлучил Савеллия, как не правомудрствующего).

³⁸¹ - См. выше.

³⁸² - См. выше.

³⁸³ - Его находят также в сочинении Филастра против ересей и в приложении к книге Praescriptiones Тертуллиана (45–53). Заключение дошло до нас в самостоятельном виде в форме проповеди против Нозета.

³⁸⁴ - Другого рода оговорки вызывает изучение документов, встречающихся исключительно в Philosophumena, относительно некоторых сект, – документов, в которых заметно общее их происхождение и может быть рука фальсификатора. Так, кажется, пока следует оставить под сомнением то, что говорится про наассенов, ператов, сифитов, Иустина Гностика и то, что прибавлено к предшествовавшим преданиям о Симоне, Василиде, докетах. См. Salmon в Hermathena, 1885, 389; Stähelin в Text., und Unt., t. VI³.

³⁸⁵ - Adv. Praxeam, 27: „Obducti distinctione Patris et Filii quam manente conjunctione disponimus... aliter ad suam nihilominus

sententiam interpretari conantur ut aequae in una persona utrumque distinguant Patrem et Filium, dicentes Filium carnem esse, id est hominem, id est Iesum; Patrem autem spiritum, id est Deum, id est Christum. Et qui unum eundemque contendunt Patrem et Filium jam incipiunt dividere illos potius quam unare. 29: „Nec compassus est Pater Filio; sic enim directam blasphemiam in Patrem veriti, diminui eam hoc modo sperant, concedentes jam Patrem et Filium duos esse, si Filius quidem patitur, Pater vero compatitur. Stulti et in hoc. Quid est enim compati, quam cum alio pati“? (Будучи вынуждаемы признать отличие Отца от Сына, которое мы утверждаем с сохранением связи между Ними,... они (модалисты) тем не менее пытаются иначе истолковать это отличие, приспособительно к своему учению, – именно так, что в одном и том же лице различают и Отца и Сына, утверждая, что Сын – это плоть, т. е. человек, или Иисус, а Отец – это дух, т. е. Бог или Христос. Отсюда, те самые люди, которые настаивают, что Отец и Сын – тождественны, начинают Их разделять больше, чем соединять... 29: Не сострадал Отец Сыну; ибо (модалисты), устранившись явного богохульства по отношению к Отцу, надеются ослабить его таким путем: допуская, что Отец и Сын – два лица, утверждают, что страдал конечно Сын, а Отец (только) сострадал. Но они оказываются глупцами и в этом пункте. Ибо, что значит сострадать, как не страдать вместе с другим?).

³⁸⁶ - Ипполит (Philosophum. IX, II) жалуется, что Каллист приписал ему верование в двух богов: ἀπὲρ ἑὶ ἡμᾶς διθέου: (называет нас двубожниками).

³⁸⁷ - Об этом см. De Rossi, Bull., 1866, 23–33; 65–67.

³⁸⁸ - Она была найдена в XVI веке близ его могилы и теперь находится в Лютеранском музее. Голова ее современного происхождения.

³⁸⁹ - Во времена Константина Великого Каллиста причисляли к папам-мученикам. Годовщина его памяти отнесена на 14 октября в филокалиевой таблице *Depositiones martyrum*, 336 года, как и годовщины Поятия, Фабиана, Корнилия и Сикста II. Двое из них были казнены (Фабиан и Сикст II), двое других умерли в изгнании. О Каллисте мы не

знаем ничего подобного; смерть его приходится в эпоху царствования Александра Севера, когда вряд ли были мученики. Вследствие этого пытались установить связь между его ссылкой в Сардинию, как о ней рассказывает Ипполит, с тем поклонением, которое воздавалось ему после смерти. Но это невозможно. Каллист умер через 33 года после того, как пострадал за веру, и тридцать лет спустя по возвращении из ссылки. Между тем мы видим, что Луций, который был сослан, вернулся и вскоре затем умер, – не был причислен к мученикам. Таким образом ссылка, из которой пострадавший вернулся домой, не давала ему права на мученический венец. Из этих противоречивых свидетельств можно вывести предположение, что Каллист погиб во время какого-нибудь столкновения христиан с язычниками независимо от законного преследования. Память о нем в Риме уже в половине IV века была связана с двумя местами – Транстеверином, где папа Юлий воздвиг базилику Св. Марии *juxta Callistum*, и с Аврелианской дорогой, где находилась его гробница. Странно, что его похоронили там, так далеко от кладбища, которым он сам заведовал, которое всегда носило его имя и на котором были похоронены все его преемники III века. Народная смута, причинившая его смерть, могла бы также объяснить, почему он погребен на Аврелиановой дороге, если верить легенде, которая обозначает местом действия смуты Транстеверин. Аврелианская дорога – ближайшая к тому месту, где совершено было убийство.

³⁹⁰ - Долго думали, что в ней помещен и список пап. Открытие греческого текста заставляет покинуть эту мысль. (A. Bauer. *Texte und Unter. t. XXIX* (1905), p. 156).

³⁹¹ - Быть может, Ипполит жил в этом месте.

³⁹² - Пруденции – *Peristeph.*, XI – почерпает свои сведения из надписи Дамаса: *Hippolytus fertur* (Ihm, № 37), но они, смешивает мученика Тибуртинской дороги с другим мучеником Ипполитом, прозванным Нонном, память которого праздновалась в Порто 22 августа, и прикрашивает историю обоих чертами, заимствованными из мифа об Ипполите, сыне Тезея.

³⁹³ - Euseb. – VI, 20, 22; Hier. – De viris, 61; Rufin. – H. E. VI, 16.

³⁹⁴ - Thiel – Epp. Rom. Pontif., p. 545. Впрочем Геласий введен был в заблуждение одним греческим документом. См. труд L. Saltet об источниках Феодоритова Эраниста, напечатанный в *Revue d'histoire ecclesiastique de Louvain* 1905 p. 546 и сл.

³⁹⁵ - Аполлинарий (Mai, Script. Veter., I, 173).

³⁹⁶ - Уже в Пасхальной хронике (ок. 640 г.).

³⁹⁷ - В этом виде до сих пор изображается жизнь Ипполита в римском бревиарии и в мартирологе.

³⁹⁸ - Либеррианский список: *Hic regiones divisit diaconibus et multas fabricas per cimiteria fieri jussit* (Он разделил между диаконами городские районы, – и озаботился постройкой на кладбищах многих зданий). Об его чудесном избрании см. у Евсевия – V, 29.

³⁹⁹ - Об этих двух фактах см. далее гл. XIX и XX.

⁴⁰⁰ - Однако современные надгробные надписи папских могил еще составлялись по-гречески; до нас дошли относящиеся к Антеросу, Фабиану, Луцию, Гайю († 296). Латинская надпись Корнилия, по-видимому, явилась позднее III века.

⁴⁰¹ - Этот термин не упоминается ни разу в тексте Новациана.

⁴⁰² - Нужно отметить, однако, что эта теория позднее считалась далеко не православной. Арнобий Младший (Диалог Арнобия с Серапионом, I, 11; Migne – P. L. t. LIII, 256), давая образец арианского учения, списывает важнейшие места последней главы Новациана, разумеется, не называя автора.

⁴⁰³ - Cyprian. Ep. XXIX.

⁴⁰⁴ - Письмо Корнилия к Фабию Антиохийскому (Euseb. VI, 43).

⁴⁰⁵ - Для ознаменования этого события было учреждено официальное празднество; оно осталось в христианском календаре в празднике 1-го авг., посвященном Маккавеям и ап.

Петру в узах. О римском Египте см. Lumbroso, *L'Egitto al tempo dei Greci e dei Romani*, Rome 1882.

⁴⁰⁶ - Он также предводительствовал войском. В Египте начальники легионов не были, как в других местах, легатами из сенаторского звания, которых нельзя было бы подчинить простому всаднику, каким был египетский префект, они были из *praefecti castrorum*. Август воспретил сенаторам и самым влиятельным всадникам пребывание в Египте. Для этих важных особ опасались соблазнов среды, слишком благоприятной для искателей власти.

⁴⁰⁷ - Весьма возможно, но отнюдь не доказано, что некоторые апостольские произведения, как напр., послания к Евреям и Варнавы, имеют известное отношение к александрийской общине. Знаменитые терапевты, описанные в книге „О созерцательной жизни“ (справедливо или нет приписываемой Филону), не имеют ничего общего с первобытным христианством. Об этой книге, которая является еще загадкой, см. Schürer, *Gesch. des jüdischen Volkes*, 4 ed., t. III, s. 535.

⁴⁰⁸ - Св. Иустин (см. *Apol. I. 29*) говорит о молодом христианине из Александрии, жившем во времена египетского префекта Феликса.

⁴⁰⁹ - См. об этом у Harnack'a *Chronologie*, t. I, s. 202. Список Юлия Африкана извлечен из указаний Евсевия.

⁴¹⁰ - В итоге цифры эти составляют 128 лет. Следовательно ряд епископов начинается приблизительно с 61 г.

⁴¹¹ - II. 16.

⁴¹² - *Acta S. Petri. Alex.* (Migne P. G., T. XVIII, с. 461, см. Lumbroso, *L'Egitto al tempo dei Greci e dei Romani*, p. 185). Если Ев. Марк одно и то же лицо, что Иоанн-Марк, о котором говорится в Деяниях Апостолов и посланиях ап. Павла и ап. Петра, то александрийское предание встречается с весьма важным возражением, ибо Дионисий Александрийский (Euseb. VII, 52) рассказывает историю Марка, ничем не намекая на особенное отношение его к египетской столице.

⁴¹³ - См. об этом de Faye, Clement d'Alexandrie, 126 и след. Ср. Strom, I, 1, 18, 19, 43, 99; VI 80, 89, 93 и т. д.

⁴¹⁴ - О Пантене см. у Евсевия Д. И. V, 10, 11. (ср. Clemen., Strom I, 11); VI, 18, 14, 19.

⁴¹⁵ - Euseb. Н. Е. V, 10, не очень уверен во всем этом. Εἰς Ἰνδοὺς ἐλθὼν λέγεται, ἔνθα λόγος εὐρεῖν αὐτόν (говорят, он ходил к индийцам; там, говорят, он нашел...). Слова Индия, индиец имели еще в то время неопределенное значение, они могли обозначать столь все легко современный Иемен или Абиссинию, как и Индостан. См. об этом выше.

⁴¹⁶ - Euseb. Н. Е. V. 10, ср. Clem., Strom I. 1, 11 и след; Eclog., 27.

⁴¹⁷ - Euseb. Praep. II, 2, 14.

⁴¹⁸ - Strom, I, II.

⁴¹⁹ - Выдержка из VII кн. Гипотипоз Климента, приводимая у Евсевия, Ц. И, II. 1.

⁴²⁰ - Euseb. V. 28, § 4.

⁴²¹ - Н. Е. VI. 14.

⁴²² - Cod. 109.

⁴²³ - Свидетельство Фотия об этом подтверждается Руфином (Hieron. Apol. adv. lib. Rufini, II, 17).

⁴²⁴ - Восьмая книга, или скорее то, что со времен Евсевия принято обозначать так, представляет собою сборник выдержек из языческих философов; она, вероятно, наряду с „Отрывками из Феодота“ и „Извлечениями из пророков“ должна была служить материалом для продолжения сочинения.

⁴²⁵ - Возможно, что он не всегда брал их из первых рук, а почерпал из сборников.

⁴²⁶ - Отчасти сохраненное Евсевием. Ц. И. VI. 11. Клименту расточаются здесь великие хвалы.

⁴²⁷ - Euseb. Н. Е. VI, 14.

⁴²⁸ - Euseb. IV, 26; V, 13.

⁴²⁹ - Оно происходит от имени египетского божества Оруса. О биографии Оригена см. особенно VI кн. Церковной Истории Евсевия, считаясь с апологетическими целями ее автора. Он

мог быть осведомлен от лиц, имевших личные отношения с Оригеном; кесарийская библиотека заключала в себе все произведения учителя; что же касается его писем, то их собрал сам Евсевий (IV, 36); они доставили ему много биографических подробностей.

⁴³⁰ - Плутарх, брат Иракда, Серен, Ираклит, Ирон, другой Серен. женщина Ираиса, Василид, Потамиена, Маркелла. Euseb. VI, 4, 5.

⁴³¹ - Apolog. I, 29.

⁴³² - Euseb. VI, 19.

⁴³³ - Порфирии у Евсевия, VI, 19. § 5, 13. Аммоний Сакк считается первым учителем неоплатонической школы. От него мы не имеем никаких сочинений. Порфирий (там же) говорит, будто Аммоний, будучи воспитан в христианстве, отказался от него, чтобы сделаться язычником. Указание это не вполне достоверно, ибо тут же Порфирий, вопреки исторической правде, приписывает Оригену противоположную эволюцию. Что же касается Евсевия, то он спутал здесь философа Аммония Сакка с другим Аммонием, автором нескольких книг, между прочим трактата „О согласии Моисея с Христом“, быть может также „о согласии между Евангелиями“, – трактата, на который Евсевий ссылается в своем письме к Карпиану.

⁴³⁴ - Euseb. VI, 14.

⁴³⁵ - Евелпиду разрешено было проповедовать Неоном, епископом Ларандским; Павлин получил подобное же разрешение от Цельза, еп. Ивонийского, Феодосий – от Аттика Синнадского. Личности эти только тем и известны (Euseb. VI, 19).

⁴³⁶ - Περὶ ἀρχῶν.

⁴³⁷ - Ориген у Евсев., VI, 19.

⁴³⁸ - Сто лет спустя, никейский собор, где александрийский епископ пользовался большим влиянием, начинает ряд своих канонов постановлением в этом смысле.

⁴³⁹ - С самого начала IV в. было признано всеми соборами, что никто не в праве посвящать клирика из другой церкви; позднее это запрещение распространилось и на мирян. Ориген,

несмотря на значительность своих заслуг перед александрийской церковью, был лишь мирянином.

⁴⁴⁰ - Евсевий (VI, 23) отсылает здесь к II кн. своей апологии Оригена, которая утрачена. Фотий (cod. 118), сохранивший нам из нее лишь несколько данных, по-видимому вычитал там, что Евсевий и Памфил приписывают участие в осуждении Оригена лишь одним египетским епископам. Св. Иероним (Rufin. Apol. II, 20), по-видимому, слышал о большем числе епископов, участвовавших в этом деле: *Damnatur a Demetrio episcopo; exceptis Palaestinae et Arabiae et Phoenices atque Achaiae sacerdotibus in damnationem eius consentit orbis; Roma ipsa contra hunc cogit senatum; non propter dogmatum novitatem nec propter haeresim, ut nunc adversus eum rabidi canes simulant, sed quia gloriam eloquentiae eius et scientiae ferre non poterant, et illo dicente omnes muti putabantur* (Он был осужден еп. Димитрием; за исключением епископов палестинских, аравийских, финикийских и ахайских, это осуждение признал весь мир; в самом Риме против него (Оригена) высказался пресвитерский коллегийум; (но) не по причине новизны догматических учений Оригена, не по причине его еретичества, как ныне клеветают на него бешеные псы, а потому что не могли выносить его ораторской и ученой славы, и потому что по сравнению с его красноречием все казались немymi).

⁴⁴¹ - Я не иду дальше, вопреки Harnack'у, Chronol., t. II, s. 25 (ср. Ueberlief. s. 332) и Bardenhevery Gesch. t. II, s. 80. Текст Фотия, на котором основываются, имеет источником какую-то недоброжелательную легенду, каких много ходило насчет Оригена. См. этот текст у Döllinger'a Hyppolyt und Kallist, s. 264 и у Harnack'a Ueberlief. s. 332 (ср. Migne, P. G. T. CIV, c. 1229). Прежде чем он был исправлен Деллингером, Тильмон уже весьма ясно разобрался в этого рода преданиях (Hist. eccl. T. III, p. 769).

⁴⁴² - Euseb. VI, 39.

⁴⁴³ - Euseb. VI, 46.

⁴⁴⁴ - Логически; о хронологии здесь не может быть и речи.

⁴⁴⁵ - Притчи VIII, 22, по греческому тексту: Ὁ Κύριος ἐχπσέ με ἀρχήν οὐδὼν-Аотоδ. (Господь создал Меня в начало путей Своих). Бл. Иероним перевел: Dominus possedit me (Господь приобрел Меня). В другом месте (Быт. XIV) он встретился с двумя случаями употребления этого глагола (qânâ), в. форме причастия настоящего времени (qône); в первом случае (19 ст.) он перевел словами: qui creavit (Он создал), – а во втором (22 ст.): possessor (владелец).

⁴⁴⁶ - Однако предание, как ему казалось, не разрешает вопроса о том, тварное бытие – Св. Дух или несозданное (γενητός ἢ ἀγενητός) и есть ли Он Сын Божий (I, 1). См. выше стр. 155–156.

⁴⁴⁷ - Такое понимание первородного греха, происшедшего вне чувственного мира, значительно разнится с церковным Оно скорее приближается к воззрению Валентина. Впрочем Валентин приписывает первородный грех божественному существу, чего здесь нет.

⁴⁴⁸ - Конец, разумеется, относительный, касающийся лишь отдельных тварей, ибо движение самого мира вечно.

⁴⁴⁹ - Она составляет исключение из первородного греха.

⁴⁵⁰ - Euseb. H. E. VI, 36. ep. Hieron. ep. LXXXIV, 10; Rufm. in Hier. I, 44. Вот что говорит бл. Иероним: Ipse Origenes in epistola quam scribit, ad Fabianum Romanae urbis episcopum poenitentiani agit cur talia scripserit et causas temeritatis in Ambrosium refert quod secreto edita in publicum protulerit. (Сам Ориген в своем послании к еп. римскому Фабиану выражает раскаяние, зачем он, Ориген, высказал в своих произведениях такие (неправославные) мысли, и вину за эту неосмотрительность возлагает на Амвросия, который опубликовал то, что было написано им для интимного круга читателей). – Если бы бл. Иероним откуда-нибудь слышал об осуждении учения Оригена, в Риме еще при его жизни, то он несомненно воспользовался бы этим аргументом в своем споре с Руфином.

⁴⁵¹ - См. предшеств. примечание; см. также письмо Оригена к его александрийским друзьям и Руфина. De adulter, librorum, Origenis. Migne. P. G. XVII p. 624.

⁴⁵² - Ad Scap., 4: „Cincius Severus, qui Thysdri ipse dedit remedium, quomodo responderent christiani, ut dimitti possent; Vespronius Candidus, qui Christianum quasi tumultuosum civibus suis satisfacere dimisit“(Цинций Север в Тиздре сам указал христианам способ, как они должны отвечать на суде, чтобы могли быть отпущены; Веспроний Кандид отказал гражданам в их иске против христианина, обвиненного якобы в мятеже).

⁴⁵³ - Tert., ad, Scap., 4.

⁴⁵⁴ - Judaeos fieri sub gravi poena vetuit; idem etiam de Christianis sanxit. Spartian., – Sever, 17 (t. I, p. 137, Peter).

⁴⁵⁵ - О настроении умов в эту эпоху в философском и религиозном отношении см. Jean Reville – La religion a Rome sous les Sévères 1886, p. 190 и сл.

⁴⁵⁶ - См. выше стр. 213, 231.

⁴⁵⁷ - Lamprid. Alexander, 22, 29, 43, 45, 49, 51.

⁴⁵⁸ - Euseb., VI, 28; Origen.–In Matth., 28.

⁴⁵⁹ - Hieronym.-De viris, 56.

⁴⁶⁰ - Фирмилиан (у Киприана, посл. LXXV, 10.)

⁴⁶¹ - Cat. lib.

⁴⁶² - Дионисий Александрийский у Евсевия, VII, 10.

⁴⁶³ - Об этом гонении см.: 1) Послания Киприана, 1–56; О падших; 2) Дионисия александрийского: послания к Фабию антиохийскому (Евс., VI, 41, 42), к Домицию и Дидиму (Евс., VII, 11, 20), к Герману (Евс. VI, 40). – Среди сказаний о страданиях мучеников эпохи Деция, история Пиония единственная, заслуживающая доверия (греческий текст ее у Gebhardt'a в Acta martyrum selecta, 96); история Карпа (см. выше стр. 178), может быть, тоже относится к этому времени. Что же касается до историй св. Ахатия (в Антиохии Писидийской), св. Максима, свв. Петра, Андрея, Павла, Дионисия (в Лампсаке), св. Конопа (в Магидосе), св. Нестора (в Сидее), св. Трифона и Респиция (в Никее), св. Лукиана и Маркиана (в Виеинии), св. Сатурнина (в Тулузе), то эти рассказы составлены настолько позднее событий, что ими трудно пользоваться.

⁴⁶⁴ - Некоторые из этих удостоверений дошли до нас в подлиннике в египетских папирусах. Три были найдены в

соседстве Арсинои, четвертый получен из Оксириика (Sitzungsbericht. d. Akadem. zu Berlin 1893, p. 1007; Akadem. zu Wien 1894, s. 3; Atti dei II Congresso di archeolog. christ., Roma 1902, 398; Grenfell et Hunt – Oxyrhynchus papyri, t. IV, London, 1904). Ср. Harnack- Theol. Literaturzeitung, 1894, 38, 162; P. Franchi – Nuovo Bull di archeol. christ., 1895, 68 и Miscellanea di st. e cult. eccl., 1904, 3.

⁴⁶⁵ - Cyprian, ep. LIX, 6; Dionys, ep. ad Hermammon. (Euseb. VII, 1). В это самое время Киприан написал свой трактат ad Demetrianum.

⁴⁶⁶ - Cyprian op. cit.

⁴⁶⁷ - „Жестокий приговор, несправедливые меры“, – ворчали язычники при виде мучений св. Карпа и его товарищей.

⁴⁶⁸ - О гонении Валериана см.: 1) Дионисий Алекс., – послания к Гермаммону (Евс. VII, 10) и к Герману (VII, 11); в последнем он воспроизводит протокол своего допроса перед префектом Египта в 257 г. (отметим, что письмо к Домидиану и Дидиму, которое Евсевий приводит вслед за этим, относится к Дециеву, а не к Валерианову гонению); 2) Киприан – Посл., LXXVI – LXXIX; – 3) Мученичество св. Киприана, 4) Житие св. Киприана, составленное диаконом его Понтием; 5) Страдания св. мучеников Фруктуоза, еп. Таррогонского, и его спутников, св. Мариана и Иакова, св. Монтана, Луция и др., – 6) Евсевий, VII, 12.

⁴⁶⁹ - Св. Киприан был допрошен проконсулом Африки Аспазием Патерном 30 авг. 257 г. Проконсул сказал епископу: Qui Romanam religio nem non' colunt debere Romanas caeremonias recognoscere.... Non solum de episcopis verum etiam de presbyteris mihi scribere dignati sunt (Валериан и Галлиен).... Praeceperunt etiam ne in aliquibus locis conciliabula fiant, nec coemeteria ingrediantur. Si quis itaque hoc tam salubre praecceptum non obseraverit, capite plectetur (Кто не исповедует римской религии, те должны все-таки признавать римские обряды. Императоры удостоили меня рескриптом относительно не только епископов, но и пресвитеров. Они также предписали, чтобы ни в каких местах не было собраний, и чтобы не

посещали усыпальниц. Если же кто не будет выполнять столь полезного распоряжения, тот будет предан смертной казни). В протоколе, касающемся св. Дионисия Александрийского, префект Египта перечисляет те же предписания, почти в тех же выражениях, в особенности что касается собраний: »Οὐδαμῶς δε ἔξεσται ὑμῖν οὔτε ἀλκκοῖς τισὶν ἢ συνόδους ποιεῖθαι ἢ εἰς τὰ καλούμενα κοιμήτρια εἰσιναι«. (Как у вас, так и у прочих нигде да не будет устройства собраний, или хождений на так называемые усыпальниц). Из последнего документа видно, что указ применялся и к диаконам.

⁴⁷⁰ - Cyprian. Ep. LXXVI-LXXIX. – Исповедники были распределены группами в metallum (рудниках) Сига, в нескольких верстах на юго-зап. от Сирта в Нумидии. Епископы все были участниками карфагенского собора в 256 г.

⁴⁷¹ - Ep. LXXX.

⁴⁷² - О мучениках Массы Кандиды близ Утика см. заметку Pio Franchi de' Cavalieri в Studi Testi ватиканской библиотеки, Fase. 9, p. 39 и сл. Того же автора в том же сборнике, вып. 3, важное исследование о мученических кончинах Монтана и Мариана.

⁴⁷³ - Н. Е. VII, 12.

⁴⁷⁴ - VII, 13.

⁴⁷⁵ - Он был тогда во Фракии в окрестностях Византии. Существование его указов подтверждается Евсевием, VII, 30 и Лактанцием De mortibus pers., 6. Нам неизвестен ни один мученик, которого можно бы приурочить ко времени этого начинавшегося гонения.

⁴⁷⁶ - Он вообразил, что достиг этого: Quod ipsum (собрания) facere desisse (adfirmabant) post edictum meum quo secundum mandata tua hetaerias esse vetueram (говорят, что они – христиане – перестали устраивать собрания, после того, как я, на основании твоих предписаний, эдиктом запретил существование сообществ). (Ep., X, 96).

⁴⁷⁷ - Не было возможности исключить их оговоркой в роде формулы: ad religionem pertinentes meam („принадлежащие к моей вере“), употребленной одним завещателем для

обозначения тех членов семьи, которым должно быть предоставлено место в его склепе: христианство, будучи недозволенной (*illicita*) религией, не могло прибегать к покровительству закона (De Rossi – Bull. 1865. 54, 92).

⁴⁷⁸ - Christiani non ea loca tantum ad quae convenire solebant sed etiam alia habuisse noscuntur ad jus corporis eorum, id est ecclesiarum, non hominum singulorum pertinentia, (известно, что к общинному праву христиан, т. е. церквей, а не отдельных личностей, относились не только те места, где обыкновенно устраивались собрания, но и другие недвижимости). – Lactant. – De mort. persec., 48; Euseb., X, 5 (указ Максимиана). Базилика св. Лаврентия в Риме уже при Константине владела землей, quod fiscus occupaverat tempore persecutionis (какое владение числилось за ней еще во время гонения). (Liber pontif., t. I, p. 182).

⁴⁷⁹ - Euseb. VII, 30.

⁴⁸⁰ - Lamprid. Alex. Sever., 49: Cum Christiani quemdam locum qui publicus fuerat occupassent, contra popinarii dicerent sibi eum deberi, rescripsit melius esse ut (puemadmodumcumque illic Deus colatur, quam popinariis dedatur (Когда христиане завладели каким-то местом, которое принадлежало казне, а трактирщики заявили протест, утверждая, что оно должно отойти к ним, – Александр предписал, что пусть лучше это место будет посвящено какому бы то ни было богопочтению, чем отдано трактирщикам). – Религиозная мотивировка показывает, что здесь дело шло о богослужебном здании, принадлежащем христианской общине, а не о частной собственности каких-то христиан.

⁴⁸¹ - Ad. Scap., 3.

⁴⁸² - De Rossi – Roma sott., 1.1, p. 101; t. II, p. VIII; Bull. 1864; p. 57; 1865, p. 90.

⁴⁸³ - Apol., 39.

⁴⁸⁴ - Несмотря на эти соображения, думают найти некоторые следы того, что римская церковь якобы прибегала к этому закону о похоронных товариществах; следы аги чрезвычайно слабы и сомнительны до своему смыслу.

⁴⁸⁵ - Римские провинции разделялись на два разряда: одни находились под управлением сената, другие непосредственно в ведении императора; к последним принадлежали те, которые имели военное значение. Прим. пер.

⁴⁸⁶ - Тексты, собранные Monceaux (Hist. litt, de l'Afrique chretienne, t. I, p. 5), представляют не местные легенды этой страны, а лишь византийские сочинения позднейшего времени, не имеющие никаких корней в местном предании.

⁴⁸⁷ - Тертуллиан (Adv. Judaeos, I) утверждает, что Христу уже покорились *Getidorum varietates et Maurorum, multi fines* (различные племена гетулов и многие пределы мавров), но есть основания не доверять его преувеличениям.

⁴⁸⁸ - Это не относится к проповеди; во времена бл. Августина еще проповедовали по-пунийски. Знание этого языка было необходимо для того, чтобы занимать священническую должность в некоторых округах.

⁴⁸⁹ - Проконсульской Нумидией называлась та часть древнего нумидийского царства (*Africa nova*), которая была присоединена к области, подведомственной проконсулу, во время разделения всей провинции между проконсулом и легатом. Местоположение Scilli до сих пор не определено.

⁴⁹⁰ - Тертуллиан (Ad. Scap., 3) рассказывает, будто он ослеп.

⁴⁹¹ - Нельзя безусловно отрицать, что он – тот самый законовед Тертуллиан, несколько отрывков которого сохранились в Дигестах: I, 3, 27; XXIX. 1, 23; XLVIII, 2, 28; XLIX, 17, 4.

⁴⁹² - См. выше.

⁴⁹³ - Его обыкновенно считают за такового, но нельзя не допустить, что он мог быть епископом Малого Тубурба.

⁴⁹⁴ - De jejun., 13. Книга была написана около 220 года; это – одно из последних произведений Тертуллиана.

⁴⁹⁵ - Cyprian., ep., 69.

⁴⁹⁶ - Он назывался также Тасций.

⁴⁹⁷ - Testimonia ad Quirinum, I-III; ad Fortunatum.

⁴⁹⁸ - Ер. 5, 6, 7, 10–19.

⁴⁹⁹ - В первые месяцы Киприан лишил неимущих отступников церковного пособия. Это было довольно естественно. Однако, пример римской, более милосердой в данном случае церкви, заставил и его быть более щедрым.

⁵⁰⁰ - De lapsis, De Ecclesiae unitate.

⁵⁰¹ - В одном из своих посланий к Фабию антиохийскому (Евсев., VI, 43) Корнилий рассказывает, что Новациан достал из какого-то угла Италии трех епископов, людей простых и необразованных (ἀπροίχουκπλοοστάτος), которые и посветили его после выпивки. Один из них выпросил себе прощение у Корнилия, который принял его в общение церкви на правах мирянина, остальным двум немедленно назначили заместителей. Подробности этого рода я черпал (см. конец 17 гл.) и черпаю здесь лишь с большой осторожностью из того послания к Фабию, где Корнилий отделяет Новациана с горячностью, обычной у древних авторов в их личных нападках. Автор письма, очевидно, переходит всякую меру, приписывая, напр., обращение Новациана в христианство самому диаволу, высказывая сомнение в действительности его крещения, осмеивая его богословские знания. Некоторые уколы, пущенные Корнилием в своего несчастного противника легко могли бы быть отнесены к папе Фабиану, ибо именно он, без сомнения, посветил Новациана, и к руководителям римской церкви во время гонения Деция.

⁵⁰² - Надо, действительно, различать два периода в новацианской распре. Сперва противники только протестуют против Корнилия и его избрания, но не производят нового избрания. Св. Киприан очень точно различает эти две фазы и два посольства, которые партия раскола отрядила одно за другим в Карфаген Ер. XLY, 1: *Diversae partis obstinata et inflexibilis pervicacia non tantum radicis et matris sinum adque complexum recusavit, sed etiam gliscente et in peius recrudescente discordia episcopum sibi constituit....* с. 3: *Cum ad me talia adversum te et conpresbyteri tecum considentis scripta venissent.* (Противная сторона, по упорному и непреклонному упрямству, не только отторглась от корня и уклонилась от недр и объятий

матери, но еще усиливая и возобновляя раздор на худшее, поставила себе епископа... гл. 3: когда до меня дошли письма о тебе и сососедающих с тобою сопресвитерах...). Здесь дело идет о первом послании, направленном против Корнилия, которое Новациан послал еще будучи пресвитером. Киприан подчеркивает (Посл. LV, 8), что Корнилий сделался епископом в то время, как место Фабиана, т. е. престол ап. Петра, было вакантно, чем не мог оправдываться Новациан.

⁵⁰³ - Ep. LY, 5.

⁵⁰⁴ - Ep. XXX, 8.

⁵⁰⁵ - Euseb., fl, 43, § 16.

⁵⁰⁶ - Такою продолжала оставаться дисциплина в обычное время, что ясно видно из постановлений эльвирского собора в конце III в.

⁵⁰⁷ - См. в особенности послание к Антониану (ep. LV).

⁵⁰⁸ - Гарнак приписывает ее Сиксту II (Texte und Unter., t. XIII, 1; ср. t. XX, 3, s. 116; Chronol., t. II, s. 387).

⁵⁰⁹ - Novatianus plebi in Evangelio perstanti salutem, (Новациан народу, твердому в Евангелии, желает спасения), – таково обращение в книге De cibis.

⁵¹⁰ - Adversus Judaeos, De laude martyrii, Quod idola dii non sint.

⁵¹¹ - De Pascha, De sabbato, De circumcissione, De sacerdote, De oratione, De instantia, De Attalo.

⁵¹² - Socrat. H. E. IV, 28; Евлогий, александрийский епископ конца VI века, читал „мученичество“ Новациана, баснословную выдумку, лишенную всякой достоверности. В иеронимовом списке мучеников под 29 июня значится мученик Новадиан; я думаю, что это тот же, который занесен под 27 в начале списка, по-видимому африканского происхождения. Совершенно невероятно, чтобы виновник раскола попал в календари великой церкви. Римский календарь, входящий в состав лже-иеронимовской компиляции, был установлен около 422 года, вскоре после того, как последние новацианские церкви были закрыты в Риме.

513 - Свидетельство об исполнении языческих обрядов согласно указу можно было иногда добыть и без совершения самого обряда, благодаря протекции или подкупу. См. Гиббон – История упадка Римской имп., т. II, стр. 139. Прим. пер.

514 - Ер. XLV, XLVIII.

515 - Ер. LIX.

516 - Ер. XX.

517 - Ер. LXI.

518 - Ер. LIX, 14.

519 - Испанские епископы разделились на два лагеря; некоторые из них признавали Василида и Марциала и за то навлекли на себя весьма суровое отношение африканского собора (Ер. LXVII, 3).

520 - Ер. LXXII.

521 - Ер. LXXII.

522 - Ер. LXXIII.

523 - Киприан, Посл. LXXV, 7 (письмо к Фирмилиану); Дионисий Александрийский у Евсевия, VII, 7.

524 - Это явствует из Учения Апостолов и Апостольских Постановлений.

525 - Это можно вывести из отношения Евсевия к данному вопросу. В его глазах „древний обычай“ – тот, чтобы не повторять крещения, но только лишь возложение рук; он видит в киприановом учении новшество.

526 - В сборнике киприановых посланий к этому делу относятся №№ LXIX-LXXV. Письмо 1.XXVI ad Magnum во всяком случае не касается еще главного вопроса; Киприан обсуждает частный случай новациан, которых он. приравнивает к другим еретикам, и излагает свое учение о предсмертном крещении.

527 - Ер. LXX.

528 - Ер. LXXI.

529 - Ер. LXXII.

530 - Ер. LXXIII.

531 - Трудно помирить это разрешение с безусловным осуждением, которым Киприан клеймит противный своему

порядок.

⁵³² - Ep. LXXV, 25. Фирмилиан повторяет здесь, что ему рассказал диакон Рогациан, который уехал из Карфагена сейчас после собора, открывшегося 1 сентября 256 г., и потому он мог знать только то, что было сказано в Риме раньше этого собора.

⁵³³ - Ep. LXXIV.

⁵³⁴ - Протоколы собора сохранились. Это – древнейший документ этого рода. Епископы заявляют, что собрались ex provincia Africa, Numidia, Mauritania..

⁵³⁵ - Так же, вероятно, думал и Приват из Ламбезы, что не помешало африканскому собору низложить его.

⁵³⁶ - Ep. LXXXV.

⁵³⁷ - Euseb. VII, 2, 5.

⁵³⁸ - Euseb. VII, 5–9.

⁵³⁹ - Pontius. Vita s. Cypriani c. 14: „Jam de Xysto, bono et pacifico sacerdote ac propterea beatissimo martyre nuntios acceperat“ (принял вестников от Сикста, доброго иерея и миротворца, посему и удостоившегося блаженнейшего мученичества).

⁵⁴⁰ - S. Basil, ep. 70.

⁵⁴¹ - Tu papam te sacrilegae mentis hominibus praeuisti?

⁵⁴² - Acta proconsularia ев. Киприана-один из лучших источников, какой мы имеем по истории мучеников.

⁵⁴³ - Optat. De schism. Donatistarum I, 19.

⁵⁴⁴ - Писидия и Ликаония входили в состав провинции Галатии. Нельзя сказать с уверенностью, что галаты, к которым было обращено известное послание, были галатами в настоящем смысле слова, т. е. обитателями древней кельтской области. Нет ничего невозможного в том, что это название» обозначает просто христиан Листры, Иконии, Антиохии Писидийской и пр., общины которых были основаны ап. Павлом в течение его первого путешествия.

⁵⁴⁵ - Τῇ ἐκκλησίᾳ_ τῇ παροικούσῃ Ἀμαστρίν ἅμα ταῖς κατὰ Πόντον. Euseb. H. E. IV, 23.

⁵⁴⁶ - Euseb. H. E. V, 23. – В эту эпоху, как это видно из Птоломея, значительная часть Понта была отделена от Вифинско-Понтийской провинции и присоединена к Галатии. Амастрия была по направлению к востоку последним городом Понта Вифинского. В провинции Вифинии с Понтом было тогда образовано для отправления обрядов в честь Рима и Августа два союза городов, два κοινά: один – для вифинской половины, другой – для понтийской; центром первого была Никомидия, а второго Амастрия. Никомидия обратилась в церковную столицу (митрополию), Амастрия же нет. Из приведенного выше текста Евсевия напрасно делают вывод (Harnack, Die Mission, p. 473), что она пользовалась этим званием во II столетии; первенствующая роль Пальма объясняется не местом его служения, а его старшинством по возрасту или по посвящению.

⁵⁴⁷ - Hippolyt., in Daniel em., p. 232 Bonvetsch. Место служения этого епископа не указано. Ипполит говорит только, что дело происходило в Понте.

⁵⁴⁸ - Ad. Scap., 3.

⁵⁴⁹ - Фирмилиан в Киприан. посл. LXXV, 10.

⁵⁵⁰ - Евсевий говорит, что он предпринял путешествие в Иерусалим, с целью помолиться и посетить святые места. Конечно, такое объяснение недостаточно: Александру после гонения было много дела и без богомолья. Легкость, с какою он согласился остаться в Иерусалиме, да еще в качестве епископа, достаточно, кажется, доказывает, что ему было невозможно вернуться в Каппадокию.

⁵⁵¹ - Euseb., VI, 27; ев. Иероним – De viris, 54; Palladius, Hist. Laus. 147 (64, ed Butler).

⁵⁵² - До нас дошло одно письмо Оригена к Григорию, внесенное в 13 гл. Филокалии.

⁵⁵³ - Понт Галатийский и Понт Полемонианский во II и III веках входили в состав провинции Каппадокии.

⁵⁵⁴ - В следующем столетии говорили, что Григорий в Неокесарии нашел при своем поступлении всего 17 христиан, а, когда умер, то оставил там лишь 17 язычников.

⁵⁵⁵ - Св. Александр угольщик.

⁵⁵⁶ - См. выше.

⁵⁵⁷ - Те, кого Григорий называет Βοράδες (Ер. сеп. 5), вероятно тождественны с Βορανοί Зосимы (Hist. nova, I, 27, 31, 34).

⁵⁵⁸ - Это составляет предмет его знаменитого пастырского послания, одного из древнейших памятников церковной казуистики.

⁵⁵⁹ - Произведения, несомненно, принадлежащие св. Григорию Чудотворцу: 1) Похвальное слово Оригену. 2) Пастырское послание к некоему ἱερώτхτος πάππ; несомненно, какому-нибудь соседнему епископу, обратившемуся к нему за советом. 3) Символ веры. 4) Переложение Экклезиаста. Менее достоверна принадлежность ему сочинений: посвященного Феопомпу – о бесстрастности Божества и Его способности к страданию; Тациану – о душе, Филагрию, или Евагрию, – о единосущии. Первое из этих произведений существует только на сирийском языке (Ryssel, Greg. Thaum., 1880, s. 73, немецкий перевод); третье числится также в списках сочинений сз. Григория Назианзина и св. Григория Нисского (Р. G., t. XXXVII, p. 383; t. XLVI, p. 1101). Другие сочинения, ходившие под его именем, подложны, а именно – Κατα μέρος πίσις, творение в аполлинариевском духе. Об его жизни, кроме его произведений см. Евс., VI, 30; VII, 14, 28, 30. Его панегирик, написанный св. Григорием. Нисским, II несколько отдельных фактов, которые сообщает св. Василий, представляют предания, собранные в Понте приблизительно через сто лет после смерти святого либо самими названными авторами, либо их бабкой Макриной, жившей в Понте вскоре после смерти Григория и, может быть даже видевшей его.

⁵⁶⁰ - Он, должно быть, написал ее в царствование Коммода в 181 г. или ранее, так как ссылается (III, 27) на книгу Хризероса, где упоминается о смерти Марка Аврелия (180). О трудах Феофила см. Евсев., IV, 24 и св. Иероним – De viris, 25. К произведениям, известным Евсевию, св. Иероним прибавляет с оттенком сомнения толкования на книгу Притчей и что-то вроде согласования евангелий наподобие Diatessaron Тациана.

⁵⁶¹ - Он приводит выдержки из Апокалипсиса (22, 34), как это, по словам Евсевия, делал Феофил; Слово называется здесь Софией (Премудростью), как в книгах, посвященных Автолику, и т. д.

⁵⁶² - II, 28, 30, 31; III, 19.

⁵⁶³ - См. выше

⁵⁶⁴ - Euseb., VI, 12.

⁵⁶⁵ - Здесь и в следующем предложении Серапион говорит о группе лиц, которых он, вероятно, точнее обозначил в утраченном ныне начале послания.

⁵⁶⁶ - Ему бы надо было с этого начать, прежде чем разрешать чтение.

⁵⁶⁷ - В IV в. это учение очень оспаривалось в диалоге Adamantins и в интерполлированной редакции посланий св. Игнатия.

⁵⁶⁸ - Он был впервые напечатан в 1892 г. Bouriant'ом в т. IX в. 1, *Memoires de la mission archéologique française au Caire*; ср. Harnack – *Texte und Unt.*, t. IX. – Ориген (in Matth, 17) тоже говорит об евангелии от Петра, где было сказано, что братья Иисуса были детьми Иосифа от первого брака. Отрывок, изданный Бурианой, включает конец евангелия, историю страданий и воскресения Христова.

⁵⁶⁹ - Euseb., VI, 11.

⁵⁷⁰ - Бл. Иероним (*De viris*, 64; ср. *Chron.*, 102, 251, 4) говорит об одном антиохийском пресвитере, по имени Гемине, который будто бы жил в одно время с епископом Зебином и оставил после себя несколько сочинений.

⁵⁷¹ - См. выше: гл. XIX, 2.

⁵⁷² - Euseb., V, 29.

⁵⁷³ - Ed. Halber, *Texte und Unters.* IX, 1, s. 86.

⁵⁷⁴ - *De Dea Syria*.

⁵⁷⁵ - Lipsius, *Die Edessenische Abgarsage* (1880), Tixeront, *Des origines de Téglise d'Edesse* (1888).

⁵⁷⁶ - Euseb., III, 1; ср. *Recogn. Clement.*, IX, 29. См. ниже гл. XXV об *Acta Thomae*.

577 - Эдесская хроника указывает даже число – 11 июля (Op. cit., 90).

578 - Κετοί у Thévenot, Mathem. veteres, p. 275.

579 - О Вардесане CM. Philosophumena, VI, 35; VII, 31; Eus. IV, 30; Eriph. Haeres., 56 и песнопения св. Ефрема, особенно 1–6 и 50–56.

580 - Otto-Corpus Apolog., t. IX, 423.

581 - Careton – Spic. syriacum; франц. перев. у Nau – Bardesane Vastrologue, Le Livre des lois des pays, Paris, 1899. Евсевий в Fraep. ev. VI, 9, 10 приводит два отрывка, которые встречаются и в Recogn. Clement. IX, 19 и сл. Справ. Хау – Une biographie inedite de Bardesane Vastrologue, Paris, 1897.

582 - Быть может, императору Каракалле?

583 - Он же, может быть, был автором и Деяний ап. Фомы, написанных около этого же времени, или по крайней мере гимнов несколько гностического характера, которые вставлены в эту книгу.

584 - Euseb. V, 23, 25.

585 - Euseb. V, 12, 22, 23, 25; VI 8–11.

586 - Euseb. IV, 5, V, 12.

587 - Это момент, от которого ведет счет сам Евсевий. Даже допустив, что христианская община образовалась сейчас же после осады, вокруг римского лагеря, и что эта община уже имела своего епископа, мы только немного удлиним весь период, но вопрос останется нерешенным.

588 - Об этом факте, равно как о месте рождения Юлия Африкана, мы узнали из 412 папируса из Оксиринка (Grenfell and Hunt – The Oxyrhyncus papyri, III, 39.)

589 - Фалег по-еврейски означает разделение.

590 - Псал. LXXXIX, 5.

591 - Euseb. VI, 20, 33.

592 - Euseb. VI, 33: τον σωτήρα καὶ κύριον ἡμῶν λέγειν τολμῶν μὴ προῦφεστάναι κατ' ἰδίαν οὐσίας περιγραφὴν про τῆς ἀνδρωπους ἐπισημίας, μηδὲ μην θεοτητα ἰδίαν ἔχειν, ἀλλ' ἐμπολιτευομένην αὐτῷ μόνην τὴν πατριχὴν

⁵⁹³ - Евсевий (V, 34) не называет ни места, ни имени епископа, но то, о чем он умалчивает, мы знаем из антиохийского предания, отмеченного еще в 350 г. (Леонтий Антиохийский, в Chron. Pasch., p. 270, Dindorf) и подтвержденного впоследствии св. Иоанном Златоустом и другими.

⁵⁹⁴ - Euseb. VI, 20, 33.

⁵⁹⁵ - Τοῖς κατὰ Ἀρμενίαν, – говорит Евсевий. Здесь может идти речь только об Армении римской, или Малои, присоединенной тогда к провинции Каппадокии.

⁵⁹⁶ - По некоторым мало достоверным преданиям, в числе пленных, уведенных в Сузиану, находился будто бы епископ антиохийский Димитриан. Пленных поставили на постройку большой плотины в Сустере.

⁵⁹⁷ - Euseb. VII, 27–30.

⁵⁹⁸ - Τῆς τῶν ἐπ' Ἀντιοχείας Ἑλληνικῶν παιδευτηρίων διατριβῆς προεστώς – Eus., VII, 29.

⁵⁹⁹ - Это дает повод думать, что Артема еще жил в Риме. Ср. выше, стр. 201, 203.

⁶⁰⁰ - Таково объяснение св. Илария (De synodis, 81, 86,) и св. Василия (ep. 52); св. Афанасий (De syn., 43) дает иное, довольно утонченное. За несколько лет перед тем папа Дионисий упрекал Дионисия Александрийского за нерешимость пользоваться этим словом. Ясно, что с ним не везде связывали одно и то же понятие.

⁶⁰¹ - См. выше, гл. XVIII. Местное предание затемнило эту историю с Оригеном, указывая причину его столкновения с епископом александрийским в учении Оригена и приписывая Ираклу роль, которую играл Димитрий.

⁶⁰² - Послания Дионисия у Евсевия, VI, 40, VII, 11.

⁶⁰³ - Послания, текст или содержание которых переданы Евсевием, VI, 41–46.

⁶⁰⁴ - Euseb., VII, 1. 10.

⁶⁰⁵ - Послания о крещении у Евсевия VII, 2–9. Ср. выше, стр. 284, 288–9.

- 606 - См. выше.
- 607 - К Герману; у Евс. VII, 11.
- 608 - Отрывки из этой апологии у Евсев. VI, 40, VII, 11.
- 609 - Euseb. VII, 21.
- 610 - Без сомнения, в 262 г. после смерти Макриана и обоих его сыновей.
- 611 - В Historia Augusta говорится о разных египетских „тиранах“, – Эмилии, Фирме, Сатурнине, – но сомнительно, чтобы такие личности действительно существовали. Gr. Mommsen Röm. Gesch. III, 571 p. 1 n.
- 612 - Euseb. VII, 22.
- 613 - Euseb. VII, 22, 23.
- 614 - Περί ἐπαγγελίων.
- 615 - Euseb. VII, 24, 25.
- 616 - Не надо смешивать эту Арсиною с той, о которой только что шла речь по поводу Непота.
- 617 - Язон Киренейский, еврейский писатель II века до Р. Х., написал историю, краткое содержание которой вошло во вторую книгу Маккавеев.
- 618 - Матф. XXVII, 32, Марк. XV, 21, Лук. XXIII, 26.
- 619 - Деяния II, 10, VI, 9, XI, 20, XIII, 1.
- 620 - Евсевий (VII 20) называет имена тех, с кем Дионисий переписывался по поводу савеллианства; их было четверо: Аммон, епископ вереникский, Телесфор, Евфранор и Евпор. Если три последние были епископы, как это кажется, это составит четырех; пятым сюда следует присоединить Василида, – τῶν κατὰ τὴν Πενταπόλιν παροικίων, о котором говорится немного ниже.
- 621 - Евсевий (там же) указывает на несколько посланий, написанных к Василиду, еп. пентауольскому; одно из них, писанное в ответ на запрос о некоторых случаях, беспокоивших христианскую совесть, сохранилось в византийском церковном праве: в другом он говорил о составленном им толковании на Экклезиаст. Епископу Евфранору он посвятил книгу „Об искушениях“.

⁶²² - Это изложение учения основывается на словах св. Епифания Наер. 57; приведенные у Евсевия VII, 6 и св. Афанасия De sent. Dionysii слова св. Дионисия далеко не так точны.

⁶²³ - Euseb. VII, 6. В главе 26 он перечисляет 4 письма против Савеллия: к Аммону, епископу вереникскому, к Телесфору, к Евфранору, к Аммону и Евпору.

⁶²⁴ - Я думаю, что послание, о котором так много говорил св. Афанасий, не входит в состав перечисленных у Евсевия. В крайнем случае впрочем его можно было бы отождествить с посланием к Аммону и Евпору.

⁶²⁵ - Athan. De sent. Dion., 5. Не мешает отметить, что Афанасий говорит об этом не как историк, а как полемист. Его хронология сильно хромает; он воображает, что оба Дионисия жили задолго (ἔμπροσθεν πολὺ) до собора, осудившего Павла Самосатского (De syn., 43).

⁶²⁶ - Athan. – De decretis Nys. syn., 26.

⁶²⁷ - Ср. выше, прим. 445-е.

⁶²⁸ - Athan. – De sent. Dion., 13.

⁶²⁹ - Euseb. VII, 26; ср. Athan. – De syn., 44, De decr. Nys. 25 и De sent. Dion., в разных местах.

⁶³⁰ - Ер., 41.

⁶³¹ - Письмо Феоны к императорскому сановнику Лукиану – подделка новейшего времени, см. Batiffol, Bullet, crit. VII, 155.

⁶³² - Ни Евсевий, ни св. Иероним не говорят о Феогносте.

⁶³³ - Cod. 282.

⁶³⁴ - Ер. 4 ad. Serap. с. 11, De Decretis Nie, 25. Стефан Гобар (Photius, cod. 232) немного смущен этими ссылками.

⁶³⁵ - Adv. Lunonium, Migne P. G. t. XLY, с. 661. Отрывок из Феогноста был найден в Венеции Fr. Diekamp'ом и помещен им в тюрингенском Theolog. Quartalschrift, 1902, s. 483, ср. Harnack – Texte und Unters., t. XXIM, fasc. 3.

⁶³⁶ - О Пиерии см. у Евсевия, V, 32; св. Иеронима – De viris, 76, ср. ер. 49, 70; In Matth. XXIV. 36; Фотия, cod. 118, 119 и в

извлечениях Филиппа Сидейского, опубликованных С. de-Boor'ом (Texte und Unters, V, fase. 2).

⁶³⁷ - Филипп Сидейский и Фотий называют его главою школы. Однако ни Евсевий, ни св. Иероним не приписывают ему этого звания.

⁶³⁸ - Феодор, адвокат и поэт александрийский, на которого в V в. ссылается Филипп Сидейский (Texte u. Unt., V, fase. 2, s. 171; ср. Photius, (II. cc.), рассказывает, что Пиерий и брат его Исидор умерли мучениками и что в честь их был выстроен в Александрии большой храм (ναόν μέγιστον). Достоверно, что в Александрии был храм во имя св. Пиерия Eriph. – Haer. LXIX, 2. Может быть, смешали двух различных Пиериев?

⁶³⁹ - Прокопии Газский (In Genes. III, 21; Migne – P. G., t. LXXXVIII, с. 221), Леонтий Византийский (Mai, Script, ret., t. VII, с. 85) и Юстиниан (Ep. ad Menam – P. G., t. LXXXVI, с. 961) говорят о сочинении Петра περὶ τοῦ μηδέ προὑπάρχειν τὴν ψυχὴν μηδέ ἀμαρτήσασαν τοῦτο εἰς σῶμα βληθῆναι, где он объявляет языческим (ἐλληνικῆς φιλοσοφίας) и чуждым христианскому благочестию учение о существовании душ ранее соединения их с телом и об их предварительном падении.

⁶⁴⁰ - До нас дошло семь отрывков сочинения о воскресении в сирийском переводе; см. Pitra-Martin, Anal., t. IV, pp. 189 и 426; первый следует отбросить (II A), ибо он взят из другой книги Петра о Божестве (περὶ θεότητος), на которую ссылались на ефесском соборе и несколько отрывков из которой тоже извлечены были из сирийских рукописей P. Martin'ом (1. с. pp. 187, 425).

⁶⁴¹ - Коптский перевод Библии относится к этому веку.

⁶⁴² - Bonwetsch, Methodius von Olympus, 1891. Фотий делал обширные выдержки из сочинений Мефодия, Cod. 234–237.

⁶⁴³ - Apol. I adv. lib. Ruf., с. 11.

⁶⁴⁴ - Сократ (Ц. И. VI, 13) также говорит, что в своем диалоге под заглавием: Xenon Мефодий отзывался об Оригене с восторгом. Возможно, что этот диалог тождествен с сочинением „О тварях“ (Photius, cod. 235), где действительно выступает собеседник по имени Ксенон.

⁶⁴⁵ - Cod. 237.

⁶⁴⁶ - По преданию, не вполне уверенно передававшемуся (ὡς ὁ περὶ αὐτοῦ λόγος), Лукиании родился в Самосате в семье, занимавшей видное положение; в ранней молодости он будто бы слушал в Эдессе лекции знаменитого толкователя Писания, по имени Макария. Все это очень сомнительно. По-видимому, рассказчик больше вдохновлялся воспоминаниями о сатирике Лукиане и о славе эдесских ученых V века, чем заслуживающим внимания преданием. Впрочем он писал это гораздо позднее, опираясь на Филосторгия. См. Рио Franchi de'Cavaliere в Studi e doc. di storia e diritto 1897, p. 110 и сл. Cp. Nuovo Bull di archeol. christ, 1904, 37.

⁶⁴⁷ - Λουκεῖανός ἀποστονάγωγος ἐμεῖνε τριῶν ἐπισκόπων πολυετὴς χρόνου; (Письмо Александра Александрийского, Феодорит – Церк. История, I, 4 гл. 9).

⁶⁴⁸ - Арий, Евсевий и прочие ученики Лукиана не могли бы достигнуть духовного сана в столь многих местах, если бы их знали за учеников школы, осужденной антиохийскими епископами. Их сношения с Лукианом завязались должно быть после перемены в положении последнего, а так как они, конечно, установились ранее гонения, то относятся к эпохе епископства Кирилла, скончавшегося в 301 или 302 году.

⁶⁴⁹ - De resurrect, 8; Adv. Marc. I, 14. III, 22.

⁶⁵⁰ - Этот последний обряд вывелся из употребления; помазание миром и возложение креста вместе с возложением рук составляют обряд конфирмации.

⁶⁵¹ - Это отречение понятно только в применении к новообращенным из язычников; очевидно, что обратившимся из иудеев нечего было отречься от сатаны. Формулы были установлены не для них.

⁶⁵² - Нынешний текст присовокупляет „Творца неба и земли“.

⁶⁵³ - „Зачатого от Духа Святого, рожденного от Девы Марии, страдавшего при Понтийском Пилате; распятого, умершего и погребенного“.

⁶⁵⁴ - „Сошедшего во ад“ приб.

⁶⁵⁵ - „Кафолическую“ приб.

⁶⁵⁶ - „В жизнь вечную“ приб.

⁶⁵⁷ - Об этом см. Harnack. Chronologie, t. I, 524 и сочинения, которые он упоминает и вкратце передает.

⁶⁵⁸ - Это слово употреблено здесь в смысле пророков Ветхого Завета.

⁶⁵⁹ - Послание ап. Иакова не упомянуто, равно как и послания ап. Петра; но текст не вполне надежен; очень возможно, что этот пропуск, поистине огромный, особенно по отношению к первому посланию ап. Петра, образовался в списке впоследствии.

⁶⁶⁰ - Евангелия от евреев, от египтян, Петра; см. выше стр. 80, 97, 301, 325. У гностиков были евангелия: Фомы, Филиппа, Матфея и проч.

⁶⁶¹ - Кроме только что перечисленных отрывков и кое-каких меньшего размера, о которых знали и ранее, мы имеем теперь общий коптский перевод его, восстановленный, благодаря терпению и проницательности Карла Шмидта, из обрывков (около 2000) рукописи на папирусе, принадлежащей Гейдельбергской библиотеке. К несчастью, эти обрывки далеко не представляют полного текста его. К. Шмидт их подобрал и восстановил, насколько это было возможно, снабдил их немецким переводом и примечаниями, где пересмотрены все вопросы, имеющие к ним отношение. – С. Schmidt. Leipzig. 1904.

⁶⁶² - Текст этих сочинений можно найти в издании Липсиуса и Бонне: Acta apostolorum apocrypha, которое обнимает их всех. Изданный Тишендорфом в 1851 гм сборник под тем же заглавием далеко уступает новому изданию. То же можно сказать об Acta Thomae и Acta Andreae cum laudatione contexta, изданных в 1883 и 1895 г. Бонне. К отрывкам Деяний Петра, опубликованным Липсиусом в т. I по латинским и греческими рукописям, нужно прибавить коптский отрывок, недавно (1903 г.), изданный К. Бимидтом в Texte und Unters, t. XXIV: Die alten Petrusakten. По части библиографии см. Bardenhever, Geschichte der altchristlichen Litteratur, t. I, s. 414 и след.

⁶⁶³ - Ориген был с ними знаком. См. Евсевий, – Ц. И. III, 1.

⁶⁶⁴ - В этом не следует видеть выпад против гностицизма в лице его классического прародителя. В „Деяниях Петра“ Симон является только магом, противником Христа и апостолов, но ему не приписывается никакого особенного догматического учения.

⁶⁶⁵ - Сказание о мученичестве ап. Петра было впоследствии выделено из «стального повествования, развито подробнее, с более точным указанием местностей и приписано первому преемнику этого апостола, Лину. Ему же приписано было еще позднее сказание о мученической кончине ап. Павла, взятое из „Деяний Павла“.

⁶⁶⁶ - I к Тимоф., IV, 1–6.

⁶⁶⁷ - Haer. 46, 47, 61.

⁶⁶⁸ - Haer., I, 28.

⁶⁶⁹ - Strom. III, 91.

⁶⁷⁰ - Philos., VIII, 20.

⁶⁷¹ - Ep. LXIII.

⁶⁷² - Haer. 46, 47, 61.

⁶⁷³ - См. об этом, кроме Пира дев Мефодия, лжеклиментины послания ad Virgines (к девственникам обоего пола). Эти послания, от которых до нас дошел только сирийский перевод, по-видимому, составляли сначала одно целое; возможно, что имя Климента было поставлено на них лишь при разделении их на два послания. Место происхождения их, кажется, – Сирия, время появления – довольно поздняя пора III века. Ср. Киприан, Посл. IV.

⁶⁷⁴ - В некоторых странах, как это видно из „канонического“ послания св. Григория Чудотворца и из других восточных памятников, кающиеся разделялись на разряды: внимающие (ἀκροώμενοι), припадающие (ὀκοπίπτοντες), присутствующие (συστάντες).

⁶⁷⁵ - Эльвирский собор (кан. 57) говорит о христианках, одолжавших свои одежды для украшения языческих процессий.

⁶⁷⁶ - De lapsis, 6

⁶⁷⁷ - Эти злоупотребления осуждены 19 и 20 канонами эльвирского собора.

⁶⁷⁸ - Среди христиан встречались актеры, гладиаторы, даже публичные женщины и *lenones*. Нечего и говорить, что такие ремесла не пользовались терпимостью со стороны церковных властен.

⁶⁷⁹ - Об этом см. мою заметку *Le concile d'Elvire et les flamines cliretiens* в *Melanges Renier* (1887), p. 159 и сл.

⁶⁸⁰ - Что касается предании о проповеди ап. Иакова, то я изложил свой взгляд на них в заметке под заглавием: *St. Jacques en Galice*, напечатанной в *Annales du Midi*, t. XII (1900), p. 145.

⁶⁸¹ - А именно епископы Легии (Астурийский), Сарагоссы, Эмериты, Оссоновы (Фаро), Еворы, Анция (Кадикс), Кастула, Ментезы, Урка, Толедо, Салавии, Элиокрокн, Кордовы, Севильи, Тунка, Ипагра, Эльвиры и Малаги.

⁶⁸² - *Civitas*, административная и земская единица в римской империи, обнимала округ иногда с несколькими городами (*oppidum*), но с одним главным центром, представлявшим собою нечто в роде нашего уездного города. Прим. перев.

⁶⁸³ - При устье Дуная. Прим. перев.

⁶⁸⁴ - Как раз против нее в западной части Малой Азии лежала провинция „Азия“. Прим. перев.

⁶⁸⁵ - Хѡра – страна, деревня. Прим. перев.

⁶⁸⁶ - См. об этом мое исследование: „*Origines du culte chretien*“, 3 ed., p. 13 и сл.

⁶⁸⁷ - Послание Корнилия. *Euseb.* VI, 43.

⁶⁸⁸ - Аколумы – 1-я из 4-х низших степеней клира в Западной церкви. Их обязанность состояла преимущественно в возжении свеч в храме. Прим. перев

⁶⁸⁹ - Те же должности, кроме привратника, около того же времени существовали и в Карфагене, как это видно из переписки св. Киприана.

⁶⁹⁰ - В других церквах тоже встречается седмичное число диаконов, без сомнения в память семи „диаконов“ в Иерусалиме (Неокесар. собор, кан. 15).

⁶⁹¹ - Это вытекает из документов об отобрании церквей в 303 г. Впрочем точно разобраться в этом вопросе – невозможно. Предание относил некоторые пресвитерские церкви IV в. к весьма отдаленным временам. В общем правдоподобные, предания эти не представляют никакого ручательства за их достоверность в частности.

⁶⁹² - См. известное описание агапы у Тертуллиана. Apolog, 39.

⁶⁹³ - Похоронные агапы, или трапезы, представляют совсем другое; их надо считать похоронным обычаем дохристианских времен, которого церковь не трогала, пока он не выродился в бесчинство. Но тогда уже не так-то легко было его искоренить.

⁶⁹⁴ - Помимо уже указанных фактов, см. кан. 25 эльвирск. собора.

⁶⁹⁵ - Уже св. Игнатий Антиохийский – Ad, Polyc., 5 – предостерегает девственников не тщеславиться своим званием и в особенности не мнить себя выше епископов.

⁶⁹⁶ - Σί τις ἐν κλήρῳ ὢν γαμοῖν (Philosophum., IX, 12).

⁶⁹⁷ - Правила св. апостолов.

⁶⁹⁸ - Каноны Ипполита.

⁶⁹⁹ - Дидаскалия апостолов.

⁷⁰⁰ - Отсюда возникали такие неприятности, как спор о празднований Пасхи и распри из-за крещения еретиков.

⁷⁰¹ - Этот сборник носит разные названия: „Правила от Климента“ (Διαταγαὶ αἱ διὰ Κλήμεντος), „Церковные каноны св. апостолов“, Duae Vide iel Judicium secundum Petrum. До нас дошел первоначальный текст, не раз издававшийся. См. в частности Hilgenfeld-Novum Testamentum extra canonem receptum, fasc. 4.

⁷⁰² - Дидаскалия сперва была найдена лишь в сирийском переводе, изданном в 1855 г. Лагардом (altas P. Bötticher). Отрывки латинского перевода недавно были открыты в Вероне Hauler’ом, который начал издавать их под заглавием: Didascaliae

apostolorum fragmenta Veronensia latina, Leipzig, 1900.

Французский перевод сирийского текста издан F. Hau – *Le Canoniste contemporain*, 1901–1902. Немецкий перевод с примечаниями Acheilis'a и Flemming'a в *Texte und Unters*, t. XXV (1904). Апостольская Дидаскалия послужила впоследствии ядром для подобного же сборника: Апостольские Постановления (*Constitutiones*), шесть первых книг которого представляют лишь очень расширенную переработку Дидаскалии.

⁷⁰³ - О Канонах Ипполита см. издание Ахеллиса в *Texte u. Unters*, t. VI (1891); я перепечатал их в приложении к моему труду: *Origines du culte chretien*. Первоначальный греческий текст утрачен; до нас дошел только арабский перевод, который в свою очередь сделан с коптского перевода. Латинский перевод был сделан с арабского. В своем выдающемся труде: *Die Apostolischen Konstitutionen*, Rottenburg, 1891, Funk, всем известный по своим кропотливым исследованиям и точной осведомленности в этих вопросах, по-моему, слишком далеко относит время составления Канонов. Ипполита, а именно к V веку.

⁷⁰⁴ - Самый солидный труд, касающийся культа Митры, – Franz Cumont'a *Textes et monuments figurees relatifs au culte de Mithra*, 2 vol in 40. Bruxelles, 1896–1899.

⁷⁰⁵ - Священная книга иранцев. Прим. перев.

⁷⁰⁶ - Ер., 258, ad Eriph.

⁷⁰⁷ - Περὶ τῆς ἐν Περσίῳ μαγικῆς (О персидской магии), содержание которого передает Фотий, cod. 81.

⁷⁰⁸ - Отсюда ходячее выражение θεός ἐκ πέτρας (бог из скалы).

⁷⁰⁹ - Даже Сатурну, отцу и предшественнику Зевса, нашли двойника в Зерване, олицетворенном времени, которым иранский пантеон обогатился, кажется, в Вавилоне.

⁷¹⁰ - См. в особенности Iustin. *Apol.*, I, 66; Tertull. *De baptismo*, 5, de *Corona* – 15, Praeser., 40.

⁷¹¹ - Однако Sol invictus почитался не одними лишь митриастами; другие религиозные братства тоже почитали его.

⁷¹² - От Плотина осталось 54 трактата; Порфирий собрал их и распределил в шести книгах Эннеад, по девяти в каждой.

⁷¹³ - Об этом см. статью С. Schmidt'a Plotins Stellung zum Gnosticismus und kirchlichen Christentum в Texte u. Untersuchungen, t. XX fasc. IV. – Один из самых почитаемых в неоплатоновской школе учителей, пифагореец Нумений, называл Платона „аттическим Моисеем»; ученик Плотина Амелии сочувственно отзывался о прологе в Евангелии от Иоанна (Euseb. Praep. ev. IX, 6; XI, 18, 19).

⁷¹⁴ - Euseb. Demonst. еиапг., III, 7; ср. August. De ci v. Dei XIX, 23.

⁷¹⁵ - При всем том Порфирий оставил довольно почтенную память даже у церковных писателей. Последние очень недолюбливали его и имели на то свои основания. Св. Иероним посылал ему все ругательства, какие только способен был придумать его злой язык, а их было немало: бесстыдник, сумасшедший, сикофант, клеветник, бешеная собака и т. д. Бл. Августин говорит о нем (De civ. Dei XIX, 22, 23), совеем другим тоном. Введение (Isagoge) Порфирия к категориям Аристотеля стало в средние века основным руководством.

⁷¹⁶ - Лучший источник для знакомства с происхождением манихейства и его учением – Fihrist, произведение араба Абульфарага, оконченное в Багдаде в 988 г. (издано в 1871 г. в Лейпциге Flügel'ем); там приведено множество выдержек из древнейших манихейских произведений. Оттуда же черпали свои сведения другие позднейшие арабские и персидские писатели. Аффраат (Hom., 2) и св. Ефрем говорят о манихействе; но самый важный сирийский исследователь его – Федор Бар-Хони (IX века), который тоже приводит подлинные манихейские писания. См. его книгу, озаглавленную Eskolon у Pognon'а Inscriptions mandaites, Paris, 1899. – Евсевий (Ц. И., VII, 31), говорит лишь два слова о манихействе. Позднейшие латинские и греческие писатели почти все заимствуют из Деяний Архелая, подложного диалога, составленного около 320 года на сирийском языке каким-нибудь адесским духовным лицом, затем переведенного по-гречески, а с греческого на латинский. Произведения бл. Августина, направленные против

манихейства, имеют особую ценность: автор в течение девяти лет принадлежал к манихейской секте, правда, к разряду внимающих, т. е. оглашенных, которым не открывали всех тайн, но он все же осведомлен обо многом. И еще приходится принимать в расчет, что африканское манихейство в конце IV века должно было воспринять много христианского, чуждого его первоначальному строю. Лучшие изложения учения см. у Flügel'a – Mani, seine Lehre und seine Schriften (1862.), у Kessler'a Untersuchungen zur Genesis des manichäische Religionssystems (1876.) и статью Kessler'a о Мани в Энциклопедии Гаука.

⁷¹⁷ - Греческое начертание этого имени Μάνης; по-латыни говорили также Manichaeus, – так называл его и бл. Августин. Сходство имени Μάνης со словом μανείς (безумец), конечно, дало повод к остроумиям противников.

⁷¹⁸ - В своей Церковной Истории (VII, 31) он удостоверяет, что занесенное из Персии манихейство было уже очень распространено; надо помнить, что он писал в первые годы IV столетия.

⁷¹⁹ - Я излагаю здесь только главные черты. Манихейская мифология так же богата приключениями, как древняя вавилонская, с которой она имеет нечто общее.

⁷²⁰ - Его-то и называли западные манихеи Iesus patibilis (способный к страданию Иисус).

⁷²¹ - Зодиак – средний пояс неба, по которому совершается годовое движение солнца; делится на двенадцать созвездий по числу месяцев. Прим. перев.

⁷²² - Сокровище (Ginzâ), или Великая книга (Sidrâ rabbâ), или книга Адама, изд. Петерманна, Берлин, 1867 г. О мандаитах см. в особенности статью Кесслера в Энциклопедии Гаука.

⁷²³ - Мани, по-видимому, не был хорошо знаком с православным христианством. Не мешает заметить важное место, какое он отводит патриарху Сифу. В этом он сходится с гностиками офитского толка.

⁷²⁴ - В персидской религии Ариман, как и наш сатана, – только падшее творение. Единый истинный Бог – Ормузд.

⁷²⁵ - Фабриций, – Bibl. gr., t. VII, fase. 2. p. 311, – собрал дошедшие до нас отрывки их.

⁷²⁶ - Cod. Gregor., IV, 4. Указ написан на имя проконсула Африки Юлиана и дан в Александрии, где Диоклетиан был только два раза, в 296 и 302 годах. Я считаю последний из этих годов менее вероятным для указа, чем первый.

⁷²⁷ - Об этом см. уже цитованную кнгу Schürer's Geschichte des jüdischen Volkes, 4 ed., t. I, ss. 113–138 и 612–704.

⁷²⁸ - В эти времена имя Эдома служило евреям при помощи игры слов для обозначения Рима и римлян.

⁷²⁹ -) Апокалипсисы Варуха и Эздры, написанные при жизни поколения, следовавшего за гибелью Иерусалима, возвещали восстановление Израиля вскоре. Об этих книгах см. Schürer, op. cit., III, 223 и сл.

⁷³⁰ - Об этих колониях см. любопытные рассказы св. Епифания, Haer., 30.

⁷³¹ - Несколько более поздний сборник, – Тосефта, – не получил того канонического авторитета, которым пользуется у евреев Мишна.

⁷³² - В Талмудах надо отличать Мишну, с одной стороны, общую им всем и составляющую самый текст Талмуда, и, с другой стороны, Гемару, т. е. толкования на этот текст, различные в каждом из Талмудов.

⁷³³ - Эльвирский собор около 300 г. запретил христианам есть вместе с евреями и давать им благословлять урожай (кан. 49 и 50).